

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАКИСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
И СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Редакционная коллегия
Ю. В. Ганковский (ответственный редактор),
В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко

Рецензенты
В. Ф. Агеев, Г. И. Старченков

В книге рассмотрены экономическое развитие и социальная структура общества одной из крупнейших по числу жителей стран Азии. Дан конкретный анализ сельского и городского населения, его современных и традиционных слоев. Выделены типы городов и деревень, их различия по историко-географическим областям. Прослежена роль ислама в социальной жизни современного Пакистана.

П 0303000000-156 13-87
013(02)-87

ПАКИСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Экономическое развитие и социальная структура

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Т. К. Гарушянц*. Младший редактор *Л. А. Гулина*. Художник *Л. Э. Немировский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*.
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 15611

Сдано в набор 20.03.87. Подписано к печати 24.07.87. А-09440. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,5. Усл. кр.-отг. 19,75. Уч.-изд. л. 22,81. Тираж 1250 экз. Изд. № 6311. Зак. 296. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть территории современного Пакистана была аннексирована Англией в 40-е годы XIX в. В 1843 г. английскими войсками был оккупирован Синд, в 1845—1849 гг. — Панджаб, а также Пешавар и равнинные земли на правом берегу Инда. Во второй половине XIX в. (в 1854, 1876, 1879 и 1893 гг.) в состав британской колониальной империи в Южной Азии были включены пригиндукушские княжества, земли восточнопуштунских племен и Белуджистан.

Политика Англии в различных этногеографических регионах британской колониальной империи в Южной Азии имела свои особенности. В бассейне Инда несомненное влияние на эту политику оказывало его пограничное положение, сохранение среди широких масс населения традиций вооруженной борьбы с иноземными захватчиками и угнетателями. В первые годы после аннексии Синда, Панджаба и других территорий в бассейне Инда английские правящие круги были озабочены прежде всего укреплением здесь своего политического господства, созданием плацдарма для дальнейшей экспансии в направлении Афганистана, Ирана и Средней Азии. Поэтому вмешательство колониальных властей в социально-экономическую жизнь аннексированных территорий протекало здесь в более замаскированных, менее насильственных формах, чем в тех областях Британской Индии, которые были завоеваны во второй половине XVIII — начале XIX в.

Стремясь упрочить свое господство, Англия не провела в бассейне Инда прямой аннексии всей завоеванной территории, а сохранила несколько феодальных княжеств, правители которых стали ее вассалами, обязанными своим существованием колониальным властям.

Те же цели английские правящие круги преследовали при проведении здесь земельно-налоговых преобразований. Результатом их стали укрепление помещичьего землевладения, консолидация помещиков как класса, превращение крупных земельных собственников в основной оплот английской власти. Концентрация земельной собственности в руках верхушки землевладельцев привела к появлению влиятельного слоя помещиков-абсентеистов, которые не вели собственного хозяйства, а жили в городах, извлекая огромные прибыли методами феодальной эксплуатации арендаторов (дополняемой ростовщиче-

ской кабалой). Основная часть помещиков была мало заинтересована в развитии своих хозяйств по капиталистическому пути, поскольку обстановка колониального гнета и неразвитость буржуазных отношений давали им возможность присваивать не только весь прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта, производимого крестьянами.

Из-за неразвитости капиталистических отношений покупка земли была наиболее надежной и выгодной формой помещения накоплений имущей верхушкой общества. В результате в Пенджабе, Синде и других районах бассейна Инда возник слой помещиков — вчерашних ростовщиков. Это были преимущественно выходцы из индусских торгово-ростовщических каст, скупавшие земли разорившихся крестьян. Поскольку большинство крестьян, особенно в западных районах бассейна Инда, исповедовало ислам, появились объективные возможности противопоставления различных групп населения не только по социальным и сословным, но и по совпадающим с ними религиозно-общинным признакам.

Введение колониальными властями денежных форм поземельного налогообложения содействовало росту задолженности крестьян и как следствие этого закладу земли (хотя в ряде районов, например в Пенджабе, колониальные власти, чтобы не восстанавливать против себя местное крестьянство, признали владельческие права полноправных общинников и дали статус защищенной аренды верхушке арендаторов). Усилилась имущественная дифференциация и обезземеливание части крестьян, наделы которых переходили к ростовщикам и помещикам, а также к деревенской верхушке. При этом из-за неразвитости капиталистических отношений терявшие землю крестьяне не становились пролетариями, а превращались в арендаторов-издольщиков. Возникло хроническое аграрное перенаселение.

Особенно быстро обезземеливание крестьян шло в Синде, где общинное землевладение и землепользование были в основном разрушены еще в доколониальный период; в начале XX в. почти 80% земли обрабатывалось здесь трудом арендаторов «из милости» (т. е. не имевших никаких прав на землю, на которой они трудились).

В районах на западном берегу Инда, населенных восточными пуштунами, колониальные власти, стремясь превратить знать пуштунских племен (*сардаров, ханов и маликов*) в свою социальную опору, содействовали экспроприации ими общинных и крестьянских земель, раздавали обширные джагиры (привилегированные земельные пожалования, связанные с полным или частичным налоговым иммунитетом), награждали почетными титулами. В результате уже в первой трети XX в. помещики административных округов созданной колонизаторами Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) захватили здесь свыше 60% обрабатываемых земель, а половина сель-

ского населения превратилась в арендаторов. Терявшие свои надельные крестьяне становились батраками или отходниками.

Для значительной части мужского населения Северо-Западного Панджаба, а также некоторых административных округов СЗПП (Мардан, Пешавар и Кохат) важным (а нередко главным и даже единственным) источником дохода стала служба в частях колониальной армии, полиции и гражданском аппарате управления. Жалованье, получаемое за службу, а также пенсионное обеспечение нередко были основой существования для них и их семей.

Английское завоевание нарушило естественный ход социально-экономического развития народов современного Пакистана, превратило населенные ими земли в аграрно-сырьевой придаток метрополии, включило в систему мирового капиталистического рынка. Его непосредственным результатом были: разрушение складывавшихся веками традиционных экономических связей и формировавшегося в наиболее развитых районах общественного разделения труда между городом и деревней; деградация ремесла; насильственная ломка и деформация важнейших отраслей народного хозяйства. Панджабу, Синду и другим этногеографическим регионам на северо-западе Южноазиатского полуострова было навязано неравноправное разделение труда между высокоразвитой капиталистической индустрией Великобритании и местным сельскохозяйственным производством. Они были превращены в поставщиков колониальной дани, рынок сбыта для английских товаров и источник сырья для английской промышленности. Колониальные власти содействовали вместе с тем развитию новых экономических связей — преимущественно между крупнейшими прибрежными городами и внутренними районами — и увеличению производства технических культур.

На социально-экономическое развитие северо-западных и западных территорий бассейна Инда, населенных восточными пуштунами, белуджами и брагуями, и формирование здесь классов и социальных слоев, присущих буржуазному обществу, отрицательное влияние оказывали искусственная изоляция, в которой их стремились держать английские колониальные власти; наличие большого числа труднодоступных, слабо связанных между собой и с внешним миром горных районов; экономическая разобщенность и административная раздробленность. (Так, этническая территория восточных пуштунов была в 1901 г. разрезана административными границами на четыре части. Аннексированные Англией белуджские земли были разделены на три части: Британский Белуджистан с главным городом Кветта, находившийся под непосредственным, прямым управлением колониальных властей; территорию агентств; несколько вассальных княжеств.)

Отмеченные выше факторы не только благоприятствовали консервации феодальных отношений, но и содействовали со-

хранению в общественной жизни и сознании пуштунов, белуджей и брагуев устойчивых патриархальных (родо-племенных) пережитков.

Во второй половине XIX в. в наиболее развитых районах бассейна Инда начинается формирование капиталистического уклада. Его развитие было ускорено созданием некоторых материальных предпосылок капиталистического производства (строительством шоссе и железных дорог, портов, линий связи) и экспортом английского капитала (что было связано с социально-экономическими изменениями в самой Великобритании: постепенным переходом ее к высшей стадии развития капитализма — империализму).

В Панджабе и Синде развитию капиталистических отношений, безусловно, содействовали проведенные здесь на рубеже XIX—XX вв. большие ирригационные работы. Увеличилось производство сельскохозяйственной продукции и вывоз ее за рубеж. Росла специализация отдельных сельскохозяйственных районов на определенных видах экспортной продукции, закреплялось территориальное разделение труда. Колонизация вновь орошенных земель усилила внутреннюю миграцию населения. Развитие экспортной торговли и железнодорожное строительство стимулировали рост городов, расположенных в узлах транспортных коммуникаций, что приводило к увеличению спроса на продовольствие и содействовало развитию торгового пригородного сельского хозяйства. По мере втягивания сельскохозяйственных районов в торговый оборот росли общественное разделение труда и проникновение товарно-денежных отношений в деревню. Эти процессы способствовали расширению посреднических функций торгово-ростовщического капитала (как местного, так и пришлого — из Гуджарата и Раджастана), представители которого зачастую действовали как агенты и посредники крупных английских фирм, помогая таким образом колонизаторам в эксплуатации деревни.

Однако социально-экономическое развитие в различных этногеографических регионах бассейна Инда шло крайне неравномерно. Так, в Белуджистане капиталистический уклад успел сложиться к концу колониальной эпохи только в наиболее развитых — северо-восточных — районах, причем как производное функционировавшего здесь английского капитала. В княжествах же Белуджистана только в 1926—1929 гг. было официально отменено рабство.

Вместе с тем, поскольку развитие капиталистического уклада происходило на территории современного Пакистана (как и во всех остальных районах Британской Индии) в условиях колониальной зависимости, английские власти имели возможность контролировать это развитие и направлять его по выгодному для метрополии пути. Колониальные иго содействовало сохранению изживших себя форм и методов эксплуатации, характерных для феодальной формации. Английская политика

консервировала феодальные пережитки, поддерживала местные эксплуататорские слои, связанные с пережиточными до-капиталистическими укладами, поскольку они (эти эксплуататорские слои) были главной социальной опорой колонизаторов.

Колониальное иго мешало развитию на территории Пакистана промышленного производства. Колониальные власти и английские фирмы были заинтересованы в развитии только тех отраслей народного хозяйства северо-западных районов Британской Индии, рост которых закреплял их положение аграрно-сырьевого придатка Великобритании. Что же касается местных имущих классов, то созданный колонизаторами социальный и политический климат приводил к тому, что у них не было достаточных стимулов для перевода своих накоплений в сферу промышленного производства и они предпочитали (как уже отмечалось) вкладывать их в землевладение или в сферу обращения. Поэтому возникавшее промышленное производство функционировало в самых низших формах, а современной промышленности почти не было. Многие промышленные предприятия были заняты в первую очередь обслуживанием экспортных потребностей английских фирм (являлись, по существу, их филиалами). Развивалась преимущественно обработка или переработка сельскохозяйственного сырья; существовали также небольшие предприятия по изготовлению сельскохозяйственных орудий, строительных материалов; многие предприятия имели сезонный характер. В ремесленном производстве развитие получали главным образом те отрасли, которые были рассчитаны на местного потребителя.

Поскольку развитие капиталистических отношений шло на территории современного Пакистана крайне медленно, задерживаясь на промежуточных, переходных этапах, и в колониальную эпоху их истории успели развиваться преимущественно низшие формы капиталистического предпринимательства, местный капиталист редко выступал в «чистом виде». Организаторами капиталистического производства здесь были, как правило, помещики, торговцы и ростовщики, не порывавшие со своей прежней деятельностью, поскольку промышленное предпринимательство было для них, особенно на первых порах, лишь дополнением к традиционным занятиям.

Указанные особенности были характерны даже для наиболее развитых районов. Местная национальная буржуазия (панджабская, синдхская, пуштунская, белуджская) была вплоть до начала второй мировой войны крайне малочисленна и сохраняла, часто в форме «личной унии», связи с породившей ее социальной средой, т. е. с полуфеодальными помещиками и торговцами-ростовщиками.

Росту местной буржуазии (помимо отмеченных факторов) мешало также активное внедрение в экономику районов, расположенных в бассейне Инда, выходцев из торгово-ростовщических каст Бомбея, Гуджарата и Раджастанхана, развернувших

широкую деятельность и занявших сильные позиции в финансово-кредитном и банковском деле, экспортной торговле, а также на внутреннем рынке региона.

Следует отметить, что панджабская и синдхская национальная буржуазия в конце XIX — первые десятилетия XX в. формировалась преимущественно из индусов (местных помещиков и выходцев из торгово-ростовщических каст), а в центральных округах Панджаба — также из представителей сикхской общины. Мусульманские группы буржуазии были относительно малочисленны, поскольку приобщение к предпринимательской деятельности имущих мусульманских слоев населения началось на северо-западе Британской Индии позже, чем индусов и сикхов. В Синде основная часть местной (синдхской) буржуазии была генетически связана с индуистскими торгово-ростовщическими кастами (лохана, кхатри, сахта, чхапру и др.), верхушка которых, выступая обычно агентами английских фирм, концентрировала в своих руках значительную часть сбыта продукции сельского хозяйства. Вместе с тем конкуренция пришлых дельцов — выходцев из Западной Индии, а также политика английских колониальных властей приводили к тому, что формирование синдхской буржуазии происходило и за пределами Синда (и даже за пределами Британской Индии).

На рубеже XIX—XX вв. процессы формирования местной буржуазии наблюдались уже и на восточнопуштунских землях. По мере развития товарно-денежных отношений местное купечество овладевало все большей частью внутреннего товарообмена (между горными и равнинными районами, а также между растущими городами и сельскохозяйственной округой). Незрелость капиталистических отношений приводила к тому, что формирование пуштунской буржуазии происходило и за пределами СЗПП — в Синде, Панджабе, а также западных и северных провинциях Британской Индии, где пуштунские купцы находили более благоприятные возможности для преумножения своих капиталов. Многие из них торговлю соединяли с ростовщичеством. Вернувшись на родину, они вкладывали свои доходы в землю, а иногда покупали акции или даже открывали собственные небольшие предприятия. При этом (поскольку восточнопуштунская буржуазия формировалась преимущественно из числа зажиточных землевладельцев, отставных военнослужащих и чиновников) многие предприниматели соединяли в своем лице и помещика, и купца, и фабриканта.

Лишь в годы второй мировой войны, отмеченные выгодной экономической конъюнктурой, в северо-западных районах Британской Индии представители имущих слоев мусульманской общины активно включались в предпринимательскую деятельность в сфере промышленного производства. Приобщение мусульман к промышленному грюндерству способствовало усилению конкурентной борьбы между различными религиозно-общинными группами местной буржуазии.

В сложных условиях происходило в северо-западных районах Британской Индии и формирование пролетариата. Вследствие крайне тяжелых условий труда (в Синде, например, в конце XIX в., по официальным английским данным, рабочий день длился 16—18 часов) и низкой — заработной платы постоянные пролетарские кадры складывались весьма медленно. Значительная часть городских рабочих сохраняла постоянные, устойчивые связи с деревней. Прослойка промышленного пролетариата была невелика. Среди рабочих, занятых в промышленном производстве, а также на транспорте и в строительстве, значительную часть составляли выходцы из Западной и Северной Индии. Среди квалифицированных рабочих преобладали сикхи и индусы. Крупнейшим по численности отрядом пролетариев были сельскохозяйственные рабочие. Вместе с тем формирование пролетариата происходило и за пределами бассейна Инда, прежде всего в Бомбее, куда ежегодно устремлялось большое число отходников.

Относительно медленно вследствие общей неразвитости капиталистических отношений происходило также формирование современной интеллигенции. Первые ее представители (служащие — преимущественно низшие — колониальной администрации, учителя, лица свободных профессий) были выходцами из имущих верхов общества (обедневших землевладельцев и купцов), окончивших миссионерские школы и созданные колониальными властями во второй половине XIX в. немногочисленные учебные заведения европейского типа. Большую часть их составляли индусы (а в Панджабе — также и сикхи по религии); мусульман насчитывались буквально единицы. Лишь в начале XX в. ряды интеллигенции начинают пополняться выходцами из среды мелких предпринимателей, торговцев, зажиточных крестьян. Многие из них приняли впоследствии активное участие в революционной антиимпериалистической борьбе.

Характеристика социальной структуры населения Панджаба, Синда, Белуджистана и восточнопуштунских земель в колониальный период их истории будет неполной без упоминания таких важных ее элементов, как племена (у пуштунов, белуджей и брагуев), кланы (у синдхов) и бирадари (букв. «братство», «сообщество» — у панджабцев). Все они во второй половине XIX — начале XX в. не были, конечно, кровнородственными коллективами, а представляли собой своеобразные пережиточные общности, сохранению которых на территории современного Пакистана способствовали некоторые особенности исторического развития населявших ее народов.

Поскольку у пуштунов и белуджей (а также у брагуев) длительное время не было собственной государственности, племя было единственной организованной силой, способной обеспечить его членам защиту жизни, чести и имущества. В сохранении племен была заинтересована и эксплуататорская верхушка пуштунов, белуджей и брагуев (сардары, ханы, малики,

мукаддамы и вадера), поскольку племенные традиции не только маскировали растущие социально-классовые противоречия и имущественное неравенство, но и давали возможность использовать ополчения боеспособных мужчин для грабительских набегов и завоевательных предприятий. В результате у восточных пуштунов (прежде всего в полосе племен, протянувшейся вдоль границы с Афганистаном) сохранились такие важные элементы традиционной социальной организации, как: *джирга* — совет старейшин (или мужчин — глав семей), решавший на основе обычного права пуштунов (*пуштунвалай*) внутренние дела племени, клана или рода; *лашкар* — ополчение всех боеспособных мужчин; *ашар* — трудовая взаимопомощь; *мел-мастйа* — обычай гостеприимства; *бадал* — обычай кровной мести или возмездия; *нынавате* — право на убежище. Во многих районах сохранялся *веш* — обычай периодического передела земли между полноправными общинниками; в стране юсуфзаев он был отменен только после первой мировой войны.

У сардаров белуджских и брагуйских племен важным традиционным институтом, содействовавшим сохранению ими почти абсолютной власти, была так называемая система *сардари* (или *сардари-низам*). Силой традиций эта система освещала права сардаров на взимание в их пользу части доходов населения; позволяла им безвозмездно использовать его труд; отдавала в их руки отправление правосудия (многие сардары имели тюрьмы и вооруженные отряды, выполнявшие полицейские функции).

Важной особенностью социальной структуры синдхского общества, восходящей к доколониальной эпохе, была система замкнутых кланов, которых в XIX — начале XX в. насчитывалось более двух сотен. Сохранению клановых перегородок способствовали не изжитые у мусульман-синдхов представления и традиции, восходящие к кастовому строю (характерному для индуизма), а также влияние родо-племенных традиций, привнесенных в низовья Инда переселявшимися туда белуджскими племенами. (В 80-е годы XVIII в. феодальная знать белуджского племени талпур даже захватила здесь политическую власть, свергнув местную династию Калхоров.) Замкнутый клановый характер носили многие сословные по сути группировки (например, мусульманских богословов — *хасани*, *хусейни*, *алави*, *аббаси*, *сиддики*; торговцев и ростовщиков — *ходжа* и др.).

Сословно-кастовый характер имела и возникшая в доколониальную эпоху истории Панджаба система *бирадари* (*арайн*, *джат*, *ансари*, *рохтак*, *гуджар* и многих других). Соперничество имущей верхушки этих бирадари оказывало значительное влияние на специальную обстановку и политическую жизнь Панджаба.

Важным элементом социальной структуры мусульманской (т. е. большей) части населения Панджаба, Синда, Белуджиста-

на и восточнопуштунских земель было сословие мусульманских богословов — *улемов*, своеобразной традиционной средневековой интеллигенции, — сложившееся на рубеже I и II тысячелетий н. э. и сохранившееся до наших дней. Сословие это (от араб. *алим* — «ученый», мн. ч. *улама* — «ученые мужи») состояло из законоведов, знатоков мусульманского права (*факихов*, *муфтиев*), судей (*казиев*), служителей при мечетях (*имамов*, *мулл*), преподавателей исламских учебных заведений (*мударрисов*), блюстителей порядка и нравственности (*мухтасибов*, *арифов*). В социальном отношении фактически одно целое с верхушкой улемов составляли главы влиятельных мусульманских религиозных сект и орденов (*пир*ы и *ишаны*), многие из которых имели тысячи, а иногда десятки тысяч религиозных последователей и учеников (*муридов*).

* * *

В изучении современного пакистанского общества авторам книги большую помощь оказали труды советских, а также зарубежных (прежде всего пакистанских) социологов, экономистов, этнографов и историков, посвященные исследованию прошлого и настоящего Пакистана и его народов.

Следует отметить, что хотя первой попыткой комплексного анализа социальной структуры пакистанского общества в советской литературе был раздел опубликованной в 1981 г. коллективной монографии «Проблемы развития стран современно-Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция)»¹, однако изучение особенностей социально-экономической и политической эволюции северо-западных районов Британской Индии, связанных с развитием капиталистических отношений и формированием основных классов и социальных слоев буржуазного общества, было начато советскими востоковедами еще в 30-е годы и продолжено в первые послевоенные десятилетия². В 50—60-е годы появились исследования, посвященные крестьянству, рабочему классу, буржуазии современного Пакистана.

В работах о пролетариате Пакистана советскими востоковедами были исследованы исторические особенности и условия, в которых происходило его формирование; экономическое, социальное и политическое положение рабочего класса в колониальную и послеколониальную эпохи; главные этапы истории рабочего и профсоюзного движения в Пакистане, деятельности партий рабочего класса и профсоюзных организаций; социальная и политическая направленность, методы, цели и результаты рабочей политики колониальных властей и правящих кругов Пакистана; структура рабочего класса и его основных отрядов³.

Изучая крестьянство Пакистана, советские исследователи фиксировали внимание на анализе аграрного строя и аграрных отношений, присущих пакистанской деревне, и их эволю-

ции в колониальную эпоху и после 1947 г.; направленности и результатов аграрной политики Англии и правительств, стоявших у власти в Пакистане; положения крестьянства; деятельности крестьянских организаций и истории крестьянских движений; социальной структуры пакистанского крестьянства и тех изменений, которые произошли в ней за годы независимости⁴.

Для изучения пакистанской буржуазии особенно много сделал С. Ф. Левин (1930—1984), труды которого посвящены истории и особенностям формирования основных этнических групп крупной пакистанской буржуазии в колониальный период; роли пакистанского государства в становлении и развитии крупной буржуазии после 1947 г.; анализу процессов концентрации производства и капитала и формирования в Пакистане монополистических групп буржуазии, переплетения интересов военно-бюрократической верхушки и крупного бизнеса и др.⁵.

В последние десятилетия советскими специалистами были изучены некоторые особенности мелкой буржуазии⁶, средних и элитарных слоев современного пакистанского общества⁷. Опубликованы работы о бюрократии и гражданских служащих Пакистана⁸. Продолжается начатое еще в 50-е годы изучение населения наиболее отсталых в экономическом, социальном и культурном отношении районов Пакистана — восточнопустинских и брагуйско-белуджских земель⁹; опубликованы исследования о социальной структуре населения Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана¹⁰.

Значительный вклад в изучение социологических проблем и социальной структуры пакистанского общества внесли сотрудники научно-исследовательских центров, созданных в самом Пакистане. Крупнейшими из них являются кафедры социологии при Панджабском университете в Лахоре (действует с 1955 г.; в его организации принимал участие американский социолог Дж. Б. Эдлифсен), Карачинском университете (с 1960 г.), сельскохозяйственном университете в Лаялпуре (с 1961 г.) и Синдском университете в Хайдарабаде (с 1966 г.). В апреле 1963 г. была создана Социологическая ассоциация Пакистана (с центром в Лахоре), которая уже в 70-е годы объединяла в своих рядах свыше 400 членов. Координации их работы содействовали ежегодные конференции и семинары, в организацию которых большой вклад внесли пакистанские социологи А. Барлас-Киани, Х. Н. Гардези и М. Фаяз.

Особенностью социологических исследований в Пакистане являются их «микросоциологический уровень» (по определению Х. Н. Гардези), концентрация усилий на организации полевых исследований для изучения мелких и мельчайших ячеек пакистанского общества с присущими им социальными связями. Так, Панджабским университетом только между 1957 и 1967 гг. было проведено 327 полевых обследований (от 15 до 43 ежегодно); по каждому из них публиковались краткие ре-

зюме на 5—6 страницах¹¹. Около 20 полевых исследований проводил ежегодно Карачинский университет, главным образом в г. Карачи и примыкающих к нему районах¹². Значительное внимание пакистанские социологи уделяли изучению протекающих в стране процессов урбанизации; социальных сдвигов в деревне; формирования и особенностей функционирования крупного капитала (из работ, посвященных пакистанским монополиям, отметим труд А. Р. Шибли¹³).

В социологическое изучение восточнопустунских племен Пакистана большой вклад внес Акбар С. Ахмад¹⁴.

При изучении некоторых рассматриваемых в настоящей монографии проблем, прежде всего относящихся к особенностям формирования крупной пакистанской буржуазии и ее роли в социально-политической и экономической жизни пакистанского общества, а также к структуре, составу и деятельности пакистанской бюрократии, авторы использовали материалы, собранные и проанализированные западными исследователями — Ханной Папанек, Густавом Ф. Папанек, Ролфом Брайбанти и некоторыми другими¹⁵.

Авторы учли также результаты исследований некоторых важных элементов социальной структуры пакистанского общества, которые были проведены экономистами, демографами и социологами Индии¹⁵.

* * *

Предлагаемая вниманию читателей книга написана В. Я. Белокреницким (гл. II и IV), С. Н. Каменевым (гл. I), М. Ю. Морозовой и С. И. Тансыкбаевой (гл. III). Предисловие написано Ю. В. Ганковским.

Всем коллегам, принявшим участие в обсуждении книги и содействовавшим своими предложениями и замечаниями подготовке ее к печати, авторы выражают искреннюю признательность.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПАКИСТАНА ЗА ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Длительная колониальная эксплуатация Индии обусловила гипертрофированное развитие ее экономики в целом, и особенно в северо-западной части страны, т. е. в тех районах, которые в 1947 г. сформировали Пакистан (в современных границах). Однобокость развития нашла свое отражение в превращении Индии в источник сырья (в первую очередь сельскохозяйственного), сферу приложения капитала и рынок сбыта английских товаров. Таким образом, разделение труда в Британской Индии происходило не только, а точнее, не столько в рамках национальной экономики, сколько между метрополией и колонией. В этом проявилась одна из важных особенностей развития капитализма в Индии, которая сказывается до сих пор на экономике как этой страны, так и Пакистана.

В условиях многоукладной индийской экономики на протяжении первой половины XX в. ведущие позиции сохранялись за традиционными, докапиталистическими укладами, которые были распространены в наибольшей степени в сельском хозяйстве. Для них характерны использование примитивных средств производства и как следствие очень низкая производительность труда, практически натуральное воспроизводство и как результат небольшие размеры прибавочного продукта. При этом ведущим мотивом для них было производство не прибавочной, а потребительской стоимости. Кроме того, постепенное усиление помещичьей и торгово-ростовщической эксплуатации в первой половине нынешнего столетия вело к фиксации этой стоимости, вследствие чего основной формой процесса воспроизводства в национальном хозяйстве страны было простое¹.

Капиталистический уклад в экономике как по объему производства, так и по численности занятых в нем оставался сравнительно небольшим (в середине 50-х годов, например, в нем была занята примерно 1/5 всего экономически активного населения Индии). Центрами его развития были в основном крупные, преимущественно портовые, города — Бомбей, Калькутта, Мадрас; на территории северо-западной части колониальной Индии таким центром был Карачи. В этом регионе капиталистические отношения к моменту завоевания в 1947 г. независимости оставались менее развитыми, чем в среднем во всей Британской Индии. В подобных условиях, а также в результате

явно однобокого развития национального хозяйства страны среднегодовые темпы экономического роста составляли 1,1% в 1870—1913 гг. и 1,2% в 1913—1950 гг.² Это значит, что среднедушевые размеры общественного продукта страны в первой половине нынешнего столетия росли менее чем на 0,5% в год. Указанный процесс шел более медленными темпами в районах, отошедших впоследствии к Пакистану, поскольку темпы экономического роста здесь были еще ниже.

В основе экономики северо-западной части Британской Индии (здесь и далее, если это не оговорено особо, речь идет только о территориях, отошедших после раздела к Пакистану в современных границах) лежало сельское хозяйство. По нашим оценкам, в этой отрасли накануне второй мировой войны создавалось приблизительно 65% общественного продукта упомянутого региона. Пожалуй, лишь для этой области (да еще западного района Уттар-Прадеша) характерен сравнительно высокий уровень развития торгового земледелия (строительство ирригационных каналов способствовало росту сельскохозяйственного производства не только на экстенсивной, но и частично на интенсивной основе). Однако в целом увеличение объема продукции земледелия было достигнуто за счет экстенсивного направления развития сельского хозяйства.

Именно в Панджабе прирост посевных площадей был одним из наиболее высоких в колониальной Индии и достигал в среднем в год почти 1%³. Но даже здесь темпы прироста посевных площадей отставали от темпов прироста населения в первой половине XX в., составлявших в среднем 1,4% в год⁴. Более того, падали не только среднедушевые размеры обрабатываемых площадей, но, что еще более важно, среднедушевые размеры земледельческого производства. Если валовое производство продукции земледелия в северо-западной части Индии в первой четверти нынешнего столетия несколько опережало рост населения, то в дальнейшем оно заметно от него отставало; при этом особенно упало среднедушевое производство зерновых культур. Учитывая, что продукция растениеводства составляла подавляющую (свыше $\frac{3}{4}$) часть всего сельскохозяйственного производства, этот вывод, как считают Р. П. Гурвич и Н. М. Гуревич, можно, по всей вероятности, отнести и к динамике всего сельскохозяйственного производства⁵.

Районы, сформировавшие современный Пакистан,— это преимущественно сельскохозяйственные районы, специализировавшиеся на производстве ряда продовольственных (пшеница, рис) и технических (хлопчатник) культур. Поэтому промышленность развивалась здесь крайне слабо: накануне второй мировой войны доля промышленности в создании общественного продукта этого региона не достигала и 5%. Имевшиеся предприятия были тесно связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья и размещались практически лишь в Панджабе и Синде (в основном в Карачи). Весьма показателен такой

пример: на основную отрасль обрабатывающей промышленности северо-западной части Индии — хлопчатобумажную — в первой половине XX в. приходилось лишь от 1 до 3% всех предприятий этой отрасли колониальной Индии; в 1946 г. из общего числа ценовых предприятий хлопчатобумажной промышленности в количестве 422 на Пакистан приходилось лишь 14⁶.

Серьезное сдерживающее воздействие на рост промышленности оказал процесс развития общественного разделения труда в многоукладной экономике колониальной Индии. В низших укладах, которые явно преобладали на территориях, отошедших после раздела к Пакистану, были широко распространены натуральные отношения в процессе воспроизводства как средств производства, так и предметов потребления. В деревенском секторе на натуральной основе воспроизводилась подавляющая часть и продовольствия, и некоторых орудий труда, и тяглового скота, и т. д. Помимо этого в индийской сельской общине издавна сложилось разделение труда между земледелием и ремеслом, основанное на прямом продуктообмене⁷.

Эксплуатация Индии в качестве источника сырья в условиях медленного разложения феодальных отношений неизбежно вела к быстрому развитию и широкому распространению в стране торгового и ростовщического капитала, что увеличивало роль сферы обращения и услуг в процессе воспроизводства. Именно эта сфера была второй по значению после сельского хозяйства областью, в которой создавалась весомая доля общественного продукта: к моменту раздела колониальной Индии ее удельный вес достиг 30%. При этом ведущее место среди отраслей сферы обслуживания занимала оптовая и розничная торговля; в данном секторе национального хозяйства накануне завоевания независимости создавалось приблизительно 13—15% общественного продукта.

Непомерная раздутость сферы обращения в тот период была в значительной степени связана с тем, что между производителем и потребителем основных видов продукции сельского хозяйства и промышленности находилась длинная цепь посредников. Различные торговые и кредитно-финансовые посредники урывали большую часть прибавочного труда непосредственных производителей — крестьян, покупая у них товары по низким ценам и продавая промышленные изделия по высоким. Основная доля прибылей посредников попадала в руки английских финансистов и частично местных капиталовладельцев. Одним только банкам доставалось в среднем 25% посреднических прибылей⁸.

Следует подчеркнуть, что преобразования, происходившие в экономике Британской Индии, охватывали лишь отдельные районы страны, прежде всего удобные в транспортно-географическом или климатическом отношении или богатые полезными ископаемыми. Остальные сохранялись практически в нетронутом виде и вне связи с метрополией (например, СЗПП).

Вместе с тем и районы наиболее активной колонизации в какой-то степени выпадали из национального хозяйства страны. В силу избирательной заинтересованности колонизаторов в вывозе лишь отдельных видов сырья эти районы превращались в часть скорее внешних рынков метрополии, чем внутренних рынков колонии. «В результате важнейшие звенья воспроизводственного процесса в анклавах замыкались на экономику метрополий, а мультипликативный эффект самого анклавного роста для национального хозяйства оказывался минимальным. Подобный характер размещения производительных сил и внутренней разобщенности процесса воспроизводства превратился за годы колониализма в основной структурный признак экономики ныне освободившихся стран, в один из главных барьеров на пути их борьбы за экономическую самостоятельность в наши дни»⁹. Итогом подобной избирательной заинтересованности английских колонизаторов, получившей свое структурное оформление, была сложившаяся монокультурность экономики Пакистана, особенно его экспорта, в первые годы после завоевания независимости. Например, два товара — хлопок и джут (джут — из бывшего Восточного Пакистана) — обеспечивали свыше $\frac{2}{3}$ всей экспортной выручки.

Характерной чертой процесса воспроизводства в колониальной Индии (как, впрочем, и в большинстве других колониальных стран) было регулярное перекачивание части созданного там общественного продукта из фонда накопления в метрополию. Легкость этого процесса базировалась на контроле над природными ресурсами и экономикой страны в целом, опоре на военно-бюрократический аппарат, что позволяло английской буржуазии присваивать не только всю ренту на экспортируемую продукцию, но и повышенный объем прибавочного продукта (что связано как с низкой оплатой, так и с принудительным характером труда в колонии). В результате, с одной стороны, это увеличивало норму накопления в метрополии, а с другой — сужало национальное накопление и потребление в колонии и затрудняло процесс расширенного воспроизводства.

Общие тенденции развития экономики

Одним из важных вопросов, вставших перед Пакистаном в конце 40-х годов, стал вопрос о том, как провести преобразования отсталой, многоукладной социально-экономической структуры и наряду с этим обеспечить стабильные темпы экономического роста и ведущих отраслей материально-вещественного производства, а также определить оптимальное соотношение между этими двумя задачами. Трудность решения этого вопроса заключается, как справедливо отмечал В. Л. Шейнис, в том, что методы, используемые для достижения одной цели, далеко не всегда способствуют достижению

другой; так, в условиях низкого уровня развития основных отраслей экономики и нехватки финансовых ресурсов достижения высокой нормы накопления и поддержание ее на таком уровне, равновесие платежного баланса, налаживание и развитие внутриотраслевых и межотраслевых связей (что уже само по себе весьма непросто) затрудняют проведение глубоких социальных преобразований¹⁰.

Прежнее экономическое, социальное и политическое равновесие, существовавшее на территории северо-западной части колониальной Индии и отвечавшее интересам колониальных господствующих классов, т. е. «равновесие» своего рода экономического и демографического застоя и социально-политической инертности подавляющей части населения этого региона, было подорвано. Однако в ходе последующего развития новое равновесие еще не сложилось. И если попытаться как-то определить общее направление развития в 50-е годы (хотя это, естественно, сделать непросто, учитывая тогдашний экономический потенциал страны), то можно сказать, что в указанное десятилетие происходило создание лишь предпосылок для нового социального и экономического равновесия: началась ломка колониальной отраслевой структуры, создание промышленного сектора экономики, развитие сельскохозяйственного производства и других отраслей национального хозяйства Пакистана.

Темпы экономического роста (табл. 1) в 50-е годы были явно недостаточны для того, чтобы обеспечить в условиях заметного увеличения численности населения повышение жизненного уровня большинства населения и одновременно нормы

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста основных макроэкономических параметров*, %

Годы	Годы			
	1950—1960	1960—1970	1970—1980	1980—1985
ВНП	3,1	6,8	5,1	6,0
Сельское хозяйство	1,6	4,1	2,3	2,8
Обрабатывающая промышленность	7,7	9,9	4,2	10,0
В том числе:				
крупная	15,4	13,3	3,1	10,6
мелкая	2,3	2,9	7,3	9,4
Транспорт, связь	4,4	7,8	5,6	6,9
Сфера услуг	3,4	6,5	6,0	7,0
Население	2,4	2,9	3,0	3,0
Доход на душу населения	0,6	3,8	2,1	3,0

* Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1976—1977. Islamabad, 1977. Statistics, с. 9—10; Pakistan Economic Survey 1984—1985. Islamabad, 1985. Statistics, с. 17; Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi, 1984, с. 369.

накопления, необходимой для поддержания даже достигнутых темпов роста. Прирост общественного продукта едва превышал прирост населения страны. А если сравнить последний параметр с увеличением продукции сельского хозяйства, то окажется, что в 50-е годы происходило заметное падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства в стране.

Экономический рост обеспечивался преимущественно за счет предпринимательской деятельности частного капитала в сферах промышленного производства и обращения. Частный сектор, с успехом используя политику государственного капитализма, начал интенсивно осуществлять инвестиции в высокоприбыльные предприятия хлопчатобумажной промышленности. Однако низкие темпы роста сельского хозяйства не могли быть скомпенсированы ростом промышленности. Неурожай, следовавший один за другим во второй половине 50-х годов, не только вели к необходимости увеличения импорта продовольствия, но в конечном счете (в условиях ограниченности финансовых ресурсов) обусловили уменьшение почти на треть ввоза промышленного оборудования, сырья, других вспомогательных материалов, необходимых для обеспечения процесса расширенного воспроизводства. В результате действия этих и ряда других дестабилизирующих факторов доход на душу населения возрастал в 50-е годы лишь на 0,6% в среднем в год. В этих условиях внимание правящих кругов страны было направлено в первую очередь на поиски выхода из того тяжелого положения, в котором находилось национальное хозяйство страны, на решение текущих экономических проблем.

В 60-е годы на передний план четко выступила тенденция приоритета темпов роста экономики. В тот период в экономической науке в стране безраздельно властвовали идеи Дж. Кейнса и У. Ростоу, несколько модернизированные одним из ведущих пакистанских экономистов — Махбуб уль-Хаком¹¹. В соответствии с этими идеями как планирование экономики, так и весь процесс ее развития исходили из одной цели — достижения максимально высоких темпов экономического роста. Все остальное либо было подчинено выполнению этой задачи (сокращение темпов прироста населения страны, изыскание внешних источников накопления, сокращение уровня прямого налогообложения), либо практически не принималось в расчет (проведение серьезных социальных преобразований, сокращение неравенства в распределении доходов и богатств, ослабление процесса социально-имущественной дифференциации и т. п.). И действительно, если мы обратимся к данным табл. 1, то увидим, что рост общественного продукта достиг очень высоких размеров — почти 7% в среднем в год; весьма значительными были и темпы прироста ведущих отраслей материально-вещественного производства, а в конечном итоге (даже несмотря на большой рост численности населения) — и

дохода на душу населения: в период 60-х годов почти 4% (!) в среднем в год.

Предпосылки для реализации концепции приоритета темпов роста были заложены на рубеже 50—60-х годов, после прихода к власти в стране М. Айюб-хана. Не касаясь перечисления и разбора целого ряда преобразований, проведенных правительством М. Айюб-хана в конце 50-х — начале 60-х годов¹², следует подчеркнуть самое главное: результатом этих преобразований явилось приведение отставших производственных отношений в соответствие с развивающимися производительными силами. Это обеспечило сравнительно быстрое развитие Пакистана по капиталистическому пути. (Весьма показательны в этой связи заметное превышение наметок второго пятилетнего плана на 1960—1965 гг. по целому ряду показателей, в том числе по темпам роста ВВП.) Существенное влияние на ускорение экономического развития Пакистана оказали благоприятные погодные условия, сложившиеся в первой половине 60-х годов, а также возросший приток иностранной помощи, за счет которой в немалой степени осуществлялось финансирование капитальных вложений производственного назначения¹³. Кроме того, были заметно сокращены размеры дефицитного финансирования и обеспечения внутренних накоплений за счет избыточной бумажноденежной эмиссии. Но, пожалуй, основным фактором роста пакистанской экономики (особенно во второй половине 60-х годов) явились успехи «зеленой революции», в частности внедрение высокоурожайных сортов мексиканской пшеницы и филиппинского риса и как результат значительное увеличение сборов главных продовольственных культур.

На XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в декабре 1961 г., 60-е годы были объявлены Десятилетием развития ООН, и одной из основных целей Первой декады развития было достижение в 60-е годы «среднегодовых темпов прироста национального продукта развивающихся стран по крайней мере в размере 5%»¹⁴. Нужно отметить, что Пакистан был в числе немногих стран, которым удалось заметно превысить этот показатель¹⁵. В обзоре экономического положения стран Азии, представленном к XXV сессии ЭКАДВ в 1969 г., подчеркивалось, что высокие темпы роста в ряде стран были достигнуты главным образом благодаря принятию новой стратегии в области сельского хозяйства, предполагающей использование современных агротехнических приемов.

Успехи экономического развития Пакистана в 60-е годы, особенно достижение высоких темпов прироста общественного продукта, а также ведущих отраслей — сельского хозяйства и промышленности — привели к тому, что как в Пакистане, так и за его пределами заговорили о стратегии экономического развития, выбранной страной, как образцовой для большинства развивающихся государств, о возможности применения пакистанской модели развития в других странах Азии и Афри-

ки¹⁶. Правда, при этом игнорировались, как правило, серьезные отрицательные последствия, которые несет подобный ускоренный рост, а именно значительное увеличение неравномерности распределения доходов. Более того, в официальных документах пакистанского правительства прямо отмечалось: «Мы не можем распределять бедность. Прежде чем может быть улучшено распределение доходов, необходимо обеспечить экономический рост»¹⁷. Кроме того, в Пакистане отсутствовали (как, впрочем, отсутствуют и в настоящее время) регулярные статистические данные о распределении национального дохода, которые могли бы весьма наглядно продемонстрировать всю остроту этой проблемы. Положение усугублялось также нежеланием официальных лиц и находившихся на государственной службе специалистов воспользоваться имевшейся косвенной информацией и данными выборочных обследований и раскрыть перед пакистанской общественностью всю остроту вопроса распределения доходов и богатств.

К началу 70-х годов Пакистан достиг в своем экономическом развитии весьма ощутимых результатов. Помимо высоких темпов роста общественного продукта и основных отраслей национального хозяйства об этом свидетельствуют и весьма заметное повышение нормы накопления (с 5% в первой половине 50-х годов до 16% к 1970 г.), сокращение доли частного и государственного потребления в конечном продукте, повышение общей экономической эффективности общественного производства и т. д. Однако нельзя забывать, что, будучи все еще неустойчивой и дезинтегрированной, социально-экономическая структура такой развивающейся страны, как Пакистан, весьма податлива ко многим сильным воздействиям как извне, так и внутри страны. Рассматривая в этой связи условия, в которых происходило развитие национального хозяйства в 70-е годы, едва ли можно представить худшую обстановку для процесса экономического роста. Тяжелые погодные условия (наводнения в 1973, 1975 и 1976 гг., засуха в 1974 г.) привели к замедлению темпов воспроизводства в сельском хозяйстве: за время пребывания правительства З. А. Бхутто у власти (1972—1977) рост добавленной стоимости в этой отрасли экономики едва превысил 2% в среднем в год, что в условиях прироста населения в 3% в год означало падение среднелетних размеров сельскохозяйственного производства. Разразившиеся в первой половине 70-х годов энергетический и валютно-финансовый кризисы привели к тому, что Пакистан, который был уже основательно втянут в орбиту мирового капиталистического хозяйства и международного разделения труда, был вынужден значительную часть валютных резервов направить на закупки нефти и нефтепродуктов. Помимо сказанного следует учитывать и то обстоятельство, что осуществление преобразований в экономике (а тем более таких, которые проводило правительство З. А. Бхутто, а именно широкая национализация в

промышленности и кредитной системе, ограничение деятельности частного сектора и т. д.) и изменение экономической политики зачастую приводят к большему или меньшему замедлению темпов экономического роста, снижению эффективности производства и капиталоотдачи. Поэтому в подобных условиях вполне следовало ожидать спад в экономике и даже стагнацию.

Кривые роста ВВП, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности.

Наиболее наглядно состояние экономики Пакистана в начале 70-х годов отражает приводимый график. К 1972 г. рост общественного продукта, производства в сельском хозяйстве, в обрабатывающей промышленности упал до нуля. Да и весь процесс экономического развития в 70-е годы отмечен весьма большими перепадами, отражающими явные нарушения в нормальном ходе воспроизводства. (Следует учитывать, что гра-

фик основан на наиболее агрегированных показателях, которые в той или иной степени скрадывают разницу в темпах роста в различных отраслях сельского хозяйства, промышленности, сферы услуг и др. А это не позволяет в полной мере оценить степень распространенности тенденции к неустойчивости роста экономики Пакистана.)

В 70-е годы заметно выявились противоречия, связанные с дальнейшим развитием капитализма, особенно в деревне. Если в 60-е годы, в условиях быстрого роста сельскохозяйственного производства и развернувшейся во второй половине этого десятилетия «зеленой революции», немалая часть быстро растущего населения абсорбировалась традиционным сектором (в котором увеличивалась численность не полностью занятой рабочей силы), то дальнейшее развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве (в 70-е годы) заметно затруднило этот процесс. «Зеленая революция» постепенно разрушала традиционные отношения в пакистанской деревне, которые были основой поддержки сельских групп, частично или полностью лишившихся средств существования, а также сократила потребность в живом труде в сельском хозяйстве. В немалой степени следствием этих процессов был рост миграции рабочей силы из Пакистана в мусульманские нефтедобывающие страны Ближнего Востока. Таким образом, в 70-е годы, несмотря на стремление правящих кругов к сбалансированному росту (т. е. к оптимальному соотношению в постановке и решении экономических и социальных задач), добиться этого не удалось.

Вообще, строго говоря, расстановка акцентов в социально-экономическом развитии в странах, находящихся на периферии мирового капиталистического хозяйства (к каковым относится Пакистан), весьма непроста. Экономическое и социальное развитие в слаборазвитых капиталистических обществах носит крайне противоречивый характер, и поступательное движение вперед происходит лишь в ряде очагов; это означает, что на передний план выдвигаются, причем с явным отрывом от остальных, какие-то определенные отрасли или сферы производства, секторы, районы или географические местности и т. п. На развитие таких очагов выделяются зачастую немалые суммы из сравнительно ограниченного общего объема ресурсов. Так было, например, в первой половине 60-х годов, когда быстрыми темпами стали развиваться вспомогательные отрасли тяжелой промышленности; так было во второй половине 60-х годов и в следующем десятилетии, когда сельское хозяйство Пакистана в связи с развернувшейся «зеленой революцией» стало намного более капиталоемкой отраслью. Однако на практике это вело к тому, что к уже существовавшим формам социального и экономического неравенства стали добавляться новые, иногда труднопреодолимые формы. В результате действия этих и других, указанных выше факторов реальный ход развития Пакистана в 60-е и 70-е годы привел к

увеличению диспропорций в социально-экономическом росте страны. Подобные процессы происходили на определенном этапе социально-экономического развития во многих развивающихся государствах, например в странах Магриба¹⁸.

Ответной реакцией на эти процессы были усиление в 70-е годы в развивающихся странах Азии эгалитаристских тенденций и разработка (а затем и принятие в той или иной степени; на вооружение) различных концепций, направленных на некоторое сглаживание таких диспропорций (концепция удовлетворения «основных нужд», концепция «коллективной самообеспеченности» и т. п.). Пожалуй, наибольшей популярностью в освободившихся странах пользуется теория «основных нужд», в основе которой заложен протест против такого пути трансформации развивающихся государств, при котором весь процесс поступательного движения вперед сводится практически к расширению масштабов производства и увеличению нормы накопления, в то время как удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей большинства населения этих стран сведено к минимуму.

В Пакистане концепция «основных нужд» была впервые заложена в пятый пятилетний план социально-экономического развития страны (1978—1983), в котором на передний план выдвигалась задача ускоренного роста сельского хозяйства (в размере по крайней мере 6% в год). Делалось это, как декларировалось в плановых документах, с целью обеспечить продовольствием все население Пакистана, и особо отмечалось, что «это необходимо для реализации концепции удовлетворения основных нужд»¹⁹ (что, правда, с трудом увязывалось с общим распределением государственных инвестиций по отраслям: расходы на развитие сельского хозяйства занимали пятое место после ассигнований на энергетику, транспорт и связь, промышленность, ирригацию²⁰, особенно с учетом того, что капиталоемкость сельскохозяйственного производства в 70-е годы заметно возросла).

Со сменой власти в 1977 г. и приходом к управлению страной военных во главе с Зия уль-Хаком изменилась и экономическая политика. Правящие круги сделали ставку на частный сектор; ему с каждым годом предоставлялись все большие возможности и льготы. Стремясь подчеркнуть изменение в соотношении двух составных частей в рамках «смешанной экономики» в пользу частного предпринимательства, Зия уль-Хак, выступая в конце 1981 г. на конференции по вопросам экономического развития, особо отметил, что государственный сектор не только не будет препятствовать росту частного сектора, но будет его дополнять. Усиление роли и влияния частного сектора в экономике Пакистана в конце 70-х — начале 80-х годов — в большой степени следствии рекомендаций МВФ и МБРР, в частности экономических советников этих организаций, работавших в Пакистане: К. Шиллера, бывшего министр-

ра хозяйства и финансов ФРГ, и Р. Макнамары, бывшего президента МБРР. Ярым приверженцем рыночной экономики стал в третий раз сменивший точку зрения на стратегию развития д-р Махбуб уль-Хак, занимавший в первой половине 80-х годов пост заместителя председателя Плановой комиссии страны. Именно он задавал тон при определении стратегии экономического роста и экономической политики.

Основные идеи Махбуб уль-Хака сводились к значительному расширению деятельности частного сектора в национальном хозяйстве, созданию максимально благоприятных для этого условий, денационализации большинства государственных предприятий, поощрению инвестиционной деятельности наиболее богатых групп пакистанского общества и как следствие этого все меньшее внимание социальному равенству²¹. Эти концепции в наибольшей степени отражены в шестом пятилетнем плане экономического развития страны. Как отмечал прогрессивный лахорский еженедельник «Вьюпойнт», «в начале 80-х годов Пакистан возвратился к тому, с чего он начал осуществление второго пятилетнего плана. Шестой пятилетний план, подготовленный верхушкой технократов, обучавшихся в США, предоставляет широкие возможности частнокапиталистическому предпринимательству и уделяет мало внимания социальному сектору»²².

Отраслевая структура экономики

В первые годы после завоевания независимости экономика Пакистана характеризовалась крайней отсталостью, колониальной отраслевой структурой, низкой производительностью труда и большой зависимостью от иностранного капитала. Норма накопления была незначительна и едва достигала 4% общественного продукта. В многоукладной экономике страны доминировали традиционные, некапиталистические секторы. Капиталистический уклад был представлен в основном отдельными отраслями промышленного производства, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья (хлопчатобумажная, пищевкусовая). Отрасли I подразделения были развиты очень слабо: практически производство средств производства только-только начиналось. В результате промышленная буржуазия была слаба и господствующие позиции в стране занимали помещики и торговцы²³.

После более чем векового господства колонизаторов основная отрасль экономики страны — сельское хозяйство — переживала глубокий, затяжной кризис: обработка земли велась самыми примитивными методами, основными сельскохозяйственными орудиями были деревянная борона, мотыга и прочий инвентарь, также изготовленный из дерева; по урожайности основных сельскохозяйственных культур Пакистан занимал одно из последних мест в мире; животноводство развивалось

весьма медленными темпами, к тому же на ярко выраженной экстенсивной основе²⁴.

В промышленности ведущее место занимали мелкие, полукустарные предприятия, основанные на использовании ручного труда. Доля продукции фабрично-заводской промышленности в создании общественного продукта была ничтожна — около 2%, в то время как мелкой — почти 6%²⁵. В тот период страна в огромной степени зависела от импорта многих видов оборудования и сырья. Кроме того, большинство отраслей национальной промышленности находилось под контролем иностранного, преимущественно английского, капитала²⁶. По переписи 1951 г., в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности Пакистана было занято менее 10% экономически активного населения, в том числе в фабрично-заводской промышленности — 3,5%²⁷.

Система транспорта, доставшаяся Пакистану после раздела колониальной Индии, была настолько слабо развита, что не обеспечивала необходимой связи даже в пределах одной провинции. Имея примерно пятую часть территорий бывшей Британской Индии, Пакистан унаследовал менее седьмой части железных и двадцатой части шоссейных дорог. При этом качество полученного подвижного состава было намного ниже среднего даже по сравнению с изношенным железнодорожным составом послевоенной Индии. Большая часть шоссейных дорог проходила параллельно железным дорогам, поэтому коммерческая ценность первых была невелика.

В этих условиях перед страной встала необычайно сложная задача — реорганизация старой, колониальной структуры производства, охватывавшей практически все стороны экономической жизни пакистанского общества, и создание самостоятельного, диверсифицированного хозяйства. Эта задача осложнялась тем, что, во-первых, преобладающая часть населения была занята в традиционных отраслях, в первую очередь в сельском хозяйстве, и, во-вторых, требовалось приложить немало усилий, чтобы преодолеть аграрно-сырьевой характер экономики и соответствующую ей структуру внешнеэкономических связей с целью создания национального хозяйства, способного к устойчивому расширенному воспроизводству. Для решения этой задачи необходимо было уделить первоочередное внимание основным отраслям материально-вещественного производства, в первую очередь сельскому хозяйству, в котором на рубеже 40—50-х годов было занято 65% экономически активного населения. Значительная относительная и абсолютная численность населения, занятого в этой отрасли, служит, несомненно, общим показателем крайне низкой продуктивности сельского хозяйства, свидетельствует о явном преобладании низших, малопродуктивных укладов. Об этом же говорит и такой факт, что в сельскохозяйственной сфере создавалось почти 60% общественного продукта страны (табл. 2).

Таблица 2

Отраслевая структура ВВП Пакистана (в факторных ценах 1959/60 г.)*

	1959 г.**		1960 г.		1970 г.		1980 г.		1984 г.	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%
	ВВП, всего	12 398	100	16 826	100	32 336	100	50 423	100	69 098
В том числе:										
сельское хозяйство	6 595	53	7 711	46	12 574	39	15 859	31	18 158	26
горнодобывающая промышленность	27	—	70	—	157	1	250	1	374	1
обрабатывающая промышленность	961	8	2 018	12	5 186	16	7 890	16	13 426	19
крупная	277	(2)	(1 159)	(7)	(4 042)	(12)	(5 575)	(11)	(9 856)	(14)
мелкая	684	(6)	(859)	(5)	(1 144)	(4)	(2 315)	(5)	(3 570)	(5)
строительство	179	1	427	3	1 357	4	2 644	5	3 249	5
коммунальное хозяйство	27	—	87	1	639	2	1 531	3	2 408	3
транспорт, связь	617	5	952	6	2 026	6	3 487	7	4 861	7
торговля	1 477	12	2 105	12	4 457	14	6 953	14	10 390	15
кредитная система	55	1	160	1	579	2	1 312	3	2 145	3
домовладение	632	5	837	5	1 112	3	1 577	3	1 883	3
управление, оборона	873	7	1 048	6	2 080	6	5 209	10	7 299	11
проч.	955	8	1 411	8	2 169	7	3 711	7	4 905	7

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1984—1985. Islamabad, 1985. Statistics, с. 8; Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi, 1984, с. 369.

** Здесь и далее под календарным годом подразумевается заканчивающийся 30 июня указанного года финансовый год (в данном случае — 1949/50 г. д.)

Сельское хозяйство

В первое десятилетие независимого развития сельское хозяйство практически находилось в стагнации; темпы его прироста составляли в 50-е годы в среднем 1,6%, что означало падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства. Такие медленные темпы роста объяснялись в первую очередь очень низким уровнем развития производительных сил²⁸, менее чем незначительным увеличением посевных площадей под основными продовольственными и техническими культурами²⁹, неизменным характером производственных отношений. Провозглашенные в начале 50-х годов в ответ на подъем крестьянского движения аграрные реформы практически не были осуществлены и не затронули землевладения крупных помещиков. Согласно данным официальных обследований, помещикам принадлежало свыше $\frac{3}{5}$ всех обрабатываемых земель. В этих условиях незначительный по численности класс помещиков, используя свою монополию на землю, безвозмездно присваивал значительную часть создававшегося в сельском хозяйстве прибавочного продукта, а миллионы крестьян, подвергаясь феодальной и полуфеодальной эксплуатации, обрабатывали мельчайшие участки земли — в среднем по 1—2 га (подробно эти вопросы рассмотрены в гл. III).

Как уже говорилось, серьезное отрицательное воздействие на развитие сельского хозяйства оказали неблагоприятные погодные условия начала 50-х годов и во второй половине этого десятилетия. Неурожай 1951—1953 и 1956—1957 гг. привели к тому, что производство продовольственного зерна в указанное десятилетие росло в среднем лишь на 0,2% в год при среднегодовых темпах прироста населения в 2,4%. Это вынудило правящие круги страны решать обострившуюся продовольственную проблему путем импорта зерна; по тем временам в Пакистан было ввезено значительное его количество — свыше 6 млн. т³⁰. Другим ограничителем роста сельскохозяйственного производства была конъюнктура мирового рынка, сложившаяся после окончания войны в Корее и обусловившая значительное падение спроса на хлопок и некоторое другое сельскохозяйственное сырье. Это привело к сокращению производства ряда технических культур.

Государство пыталось способствовать развитию сельского хозяйства. В первом пятилетнем плане экономического развития страны на 1955—1960 гг. отмечалось, что рост сельского хозяйства (в первую очередь производства продовольственных культур) является одной из основных задач пятилетки. В то же время на нужды сельскохозяйственного производства, даже с учетом расходов по статье «помощь деревне», выделялось лишь около 15% ассигнований, предназначенных на развитие национального хозяйства бывшей западной провинции³¹. Более того, в результате трудностей с мобилизацией накоплений из

внутренних источников общая сумма инвестиций в сельское хозяйство была почти на треть меньше запланированной.

Заметные сдвиги в развитии сельскохозяйственного производства (как производительных сил, так и производственных отношений) обозначились после военного переворота осенью 1958 г. и прихода к власти М. Айюб-хана. Экономическая политика правительства была нацелена на проведение мероприятий, направленных на ускорение развития капитализма в стране, устранение препятствовавших этому пережитков, а также на стимулирование национального производства. В области сельского хозяйства это выразилось в проведении аграрной реформы, расширении предпринимательской деятельности помещичьего класса в целом и усилении роли и влияния кулацкой верхушки в частности. Большое воздействие на рост производства в этой отрасли оказало увеличение государственных инвестиций в сельское хозяйство и гидроэнергетику (предусматривались заметное увеличение применения химических удобрений и осуществление политики по их субсидированию, рост использования улучшенных сортов семян, гербицидов и пестицидов, механизация сельскохозяйственных работ, освоение новых земель и защита посевных площадей от заболачивания и засоления и др.). Эти меры государства наравне с ростом иностранной помощи, быстрым развитием национальной промышленности и производственной инфраструктуры, благоприятными погодными условиями и стабильностью внутривнутриполитической обстановки в стране, ослаблением контроля над внутренними ценами на зерновые культуры привели к быстрому развитию сельского хозяйства в первой половине 60-х годов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что по второму пятилетнему плану экономического развития Пакистана (1960—1965) среднегодовые темпы прироста сельского хозяйства должны были составить 2,6%, в то время как в действительности они достигли 3,4%³².

Вместе с тем быстрый рост сельскохозяйственного производства не означал, что не оставалось серьезных проблем в этой области. Так, не были решены такие сложные вопросы, как увеличение производства продукции животноводства, расширение и своевременное предоставление необходимых кредитов, намного более широкое применение удобрений и улучшение сортов семян, создание системы сбыта и хранения сельскохозяйственных продуктов. Очень серьезными проблемами были рост социальной поляризации в пакистанской деревне и усиление неравномерности распределения доходов. Все это настоятельно требовало более эффективного вмешательства государства в социально-экономическое развитие страны, в том числе в сельское хозяйство. Однако стратегия развития Пакистана была направлена в тот период, как уже отмечалось, на достижение максимально высоких темпов экономического роста, в то время как структурные изменения в экономике (как межот-

раслевые, так и внутриотраслевые пропорции) носили подчиненный характер и объективно были направлены на ускорение роста частнокапиталистического предпринимательства.

В области сельскохозяйственного производства этот этап характерен в первую очередь развертыванием «зеленой революции» и заметным увеличением производства основных продовольственных культур, в первую очередь пшеницы (табл. 3). Предпосылки «зеленой революции» были заложены еще в первом пятилетии 60-х годов и были связаны с ростом применения химических удобрений, новых методов агрикультуры, ирригационного строительства и т. п. Внедрение высокоурожайных сортов семян повысило урожайность, например, пшеницы более чем в 2 раза³³. Этому способствовали хорошая отзывчивость новых сортов на удобрения, рост посевных площадей под высокоурожайными сортами и другие факторы.

Таблица 3

Производство основных сельскохозяйственных культур*, тыс. т

Год	Культура					
	Пшеница	Рис	Сахарный тростник	Кукуруза	Грэм	Хлопок
1950	3 924	805	7 849	407	609	220
1955	3 186	838	8 836	433	604	281
1960	3 909	995	10 662	495	608	292
1965	4 591	1350	18 668	528	672	378
1970	7 294	2401	26 370	667	506	535
1975	7 673	2314	21 242	747	550	634
1980	10 857	3216	27 498	875	313	728
1985	11 000	3457	32 422	1027	519	1017

* Pakistan Economic Survey 1984—1985. Islamabad, 1985. Statistics, с. 41—42.

Однако, несмотря на увеличение производства продовольствия и технических культур, рост сельского хозяйства во второй половине 60-х годов был меньше, чем предполагалось третьим пятилетним планом: 4,3% вместо 5%³⁴.

Среди причин, препятствовавших достижению плановых заметок, следует назвать неблагоприятные погодные условия в отдельные годы, индо-пакистанский военный конфликт осенью 1965 г. (который не только сократил хозяйственную деятельность в стране в целом, но и нанес прямой ущерб сельскохозяйственным угодьям), значительное сокращение чистого притока иностранной помощи, большой рост непроизводительных расходов государства (военные) и соответственно уменьшение ассигнований на экономические цели, в том числе на сельское хозяйство. В социальной структуре переход помещиков к ведению хозяйства на капиталистической основе сопровождался дальнейшим сгоном арендаторов с земли, миграцией обеззем-

ленных крестьян в города, нарастанием напряженности и обострением внутривластической обстановки в стране.

Аграрная политика правительства, пятилетние программы социально-экономического развития, планы сельскохозяйственной стратегии, проводимые не только в рамках государственной деятельности, но и в значительной мере в частном секторе, успехи «зеленой революции» — все это сыграло важную роль в увеличении сельскохозяйственного производства в 60-е годы и помогло решить некоторые неотложные задачи; в частности, в конце этого десятилетия была решена продовольственная проблема (страна имела положительный баланс торговли продовольственным зерном), что при создавшейся демографической ситуации было серьезным достижением. Однако стабильность роста сельского хозяйства была резко нарушена в начале 70-х годов в результате внутривластического кризиса и раздела страны, а также значительного ухудшения внешних условий воспроизводства общественного продукта в связи с энергетическим и валютно-финансовым кризисами в мировом капиталистическом хозяйстве. Раздел разрушил сложившиеся в течение четверти века экономические связи и обусловил резкое снижение темпов экономического роста. Падение мировых цен на сырьевые товары (в том числе на экспортировавшиеся Пакистаном хлопок-сырец и изделия из хлопка) и повышение цен на машины, оборудование, химические удобрения и ядохимикаты привели к заметному росту воспроизводственных затрат в сельском хозяйстве. Серьезный ущерб этой отрасли нанесли неблагоприятные погодные условия в отдельные годы первой половины 70-х годов³⁵. В конечном итоге среднегодовые темпы прироста сельского хозяйства в 1970—1977 гг. составили лишь 1,5% по сравнению с 4,1% в 60-е годы³⁶.

Правительство Пакистанской народной партии (ПНП) стремилось провести в жизнь провозглашенную в манифесте ПНП в 1970 г. программу развития сельскохозяйственного производства (устранение препятствовавших этому пережитков феодализма и др.). Однако тяжелое финансовое положение страны, сильное сопротивление крупных землевладельцев и ряд других причин не позволили правительству реализовать его планы. Аграрная реформа 1972 г.³⁷ была осуществлена лишь частично (из 0,9 млн. га земли принадлежавших помещикам излишков государством было конфисковано около 0,4 млн. га), в конечном итоге от перераспределения обрабатываемых площадей выиграло лишь 5—10% крестьянских хозяйств. Сельскохозяйственные программы государства не были выполнены из-за острого дефицита денежных ресурсов.

Развитие национального хозяйства страны в 1970—1978 гг. осуществлялось в рамках так называемых ежегодных программ. Такие программы ставили конкретные экономические задачи на год, которые и определяли направление инвестиционных расходов государства. Однако, рассмотрев цели этих

планов, нетрудно заметить, что каждая программа имела свою узкую задачу, часто мало увязанную с предыдущим планом³⁸. В результате оказалось, что практически экономика стала утрачивать единое направление и перспективу развития, поскольку власти были озабочены в ряде случаев простым «затыканием образующихся дыр». Например, по плану 1976 г. основное внимание было уделено росту сельского хозяйства и на эти цели были выделены значительные суммы; в следующем году обострился кризис в промышленности, и с целью преодоления депрессии в этой отрасли государственные расходы на развитие промышленности были увеличены более чем в 3 раза (с соответствующим сокращением ассигнований по другим статьям). Естественно, что такое планирование не могло привести к сбалансированному и устойчивому воспроизводству общественного продукта, в том числе в сфере сельского хозяйства.

Если в 60-е годы развитие сельскохозяйственного производства осуществлялось в подавляющей части за счет экстенсивных факторов, то в 70-е годы акцент все больше перемещался на интенсификацию земледелия, в котором в указанное десятилетие создавалось свыше 70% добавленной стоимости отрасли. Освоение новых площадей предполагало вложение огромных средств в ирригацию, мелиорацию, борьбу с засолением и заболачиванием почвы, что государство не было в состоянии осуществить. Поэтому упор был сделан на повышение урожайности на обрабатываемых площадях. Кроме того, дальнейшее, хотя и замедлившееся³⁹, развитие «зеленой революции» требовало использования химических удобрений, механизации сельскохозяйственных работ, роста малой ирригации и др. В результате, если посевные площади под основными продовольственными культурами возросли в 1970—1977 гг. на 3,9%, то их производство — более чем на 20%⁴⁰.

При анализе роста сельскохозяйственного производства в 70-е годы мы не случайно выделяем период 1970—1977 гг. И дело здесь не только в том, что он почти соответствует времени нахождения у власти правительства ПНП. Начиная с 1977 г. в этой отрасли обозначились заметные сдвиги: среднегодовые темпы прироста в 1977—1984 гг. составили 3,3% по сравнению с 1,5% в предшествующие семь лет. Главной причиной подъема сельского хозяйства были хорошие погодные условия (за исключением, пожалуй, 1978 г.); более того, в 1980 г. Пакистан был единственной в субрегионе страной, избежавшей засухи. Это наряду с притоком средств извне на привязанные проекты (развитие бассейна р. Инд, строительство заводов по производству химических удобрений, развитие малой ирригации и др.) позволило существенно увеличить производство главных продовольственных и технических культур (табл. 3).

Дальнейшая интенсификация сельского хозяйства связана

со все возрастающими инвестициями, осуществлять которые могли лишь помещики, кулаки и другие капиталовладельцы; государственные субсидии также поступали в первую очередь в их распоряжение. Эти слои сыграли решающую роль в увеличении сельскохозяйственного производства в 70-е годы, но им и достались практически все плоды этих сдвигов. В конечном итоге это привело к дальнейшей социальной поляризации в деревне и росту неравномерности распределения доходов. Об этом же свидетельствуют имеющиеся весьма скудные цифровые данные: если в середине 60-х годов в распоряжение 10% наиболее крупных доходополучателей поступало примерно 30% создававшихся в сельском хозяйстве доходов, то в середине 70-х годов в руки этой группы поступало уже от половины до $\frac{2}{3}$ всех сельскохозяйственных доходов⁴¹.

Развитие сельскохозяйственного производства в первой половине 80-х годов отмечено некоторым ускорением темпов роста, особенно заметным на фоне низкого роста в 70-е годы, когда наблюдалось даже падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства и лишь в конце 70-х годов произошло увеличение прироста валовой продукции в этой отрасли. Ведущую роль здесь сыграли объективные факторы, в первую очередь благоприятные погодные условия в начале 80-х годов. Субъективные факторы роста, а именно экономическая политика военного режима Зия уль-Хака, проявились в меньшей степени. Они были направлены на дальнейшую модернизацию сельскохозяйственного производства, трансформацию его на капиталистической основе, создание агропромышленного комплекса. Кроме того, правящие круги страны наметили целый комплекс мероприятий, направленных не столько на увеличение продукции сельского хозяйства, сколько на сохранение урожая основных продовольственных культур (в первую очередь пшеницы и риса). Проблема сохранения продукции этой отрасли стояла в Пакистане в первой половине 80-х годов особенно остро. По свидетельству пакистанских экономистов, до $\frac{1}{3}$ продовольственного зерна в стране погибало: 20% — на полях и при хранении и свыше 10% — при транспортировке. Тенденции развития сельскохозяйственного производства в 80-е годы свидетельствуют о том, что Пакистан превращается в поставщика продовольствия для многих стран Юго-Западной Азии, создавая таким путем основу для бесперебойного поступления сырьевых товаров, в первую очередь нефти.

Промышленность

Основным фактором модернизации всего механизма воспроизводственного процесса в многоукладных странах, вступивших на путь независимого развития, ликвидации последствий колониализма, а затем и изменения неравномерного положения этих государств в системе мирового капиталистиче-

ского хозяйства, является быстрое развитие промышленного производства (в первую очередь крупнокапиталистического) и совершенствование его отраслевой структуры. Поэтому неудивительно, что уже в первом документе пакистанского государства о развитии промышленности («Заявление о промышленной политике»), принятом в апреле 1948 г., подчеркивалась ее важная роль в обеспечении функционирования всей экономики и обозначались пути и методы ускоренного роста этой сферы национального хозяйства. И действительно, первая половина 50-х годов отмечена высокими темпами роста обрабатывающей промышленности — 10% в среднем в год (в том числе крупной — около 24%).

В тот период обстановка для развития указанной отрасли экономики была довольно благоприятной. Стимулирующие мероприятия государства, заметно повышавшие норму прибыли и дополнявшие частные инвестиции, превратили промышленность в одну из наиболее выгодных сфер приложения капитала. В результате начался перелив капиталов из других отраслей экономики (сельского хозяйства и сферы обращения) в промышленность. Кроме того, таможенный протекционизм в значительной степени ограждал внутренний рынок от иностранной конкуренции, что также усиливало процесс перевода капиталов. Естественно, что частный сектор осваивал практически только те отрасли промышленности, которые обеспечивали быстрый оборот капитала и давали наиболее высокую норму прибыли. А такой отраслью была в первую очередь хлопчатобумажная. Поэтому хлопчатобумажная промышленность развивалась в стране прежде всего как отрасль крупного фабричного производства с высоким уровнем органического строения капитала и высокой концентрацией производства. В середине 50-х годов почти треть добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности, приходилась на хлопчатобумажную⁴².

Все большее значение приобретало непосредственное участие государства в развитии промышленного производства. Путем мобилизации собственных ресурсов, перераспределения доходов других укладов, привлечения иностранной помощи государству удалось заметно увеличить инвестиции в эту отрасль экономики. Подавляющая часть государственных капиталовложений направлялась в промышленность через основанную в 1952 г. Корпорацию промышленного развития Пакистана (ПИДК). ПИДК сыграла немаловажную роль в процессе индустриализации страны, и особенно заметно ее значение было в 50-е годы, поскольку именно в тот период осуществлялось большое промышленное строительство (общая сумма капиталовложений ПИДК к 1960 г. превысила 1 млрд. рупий)⁴³.

Деятельность государства в целом и ПИДК в частности в развитии промышленности носила, однако, подчиненный характер. Стратегия роста этой отрасли экономики с самого пер-

вого этапа независимого развития Пакистана была направлена на предоставление приоритета в процессе индустриализации частному сектору. Основными причинами этого были, во-первых, нехватка необходимых финансовых ресурсов у государства, поскольку его перераспределительные функции не только в 50-е годы, но и в последующем десятилетии находились на довольно низком уровне, и, во-вторых, учет интересов пакистанской буржуазии, так как развитие промышленности, в том числе ее новых отраслей, за счет овладения уже существовавшим рынком сбыта было, пожалуй, единственно возможным и безопасным путем развития капитализма и укрепления позиций национальной буржуазии⁴⁴. Лишь там, где частный капитал в силу нехватки средств или других причин не был в состоянии освоить ту или иную отрасль, ему на помощь приходило государство. Более того, стремясь укрепить позиции национальной буржуазии и стараясь помочь переливу капиталов из других сфер национального хозяйства в промышленность, государство в Пакистане зачастую продавало промышленные предприятия частному сектору ниже себестоимости. Так, к концу 50-х годов на долю государства приходилось уже меньше половины общей суммы инвестиций, вложенных в построенные ПИДК предприятия.

Говоря о развитии промышленности в Пакистане с момента завоевания независимости до начала 60-х годов, следует отметить, что в этой отрасли происходил процесс, который можно определить как «рост без развития»; иными словами, перед нами классический образец экстенсивного типа роста. На практике это означало, что абсолютные размеры промышленного производства увеличивались без соответствующего изменения структуры выпускаемой продукции. Экономическая отсталость и относительная стабильность структуры потребительского спроса сельского населения допускали такой тип развития, однако оно никак не могло привести к качественной трансформации межотраслевой структуры промышленности, да и всего национального хозяйства страны⁴⁵.

Некоторые качественные изменения в развитии этой отрасли произошли в 60-е годы, после прихода к власти военных во главе с М. Айюб-ханом и переноса акцентов в промышленной политике. В тот период все очевиднее становилась необходимость проведения политики импортзамещения. Во втором пятилетнем плане, принятом в 1960 г., отмечалась «пагубность значительного ввоза товаров производственного назначения, поскольку это вело к заметному сокращению валютных резервов, которые требовались для осуществления капитальных вложений»⁴⁶. Поэтому в начале 60-х годов наибольшей защитой государства стали пользоваться вспомогательные отрасли и производство средств производства; в результате основная часть инвестиций стала идти в эту сферу промышленности. Этому изменению способствовало и то, что в первой половине 60-х

годов концентрация и накопление капитала у пакистанской буржуазии оказались столь значительными, что она могла вкладывать его в капиталоемкие отрасли тяжелой промышленности.

Основным агентом промышленного развития по-прежнему оставался частник. Более того, по сравнению с предыдущим периодом правительство Айюб-хана в своей промышленной политике предоставило ему еще больше возможностей для предпринимательства. Это нашло свое отражение в первую очередь в налоговой политике (льготы в области таможенного и подоходного обложения), кредитной системе, отмене контроля над ценами на многие товары и др.⁴⁷ В результате частные инвестиции в промышленность намного опередили намечавшиеся вторым пятилетним планом. Успешной индустриализации страны способствовали также благоприятные погодные условия, приведшие к заметному росту сельскохозяйственного производства (что позволило заложить хорошие основы для развития текстильной и пищевкусовой отраслей), значительный рост притока частной иностранной помощи, которая направлялась преимущественно на развитие промышленности и производственной инфраструктуры, а также относительная стабильность внутривнутриполитической обстановки. Кроме того, рост сельскохозяйственного производства на капиталистической основе и соответствующее повышение товарности верхних групп сельских доходополучателей, а также ускорившийся процесс урбанизации способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, что, в свою очередь, было сильным стимулом роста промышленного производства.

Если мы обратимся к цифрам, то обнаружим, что в первой половине 60-х годов среднегодовые темпы прироста обрабатывающей промышленности превысили 13%, в том числе крупной — около 20%. Немаловажное значение для ускоренного развития экономики в целом и промышленного производства в частности имело значительное сокращение дефицитного финансирования во втором пятилетнем плане по сравнению с предыдущим (1955—1960). Этот фактор существенно снизил темпы роста государственного долга и стоимости капитального строительства и благотворно повлиял на увеличение нормы накопления и капитальных вложений⁴⁸.

В середине 60-х годов в Пакистане были созданы довольно значительные мощности в легкой и пищевкусовой отраслях промышленности, построен ряд предприятий вспомогательных отраслей тяжелой промышленности — цементной, химической и др., произошли рост капиталистического предпринимательства и укрепление крупного капитала в сфере производства. Однако расширившийся внутренний рынок требовал дальнейшего увеличения производства средств производства. Значительно вырос спрос на товары производственного назначения, особенно на средства производства и орудия труда для сельского хо-

зйства, усилилось проникновение механизации в мелкое производство и переоснащение многих фабрично-заводских предприятий. Все это предопределило развитие в стране отраслей тяжелой промышленности, и во второй половине 60-х годов Пакистан вступил в следующую фазу: индустриализации, пре-дустатривающую рост отраслей группы А.

Казалось бы, в тот период сложились все предпосылки для дальнейшего ускоренного развития этой важной отрасли национального хозяйства страны. Однако целый ряд как субъективных, так и объективных дестабилизирующих факторов нарушил поступательный ход процесса воспроизводства в промышленности. Во-первых, в связи с индо-пакистанским военным конфликтом в сентябре 1965 г. возросли военные расходы в государственном бюджете (более чем в 2 раза)⁴⁹, что, естественно, отвлекло значительные средства от их производительного использования. Во-вторых, неблагоприятные погодные условия в 1965—1967 гг. привели к росту расходов иностранной валюты на импорт продовольствия в указанный период, что привело к сокращению импорта промышленного оборудования. Кроме того, некоторое сокращение сельскохозяйственного производства уменьшило поступление сырья в промышленность и снизило платежеспособный спрос населения на промышленные товары. В-третьих, во второй половине 60-х годов заметно сократился приток иностранной помощи (поступление средств из внешних источников оказалось на 3,5 млрд. рупий меньше предполагавшейся суммы), что обусловило нехватку средств для финансирования экономического развития страны⁵⁰. В результате почти на 1/4 сократилась доля валовых инвестиций в общественном продукте⁵¹. Все это привело к значительному сокращению темпов роста промышленности; особенно заметно, более чем в 2 раза, сократились среднегодовые темпы прироста крупного промышленного производства (табл. 4).

Сравнительно быстрый рост капиталистического предпринимательства был тесно связан с увеличением концентрации капитала и упрочением позиций национальной буржуазии в современных областях экономики. Несмотря на имеющиеся ограничения, роль и влияние частного сектора значительно возросли как в процессе воспроизводства общественного продукта вообще, так и в промышленном производстве в особенности. В 60-е годы в Пакистане сложился ряд предпринимательских групп, характерной чертой которых было тесное переплетение финансовых, промышленных, торговых и других интересов. Как показано выше, государственный протекционизм и государственная помощь позволили национальной буржуазии в сравнительно короткие сроки освоить новые сферы приложения капитала и заметно повысить норму прибыли. Однако оборотной стороной этих процессов был значительный рост неравномерности распределения доходов, который особенно усилил-

Таблица 4

Производство основных видов промышленной продукции*

Продукция	Год						
	1948	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Каменный уголь, тыс. т	245	735	1257	1269	1314	1504	1 968
Нефть, тыс. т	68	258	424	460	321	480	631
Природный газ, млн. куб. м	—	600	1500	2900	5000	7500	10 100
Хромиты, тыс. т	17	15	16	25	10	4	4
Хлопчатобумажная пряжа, тыс. т	8	160	206	273	351	363	383
Хлопчатобумажные ткани, млн. кв. м	38	455	598	606	556	342	252
Ткани из искусственного волокна, млн. м	—	13	29	72	8
Стальной прокат, тыс. т	—	—	230	180	224	421	681
Сахар, тыс. т	13	84	159	610	502	586	1 213
Растительное масло, тыс. т	3	29	92	126	272	452	611
Цемент, тыс. т	383	982	1655	2656	3320	3343	4 177
Химические удобрения, тыс. т	—	44	164	372	785	1177	2 486
Каустическая сода, тыс. т	—	4	9	28	37	40	38
Серная кислота, тыс. т	—	12	19	32	37	57	66
Сигареты, млрд. шт.	0,3	8	14	22	27	35	43

* Pakistan Basic Facts 1980—1981, с. 59—60, 67; Pakistan Statistical Yearbook 1984, с. 148—168; Pakistan Economic Survey 1984—1985. Statistics, с. 72—80.

ся в городе. Одним из показателей этого было падение удельного веса заработной платы рабочих в добавленной стоимости, созданной в промышленности. В большинстве капиталистических стран мира заработная плата составляет примерно половину стоимости условно-чистой продукции. В Пакистане же эта доля не только в 2 раза меньше ($\frac{1}{4}$ в 1960 г.), но и сократилась к 1970 г. до 20% (в том числе в хлопчатобумажной промышленности — соответственно с 32 до 23%)⁵². Даже в официальных документах пакистанского правительства отмечался рост социального и имущественного неравенства. Например, в четвертом пятилетнем плане экономического развития страны (1970—1975) отмечалось, что «реальные статистические данные о распределении доходов в стране отсутствуют, но та немногочисленная информация, которой мы располагаем, свидетельствует об увеличении неравенства в распределении доходов в процессе экономического роста»⁵³.

Рост капиталистического предпринимательства, концентрация промышленного производства и капитала и как следствие увеличение социально-имущественного неравенства — все это в конечном итоге привело к нарастанию политического и социального кризиса в стране, достигшего своей наивысшей точки в 1971 г. Не касаясь внутривнутриполитических причин обострения кризисной ситуации на рубеже 60—70-х годов, среди экономических факторов следует назвать усиление противоречий

внутри господствующего класса, в первую очередь национальной буржуазии. Экономическая политика режима М. Айюб-хана (в частности, промышленная) была направлена на всемерное поощрение капиталистического предпринимательства, концентрацию богатств в руках немногих как едва ли не главного средства ускорения промышленного роста, предоставление многочисленных льгот крупным капиталовладельцам. Такая политика, отвечая, естественно, интересам крупной буржуазии, никак не могла отвечать интересам средних и особенно мелких предпринимателей, стремившихся к намного более активной роли как в сфере промышленного производства, так и на внутреннем (частично и на внешнем) рынке страны. Поэтому требования трансформации экономической политики и проведения определенных экономических преобразований встречали в стране все большую поддержку у различных социальных групп пакистанского общества. Подобные требования еще больше возросли в результате значительного ухудшения состояния национального хозяйства Пакистана и сокращения производства в ведущих отраслях материально-вещественной сферы в результате индо-пакистанского военного конфликта в 1971 г.⁵⁴ В пакистанской экономике, в том числе и промышленности, наблюдались тогда те явления, которые характерны для кризисной ситуации практически в любой развивающейся стране: резкое падение деятельности частного сектора, уменьшение государственных и частных инвестиций, отток национального капитала за границу, рост безработицы и неполной занятости, быстрый рост цен и т. д.

Пришедшему к власти в стране в декабре 1971 г. правительству гражданской администрации во главе с З. А. Бхутто предстояло преодолеть стагнацию в национальном хозяйстве страны и вывести промышленность из состояния депрессии, в которой последняя находилась с конца 60-х годов. Средства, с помощью которых предполагалось достичь этого, были определены еще в предвыборном манифесте Пакистанской народной партии, и одним из основных путей преобразования хозяйственной жизни страны было создание «смешанной экономики», в которой весомую роль должен был играть государственный сектор⁵⁵. Абстрагируясь от программных заявлений руководства ПНП, в которых оно выражало стремление строить едва ли не социалистическое общество, следует отметить, что практически изменения привели к увеличению доли государственного сектора в промышленности путем национализации и роста государственных инвестиций в эту отрасль национального хозяйства.

Экономические преобразования, проведенные правительством З. А. Бхутто, достаточно широко освещены в советской научной литературе⁵⁶. Поэтому мы лишь вкратце остановимся на изменениях, происшедших в промышленном производстве. Уже в начале 1972 г. был установлен контроль над 20 частны-

ми предприятиями в 10 ведущих отраслях промышленности⁵⁷; позднее в том же году государственный контроль был распространен еще на 12 предприятий. При этом было особо подчеркнуто, что подобные меры не затронут другие отрасли промышленности и не нанесут ущерба иностранному капиталу. Была упразднена система управляющих агентств и введено в действие антимонополистическое законодательство. В 1973—1974 гг. были национализированы 32 предприятия, над которыми ранее был установлен государственный контроль, с выплатой владельцам компенсации (что, кстати сказать, практически не было осуществлено, и это сыграло, несомненно, немаловажную роль в усилении недовольства крупной буржуазии политикой режима З. А. Бхутто). Кроме того, в 1973—1974 гг. в государственном секторе было создано десять новых корпораций, в том числе металлургическая, цементная, тяжелого машиностроения, нефти и нефтехимии и др.

Последним шагом правящих кругов в области «государствления» промышленности стала национализация предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции — рисоушек и хлопкоочистительных предприятий⁵⁸. По замыслу властей эта мера должна была положить конец спекуляции и саботажу владельцев последних. Однако этот шаг правительства был серьезным просчетом в его политике. По существу, он расшатывал и без того поколебавшуюся опору режима З. А. Бхутто — мелкую и частично среднюю буржуазию — и лишала правящие круги поддержки со стороны немалой части населения. Позднее, после выборов весной 1977 г., было принято решение вернуть значительную часть рисоушек и хлопкоочистительных фабрик их владельцам, но оно не смогло уже сдержать развернувшееся весной-летом 1977 г. оппозиционное движение.

Тем не менее в результате проведенных реформ государственный сектор в промышленности заметно окреп и вырос; в середине 70-х годов на его долю приходилось до 20% общего объема производства в указанной отрасли экономики⁵⁹. Следует отметить, что темпы роста промышленного производства на многих государственных предприятиях были заметно выше, чем в частном секторе.

Повышение значения государственного сектора в национальном хозяйстве Пакистана вообще и промышленности в частности нашло свое отражение в увеличении государственных ассигнований на развитие этой отрасли. Если в 1972 г. они составили менее 200 млн. рупий, то к 1977 г. превысили 4 млрд. рупий, т. е. возросли более чем в 20 раз в текущих ценах (или в 10 — в неизменных). Капиталовложения в промышленность увеличились не только абсолютно, но и относительно: удельный вес их в общей сумме государственных вложений в экономику возрос соответственно с 6 до 23% (в 1975 г. впервые в истории Пакистана государственные инвестиции в промышленность превзошли частные).

Об эффективности деятельности государственных промышленных предприятий можно судить по данным о выпуске промышленной продукции. В начале 70-х годов в стране сложились крайне неблагоприятные условия для функционирования государственных предприятий, что было связано с влиянием последствий кризиса 1971 г., девальвацией рупии в следующем году и т. д. В результате подавляющая часть находившихся под контролем государства предприятий понесла ощутимые убытки. Однако уже в 1973 г. был отмечен рост производства на 18% и реализации продукции — на 49%. Через два года эти показатели составили уже соответственно 22 и 60%⁶⁰. Пожалуй, наибольших успехов добились Корпорация тяжелого машиностроения и Автомобильная корпорация Пакистана, рост производства на предприятиях которых достиг в 1975 г., по официальным данным, соответственно 193 и 289% по сравнению с предыдущим годом⁶¹.

Вместе с тем было бы ошибкой переоценить значение проведенных преобразований и изменение соотношения двух сегментов в структуре «смешанной экономики», поскольку роль государственного сектора в промышленности была не столь зесома, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в государственный сектор входили многие предприятия, требовавшие значительных инвестиций, в то время как оборот капитала на них был медленный и норма прибыли низка. Поэтому такие предприятия зачастую являлись нерентабельными и нуждались в постоянных бюджетных дотациях. Кроме того, государственному сектору в промышленности приходилось сталкиваться также с проблемой острой нехватки квалифицированных и даже полуквалифицированных кадров; эта проблема особенно обострилась с середины 70-х годов в связи с ростом эмиграции большого числа специалистов в нефтедобывающие мусульманские страны. Следует также отметить, что норма самофинансирования государственных предприятий сократилась в 1972—1977 гг. почти в 3 раза⁶².

Таким образом, прибыли государственных предприятий не стали источником внутренних накоплений и осуществления индустриализации Пакистана и не смогли обеспечить покрытие государственных промышленных инвестиций. А именно такое решение проблемы финансирования необходимо в принципе для дальнейшего роста как экономики в целом, так и промышленного производства в частности. Помимо указанных трудностей и недостатков в деятельности государственных предприятий нельзя не отметить несоответствие между ростом производства, реализацией продукции и размером получаемых прибылей. Особенно заметно такое несоответствие выявилося в 1975—1977 гг.; более того, в 1977 г. большинство государственных корпораций понесли серьезные убытки. Частично это было связано с влиянием объективных факторов (таких, как энергетический и валютно-финансовый кризисы), частично же

это связано с низкой конкурентоспособностью большинства товаров национальной промышленности.

Намного худшее положение сложилось в указанное пятилетие в частном секторе промышленного производства, где темпы роста заметно сократились. Основной причиной этого процесса было уменьшение частных инвестиций⁶³. Снижение активности в частном секторе было обусловлено рядом факторов. Во-первых, частные предприниматели, несмотря на все заверения правительства З. А. Бхутто, опасались дополнительных национализаций. Во-вторых, многие мелкие и средние предприниматели зачастую не могли осуществлять новые (пусть даже и небольшие) инвестиции, ввиду того что они не были в состоянии выполнять из-за нехватки средств требования принятого правящими кругами промышленного законодательства. По этой причине некоторые предприятия вообще закрылись, а часть либо сократила производство, либо продолжала осуществлять его на прежнем уровне, без расширения за счет новых инвестиций.

Очень напряженное положение сложилось в основной отрасли пакистанской промышленности — текстильной, предприятия которой находятся в руках частного сектора. С 1973 г. вплоть до конца 70-х годов производство в этой отрасли неизменно сокращалось. Несмотря на принимавшиеся правящими кругами страны меры по ликвидации кризиса в текстильной промышленности, каких-либо положительных сдвигов не наблюдалось. Те стимулирующие правительственные меры, которые были призваны вывести указанную отрасль из застойного состояния (различного рода налоговые льготы, рост государственного кредита на закупку современного оборудования, качественного сырья и др.), оказались безуспешными. Заметно сократился выпуск хлопчатобумажных тканей⁶⁴. (Кстати сказать, падение производства наблюдалось не только в текстильной промышленности, но и в ряде других отраслей, в том числе входящих в госсектор, о чем свидетельствует сокращение добычи и выпуска таких видов продукции, как уголь, хромиты, каменная соль, бумага и картон, каустическая и кальцинированная сода и др.).

В результате доля промышленности (которая продолжала занимать второе после сельского хозяйства место по удельному весу в ВВП) в создании общественного продукта впервые за всю историю существования Пакистана сократилась — с 15,6% в 1972 г. до 14,9% в 1977 г. В первую очередь это было обусловлено невысокими темпами прироста обрабатывающей промышленности в указанное пятилетие — в среднем на 4% в год. Более того, даже этот рост был обеспечен не за счет фабрично-заводской промышленности, среднегодовые темпы роста которой составляли 2,8%, а за счет мелкого промышленного производства, стоимость условно-чистой продукции которой увеличивалась в среднем на 7,3%. Другой причиной падения доли

обрабатывающей промышленности в ВВП был опережающий рост сферы обслуживания и соответственно повышение ее доли в общественном продукте. Этот процесс явился отражением того, что в условиях национализации предприятий в некоторых отраслях промышленного производства многие капиталовладельцы сочли наиболее безопасным и прибыльным осуществлять инвестиции не в сферу материально-вещественного производства услуг.

После прихода к власти в 1977 г. военной администрации во главе с Зия уль-Хаком был сделан акцент на всемерном привлечении частного (иностранного и национального) капитала к участию как в развитии экономики в целом, так и промышленности. Начало такой политике было положено осенью 1977 г. денационализацией мукомолен и предприятий по переработке риса. Затем частным предпринимателям была предоставлена возможность вкладывать капиталы в ряд отраслей, которые ранее считались для них закрытыми. Наконец, осенью 1978 г. правящие круги объявили о плане передачи в руки частного сектора свыше 30 предприятий в 10 основных отраслях промышленности, которые ранее (в 1972 г.) были переданы под контроль государства, а затем национализированы. Более того, в своем выступлении по поводу принятия государственного бюджета на 1978/79 финансовый год Зия уль-Хак подчеркнул, что правительство не будет национализировать частные предприятия и даже готово внести твердые гарантии по этому вопросу в конституцию. Указанная политика активизировалась в следующем десятилетии. Это нашло отражение в явной либерализации импортной политики, освобождении с 1981 г. частных предпринимателей от прямых налогов при создании промышленных предприятий в слаборазвитых районах страны и допуске частного сектора в экспортно-импортные операции.

Итогом этих мероприятий военных явился значительный рост частных инвестиций в основной капитал по сравнению с государственными, особенно в крупную обрабатывающую промышленность. Так, частные капиталовложения в указанную отрасль национального хозяйства в 1978—1982 гг. выросли в 2 раза, но даже сократились более чем в 1,5 раза. Если же рассмотреть долю инвестиций в основной капитал в крупной обрабатывающей промышленности за тот же период во всех валовых капиталовложениях, то окажется, что удельный вес государственных инвестиций сократился с 21 до 8%, а частных — возрос с 5,3 до 6,5⁶⁵. (Сокращение государственных капиталовложений не затронуло Пакистанский металлургический завод, сооружавшийся с помощью Советского Союза. Этот объект по-прежнему являлся ведущим среди строившихся промышленных предприятий, и на него отпускаясь основная часть средств.) В результате наметился поворот к улучшению положения в основной отрасли пакистанской промышленно-

сти — текстильной, предприятия которой находятся главным образом в руках частного сектора. Это наряду с ростом производства хлопка (в условиях благоприятного положения на мировом рынке хлопка и хлопчатобумажных изделий) дало возможность Пакистану заметно повысить в первой половине 80-х годов производство текстиля и в конечном итоге несколько улучшить состояние внешнеторгового баланса.

Тенденции развития промышленности в первой половине 80-х годов показывают, что частный сектор занимает все более прочные позиции в этой сфере. Однако ключевые отрасли промышленности, в первую очередь отрасли I подразделения, остаются в основном в руках государства. К ним относятся тяжелое машиностроение, переработка нефтепродуктов, частично химическая и цементная промышленность и ряд других. В конечном итоге общий рост промышленного производства предопределил структурные сдвиги в создании общественного продукта: постепенно сокращается доля сельского хозяйства и увеличивается вклад промышленности. Уже в 1985 г. доля условно-чистой продукции промышленности в ВВП возросла до 19% (в 70-е годы она колебалась на уровне 15—16%), а сельского хозяйства сократилась до 27% (по сравнению с 39% с 1970 г.).

Внешняя торговля

На третьем месте после сельского хозяйства и промышленности в создании общественного продукта находится торговля. В 70-е и начале 80-х годов ее доля в ВВП неизменно составляла 14%. Причины относительно высокого удельного веса торговли коренятся в колониальном прошлом Индии, которая в значительной мере развивалась как аграрно-сырьевая база метрополии и рынок сбыта ее товаров. В результате особенно большое развитие получили экспортные сельскохозяйственные отрасли экономики страны.

Внешняя торговля продолжала играть важную роль в процессе экономического роста Пакистана и в ходе независимого развития страны. Ее место определялось особенностями развития национального хозяйства, связанными с получением на мировом рынке отсутствующих элементов воспроизводственного процесса (многих средств производства, орудий и предметов труда), а также экспортной специализацией сельского хозяйства. Значение внешнеэкономических связей определялось и явным превышением спроса на капитал над его предложением, в частности явно недостаточной нормой внутренних накоплений для обеспечения нормального функционирования механизма воспроизводства и нехваткой иностранной валюты для покрытия все возрастающих расходов. Роль внешней торговли за годы независимости не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла в связи с углублением процесса международного

разделения труда, о чем свидетельствует рост вклада торговли в создание общественного продукта — с 11% в 1950 г. до 15% в 1985 г. ⁶⁶.

Довольно высокий удельный вес торговли в ВВП уже в первые годы независимого развития Пакистана — явление не случайное. Иностраный капитал всегда стремился присвоить максимальную часть прибыли из торговли с колониальной Индией, что обеспечивалось не только соответствующим соотношением цен, но и вывозом капитала в колонию. Однако он не мог обойтись без помощи местных торговцев, которые должны были обеспечить полуоптовую и розничную реализацию ввозившихся промышленных и заготовку сырьевых и продовольственных товаров, на которые предъявляла спрос метрополия. Поэтому английский капитал был вынужден делиться с местным торговым капиталом частью своих прибылей. Местным торговцам доставалась, как правило, небольшая доля этих прибылей, но их размеры были таковы, что они оказывались по местным масштабам довольно большими. По этой причине в Индии (да и во многих других колониальных и зависимых странах) накопление капитала осуществлялось главным образом в сфере обращения, и прежде всего во внешней торговле.

О влиянии внешней торговли на ход общественного воспроизводства и зависимости экономики Пакистана от мирового капиталистического хозяйства можно судить по отношению экспорта и импорта к валовому национальному продукту страны — экспортной и импортной квоте ^{66а}:

Год	Экспорт, млн. рупий	Экспортная квота, %	Импорт, млн. рупий	Импортная квота, %
1960	763	4,5	1 806	10,7
1965	1 140	4,4	3 672	14,0
1970	1 609	3,7	3 285	7,6
1972	3 371	6,8	3 495	7,1
1975	10 286	9,7	20 925	19,8
1980	23 410	10,1	46 929	20,3
1985	36 689	7,9	85 051	18,3

Приведенные данные свидетельствуют о постепенном росте (хотя и с весьма заметными колебаниями) отношения экспорта к ВВП, что явилось отражением некоторого повышения темпов роста основных экспортных отраслей сельского хозяйства, в первую очередь производства хлопка. Экспорт играет в Пакистане очень важную роль в экономике, прежде всего по той причине, что является одним из основных источников поступления иностранной валюты, необходимой для импорта капитальных и других товаров. И. В. Жмуйда отмечала в этой связи, что, «поскольку перестройка экономической структуры Пакистана связана с повышением спроса на средства производства, изготовление которых внутри страны далеко не удовлетворяет потребностей, способность к импорту определяет как текущее экономическое положение, так и перспективы развития

страны. Эта способность, в свою очередь, определяется возможностями мобилизации платежных средств в иностранной валюте, и прежде всего за счет экспорта»⁶⁷. Следует отметить, что в Пакистане даже сейчас не так уж много предприятий по производству средств производства, и поступления от экспорта являются важным условием развития современных отраслей промышленности, а значит, и предпосылкой структурных сдвигов в других отраслях и в экономике в целом.

Рассматривая отношение импорта к валовому национальному продукту, следует отметить, что этот параметр, несмотря на значительные колебания, также имел в целом тенденцию к росту. Это в общем естественный процесс, причины которого уже названы выше и связаны с обеспечением функционирования механизма воспроизводства общественного продукта. Единственное, о чем следует сказать особо,— это значительный рост импортной квоты в первой половине 70-х годов, что было непосредственно связано с ростом мировых цен на основные товары пакистанского импорта и самое главное — с разразившимся в конце 1973 г. энергетическим кризисом и необычайно быстрым, весьма значительным и неоднократным повышением цен на нефть и нефтепродукты. Результатом этих явлений стали большой рост расходов на импорт и увеличение отрицательного сальдо торгового баланса.

Внешнеторговый оборот Пакистана имел практически постоянную тенденцию к росту, что обусловлено как увеличением физического объема экспорта и импорта, так и постоянным ростом мировых цен на подавляющее большинство товаров международной торговли; кроме того, рост экспорта и импорта был результатом неоднократной девальвации пакистанской рупии⁶⁸. Анализ общих итогов внешней торговли Пакистана свидетельствует также о том, что на протяжении всего независимого развития страны торговый баланс почти неизменно сводился к растущему дефициту; экспорт составлял в среднем 40—60% импорта. В этом с особой яркостью проявились структурная несбалансированность экономики, унаследованная еще от колониальных времен, слабость производственной базы, а также явно периферийное положение страны в мировом капиталистическом хозяйстве. Общая социально-экономическая отсталость, узость внутреннего рынка вели к тому, что потребности страны в импорте объективно росли быстрее совокупного производства, которое было не в состоянии обеспечить экономику недостающими средствами производства. «При таких обстоятельствах,— справедливо отмечает А. Я. Эльянов,— нехватка импортных товаров тормозит накопление, ведет к недогрузке производственных мощностей, стимулирует инфляционные тенденции. Это отрицательно сказывается на темпах и пропорциях экономического роста»⁶⁹.

Поэтому, несмотря на то что в период независимого развития Пакистана происходили неоднократные повороты от сти-

мулирования импорта к формированию экспорта и от импорт-замещения к либерализации импорта, в основе экспортно-импортных операций лежала необходимость обеспечения потребностей страны в капитальных и потребительских товарах. В отдельные годы в связи с особенно напряженным состоянием платежного баланса, уменьшением внешней помощи и ухудшением валютно-финансового положения страны (такое положение сложилось, например, в первой половине 70-х годов) правительство было вынуждено ограничивать либо даже сокращать ввоз. Однако эти возмущения не нарушали общей тенденции роста импорта.

Структурные изменения в импорте в 50—60-е годы показывают, что они носили общий для развивающихся стран характер и были обусловлены преимущественно задачами индустриализации и потребностями в средствах производства для этих целей. В частности, возрастал удельный вес в импорте капитальных товаров (также сырья и полуфабрикатов для их производства) и сокращалась доля потребительских товаров. Например, доля только оборудования в общем ввозе в Пакистан (до 1971 г.) увеличилась с 9% в начале 50-х годов до 22% в 1970 г.⁷⁰ Быстрыми темпами возрастал импорт промышленного, транспортного и электротехнического оборудования, т. е. таких видов оборудования, которые были крайне необходимы для развития крупного промышленного производства и которые либо вовсе не изготовлялись в Пакистане, либо (в лучшем случае) производились в простейших формах. Среди промышленного сырья и полуфабрикатов для производства капитальных товаров быстрыми темпами возрастал ввоз черных и цветных металлов, а также химических товаров. Особенно быстро увеличивался их импорт в 60-е годы, когда стали интенсивно развиваться вспомогательные отрасли тяжелой промышленности, а с середины указанного десятилетия — и отрасли I подразделения. Отмеченные сдвиги в структуре импорта происходили в первую очередь под влиянием государства, которое своей экономической политикой, в частности внешнеторговым регулированием, подчиняло импорт нуждам экономического развития страны.

В немалой степени указанные изменения в структуре импорта были следствием проводившейся правящими кругами политики импортзамещения, направленной на стимулирование (путем ограничения ввоза) развития национального производства по выпуску ряда потребительских товаров, а затем и некоторых товаров капитального назначения. Наряду с этим осуществлялся курс на экономию валютных средств путем как ограничения импорта отдельных видов товаров (главным образом потребительских), так и прямого запрета их ввоза. Подобная политика не нова: она проводилась в большинстве азиатских стран на определенном этапе их развития и отражала стремление правящих кругов активизировать рост националь-

ной промышленности и хотя бы в какой-то степени ослабить остроту проблемы нехватки финансовых ресурсов, перераспределить имеющиеся ограниченные средства.

Однако уже на рубеже 60—70-х годов политика импортзамещения почти перестала играть доминирующую роль, так как мало оправдала себя (она была эффективной лишь по отношению к производству некоторых потребительских товаров). Довольно быстрое развитие экономики Пакистана в 60-е годы потребовало роста ввоза самых различных по своему назначению товаров — как производственного назначения, так и потребительских. В этих условиях назрела явная необходимость либерализации импорта. Подобные тенденции наблюдались и в ряде других стран Азии, например в Индии⁷¹.

В результате в первой половине 70-х годов практически ежегодно правительство стало включать в свободный список все новые и новые промышленные товары, производство которых уже было освоено национальной промышленностью (как потребительских, так и капитальных). Однако подобная политика была призвана не только стимулировать импорт с целью дальнейшего развития ведущих отраслей экономики. Наравне с предоставленными льготами были установлены более высокие ставки импортных пошлин (причем не только на предметы роскоши, но в том числе и на товары производственного назначения). Таким путем правительство пыталось увеличить приток средств в казну и как-то обеспечить покрытие стремительно растущих государственных расходов. В результате доходы государственного бюджета от этого вида пошлин возросли только в 1973—1975 гг. почти в 2 раза⁷². Подобная политика была продолжена и во второй половине 70-х годов.

Рассматривая объем и структуру импорта Пакистана в 70-е — начале 80-х годов (табл. 5), следует отметить явные изменения, происшедшие в первой половине 70-х годов. В первую очередь обращает на себя внимание быстрый рост стоимостного объема ввоза — с 3,3 млрд. рупий в 1970 г. до 20,5 млрд. рупий в 1976 г. Но здесь следует учитывать уже упоминавшееся выше проведение девальвации рупии в 1972 г.; рост импорта в американских долларах (т. е. с учетом поправки на девальвацию) будет не столь гигантским: за те же шесть финансовых лет ввоз вырос с 1 млрд. до 2,4 млрд. долл.⁷³ Однако увеличение налицо, поэтому вполне закономерно выяснить, какие же причины лежали в основе быстрого роста импорта.

Пожалуй, этот процесс обуславливали главным образом два фактора: необходимость увеличения расходов на импорт нефти и нефтепродуктов и ввоза во все возрастающих размерах (вплоть до конца 70-х годов) продуктов питания. Первое было связано с разразившимся энергетическим кризисом в 1973—1975 гг. и быстрым ростом мировых цен на основные энергоносители. Пакистан, который удовлетворяет свои потребности в нефти и нефтепродуктах за счет национального произ-

Таблица 5

Товарная структура импорта*, %

Статьи импорта	Год										
	1966	1970	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1984		
Весь импорт, млн. рупий	2880	3285	3495	13 479	20 465	27 815	46 929	59 482	76 707		
В том числе:											
нефть и нефтепродукты	2,1	6,1	7,4	11,2	18,3	17,7	22,8	30,3	25,0		
промышленное оборудование	24,2	21,6	17,0	8,2	13,7	14,9	11,9	11,5	14,1		
транспортное оборудование	13,0	10,4	5,6	8,0	6,6	5,9	10,4	8,7	8,2		
удобрения	1,9	8,6	1,5	6,6	2,7	3,8	5,8	1,5	2,0		
черные металлы	9,7	11,0	12,5	8,2	8,3	9,6	6,4	7,0	5,3		
растительное масло	2,8	2,3	2,4	6,1	5,1	5,6	4,9	5,8	8,5		
электротехническое оборудование	7,7	6,7	7,4	4,4	5,8	5,7	5,8	2,8	3,1		
чай	0,4	0,2	4,6	2,5	3,0	4,5	2,0	1,8	3,3		
зерновые и бобовые	8,1	1,7	8,5	11,5	8,8	4,8	2,2	1,4	1,1		
прочие	30,1	31,2	33,1	33,3	27,7	27,5	27,8	29,2	29,4		

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1975—1976. Islamabad, j1976. Statistics, с. 85; Pakistan Economic Survey 1984—1985. Statistics, с. 209.

водства в среднем лишь на 10%, был вынужден изыскивать средства (и немалые) на импорт этого вида товаров. В 1974 г., например, затраты на ввоз нефти возросли почти в 5 раз по сравнению с предыдущим годом; в 1981 г. эти расходы превысили 1,5 млрд. долл. (по сравнению с 26 млн. долл. в 1971 г.)⁷⁴.

Своего рода цепной реакцией этого процесса стало повышение цен на машины и оборудование, которые наряду с нефтью и нефтепродуктами также составляют важную статью пакистанского ввоза, что, естественно, потребовало еще больших затрат на покрытие растущего импорта. Следует подчеркнуть, что рост стоимостного объема импорта и его физического объема не находились в прямо пропорциональной зависимости. Физический объем ввозимых Пакистаном нефти и нефтепродуктов, а также машин и оборудования вырос в минувшее десятилетие незначительно. Например, стоимостный объем ввозимой нефти увеличился в 70-е годы в 73(!) раза, а физический объем — лишь вдвое.

Необходимость увеличения импорта продовольственных товаров (второй фактор) была вызвана несколькими причинами. Во-первых, немалую роль сыграли здесь медленный рост сельского хозяйства (наблюдалось падение его среднечеловеческих размеров) и как следствие невозможность обеспечения продовольствием быстро растущего населения за счет собственного производства. Во-вторых, если до 1971 г. Пакистану не нужно было расходовать иностранную валюту на импорт чая (который потребляется в стране в больших количествах), поскольку в бывшей восточной провинции эта культура составляла основу сельскохозяйственного производства, то после образования Бангладеш значительные суммы пришлось тратить на ввоз этого продукта. Положение с импортом чая усугублялась также и тем, что в 70-е годы цены на него на мировом рынке быстро повышались. Неудивительно, что и удельный вес чая в общей структуре ввоза быстро вырос — с 0,2% в 1970 г. до 4,5% в 1978 г. (см. табл. 5). В-третьих, неизменно заметное место в импорте занимал и продолжает занимать ввоз растительного масла, возможности производства которого внутри страны весьма ограничены.

В общей сложности импорт продовольствия вырос с 4,2% в 1970 г. до 17% в середине 70-х годов и несколько сократился — до 9% — на рубеже 70—80-х годов. Это сокращение обуславливалось ростом сельскохозяйственного производства и увеличением сбора основных продовольственных культур в стране, а также снижением мировых цен на ряд продовольственных товаров, в том числе на чай. Так, доля зерновых и бобовых в общем импорте уменьшилась с 12% в 1975 г. до 1% в 1981 г.; в абсолютном выражении затраты по этой статье снизились соответственно с 2,5 млрд. рупий до 0,6 млрд. В 1981 г. впервые экспорт продовольствия превысил его импорт⁷⁵.

Главным источником иностранной валюты является экспорт, масштабы, характер и структура которого обуславливают состояние платежного баланса. Основным показателем, позволяющим определить степень втянутости страны в международное разделение труда, является экспортная квота. В течение всего периода независимого развития Пакистана она имела в целом тенденцию к повышению; только за последнюю четверть века экспортная квота выросла более чем в 2 раза — с 4,5% в 1960 г. до 11% в начале 80-х годов. Из этого, однако, не следует, что опережение экспорта над производством общественного продукта свидетельствует об улучшении народнохозяйственных пропорций (так же как его отставание не служит сигналом зарождения неблагоприятных явлений в экономике развивающейся страны).

Связь темпов и пропорций экономического роста с динамикой экспорта прослеживается лишь как общая тенденция; многое зависит от того, насколько рост экспорта соответствует увеличению импортных потребностей. Однако, как свидетельствуют статистические данные, практически на протяжении всей истории Пакистана экспорт заметно отставал от импорта и внешнеторговый баланс имел отрицательное сальдо; более того, начиная с середины 70-х годов импорт примерно вдвое превышал экспорт. Неудовлетворительное состояние экспорта обусловлено целым комплексом причин. Прежде всего следует отметить довольно слабую материально-техническую базу и отсталую товарную структуру экспорториентированных отраслей экономики; и, хотя за годы независимости в товарной структуре вывоза произошли определенные изменения (выросла доля готовых изделий и полуфабрикатов для их производства), удельный вес сырья и различного рода сырьевых товаров продолжает оставаться высоким. Преобладание этих видов товаров в экспорте Пакистана делает весьма уязвимым его положение (как, впрочем, и положение многих других развивающихся государств) в международном разделение труда. Проблема заключается в резких колебаниях цен на сырье, амплитуда которых в результате изменений конъюнктуры на мировом рынке намного превосходит колебания цен на промышленные товары; это, естественно, отрицательно сказывается на стабильности экспортных поступлений⁷⁶.

Кроме того, отсталая товарная структура экспорта, способствуя сохранению неблагоприятного соотношения цен на экспортируемые и импортируемые товары, заметно снижает его покупательную способность⁷⁷. Например, если физический объем экспорта нефтеимпортирующих стран развивающегося мира (к каковому относится Пакистан) в 1970—1978 гг. ежегодно возрастал в среднем на 7,1%, то его покупательная способность увеличивалась лишь на 5%⁷⁸. Конечно, неправильно было бы видеть неудовлетворительное состояние экспорта Пакистана только в товарной структуре вывоза. Определенную

роль играют здесь и монополистическая практика ценообразования, и усиление инфляционных тенденций на мировом капиталистическом рынке, и мировые кризисы (наглядный пример тому — отрицательное воздействие на состояние внешней торговли Пакистана, а в конечном итоге и на состояние всего национального хозяйства разразившихся в первой половине 70-х годов энергетического и валютно-финансового кризисов). Но тем не менее все это в большей или меньшей степени связано с опережающим ростом цен на промышленные товары по сравнению с ценами на продукцию сельского хозяйства.

Изменения в товарной структуре экспорта объективно отражают изменения, происходящие на мировом и внутреннем рынке и в развитии основных отраслей экономики, в первую очередь промышленности. Иными словами, структура вывоза в тот или иной исторический период определяется целым комплексом внутренних и внешних факторов. В 50-е годы в условиях низких потенциалов экономики страны, ее односторонней, колониальной структуры, преобладающей роли сельского хозяйства в процессе общественного воспроизводства основу пакистанского экспорта составляли сырьевые товары. Этому в немалой степени способствовал «корейский бум», имевший место в первой половине указанного десятилетия и повлиявший на рост мировых цен на сырьевые товары. Неудивительно поэтому, что практически $\frac{4}{5}$ всего объема вывоза составляли два вида товара — хлопок и джут (вывозился из тогдашней восточной провинции Пакистана) ⁷⁹.

Нужды экономического развития настоятельно требовали диверсификации экспорта. Этой задаче были подчинены те изменения, которые произошли в экспортно-импортной политике на рубеже 50—60-х годов. Суть их заключалась в усиленном поощрении экспорта, что при узости внутреннего рынка открывало большие перспективы для выхода национальной промышленности на мировой рынок. В результате в товарной структуре вывоза стала постепенно сокращаться доля сырьевых товаров и начала расти доля готовых изделий и полуфабрикатов для их производства. Естественно, процесс этот носил сложный и длительный характер, однако изменения были налицо. Достаточно сказать, что если в 1958 г. удельный вес вывозимого сырья превышал 80% всего объема экспорта, то через десять лет его доля снизилась до 50% (в границах до 1971 г.) ⁸⁰. Основные сдвиги в структуре экспорта были связаны с развитием текстильной промышленности. Владельцам текстильных предприятий с целью поощрения вывоза изделий предоставлялись различные льготы — возможность покупки необходимого оборудования и сырья за границей, низкое таможенное налогообложение и др. Действительно, как показано в разделе о развитии промышленности, эти и другие меры привели к росту промышленного производства, в том числе и в текстильной промышленности. Однако продукция этой отрасли была слабо-

конкурентоспособна на мировом рынке: низкое качество текстильных товаров и высокие издержки производства снижали возможности дальнейшей переориентации экспорта.

Структура пакистанского экспорта в 70-е годы свидетельствует о резком изменении господствовавших в предыдущем десятилетии тенденций (в какой-то мере сложившаяся ситуация напоминает картину 50-х годов). По сравнению с 60-ми годами, когда в результате роста промышленного производства и всемерного стимулирования экспорта промышленной продукции (даже за счет государственного субсидирования) доля готовых изделий в общем объеме вывоза постоянно возрастала, в первой половине 70-х годов наблюдалась иная картина: стал увеличиваться удельный вес сырьевых товаров. Это явление было обусловлено комплексом факторов, среди которых необходимо выделить изменение конъюнктуры мирового рынка (рост цен на сырье, усиление конкуренции на рынке готовых промышленных товаров и как следствие трудности со сбытом пакистанских текстильных изделий), заметный рост производства основных сельскохозяйственных экспорториентированных культур, в первую очередь риса. Вырос экспорт риса, хлопко-сырца, кожи, других сырьевых товаров (табл. 6).

В целом экспорт Пакистана в 70-е годы, отражая некоторую его диверсификацию, свидетельствует об ограниченности ресурсов страны, продолжающей оставаться сравнительно однобокой специализацией его экономики. Достаточно сказать, что товары хлопковой группы (хлопок-сырец, хлопчатобумажная пряжа и хлопчатобумажные ткани) в указанный десятилетний период обеспечивали почти 40% экспортных поступлений, а вместе с экспортом риса доходы от вывоза этих двух изделий превышали половину всей экспортной выручки. Серьезное воздействие на уровень вывоза продукции сельского хозяйства оказывают состояние производства в этой отрасли и конъюнктура на внутреннем и мировом рынке. Так, неблагоприятные погодные условия, сложившиеся в середине 70-х годов, ухудшение конъюнктуры на международном рынке хлопка обусловили как абсолютное, так и относительное сокращение экспорта товаров хлопковой группы.

Сложные погодные условия меньше отразились на производстве риса, которое, как показано в разделе о развитии сельского хозяйства, почти неизменно возрастало. Если до раздела 1971 г. почти весь рис, собиравшийся в бывшем Западном Пакистане, вывозился в восточную провинцию, то после образования Бангладеш Пакистан стал крупным международным экспортером риса, доходы от вывоза которого стали почти равны расходам на импорт продовольствия (растительного масла, зерна, муки).

Продолжает занимать весьма заметное место в пакистанском экспорте и вывоз ковров и ковровых изделий. В условиях сокращения экспорта этих товаров из Ирана и Афганистана и

Товарная структура экспорта*, %

Статья экспорта	Год										
	1966	1970	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1984		
Весь экспорт, млн. рупий	1204	1609	3371	10 161	11 253	12 980	23 410	26 270	37 339		
В том числе:											
рис	11,0	5,8	8,1	11,2	22,0	18,6	17,9	15,7	15,2		
хлопок-сырец	23,0	13,1	28,3	3,7	8,7	8,5	14,2	11,2	4,8		
хлопчатобумажные ткани	12,3	16,0	11,4	14,0	12,1	13,4	10,3	11,2	13,0		
ковры и ковровые изделия	1,9	3,4	3,2	4,5	6,4	9,0	9,4	6,4	6,2		
хлопчатобумажная пряжа	8,5	15,8	17,6	17,8	12,6	8,2	8,7	7,9	7,8		
нефтепродукты	1,6	3,0	1,2	1,7	1,7	4,8	7,5	7,8	1,5		
кожа и кожаные изделия	6,2	6,8	5,2	4,1	5,3	4,9	5,4	4,4	5,8		
готовая одежда	0,7	1,2	1,1	1,6	2,9	1,1	3,1	4,9	5,4		
рыба и рыбопродукты	4,1	5,2	3,3	2,7	2,5	2,6	2,3	3,0	2,7		
спортивные товары	1,6	1,9	1,5	1,9	1,7	1,5	1,0	1,2	1,8		
гур	2,2	1,6	1,2	1,7	1,8	1,6	1,4	1,2	1,0		
хирургические инструменты	0,6	0,9	0,7	0,9	1,2	1,2	1,0	1,0	1,2		
прочие	26,3	25,3	17,2	34,2	21,1	24,6	17,8	25,1	33,6		

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1975—1976. Statistics, с. 85; Pakistan Economic Survey 1981—1982, Statistical Annexure, с. 76; Pakistan Economic Survey 1984—1985. Statistics, с. 200—205.

даже несмотря на усиление конкуренции со стороны Индии (которая успешно закрепились на рынке ковров), доходы Пакистана от экспорта ковров и ковровых изделий неуклонно растут. Постепенно увеличиваются (хотя и медленными темпами) доходы от вывоза других традиционных товаров — рыбы и рыбопродуктов, а также кожи и кожаных изделий.

Товарная структура экспорта Пакистана в начале 80-х годов свидетельствует о том, что вывоз сельскохозяйственной продукции, а также продуктов переработки сельскохозяйственного сырья обеспечивал почти $\frac{3}{4}$ всех экспортных доходов. Это говорит о том что Пакистан стремится решить проблемы своего экспорта и сократить большое отрицательное сальдо торгового баланса путем увеличения объема традиционных товаров, а не коренной перестройки структуры экспорта за счет включения в него новых товаров с достаточно высокой валютной эффективностью. Правда, делались и делаются попытки идти вторым путем в решении проблемы экспорта. Это, в частности, находит свое отражение в увеличении экспорта продуктов перегонки нефти (лингроин, нафта, нефтетопливо), которые не находят достаточного сбыта внутри страны. Однако высокая стоимость энергоносителей ведет к тому, что потребление и этих продуктов постепенно увеличивается. Кроме того, объективные условия социально-экономического развития Пакистана, основные тенденции изменения спроса и предложения на мировом рынке, а также низкая конкурентоспособность промышленных товаров делали более выгодным первый путь. К тому же даже незначительное увеличение объема экспорта нетрадиционных товаров невозможно без осуществления сравнительно крупных инвестиций в соответствующие отрасли и сферы экономики, что, естественно, весьма сложно в условиях ограниченности финансовых ресурсов⁸¹.

Подводя итог краткому анализу развития внешней торговли Пакистана, следует отметить, что на протяжении последних трех десятилетий указанная отрасль экономики неизменно занимала важное место в структуре национального хозяйства страны. Это свидетельствует о том, что Пакистан продолжает быть основательно втянутым в орбиту мирового капиталистического хозяйства. Рост вклада внешней торговли в создание общественного продукта является в какой-то степени свидетельством дальнейшего возрастания зависимости экономики Пакистана от этого хозяйства. Пакистанское государство в своей внешнеторговой политике придерживалось в общих чертах тех же принципов, что и в развитии всей экономики, т. е. осуществляло ее на «смешанной» основе, силами как государственного, так и частного сектора. Реализация этих основных принципов на различных этапах социально-экономического развития Пакистана определялась соотношением и расстановкой классовых сил в стране в конкретно взятый исторический период, что, в свою очередь, обуславливало содержание внеш-

неторговой политики, механизм экспортно-импортного регулирования и масштабы его воздействия.

* * *

Мы рассмотрели процесс производства общественного продукта, сосредоточив внимание на его производстве в трех основных отраслях экономики — сельском хозяйстве, промышленности и внешней торговле. Секторный анализ национального хозяйства дал возможность в наибольшей степени проследить размах и глубину общественного разделения труда, процесс постепенного перехода от доиндустриальных к современным формам и методам производства. В частности, такой анализ показал, что за годы независимого развития Пакистана в экономике страны произошли глубокие структурные изменения. Общественный продукт возрос почти в 5 раз; основную часть его прироста обеспечило сельскохозяйственное производство. Большие ассигнования на его развитие, освоение новых земель, устранение феодальных пережитков в системе аграрных отношений, успехи «зеленой революции» и т. д. дали ощутимые результаты. Усилилась товарность земледелия, что выразилось, в частности, в высоких темпах роста производства технических культур. Однако удельный вес сельского хозяйства в ВВП понизился, что было тесно связано с опережающим ростом вторичных и третичных сфер, в первую очередь промышленности.

Основным итогом структурных сдвигов в народном хозяйстве Пакистана в 50-х — первой половине 80-х годов было расширение национальной основы процесса общественного воспроизводства. Благодаря диверсификации экономики, росту современной промышленности и инфраструктуры экономика страны из аграрной (какой она была в первые годы после завоевания независимости) постепенно превращалась в аграрно-индустриальную, в которой многие элементы, необходимые для нормального функционирования воспроизводственного механизма, создавались внутри страны.

Вместе с тем следует иметь в виду, что осуществлявшаяся в Пакистане индустриализация с ее односторонним упором на фабрично-заводскую промышленность в условиях крайне низкого исходного уровня и глубокой дезинтеграции местных хозяйственных структур резко усилила несбалансированность между различными сферами и отраслями и поставила перед страной немало серьезных экономических и социальных проблем. И если бы не расширение сельского хозяйства и сферы услуг (которая была главным абсорбентом избыточного населения), то воспроизводственный процесс был бы крайне затруднен. Однако рост аграрного сектора и ряда отраслей сферы услуг был совершенно недостаточен.

Сельское хозяйство Пакистана явно отставало от тех тре-

бований, которые предъявлялись к нему всем ходом развития. Достаточно сказать, что в 70-е годы среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственного производства отставали от темпов прироста населения. Это создавало перебои на рынке сельскохозяйственной продукции, вело к росту импорта продовольствия (до начала 80-х годов), ограничивало общий уровень накопления. Однако отсталость сельского хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями, хотя и была основным препятствием на пути экономического (в том числе и индустриального) роста Пакистана, тем не менее не являлась его единственной преградой. Поступательное движение вперед как промышленности, так и самого сельского хозяйства в значительной мере сдерживалось слабым развитием отраслей производственной инфраструктуры, строительства, ряда других смежных сфер экономики. Подобная неравномерность сокращала потенции рационального использования весьма ограниченных ресурсов, увеличивала себестоимость продукции и даже вела к прямым ее потерям. Наглядным примером тому может служить явно недостаточный уровень развития производственной инфраструктуры, что отрицательно сказывается на состоянии сельскохозяйственного сектора.

Важным фактором экономического роста Пакистана явилось развитие сферы услуг. Ниже приводятся данные, характеризующие соотношение (%) между основными группами отраслей ⁸²:

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
ВВП	100	100	100	100	100	100
Аграрные отрасли	53	46	39	33	31	26
Индустриальные отрасли ^{82.1}	14	22	29	30	32	35
Отрасли сферы услуг	33	32	33	37	37	39

Из приведенных данных видно, что наряду с индустриальными отраслями роль сферы услуг в создании общественного продукта в целом повышалась. Таким образом, рассматривая динамику роста экономики Пакистана и отраслевой структуры, необходимо принимать во внимание рост не только ведущих отраслей материально-вещественного производства, но и сферы услуг. Основной причиной роста этой сферы было быстрое увеличение платежеспособного спроса на услуги. (Рост сферы услуг и ее вклада в создание общественного продукта характерен для всех стран на определенном этапе их развития. Ее размеры и значение в экономике не только развитых, но и развивающихся государств столь велики, что стала явной ошибочностью непризнания труда в этой сфере в качестве производительного.) Объективная необходимость развития этой сферы превратила ее в прибыльный объект приложения предпринимательских капиталов, в конечный пункт миграционных пото-

ков немалой части экономически активного населения. Как совершенно справедливо отмечал А. Я. Эльянов, «развитие большинства подразделений третичной сферы определяется не только и даже не столько нуждами производства, как такового, сколько запросами сферы потребления. В этом проявляется взаимосвязь экономической и социальной областей общественной жизни, которая с повышением уровня развития имеет тенденцию к укреплению. Особая роль в борьбе за преодоление экономической и социальной отсталости принадлежит тем видам услуг, которые прямо или косвенно способствуют повышению физического и творческого потенциала общества»⁸³. Таким образом, хотя первооснову любой развивающейся экономики составляет, естественно, материально-вещественное производство, рост и расширение сферы услуг также обеспечивают нормальный процесс воспроизводства.

Сдвиги в экономике и занятость

Выше мы рассмотрели основные сдвиги в национальном хозяйстве Пакистана, сосредоточив свое внимание на первой фазе воспроизводства — производстве общественного продукта. Такой уровень анализа позволил нам в наибольшей степени выявить через призму отраслевой структуры особенности экономического развития страны в последние три десятилетия. Акцентируя свое внимание на трансформации экономики Пакистана, что является главной задачей настоящей главы, мы практически не рассматривали весьма интересный и важный вопрос о том, как и в какой степени развитие экономики пакистанского государства влияло на сдвиги в социальной структуре пакистанского общества. Вопрос этот вовсе не прост. Ведь перестройка любого общества (а развивающегося с его многоукладностью, пестротой этнического состава, различиями в культурных традициях и т. д. тем более) происходит одновременно на самых различных качественных уровнях и в разной степени. Основными из тесно связанных изменений в социальной структуре являются трансформация старых и появление новых классов и социальных групп, вертикальные и горизонтальные сдвиги в структуре экономически активного населения, рост наемного труда. Этот список можно было бы дополнить, однако для наших целей следует выделить главные взаимосвязи, тем более что мы хотим сосредоточить свое внимание лишь на одной из них, поскольку подробно эти вопросы будут рассмотрены в следующей главе. Как справедливо писала Т. С. Покатаева, «наиболее тесно связан с экономикой отраслевой состав самодельного населения, сдвиги в котором служат непосредственной предпосылкой перестройки всего общества»⁸⁴.

Структура экономически активного населения находится в прямо пропорциональной зависимости от достигнутого в дан-

ный исторический момент уровня экономического развития страны: чем выше этот уровень, тем больше доля занятых в промышленности, строительстве, сфере услуг и тем меньше она в сельском хозяйстве. Это характерно для всех развивающихся государств на определенном этапе их развития (табл. 7).

Таблица 7

Отраслевая структура занятости в Пакистане*

Отрасль	1972 г.		1982 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Сельское хозяйство	10 793	57,3	13 643	55,7
Промышленность	2 433	12,9	3 349	13,7
Энергетика	70	0,4	122	0,5
Строительство	642	3,4	1 025	4,2
Транспорт, связь	911	4,8	1 171	4,8
Торговля (включая занятых в гостиничном деле и сфере питания)	1 879	10,0	2 681	10,9
Прочие услуги	2 118	11,2	2 510	10,2
Итого	18 846	100,0	24 501	100,0

* Pakistan Economic Survey 1982—1983. Islamabad, 1983, с. 174.

Действительно, постепенно сокращается доля занятых в сельскохозяйственной сфере и растет их доля в индустриальных отраслях, а также в сфере услуг. При этом численность рабочей силы увеличилась не во всех, а лишь в отдельных областях сферы услуг, таких, как торговля, гостиничное хозяйство и сфера питания. В этом нашли свое проявление особенности экономического развития Пакистана в 70-е годы: в условиях нестабильности и неопределенности социально-экономического развития страны капиталовладельцы предпочитали осуществлять инвестиции именно в указанные, наиболее прибыльные отрасли экономики. И именно в эти отрасли устремлялась в поисках возможно большего заработка значительная часть самодельного населения.

Рассматривая общие тенденции изменения занятости в индустриальных отраслях и сфере услуг, принимая во внимание их долю в создании общественного продукта, а также быстрый рост численности населения Пакистана (около 3% в год), мы имеем все основания считать, что в 80-е годы именно сфера услуг является ведущим абсорбентом рабочей силы. Важную роль здесь играют большая трудоемкость этой сферы и очень ограниченные возможности какой-либо механизации, а в конечном итоге и роста производительности труда. Однако здесь следует иметь в виду, что если рост занятости в индустриальных отраслях прямо свидетельствует о поступательном движении экономики вперед, то возрастание численности рабочей си-

лы в отраслях сферы услуг говорит не столько о сдвигах в национальном хозяйстве Пакистана, сколько о возрастании скрытой безработицы.

Большой интерес представляет сравнение структуры занятости со структурой производства общественного продукта. Первое, что здесь сразу же бросается в глаза, — это явное несоответствие между удельным весом занятых в сельском хозяйстве и вкладом этой отрасли в ВВП. В начале 70-х годов сельское хозяйство обеспечивало 37% общественного продукта, в то время как занятость в указанной сфере в тот период достигала 57%. Через десять лет (в начале 80-х годов) первый параметр составил 30%, в то время как второй — 56%. Такое несоответствие (характерное для подавляющего большинства развивающихся стран) было связано с низким уровнем производительности труда в сельском хозяйстве и опережающим (по сравнению с сельским хозяйством) ростом производительности труда в несельскохозяйственных отраслях. Что касается индустриальных отраслей, то здесь наблюдается другая картина: их удельный вес в ВВП растет быстрее, чем занятость. Кроме того, здесь несоответствие проявляется не столь заметно, как в сельском хозяйстве. В определенной мере диспропорции между долями занятости в основных сферах экономики и их вкладом в создание общественного продукта могут служить показателем уровня дуальности экономики, ее очагового развития⁸⁵.

Таким образом, в процессе социально-экономического развития Пакистана несоответствие между отраслевой структурой общественного продукта и отраслевой структурой занятости увеличивалось. Это в определенной степени служит свидетельством возрастания разрыва между современным и традиционным секторами, между городом и деревней, усиления относительного перенаселения в стране.

Накопление и потребление. Пропорции и структура

Выше мы уже рассмотрели структурные сдвиги, происшедшие в процессе производства общественного продукта как внутри ведущих отраслей экономики, так и между ними. Однако такой уровень анализа представляет собой исследование не более чем одного из нескольких высокоагрегированных типов трансформации экономических структур. Большое значение для наших целей имеет и анализ различного рода структурных сдвигов, происходящих на стадии использования общественного продукта. Соотношение между потреблением и накоплением (в особенности при сопоставлении с темпами экономического роста) дает возможность судить о том, какова эффективность реализации накопленных ресурсов (капиталовложений), что, в свою очередь, объясняет те или иные изменения в экономической политике правящих кругов и даже позво-

ляет предсказать потенциальные перемены в будущем. Наконец, изучение структуры накопления (в частности, соотношения между внутренними и внешними его источниками) дает возможность определить место Пакистана в международном разделении труда, а также степень его зависимости от центра капиталистического мира.

Стремясь к активной перестройке экономики, ее диверсификации, достижению высоких темпов экономического роста, Пакистан (как и многие другие развивающиеся страны) прилагал в истекшие почти четыре десятилетия независимого развития немалые усилия к тому, чтобы увеличить норму накопления, а соответственно и капиталовложений. Для достижения этого он стремился сократить потребляемую часть общественного продукта, мобилизовать максимальную часть его прироста на цели капиталовложений, привлечь для этого возможно большие средства извне.

Как известно, норма накопления — далеко не единственный фактор экономического роста. Существует целый ряд факторов, объединенных в группу «интенсивные», которые оказывают все большее воздействие на происходящие сдвиги в национальном хозяйстве той или иной страны (особенно развитой). Однако в современных условиях развивающихся государств, экономика которых характеризуется острой нехваткой средств производства и огромным избытком рабочей силы, экстенсивные факторы роста (среди которых накоплению принадлежит ведущая роль) имеют пока большое значение. По расчетам А. Мэддисона, доля количественных факторов в приросте продукции в Пакистане в середине 60-х годов достигала 96% (з том числе затраты труда — 46% и затраты капитала — 50%), в то время как доля качественных факторов составляла лишь 4%⁸⁶. Хотя эти расчеты относятся к периоду двадцатилетней давности, по нашим оценкам, они применимы и к настоящему времени, так как доля качественных факторов роста выросла очень незначительно. Ведущая роль количественных факторов роста связана главным образом с тем, что на них можно более быстро и эффективно воздействовать. В особенности это относится к норме накопления. Проблема повышения нормы накопления и производственных инвестиций была одной из основных проблем в стратегии развития Пакистана и занимала в 50—70-е годы важное место в пятилетних планах социально-экономического роста страны.

Анализ структуры использования общественного продукта Пакистана в 70-е — первой половине 80-х годов⁸⁷ приводит к весьма интересным выводам (табл. 8). Здесь обращает на себя внимание одновременный (хотя и не постоянный) рост удельного веса как потребления, так и накопления в ВВП. Это было возможно в результате неуклонного возрастания сальдо внешних операций, т. е. явного превышения импорта товаров и услуг над их экспортом. Это явление, в свою очередь, было обус-

ловлено, во-первых, притоком помощи извне и, во-вторых, ростом валютных переводов от пакистанцев из-за рубежа. Приведенные в табл. 8 цифровые данные показывают, что доля потребления (как частного, так и государственного) возросла за указанные 15 лет с 87 до 94% общественного продукта; наряду с этим увеличилась (хотя и в меньшей степени) и норма накопления — с 15,8 до 17,1% ВВП.

Таблица 8

Использование ВВП*, %

ВВП \ Год	Год							
	1970	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1984
ВВП в текущих рыночных ценах, млн. рупий	47 749	54 058	86 853	132 051	178 346	237 614	322 811	418 769
В том числе:								
частное потребление	76,8	75,3	80,5	77,9	80,6	82,4	82,9	81,5
государственное потребление	10,1	12,0	9,8	11,5	10,7	9,9	10,6	12,0
Инвестиции	15,8	14,2	13,4	18,2	17,7	18,2	17,4	17,1
В том числе:								
частные	7,3	6,6	4,4	5,9	5,7	6,3	5,5	6,1
государственные	7,0	6,0	7,8	12,3	11,4	11,1	9,7	9,1
прирост запасов	1,5	1,6	1,2	—	0,6	0,8	2,2	1,9
Экспорт товаров и услуг	7,6	7,3	13,8	10,5	9,3	12,4	10,2	11,4
Импорт товаров и услуг	-10,3	-8,8	-17,5	-18,1	-18,3	-22,9	-21,1	-22,0

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1984—1985. Statistics, с. 25—26.

Возможности увеличения нормы и массы накопления в Пакистане довольно ограничены из-за низкой в целом производительности труда и практически полного отсутствия возможностей снижения фонда потребления. (Здесь вступают в острое противоречие две тенденции: к расширению фонда накопления и к росту фонда потребления.) Одним из главных факторов, затрудняющих изменение пропорций в соотношении между накоплением и потреблением в сторону первого, являются высокий ежегодный рост численности населения страны, достигающий в среднем 3% в год, и соответственно увеличение доли иждивенцев. Так, на 1 января 1985 г., население Пакистана составило около 94 млн. человек; из них приблизительно половина — это дети в возрасте до 15 лет. Поэтому «масштабы возможного роста потенциального фонда накопления за счет прибавочного продукта в конечном счете определяются не столько размерами прироста валового продукта, сколько его приростами в пересчете на душу населения, а последний

фактор во многих странах Азии „съедает“ больше половины валового продукта»⁸⁸. Кроме того, отмеченная выше тенденция к увеличению нормы накопления была неустойчива и прерывалась под воздействием неблагоприятных факторов, таких, как внешнеэкономические, стихийные бедствия и др.

Прежде чем перейти к анализу процесса накопления, необходимо подчеркнуть, что исчисление массы накопления в Пакистане осуществляется не прямым, а косвенным путем. Валовые накопления в данном, отдельно взятом году считаются равными валовым капиталовложениям; подсчет национальных накоплений производится вычитанием из валовых накоплений чистого притока средств извне (национальные накопления представляют собой сумму внутренних накоплений и валютных переводов от пакистанцев, работающих за границей). Затем вычитанием из общей суммы национальных накоплений государственных накоплений пакистанская статистическая служба получает частные накопления. Наконец, вычитанием из общей суммы частных накоплений, накоплений в частнокорпоративном секторе (когда таковые сведения имеются) осуществляется подсчет накоплений в секторе индивидуальных хозяйств.

Таблица 9

Структура накопления*,
млн. рупий

Год	Накопление, всего	Внешние источники	Внутренние источники		
			Всего	Частный сектор, %	Государственный сектор, %
1970	7 541	1 304	6 237	90	10
1972	7 663	738	6 925	100	—
1974	11 614	2 845	8 769	100	—
1976	24 057	8 436	15 621	90	10
1978	31 505	8 746	22 759	88	12
1980	43 345	14 118	29 227	84	16
1982	56 174	19 407	36 767	73	27
1984	71 762	26 554	45 208	85	15

* Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1982—1983. Statistical Annexure, с. 20—21; Pakistan Economic Survey 1984—1985. Statistics, с. 32—33; Naqvi S. N., Sarmad K. Pakistan's Economy through the Seventies, с. 158.

Пакистанская статистика включает в состав валовых накоплений «чистый факторный доход из-за границы» (см. обзоры экономики Пакистана, статистические ежегодники, статистику национальных счетов и др.). Эта позиция начиная с середины 70-х годов представляет собой преимущественно валютные поступления от пакистанцев из-за рубежа. Статистическая служба ООН механически переносит данные пакистанской статистики о структуре накоплений в публикации ООН

(см., например, «Экономический и социальный обзор Азии и Тихоокеании» за 1984 г.). Аналогично, хотя и с незначительными поправками, поступают и некоторые западные экономисты (Г. Аренс, В.-П. Цингель из ФРГ). На наш взгляд, такая практика неверна, поскольку здесь учитывается вся сумма переводов валюты от пакистанцев (которая механически переносится из данных о платежном балансе в статистику национальных счетов). Вместе с тем из общей суммы валютных поступлений в среднем лишь третья часть действительно поступает в фонд накопления. Поэтому мы сделали перерасчет имеющихся в нашем распоряжении данных пакистанской статистики о структуре накопления — соотношении внешних и внутренних источников накоплений (табл. 9).

Норма и масса накоплений в Пакистане характеризуются следующими данными ^{66а}:

Год	Норма накопления, %	Масса накопления, млн. рупий (в текущих ценах)	Масса накопления, млн. рупий (в ценах 1960 г.)
1970	15,8	7 541	5 277
1972	14,2	7 663	4 774
1974	13,4	11 614	5 117
1976	18,2	24 057	6 512
1978	17,7	31 505	7 195
1980	18,2	43 345	7 357
1982	17,4	56 174	8 883
1984	17,1	71 762	10 480

Как свидетельствуют приведенные цифры, масса накопления в 70-е — первой половине 80-х годов выросла с 7,5 млрд. до 71,8 млрд. рупий. Таким образом, среднегодовые темпы прироста накопления в номинальном исчислении (без учета роста цен) составили почти 18%, т. е. в 6 раз опережали рост населения Пакистана. Вместе с тем за быстрым ростом номинальных денежных накоплений скрывается намного более медленное увеличение реальных накоплений, а также значительная неравномерность в их росте в различные исторические периоды. За тот же период среднегодовые темпы роста реальных накоплений составили 5%, что лишь на 2% превышает ежегодное увеличение численности населения. Для сравнения укажем, что подобные расчеты, произведенные А. Е. Грановским по Индии, показывают ту же тенденцию: номинальный рост накоплений более чем в 5 раз превышал рост населения, в то время как реальные накопления в расчете на душу населения даже сокращались ⁸⁹.

Рассматривая макроструктуру накопления в Пакистане, следует разграничивать процесс накопления в 50—60-е годы и в последующий период. Связано это с ролью внешних источников накопления в формировании всей массы накопления в стране. В 50-е и 60-е годы накопление формировалось главным образом за счет внутренних источников — отчислений из доходов, создаваемых в основных отраслях экономики, налоговой

системы, дефицитного финансирования и т. д. Даже несмотря на увеличение в 60-е годы притока внешней помощи, внутреннее накопление явно доминировало над внешним. Аналогичное положение продолжало существовать и в начале 70-х годов. Однако уже в то время стала прослеживаться тенденция к постепенному повышению роли внешних источников (эта тенденция сдерживалась медленным поступлением внешних средств в тот период в связи с отказом Пакистана от девальвации рупии, чего требовали страны-доноры; в конечном итоге Пакистану пришлось провести в мае 1972 г. девальвацию, и помощь стала быстро расти). Если в начале 70-х годов доля внешних источников накопления колебалась на уровне 10—15%, то в 1974 г. она достигла 25%, в 1978 г. — 28%, а в начале 80-х годов превысила треть всей массы накопления (см. табл. 9).

Этот процесс не является экстраординарным и характерен для многих азиатских государств. Осложнения на мировом рынке (валютно-финансовый и энергетический кризисы первой половины 70-х годов) и рост внешнеторгового дефицита привели к увеличению роли внешнего финансирования экономического роста в большинстве стран Востока вопреки ранее планировавшемуся ее уменьшению. Например, только в 1970—1974 гг. доля внешних источников накопления в 12 странах Азии увеличилась с 15 до 20% ⁹⁰. Дальнейший ход экономического развития азиатских государств подтвердил предположение, высказанное В. И. Искольдским во второй половине 70-х годов: «Не исключено, что подобная тенденция (рост доли внешних накоплений.— С. К.) сохранится для ряда стран и в ближайшем будущем, а это неизбежно вызовет дальнейшее обострение проблемы внешней задолженности» ⁹¹. Пример Пакистана свидетельствует, о том что роль внешних источников накопления и в 80-е годы продолжает неуклонно возрастать. Однако оборотной стороной этого процесса является увеличение внешнего долга страны (достигшего в 1985 г. 12 млрд. долл.) и как следствие обострение проблемы выплаты задолженности.

Внутренние накопления

Большой интерес в исследовании процесса накопления в многоукладных странах представляет социальная структура накопления, т. е. структура его распределения по секторам. Национальная статистика ряда азиатских государств позволяет выделить три сектора: государственный, частнокорпоративный и индивидуально-хозяйственный. Однако пакистанская статистика с большей или меньшей степенью достоверности выделяет роль лишь государственного и частного секторов в формировании внутренних накоплений (см. табл. 9) ⁹².

Государственный сектор. Как в 50—60-е годы, так и после раздела Пакистана в 1971 г. накопления в государственном

секторе играли подчиненную роль по сравнению с частным сектором. Практически в 70-е годы они не превышали в среднем пятой части всего объема внутренних накоплений. Такое сравнительно небольшое значение накопления в государственном секторе экономики обуславливалось всем ходом социально-экономического развития Пакистана, где государство практически неизменно играло второстепенную роль по сравнению с частнокапиталистическим предпринимательством. Даже в период правления З. А. Бхутто, когда роль госсектора в национальном хозяйстве страны значительно возросла, его доля в общей массе накопления едва достигала 10%.

Деятельность государства в процессе накопления теснейшим образом связана с осуществлением им перераспределительных функций. Рост доли общественного продукта, сосредоточенной в руках государства после фазы перераспределения, непосредственно способствует увеличению нормы накопления в масштабах всей экономики. За время независимого развития Пакистана указанная доля увеличилась с 9% в 1950 г. до 30% в начале 80-х годов. Тенденция повышения перераспределяемой части общественного продукта характерна для всех развивающихся стран; это свидетельствует о том, что независимо от выбранного пути развития государство становится (в большей или меньшей степени) обязательным элементом социально-экономического развития страны, в том числе процесса накопления.

В условиях Пакистана, так же как и большинства других развивающихся стран с их малорентабельным государственным сектором, слабо развитыми рынком ссудных капиталов и кредитной системой, одним из важных источников накопления в государственном секторе были и остаются налоги. Причем эту функцию налоги выполняют не только прямо, но и косвенно — путем разнообразных налоговых льгот и скидок для частнокапиталистического сектора. На протяжении всего периода существования пакистанского государства правящие круги страны стремились усилить налогообложение и обеспечить таким путем поступление в свое распоряжение возможно больших средств. Налоги не были единственным объектом таких усилий. Это в равной мере коснулось и других источников казначейских доходов — как внутренних, так и внешних. Такая общая, и в частности налоговая, политика правительства была обусловлена нуждами экономического, социального и культурного развития страны.

В 1970—1984 гг. совокупные налоговые поступления центрального и провинциальных правительств выросли с 6,8 млрд. до 67,6 млрд. рупий. Однако, как свидетельствуют данные табл. 10, за этим гигантским, почти 10-кратным, ростом налоговых доходов в текущих ценах скрывается намного более скромный рост реальных налоговых поступлений, особенно в расчете на душу населения.

Таблица 10

Налоги в 1970—1984 гг.*

Год	Налоги, млн. рупий		Косвенные налоги, %	Прямые налоги, %	Налоги на ду- шу населения (в ценах 1970 г., рупий)
	в текущих ценах	в ценах 1970 г.			
1970	6 815	6 815	82	18	114
1972	6 963	6 265	75	25	99
1974	11 254	6 587	85	15	98
1976	18 079	7 880	80	20	110
1978	25 020	9 219	80	20	122
1980	38 589	12 184	76	24	152
1982	51 511	13 087	71	29	154
1984	67 615	15 665	73	27	170

* Рассчитано по: Pakistan. Basic Facts 1979—1980. Islamabad, 1980, с. 207—209; Pakistan Economic Survey 1982—1983. Statistical Annexure, с. 14—15, 68—85, 118; Pakistan Statistical Yearbook 1984, с. 232, 241, 369, 378.

Нетрудно заметить, что в среднем $\frac{4}{5}$ всех налоговых поступлений обеспечивалось за счет косвенных налогов. Большой удельный вес косвенных налогов в налоговых доходах — характерная черта государственных бюджетов подавляющего большинства развивающихся стран и главное отличие их налоговых систем от налоговых систем развитых государств. В значительной степени именно за счет косвенного обложения происходило возрастание как налоговых поступлений, так и ординарных доходов в целом в большинстве азиатских стран. Господствующие классы стремились возложить основные тяготы решения стоявших перед этими государствами задач, в том числе преодоление социально-экономической отсталости, на трудящихся. Так происходило и в Пакистане, где прослеживается тенденция к росту косвенного налогообложения и повышению значения косвенных налогов в процессе накопления. Правящие круги страны неоднократно повышали не облагаемый подоходным налогом минимум: в 1959 г. он был установлен на уровне 6 тыс. рупий, в 1973 г. — 9 тыс., в 1974 г. — 12 тыс., в 1983 г. — 18 тыс. и в 1985 г. — 24 тыс. рупий. Неудивительно поэтому, что в 70-е — первой половине 80-х годов наблюдался опережающий рост косвенных налогов по сравнению с прямыми.

Необходимость проведения подобной налоговой политики аргументировалась стремлением направить возможно большие средства на цели накопления. В одном из официальных документов пакистанского правительства в этой связи отмечалось: «Прямое налогообложение нельзя сделать более прогрессивным без того, чтобы не повлиять на стимулы к труду и накоплению. Налоговая политика должна в полной мере учитывать нужды капиталонакопления. Для того чтобы достичь высокого

уровня накопления и капиталовложений, придется на начальных этапах допустить рост неравенства в распределении доходов. Что действительно нежелательно, так это большие различия в уровне потребления. Поэтому налоговая политика должна быть такой, чтобы направить большую часть высоких доходов не на потребление, а на накопление и инвестиции»⁹³. Эти идеи были высказаны в начале 60-х годов и зафиксированы во втором пятилетнем плане на 1960—1965 гг.; однако подобная политика проводилась и в 70-е годы, и в первой половине 80-х годов. В шестом пятилетнем плане экономического развития Пакистана, рассчитанном на 1983—1988 гг., отмечалось, что число налогоплательщиков продолжает оставаться крайне незначительным и составляет 800 тыс. человек (1983 г.), т. е. всего 0,9% населения Пакистана⁹⁴.

В условиях острой нехватки финансовых ресурсов и дефицитности государственного бюджета оборотной стороной подобной налоговой политики был рост косвенного налогообложения. На протяжении всего периода независимого существования страны практически в каждом бюджете на очередной финансовый год можно найти те или иные изменения, направленные на рост косвенных налогов. Доминирование их в общей сумме налоговых поступлений тесно связано с относительно низким уровнем социально-экономического развития Пакистана, большим влиянием внешней торговли на ход общественного воспроизводства, общим уровнем бедности, при котором значительная часть населения Пакистана располагала и располагает доходом, который ниже не облагаемого налогом минимума. Однако немалая часть налоговых поступлений направлялась не на цели накопления, а на непроизводительное потребление (военные, административно-управленческие расходы, обслуживание государственного долга и др.), заметно сокращало общую сумму бюджетных накоплений.

Частный сектор. Как уже отмечалось, мы, к сожалению, практически лишены возможности разделить накопления, образуемые в частном секторе экономики, на накопления частно-корпоративного сектора и сектора индивидуальных хозяйств. Однако в нашем распоряжении имеется ряд статистических данных, которые хотя и весьма приблизительно, но тем не менее дают возможность определить структуру накопления в частном секторе. В середине 70-х годов при разработке пятого пятилетнего плана социально-экономического развития Пакистана (1978—1983) перед специалистами Плановой комиссии была поставлена задача выявить (хотя бы приблизительно) вклад двух указанных выше секторов в формирование внутренних накоплений. Эта работа была выполнена, однако расчеты, проведенные Плановой комиссией, не совпадали с регулярными статистическими данными о накоплениях, публикуемыми статистическим отделом министерства финансов Пакистана. Поэтому это исследование, завершенное в 1976 г.,

так и не было опубликовано. Вместе с тем мы считаем, что в условиях практически полного отсутствия каких-либо данных о структуре накопления в частном секторе экономики было бы ошибкой пренебречь этими расчетами, поскольку при всей их неточности они могут показать соотношение между накоплениями, образуемыми в частнокорпоративном секторе и секторе индивидуальных хозяйств (табл. 11). Не зная, каким образом осуществлялись расчеты, и не имея в этой связи возможности критически их оценить, мы сосредоточили свое внимание лишь на процентном соотношении между двумя указанными секторами.

Таблица 11

Структура частного накопления*

Год	Всего накоплений		Частнокорпоративный сектор		Сектор индивидуальных хозяйств	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%
1965	1864	100	312	17	1552	83
1966	3288	100	360	11	2928	89
1967	3645	100	336	9	3309	91
1968	3151	100	440	14	2711	86
1969	3279	100	512	16	2767	84
1970	3994	100	560	14	3434	86
1971	4792	100	480	10	4312	90
1972	5124	100	450	9	4674	91
1973	8477	100	350	4	8127	96
1974	6376	100	300	5	6076	95
1975	7990	100	420	5	7570	95
1976	8900	100	525	6	8375	94

* Составлено по: *Ahrens H. and Zingel W.-P. Towards Reducing the Dependence on Capital Market. A Planning Model for Pakistan's Policy of Self-Reliance.* Wiesbaden, 1982, с. 135.

Приведенные в табл. 10 данные свидетельствуют, что за 12 лет накопления в частнокорпоративном секторе выросли незначительно (стоимостные показатели даны в текущих ценах), в то время как накопление в секторе индивидуальных хозяйств в целом заметно увеличилось; постепенно и соотношение между двумя указанными секторами менялось в пользу индивидуальных хозяйств — с 86% в среднем во второй половине 60-х годов до 93% в первой половине 70-х годов. Следует обратить внимание на то, что в конце второго пятилетнего плана, в годы выполнения третьего пятилетнего плана, а также в 70-е годы (когда стала заметно меняться экономическая политика правящих кругов) каких-либо возмущений в накоплении в частном секторе в целом не наблюдается.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении всего периода

независимого развития Пакистана правительство страны прилагало немалые усилия к тому, чтобы поднять норму накопления за счет частного сектора (в том числе частнокорпоративного). Одним из основных инструментов в этом процессе была налоговая политика. Уже после прихода к власти М. Айюб-хана в Пакистане уменьшен корпоративный налог; был отменен налог на предпринимательскую прибыль и почти в 2 раза сокращен налог на сверхприбыль. Затем, в первой половине 60-х годов, новые промышленные предприятия стали полностью освобождаться от налогообложения на четыре—восемь лет (в зависимости от места расположения). В официальных пакистанских документах в то время прямо отмечалось: «Налоговая политика правительства направлена на поощрение накопления и капиталовложений, рост промышленного производства и экспорта»⁹⁵. Эти же идеи проводились в жизнь и после прихода к власти в Пакистане пражданской администрации во главе с З. А. Бхутто⁹⁶. Аналогичная политика отмечена и в период правления военных во главе с Зия уль-Хаком.

Процесс накопления в секторе индивидуальных хозяйств практически на всем протяжении второй половины 60-х — первой половины 70-х годов имел заметную тенденцию к росту. Однако необходимо иметь в виду, что для этих хозяйств накопление денежных ресурсов не является объективно присущим им видом деятельности. Поэтому здесь едва ли не главной движущей силой процесса накопления (хотя и носящей опосредованный характер) выступало и продолжает выступать государство. Как отмечал А. Е. Грановский, «воздействие государства на накопления индивидуальных хозяйств складывается из двух основных компонентов: принудительной мобилизации сбережений индивидуального сектора и создания дополнительных стимулов для их накопления в финансовых активах и физических капиталовложениях»⁹⁷. Государство активно влияет на ход накопления в индивидуальных хозяйствах с помощью налоговой системы и налоговой политики, а также дефицитного финансирования. Выше уже шла речь о налоговой политике правительства, поэтому остановимся на дефицитном финансировании, которое, по существу, является средством принудительного изменения соотношения между конечным личным потреблением и накоплением в сторону роста последнего. Пакистанское государство уже с первых лет независимого существования стало прибегать к использованию дефицитного финансирования, т. е. к займам эмиссионного банка, выдававшимся под казначейские векселя за счет избыточной бумажноденежной эмиссии. Сущность этого процесса заключается в том, что значительная часть вновь выпускаемых денег не обеспечивается товарным эквивалентом или капиталовложениями под будущую продукцию, а покрывается казначейскими векселями, которые, как правило, никогда не выкупаются. Таким образом, деньги, обращаемые на покрытие части бюджетного дефицита и увели-

чивающие норму накопления, по существу, представляют собой субсидию центрального эмиссионного банка государству.

Наибольшее распространение практика использования дефицитного финансирования для покрытия бюджетного дефицита получила в 70-е годы. Это было обусловлено действием целого комплекса факторов; основные из них были связаны с острым внутривалютным кризисом в начале указанного десятилетия и нестабильной политической обстановкой в 1976—1977 гг., утечкой капиталов из страны, неспособностью правящих кругов повысить норму внутренних накоплений за счет привода в действие рычагов принудительного накопления (в первую очередь прямого налогообложения), заметным сокращением в отдельные годы внешней помощи (особенно в начале 70-х годов), влиянием энергетического и валютно-финансового кризисов и т. д. Поэтому неудивительно, что в указанное десятилетие за счет избыточной бумажноденежной эмиссии покрывалось в среднем от 20 до 25% всех инвестиций (в 1971/72 г., например, с помощью этого чрезвычайного источника доходов было покрыто около 70% общей суммы капитальных вложений)⁹⁸.

Аналогичное положение продолжало существовать и в первой половине 80-х годов. В тот период за счет дефицитного финансирования покрывалось в среднем 15—20% капитальных расходов. Так, в своей речи по поводу принятия государственного бюджета на 1983/84 г. министр финансов Гулям Исхакхан официально объявил об использовании печатного станка для обеспечения бюджетных затрат в размере 6 млрд. рупий (общая сумма расходов на развитие составила 31 млрд. рупий). Такое же официальное сообщение было сделано и перед утверждением бюджета на следующий, 1984/85 г., когда было принято решение о покрытии 5,6 млрд. рупий за счет дефицитного финансирования⁹⁹.

Однако было бы неверно подходить к политике дефицитного финансирования однозначно, а именно как к способу повышения нормы накопления в секторе индивидуальных хозяйств. Противоречивость дефицитного финансирования заключается в том, что, с одной стороны, оно действительно содействует процессу накопления, а с другой — ведет к быстрому и неравномерному (по секторам) инфляционному росту цен со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями как для экономики страны в целом, так и для тех слоев пакистанского общества, которые имеют фиксированные доходы. Именно два последних фактора, а также реальная опасность обострения социальных противоречий в немалой степени сдерживали широкое использование правящими кругами Пакистана на всех этапах его исторического развития дефицитного финансирования как средства повышения нормы накопления. Более того, государство было вынуждено возвращать часть изъятой стоимости посредством таких мер, как установление надбавок к

заработной плате рабочих и служащих на дороговизну, выдача различного рода пособий, субсидирование цен на некоторые основные продовольственные товары и др. Таким путем правящие круги пытались балансировать между стремлением использовать столь легкий способ повышения нормы накопления, как дефицитное финансирование, и тем серьезным отрицательным влиянием, которое он оказывает на состояние национального хозяйства и структуру распределения доходов в стране.

Внешние накопления

Для Пакистана, как и для подавляющего большинства развивающихся государств, характерен острый дефицит накоплений, т. е. значительный разрыв между необходимым объемом средств, требующихся для поступательного движения экономики вперед, и имеющимися реальными ресурсами (которые, по существу, и являются внутренними накоплениями). Этот большой дефицит на практике покрывается за счет притока средств извне, которые образуют внешние источники накопления. Кроме того, потребность во внешних ресурсах обуславливается необходимостью изыскания иностранной валюты для производительной реализации накоплений. Теоретически все эти потребности могут быть обеспечены за счет экспортной выручки, однако в реальной действительности доходы от вывоза не только не представляют собой необходимого валютного компонента, но даже не в состоянии покрыть импорт; как было показано в разделе о внешней торговле Пакистана, баланс внешней торговли из года в год сводился с отрицательным сальдо. Более того, в 70-е годы практически ежегодно внешне-торговый дефицит превышал объем экспорта. В этих условиях Пакистан был вынужден постоянно изыскивать необходимые ресурсы на внешних рынках.

Внешние источники накопления образуются за счет иностранных займов и субсидий, иностранных частных инвестиций, а также частных переводов из-за рубежа.

Иностранные займы и субсидии занимали важное место во внешних накоплениях в течение всего хода экономического развития Пакистана. Но, пожалуй, особенно острой стала зависимость страны от средств извне после образования Пакистана в современных границах. По расчетам Международного банка, Пакистан, находившийся к концу 70-х годов на шестом месте среди развивающихся стран по численности населения, занимал девятое место по размерам внешнего долга, четвертое — среди получателей помощи на двусторонней основе и седьмое — на многосторонней основе¹⁰⁰. А вот другой факт, свидетельствующий о том, какое место принадлежало внешней помощи в финансировании пятилетних программ социально-экономического развития страны: за счет таких средств было

обеспечено около 40% всех инвестиций в первом пятилетнем плане, 38% — во втором, 32% — в третьем, более 50% — в ежегодных программах развития, осуществлявшихся в 70-е годы, и 49% — в пятом пятилетнем плане. В пятой пятилетке (1978—1983) ставилась задача резко повысить норму внутренних накоплений с целью снизить зависимость от внешних ресурсов; соотношение между ними должно было составить 1:5 в пользу внутренних. Однако эта попытка закончилась неудачей, что было одной из причин срыва выполнения плана.

Следует подчеркнуть, что внешние источники накопления заметно отличаются в системе накопления от внутренних по методам как их изыскания, так частично и использования. В отношении мобилизации и реализации внутренних ресурсов законодательный орган страны обладает определенной свободой действий, хотя и ограниченной в некоторой степени экономическими условиями и расстановкой классовых сил. Что же касается предоставления внешних ресурсов (а в какой-то мере и их использования), то здесь решающее слово остается за страной-донором или за организацией-кредитором. В этой связи изучение внешних источников накопления дает возможность в определенной степени проследить внешнеполитический курс пакистанского государства и систему его внешнеполитических связей.

В первое десятилетие самостоятельного развития Пакистан, будучи слабым как в экономическом, так и в политическом отношении, не имея возможности рассчитывать на собственные силы, остро нуждался в самой разнообразной помощи извне. Этим не замедлили воспользоваться империалистические державы, предложившие Пакистану «бескорыстную» помощь в виде займов и субсидий. Широкое пользование подобными услугами привело Пакистан, развивающийся по капиталистическому пути, к односторонней ориентации на западные державы, в первую очередь на США, к заключению с ними военных соглашений и вхождению в созданные ими военные пакты. Однако значение внешних источников накопления в экономическом развитии было в тот период более чем невелико; достаточно сказать, что отношение внешней помощи к общественному продукту исчислялось в 50-е годы в среднем 1—2%.

Первая половина 60-х годов характеризовалась заметным увеличением роли внешних источников накопления в развитии национального хозяйства Пакистана. Если отношение иностранной помощи к общественному продукту страны составило в середине 50-х годов 1,1%, то к 1965 г. оно возросло до 6,3%¹⁰¹. В официальных пакистанских изданиях подчеркивалось, что внешние источники финансирования сыграли важную роль в увеличении капиталовложений в экономику и ее развитии в годы выполнения второго пятилетнего плана¹⁰². В тот период абсолютные размеры иностранной помощи были наибольшими не только по сравнению с предыдущими годами, но и с треть-

им пятилетним планом. В первой половине 60-х годов быстро развивался процесс относительного роста займов и сокращения даров (хотя в абсолютном выражении размеры иностранной помощи, предоставленной в форме безвозмездных субсидий, выросли по сравнению с первой пятилеткой почти в 2 раза). Одновременно заметно сократилась доля займов, подлежащих погашению в рупиях. Эти факты свидетельствуют о том, что развитые капиталистические страны держали курс на «ужесточение» отношений с Пакистаном в области внешнеэкономических связей.

Третий пятилетний план предполагал рост внешних источников накопления приблизительно на 60% по сравнению со второй пятилеткой. Однако в силу ряда причин (в том числе и политического характера) уровень внешних накоплений остался практически прежним (табл. 12). Это серьезно отразилось на развитии экономики Пакистана и выполнении заданий третьей пятилетки. В частности, среднегодовые темпы прироста общественного продукта страны во второй половине 60-х годов, хотя и были довольно высокими (5,1%), тем не менее не достигли запланированных 6,5%. Положение усугублялось еще и тем, что Пакистан не смог в полном объеме реализовать даже полученную им помощь. Если мы обратимся к цифрам, то обнаружим, что в 1965/66 г., например, страна получила в порядке помощи около 430 млн. долл. (на треть меньше предполагавшейся по плану суммы), а использовано было лишь около 380 млн. долл., или почти на 15% меньше поступивших средств. Аналогичная картина наблюдалась и в следующем (1966/67) году, а также в целом в 1968—1970 гг. В общей сложности из 2,9 млрд. долл., полученных Пакистаном в порядке помощи в 1965—1970 гг., 15% так и не было использовано, хотя в последние два года действия третьего пятилетнего плана иностранная помощь, поступившая в страну, заметно превышала плановые наметки.

Значение внешних источников накопления в 70-е годы характеризуется большими колебаниями. Например, в начале указанного десятилетия за счет таких средств была обеспечена примерно седьмая часть фонда накопления; однако уже к середине 70-х годов внешнее накопление приближается к четверти, а затем стабильно превышает треть всех накоплений. Невысокая доля внешних средств в первый год правления З. А. Бхутто в основном объясняется прекращением предоставления кредитов Консорциумом помощи Пакистану и рядом государств, не входящих в состав этой организации¹⁰³. Правда, после согласования в 1972 г. со странами-донорами вопросов о сроках и порядке погашения задолженности, а также проведения девальвации пакистанской рупии внешняя помощь была возобновлена.

Дальнейший рост размеров внешних накоплений был итогом весьма активной внешнеполитической деятельности

З. А. Бхутто. Если до кризиса 1971 г. Пакистан был в силу своего географического положения в целом «равноценно» связан со странами как Среднего Востока, так и Юго-Восточной Азии, то после отделения восточной провинции возникла серьезная проблема переориентации внешнеэкономических и внешнеполитических связей, дальнейшего расширения отношений с социалистическими странами. В решении этих и ряда других смежных проблем Пакистан стремился заручиться поддержкой как можно большего числа государств. В первые годы правления администрации З. А. Бхутто резко увеличилось число официальных визитов. И сам З. А. Бхутто, и члены его кабинета посещали (зачастую неоднократно) многие развитые и развивающиеся страны. В своей внешнеполитической деятельности правительство настойчиво стремилось активизировать взаимоотношения с ведущими капиталистическими государствами. Следует отметить, что поездки З. А. Бхутто в США, Англию, Францию, Канаду и другие страны принесли определенные результаты. В частности, правительству З. А. Бхутто удалось добиться увеличения экономической помощи западных стран и некоторого облегчения условий предоставления кредитов (в частности, несколько сократился средний процент по займам).

Таблица 12

Внешняя помощь, предоставленная Пакистану*,
млн. долл.

Период	Общая сумма помощи	Займы		Дары	
		млн. долл.	%	млн. долл.	%
Предплановый период (1951—1955) . . .	337	121	36	216	64
Первый пятилетний план (1955—1960) . .	1075	497	46	578	54
Второй пятилетний план (1960—1965) . .	2911	1805	62	1106	34
Третий пятилетний план (1965—1970) . .	2937	2233	76	704	24
1970—1975 г.	3942	3567	90	375	10
1975/76 г.	958	856	89	102	11
1976/77 г.	1115	928	83	187	17
1977/78 г.	979	828	85	151	15
1978/79 г.	1409	1187	84	222	16
1979/80 г.	1713	1403	82	310	18
1980/81 г.	988	755	76	233	24
1981/82 г.	1677	1191	71	486	29
1982/83 г. (июль — декабрь)	753	519	69	234	31

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1982—1983, с. 66.

Как свидетельствуют приведенные в табл. 12 данные, общий приток средств извне в первой половине 70-х годов достиг почти 4 млрд. долл., что в абсолютном исчислении превысило внешние поступления как в период выполнения второго (1960—1965), так и третьего (1965—1970) пятилетних планов

экономического развития страны. Отношение внешней помощи, поступившей в страну, например, в 1974/75 г., к общественному продукту превысило 11% (для сравнения напомним, что в середине 50-х годов это отношение составляло 1,1%, а в середине 60-х годов — 6,3%). Однако наравне с ростом притока средств извне происходило дальнейшее изменение характера оплаты долгов. В частности, в 70-е годы практически полностью прекратилось предоставление кредитов, которые выплачивались бы в рупиях; кроме того, сократилось по сравнению с предыдущим десятилетием предоставление безвозмездных субсидий. Изменения в порядке погашения иностранных кредитов в структуре помощи усугубили и без того сложное валютно-финансовое положение Пакистана.

В 70-е годы произошли изменения и в географии внешних источников накопления. Во-первых, возросло для Пакистана значение таких стран-доноров, как Япония, Канада, ФРГ, при одновременном снижении роли американской экономической помощи (ее доля в 1970—1978 гг. едва достигла пятой части всех средств, поступивших в Пакистан извне в порядке помощи). Во-вторых, несколько активизировались внешнеэкономические связи Пакистана с социалистическими странами. В-третьих, намного более тесными стали отношения Пакистана с мусульманскими нефтедобывающими государствами.

Наиболее важным для пакистанской экономики (в том числе и для повышения нормы внешних накоплений) шагом правительства З. А. Бхутто было значительное расширение связей с мусульманскими нефтедобывающими государствами (например, бывший шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и З. А. Бхутто встречались в 70-е годы 15 раз. Глава пакистанского государства неоднократно посещал Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ; встречался с руководителями Катара, Омана, Бахрейна). Не останавливаясь на политических причинах усиления связей Пакистана с нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока, среди экономических факторов сближения следует назвать, во-первых, острую нехватку в Пакистане нефти и нефтепродуктов; во-вторых, наличие в этих странах больших и постоянно растущих запасов иностранной валюты, условия предоставления которой не столь жестки, как развитыми капиталистическими государствами; в-третьих, заинтересованность Пакистана в мусульманских нефтедобывающих странах как в рынке сбыта ряда своих товаров; в-четвертых, реальную возможность для Пакистана стать одним из основных поставщиков сельскохозяйственной продукции для своих ближневосточных соседей.

Итогом расширения внешнеэкономических связей Пакистана с этими государствами было значительное возрастание притока средств из указанных стран в порядке помощи. Если в 60-е годы Пакистан практически не получал займов и даров от нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока,

то в 70-е годы в страну в среднем ежегодно поступало по 280 млн. долл. А всего мусульманские нефтедобывающие государства предоставили в 1974—1984 гг. свыше 2 млрд. долл.

Развитие многостороннего сотрудничества с нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока как часть общего курса на расширение внешнеполитических и внешнеэкономических связей Пакистана являлось положительным моментом в деятельности правительства З. А. Бхутто. Дело в том, что, проводя такой курс, правящие круги страны в определенной мере снижали зависимость Пакистана от развитых капиталистических государств. Однако нельзя не учитывать и отрицательные стороны такого сотрудничества. Наряду с усилением экономической зависимости от мусульманских нефтедобывающих стран Пакистан постоянно испытывает идеологическое влияние, которое оказывают на него эти государства. Исламизация многих сторон экономической, политической и социальной жизни пакистанского общества (в определенной степени — на словах) — во многом прямое следствие такого влияния. Тесная связь с мусульманским миром сказывается и на внешней политике Пакистана.

Следует подчеркнуть, что правящие круги страны, несмотря на объективную ограниченность финансовых ресурсов, и в 70-е и в первой половине 80-х годов стремились снизить зависимость экономического развития от внешней помощи, одновременно принимая меры к росту внутренних источников накопления. Однако подобные попытки, как уже отмечалось, практически не увенчались успехом. Особенно показательно в этом отношении выполнение плановых заданий пятого пятилетнего плана (1978—1983). В соответствии с планом чистый приток внешних ресурсов должен был вырасти с 7,8 млрд. рупий в 1978 г. до 9,8 млрд. в 1983 г., т. е. увеличиться лишь на 25%; основная же часть капитальных вложений должна была быть обеспечена за счет внутренних накоплений. Однако на самом деле чистый приток средств извне возрос почти в 2 раза и достиг к 1983 г. 14,7 млрд. рупий. Более того, значение внешних накоплений в финансировании инвестиций не только не сократилось, а, наоборот, увеличилось. Правда, рост внешних источников накопления в годы пятой пятилетки был важным фактором его почти полного выполнения. Реализация же запланированного перераспределения в соотношении внешних и внутренних источников накопления могла весьма неблагоприятно сказаться на выполнении плановых заданий.

В шестом пятилетнем плане экономического развития Пакистана, рассчитанном на 1983—1988 гг., также ставилась задача сокращения доли внешних ресурсов в обеспечении развития национального хозяйства страны. В плановом документе, в частности, отмечалось: «Необходимо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на предположение о росте притока внешней помощи, ее доля в финансировании расходов на развитие к кон-

цу выполнения плана... сократится по сравнению с 1982/83 г. и особенно понизится... по сравнению с серединой 70-х годов»¹⁰¹. Мы, однако, лишены возможности подтвердить или опровергнуть утверждения специалистов Плановой комиссии, так как на втором году выполнения шестой пятилетки (в конце 1984 г.) выяснилось, что в силу неблагоприятного воздействия ряда дестабилизирующих факторов плановые наметки не будут реализованы, и пятилетний план был заменен трехлетним, в котором почти все основные показатели были снижены на 10—15%. Однако анализ состояния экономики Пакистана в середине 80-х годов свидетельствует, что доля внешней помощи в покрытии капитальных вложений не сократилась, как это предполагалось в шестом плане. Основной причиной этого продолжает оставаться медленный рост внутренних источников накопления.

Значение иностранных частных инвестиций в общем процессе финансирования было намного меньшим, чем внешней помощи. Об этом могут свидетельствовать такие цифры: общая сумма частных иностранных капиталовложений в первой половине 50-х годов составила всего 14 млн. долл., в первой половине 60-х годов — 94 млн., а в целом в 60-е годы — 202 млн. долл.¹⁰⁵. Практически в 60-е годы отношение общего притока частных инвестиций к общественному продукту Пакистана в среднем составляло ничтожную величину — 0,2%.

Небольшие размеры иностранных частных инвестиций были обусловлены комплексом факторов. Во-первых, следует назвать характерную для многих развивающихся государств причину — общую обстановку в освободившихся странах после распада колониальной системы империализма: приход к власти национальных сил, национализация (в большей или меньшей степени) иностранной собственности или передача ее национальным элементам и т. д. Естественно, что в подобных условиях частные иностранные инвесторы не рисковали делать крупные вложения. Конечно, в Пакистане условия, с точки зрения частных инвесторов, были гораздо более стабильными и безопасными, чем в большинстве других развивающихся стран Азии, однако указанное общее положение коснулось и его. Особенно наглядно это проявилось в 70-е годы, во время правления З. А. Бхутто, а также в первые годы пребывания у власти военных во главе с Зия уль-Хаком.

Во-вторых, важным объективным фактором, обуславливающим незаинтересованность иностранных монополий в осуществлении крупной инвестиционной деятельности в Пакистане, является отсутствие в стране богатых месторождений полезных ископаемых. Однако наиболее заметное место иностранный капитал занимал и продолжает занимать именно в горнодобывающей промышленности, а также фармацевтической, химической, автосборочной, нефтедобывающей и в геологоразведке нефти и газа. Слабее позиции частных инвесторов в таких от-

раслях, как табачная, по переработке чая, производству безалкогольных напитков, растительных масел и жиров, косметики и др. В целом деятельность ТНК в Пакистане менее заметна, чем в большинстве стран Востока, однако постепенно процесс проникновения транснациональных корпораций в экономику Пакистана усиливается. По мнению ряда пакистанских экономистов, в первой половине 80-х годов в стране сложились весьма благоприятные условия для деятельности не только национального, но и иностранного капитала¹⁰⁶. Этому способствовали не только упрощение процедуры оформления новых капиталовложений, введение новых налоговых льгот, либерализация внешнеторговой политики, но и создание специальных экспортных промышленных зон. В этих зонах (одна из которых уже создана и функционирует в Карачи) строятся экспортноориентированные предприятия, использующие современную технологию и методы управления¹⁰⁷.

В официальных пакистанских документах выражалась уверенность в том, что с середины 80-х годов приток иностранного капитала будет возрастать. Так, в тексте шестого пятилетнего плана (1983—1988) отмечалось: «Ожидается, что приток иностранных частных инвестиций в Пакистан значительно увеличится. Решение правительства об активном содействии развитию частного сектора вызвало большой интерес частных инвесторов Среднего Востока, США, Англии и других стран... Предполагается, что частные иностранные инвестиции составят в 1985—1988 гг. в среднем 150 млн. долл. в год»¹⁰⁸. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что реальное вложение иностранного капитала в экономику Пакистана в 1983—1985 гг. даже превысило предполагавшееся на шестую пятилетку и приток частных иностранных инвестиций продолжает возрастать, повышая таким путем норму внешних накоплений.

Особенности процесса потребления

Процесс экономического развития освободившихся государств носит весьма противоречивый характер и в отличие от такового в развитых капиталистических странах характеризуется большим взаимодействием базисных и надстроечных элементов, всех звеньев сложного, испытывающего на себе влияние традиционных структур воспроизводственного механизма; немаловажное значение имеет также и периферийное положение развивающихся государств в мировом капиталистическом хозяйстве. Следует подчеркнуть, что сдвиги в отраслевой, организационно-технической, воспроизводственной структуре национального хозяйства Пакистана (о которых шла речь в предыдущих разделах), во многом предопределяя масштабы и динамику социального развития, сами испытывают на себе обратное воздействие этого развития. Именно такой и является

взаимозависимость между производством в первичных, вторичных отраслях, а также сфере услуг и потреблением создаваемых там материальных и нематериальных ценностей. Поэтому нам представляется весьма важным проанализировать процесс потребления (непроизводственного) в Пакистане, сосредоточив свое внимание не только на его общих закономерностях (характерных для азиатских государств), но и на специфике потребления, учитывая место страны в МКХ, уровень социально-экономического развития и другие факторы. (В настоящем разделе исследуется только частное потребление, поскольку государственное потребление уже было объектом подробного анализа ¹⁰⁹.)

Одной из главных особенностей системы потребностей в развивающихся странах является ее значительный отрыв от материально-технической базы национального производства. В этом находит свое отражение, пожалуй, самая глубокая диспропорция в социально-экономической структуре слаборазвитых государств. Отсюда происходит и низкий уровень потребления основных слоев общества, поскольку при крайне неравномерном, узкоочаговом развитии от недостаточной платежеспособности по сравнению с существующими потребностями страдают в первую очередь низшие группы доходополучателей. А. Я. Эльянов совершенно справедливо отмечал, что результатом противоречий между уровнем общественных потребностей и уровнем развития производительных сил неизбежно является переход этих противоречий в социально-политическую сферу ¹¹⁰. В конечном итоге вырастает в очень серьезную, трудноразрешимую проблему поиск оптимальных пропорций между накоплением и потреблением, а также производством, ориентированным, с одной стороны, на национальный, а с другой — на внешний рынок.

Серьезный отпечаток на формирование как потребностей, так и структуры потребления накладывает демонстрационный эффект. Влияние его в Пакистане ощущается очень широко, что связано в первую очередь с отъездом немалой части рабочей силы в нефтедобывающие мусульманские страны, европейские государства (в первую очередь Великобританию) и другие страны; при этом уезжают за рубеж выходцы не только из городов, но и из деревень страны, что способствует широкому распространению знаний об иных, более высоких стандартах потребления даже в отдаленных уголках Пакистана. В этом заключается важное отличие воздействия демонстрационного эффекта в Пакистане от действия его в других азиатских государствах. О том, каких гипертрофированных размеров достигло его влияние в Пакистане, свидетельствует такой факт. Корреспондент английской газеты «Файнэншл Таймс», побывавший в Пакистане в 1983 г., отмечал, что сейчас не редкость на дорогах страны современные модели японских легковых автомобилей и наличие самых различных электробытовых прибо-

ров в домах; более того, дорогую, но неиспользуемую бытовую радиоаппаратуру (видеомагнитофоны, цветные телевизоры и т. п.) можно встретить в деревнях, где даже нет электричества¹¹¹.

Несомненно, наибольшее влияние демонстрационный эффект оказывает на структуру потребления состоятельной части общества, которая, имея сравнительно высокие доходы, намного больше, чем бедные слои, может удовлетворять свои потребности. Однако оборотной стороной этих процессов являются сокращение фонда накопления (что связано с высоким уровнем расходов на покупку предметов роскоши, поскольку помимо их непосредственно высокой стоимости эти товары облагаются большой таможенной пошлиной), материализация социально-имущественного неравенства, что отрицательно сказывается на экономическом развитии страны и способствует обострению социальной напряженности.

На объем и структуру потребления оказывает влияние целый ряд факторов. Это в первую очередь реальный доход, которым располагает семья, состав семьи, культурный уровень, особенности вероисповедания, погодные условия и т. д. Причем роль этих факторов постоянно меняется, что (через систему цен) меняет и структуру потребления. Например, неурожайные годы в период 70-х годов обусловили рост цен на многие продовольственные товары, что, в свою очередь, повлекло за собой повышение доли расходов на эту группу товаров в семейных бюджетах средних и особенно низших доходополучателей.

Несмотря на некоторые специфические особенности, связанные с наличием указанных выше факторов, в Пакистане действуют общие для развивающихся государств закономерности, определяющие структуру личного потребления. Первая из таких закономерностей связана с тем, что в ходе социально-экономического развития по мере роста семейных доходов доля затрат на питание имеет тенденцию к снижению. (Однако это не означает сокращения абсолютных размеров расходов на продовольствие; здесь происходит преимущественно изменение качественного содержания рациона питания, в частности растет потребление более калорийных продуктов питания.) Как свидетельствуют приведенные в табл. 13 данные, в 60—70-е годы этот процесс более быстрыми темпами шел в пакистанском городе, что было обусловлено опережающим ростом доходов городского населения¹¹². Наряду с этим происходил быстрый рост расходов на покупку товаров длительного пользования и по оплате услуг. Сам по себе ускоренный рост спроса на эти товары вполне закономерен: он отражает стремление средних и высших групп доходополучателей к лучшему уровню жизни. Однако быстрота этого процесса рассматривается многими пакистанскими экономистами как явление нежелательное, поскольку в определенной степени оно препятствует накоплению капитала и сокращает норму накопления.

Другая закономерность связана с меньшим удельным весом затрат на продовольствие в городе, нежели в сельской местности, и большим — на товары средне- и долгосрочного пользования. И то и другое обусловлено более высоким уровнем доходов у городских слоев (табл. 13).

Таблица 13

Структура личного потребления в стране в целом (I), сельского населения (II) и городского (III)*, %

Статья потребления \ Год	1961			1971			1979		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Питание	68	70	63	55	57	52	51	55	46
Обувь и одежда	8	7	9	11	11	11	10	11	10
Расходы по дому	16	17	12	15	13	18	18	14	22
Прочие	8	6	16	18	15	19	21	20	22

* Составлено по: *Khandkar M. A. An Estimate of the National Expenditure of Pakistan, 1960—1.* — *Middle Eastern Studies in Income and Wealth*. L., 1965. с. 77; *Food Policy*. February 1977, с. 80; *Pakistan Yearbook* 1984, с. 359.

Третья закономерность проявляется в динамике расходов на такой вид товаров, как обувь и одежда. В 60-е годы имело место постепенное повышение удельного веса затрат на эти товары в семейных расходах — с 8 до 11%; в 70-е годы произошло некоторое сокращение доли расходов на одежду и обувь — в среднем до 10% к концу десятилетия. Этот процесс характерен для подавляющего большинства развивающихся стран. Как свидетельствуют исследования ЮНИДО, в развивающихся государствах с низким уровнем дохода удельный вес указанных товаров составляет в среднем 8% бюджета семьи. По мере экономического развития эта доля возрастает до 12% и в дальнейшем стабилизируется на уровне 10%¹¹³.

Однако приведенные в табл. 13 статистические данные отражают структуру личного потребления некоей средней пакистанской семьи, в то время как потребление в разных группах доходополучателей совершенно различное. В этой связи большой интерес представляет анализ потребительских расходов в зависимости от реальных доходов семьи (табл. 14). Здесь обращают на себя внимание заметные различия в расходах на питание у беднейших и высокодоходных слоев пакистанского общества: затраты на указанный вид товаров у первых почти в 2 раза больше, чем у вторых. Причем с ростом доходов наблюдается стабильная тенденция к сокращению расходов на продовольственные товары. [Абсолютный их рост у состоятельных слоев связан с частичным вытеснением из рациона питания некоторых круп, зерновых (хлеба), картофеля и других и

заменой их более дорогими и калорийными, такими, как мясо, рыба, фрукты, разного рода деликатесы.] Второе, что также бросается в глаза,— это значительный рост расходов по статье «прочие» по мере увеличения семейных доходов. В эту позицию входят преимущественно затраты на товары длительного пользования, а также на услуги. В высших группах доходополучателей на такие виды товаров, а также услуги расходуются большие суммы, чем на продовольствие. Эти и другие различия в структуре потребления разных слоев пакистанского общества оказывают большое влияние на весь процесс производства в стране. Дело в том, что внутренний рынок состоит как бы из двух крупных частей. Одна из них удовлетворяет потребности низших групп доходополучателей и характеризуется малой динамикой развития и весьма ограниченной структурой. Другая часть, призванная удовлетворить платежеспособный спрос высших (а также в значительной мере и средних) групп доходополучателей, наоборот, отличается большой подвижностью, обладает высокой степенью приспособляемости к быстро изменяющемуся спросу. В связи с этим и процесс производства в Пакистане (в частности, промышленное производство) сориентирован в значительной мере на удовлетворение потребностей этих слоев общества. Это означает, что секторы экономики, связанные с производством товаров для малоимущих слоев, развиваются, как правило, медленнее, чем таковые, направленные на производство товаров для имущих групп (или для тех и других).

Серьезное влияние на всю структуру потребления в стране, в первую очередь на потребление малоимущих слоев пакистан-

Таблица 14

Структура личного потребления в различных группах доходополучателей в 1979 г.*
%

Месячный семейный доход, рупии	Продовольствие	Обувь, одежда	Расходы по дому	Прочие
До 300	56,8	11,1	17,9	14,2
301—400	58,0	10,6	16,8	14,6
401—500	57,3	10,6	16,4	15,7
501—600	57,1	10,3	15,9	16,7
601—800	55,7	10,2	15,6	18,5
801—1000	53,9	9,9	15,8	20,4
1001—1500	52,8	9,9	16,4	20,9
1501—2000	49,4	9,4	18,0	23,2
2001—2500	47,5	9,2	19,1	24,2
2501—3000	42,9	8,5	20,1	28,5
3001—3500	41,6	8,7	20,6	29,1
Свыше 3501	33,8	7,5	22,9	35,8

* Составлено по: Pakistan Statistical Yearbook 1984, с. 359.

ского общества, оказывает приток валюты от пакистанцев, работающих за границей. Само это явление, его причины и последствия уже достаточно подробно освещены в востоковедной литературе, в том числе в исследованиях по Пакистану¹¹⁴. Поэтому мы остановимся на этом вопросе главным образом в связи с использованием поступающей в Пакистан в значительных размерах иностранной валюты.

В первой половине 80-х годов, по официальным данным, за рубежом работало свыше 1,6 млн. пакистанцев, что составляет почти 5% экономически активного населения страны; по неофициальным данным, за пределами Пакистана работало от 2 млн. до 4 млн. человек. Из всей массы эмигрантов приблизительно половину составляли неграмотные рабочие и выходцы из сельской местности, 45% — квалифицированные рабочие (преимущественно строительных профессий) и около 5% — лица с высшим образованием (врачи, инженеры, преподаватели, адвокаты и т. п.). Переводы от эмигрантов из-за рубежа достигли в первой половине 80-х годов больших размеров — почти 3 млрд. долл., т. е. почти сравнялись с экспортными поступлениями. Причем здесь не учтены товары, привозимые пакистанцами из-за рубежа, так как приведенная цифра отражает лишь те суммы, которые зафиксированы официальной пакистанской статистикой в платежном балансе; не включает указанная сумма и ту иностранную валюту, которая привозится в страну непосредственно самими эмигрантами.

Выезд за рубеж большого числа пакистанцев и приток в страну иностранной валюты в столь значительных размерах — явление сложное и противоречивое. С одной стороны, большие доходы, поступающие в немалой степени в распоряжение бедных слоев пакистанского общества, повышают уровень жизни и их самих, и их семей (по оценкам пакистанских экономистов, эти доходы обеспечивают существование свыше 15 млн. человек — шестой части населения страны); кроме того, в результате отъезда многих пакистанцев за границу внутри страны сокращаются размеры безработицы и неполной занятости и как следствие снижается уровень социальной напряженности. Однако, с другой стороны, в Пакистане, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, ощущается нехватка кадров высшей и средней квалификации. Другая проблема, связанная с экспортом рабочей силы, — серьезные сложности с трудоустройством лиц, возвратившихся из-за рубежа. Правда, почти 50% мигрантов, используя накопленные ими денежные средства, продолжают или создают свой (пусть и небольшой) бизнес, главным образом в сфере услуг. Но свыше половины возвратившихся стремится не только найти работу по специальности (что оказывается не так-то просто), но и получать при этом сравнительно высокую заработную плату, что в пакистанских условиях крайне сложно.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о том, как расхо-

довались те значительные суммы, которыми располагали семьи пакистанцев-эмигрантов. Приведем следующие данные по структуре использования валютных переводов от пакистанцев, работавших за рубежом в первой половине 80-х годов (%) ¹¹⁵:

Потребительские семейные затраты	62
В том числе:	
продовольствие, одежда, расходы по дому	57
товары длительного пользования	3
свадебные церемонии	2
Расходы на недвижимое имущество	22
В том числе:	
покупка новых жилищ	12
ремонт и переоборудование существующих жилищ	2
покупка торговых заведений	6
покупка земли	2
Капиталовложения	13
В том числе:	
сельское хозяйство	3
промышленность и торговля	8
кредитная система	2
Вклады в банках, покупка золота и др.	3

Приведенные данные свидетельствуют, что свыше половины всех поступлений иностранной валюты от пакистанцев-эмигрантов расходовалось на покупку товаров первой необходимости — продукты питания и одежду, а также на выплату ренты, оплату счетов за электричество, газ и т. п. Это неудивительно, поскольку основную часть эмигрантов (как было показано выше) составляют выходцы из низкодоходных семей, и естественно, что в силу объективной необходимости поступающие денежные ресурсы, которые формируют практически основу семейных бюджетов, направляются на удовлетворение первичных потребностей. В то же время затраты на приобретение товаров длительного пользования составляют ничтожную часть от всей поступающей в страну иностранной валюты. И причина здесь кроется вовсе не в том, что малоимущие слои пакистанского общества не заинтересованы в приобретении этого вида товаров или не в состоянии изыскать средства на их покупку. Дело в том, что пакистанцы, работающие за рубежом, стремятся приобрести товары долгосрочного пользования за пределами страны, где цены на них ниже (т. е. не уплачивая таможенной пошлины, которая взимается в среднем в двойном размере при покупке импортных товаров такого рода в Пакистане).

Второй по значению вид затрат иностранной валюты — расходы на приобретение различного рода недвижимости. Здесь основное место занимает покупка новых домов (либо их строящихся жилищ. Это стремление характерно практически для всех групп доходополучателей, поскольку жилищная проблема достигла в Пакистане необычайно высокой степени остроты:

Несмотря на выделявшиеся в 70-е годы по статье «строительство» немалые суммы (например, по бюджету на 1977/78 г. на эти цели было ассигновано 1,6 млрд. рупий — приблизительно 10% всех затрат на социально-экономическое развитие), по обеспеченности населения жильем Пакистан занимал (и продолжает занимать) место в нижней группе развивающихся стран и по темпам жилищного строительства отстает от большинства развивающихся государств¹¹⁶. В первой половине 80-х годов в официальных документах пакистанского правительства отмечалось в этой связи, что разрыв между насущными потребностями в жилищном строительстве и тем, что делается в настоящее время, продолжает возрастать с каждым днем. В особенно тяжелом положении находятся низкодоходные группы, составляющие около 70% всего населения страны. В стране ощущается острая нехватка по меньшей мере 1,4 млн. жилищ, и эта цифра с каждым годом увеличивается. На практике это означает, что в Пакистане не имеет крова приблизительно 8 млн. человек.

Доля поступающей в Пакистан иностранной валюты, идущей на цели капиталовложений, невелика и составляет примерно восьмую часть всех поступлений от пакистанцев-эмигрантов. Из этих средств основная часть направляется на покупку мелких ремесленных предприятий либо на модернизацию уже существующих, на расширение лавок и других мелких торговых заведений. Лишь незначительная часть пакистанских семей использует поступающие из-за рубежа денежные ресурсы на повышение уровня производства в сельском хозяйстве — механизацию сельскохозяйственных работ, увеличение применения удобрений, пестицидов, инсектицидов, сооружение трубчатых колодцев и т. п.

* * *

Итоги социально-экономического развития Пакистана за годы независимости свидетельствуют о заметных положительных сдвигах в общей динамике экономического роста, развитии промышленности и сельского хозяйства, модернизации аграрной и технологической структуры экономики, достижении относительно высокой нормы и массы накопления, уменьшении неграмотности и т. д. Более того, сейчас можно говорить о создании в Пакистане основ агропромышленного комплекса и собственной металлургической базы. Однако решение вопросов, связанных с преодолением отсталости экономики страны, носит очень сложный, долговременный характер, поскольку глубина социально-экономической отсталости чрезвычайно велика. Процесс общественного развития за истекшие десятилетия свидетельствует о серьезных проблемах и больших трудностях, встающих на пути поступательного движения Пакистана вперед. Помимо неравноправного положения в МКХ и сильной

уязвимости, связанной с неблагоприятным воздействием внешних факторов (что наглядно проявилось в 70-е годы в результате структурных и циклических кризисов, нанесших серьезный ущерб экономике Пакистана), эти проблемы обусловлены низким уровнем развития производительных сил, высокой устойчивостью традиционных структур, консерватизмом социокультурных стереотипов, быстрыми темпами роста населения.

Важную роль в решении ряда проблем экономики страны могло бы сыграть государство, его целенаправленная политика, в особенности рациональное использование имеющихся государственных ресурсов. Однако в условиях быстрого роста военных расходов, затрат на другие непроизводительные нужды ассигнования как на цели развития экономики, так особенно и на социальную инфраструктуру остаются явно недостаточными. Более того, как показывает опыт первой половины 80-х годов, государство создает широкие возможности для деятельности частного капитала, не только национального, но и иностранного, открывает двери для внедрения в экономику страны транснациональных корпораций, а это не только ведет к быстрому развитию капитализма, но и влечет за собой рост социально-имущественного неравенства, что в конечном итоге чревато серьезными внутривнутриполитическими потрясениями, подобными тем, какие имели место на рубеже 60—70-х годов.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Этапы и особенности буржуазной трансформации общества

Общественная структура Пакистана в начальный период его существования (конец 40-х годов) определялась многоукладностью экономики, наличием в ней экономических порядков разного типа: капиталистического, мелкотоварного, патриархального, а также различных переходных отношений — полукapиталистических, патриархально-крестьянских, полупфеодальных.

Многоукладность экономики усиливалась двумя обстоятельствами: ликвидацией главенствующей роли английского колониализма и резким ослаблением ведущего положения развитого частнокапиталистического уклада ввиду разрыва экономических связей с более передовыми в капиталистическом отношении районами Индии (прежде всего Бомбеем) и сокращением сферы крупного частного предпринимательства из-за отъезда в Индию большинства богатых предпринимателей из числа индусов и сикхов.

Последнее обстоятельство (репатриация немусульманского капитала), являясь специфическим для Пакистана, усилило воздействие первого (упразднение командного положения капитала метрополии), общего для стран, добившихся независимости. Все это привело не только к усилению многоукладности, но и к заметному ослаблению межукладного взаимодействия¹.

Дезинтегрированность частей национальной экономической системы, их более или менее автономное существование проявились в усилении патриархальных, натуральных и полунатуральных связей в деревне, в медленных темпах развития товарно-денежных отношений, в сокращении (по сравнению с периодом до раздела Британской Индии и образования Пакистана) массы денег в обращении, в дефляции (снижении уровня оптовых и розничных цен) и, наконец, в депопуляции в связи с массовым отъездом немусульман отдельных городов и районов страны и сокращении там деловой активности.

Ослабление межукладного взаимодействия привело к тому, что многоукладной экономике, хотя и буржуазной в своей основе, но при временном нарушении ведущей роли развитых капиталистических отношений, стала соответствовать слож-

ная социально-классовая система, составленная из автономных или полуавтономных сегментов.

Один из них отражал состояние в наименее развитых в социально-экономическом отношении районах, вошедших в состав Пакистана. Это прежде всего крайний северо-запад и север страны (полоса пуштунских племен, княжества Сват, Амб, Дир и Читрал, а также оккупированные Пакистаном высокогорные районы, находившиеся до 1947 г. под контролем властей княжества Джамму и Кашмир). Кроме того, это обширные, но малонаселенные западные и юго-западные области (в первую очередь княжества Белуджистана) и некоторые районы долины Инда в среднем и нижнем течении этой реки и ее основных притоков (княжества Бахавалпур и Хайрпур; большинство внутренних округов Синда и Юго-Западный Панджаб).

Господствующими в названных районах были традиционные общественные отношения: феодальные (в их восточной форме), полу- и дофеодальные в сочетании с элементами родо-племенных и общинных отношений. Основными составляющими социальной структуры в рамках этого сегмента были: класс феодальных и полуфеодальных земельных собственников и феодализовавшаяся родо-племенная знать (верхушка пережиточных родо-племенных общностей) и зависимое, задавленное кабальными формами эксплуатации крестьянство (полноправные общинники — полужемледельцы-полускотоводы, отчасти кочевники и полукочевники; крестьяне, прикрепленные к клочку обрабатываемой ими земли; бесправные арендаторы; безземельное, в основном неземледельческое, население, выполнявшее различные функции по обслуживанию основной части жителей деревни). Важнейшую прослойку зависимого крестьянства составляли бесправные арендаторы, особенно многочисленные в Синде². Неосновными элементами этой структуры являлись средние и низшие слои традиционного города: улама (богословы), мелкое и среднее купечество, торговцы, ремесленники, поденщики-чернорабочие и традиционные люмпены.

Отношениям в более развитых областях страны соответствовал второй сегмент социальной системы. К этим областям принадлежали достаточно продвинутые в экономическом отношении и плотнонаселенные сельскохозяйственные районы Панджаба и отдельные, небольшие по размерам наиболее развитые районы Синда и СЗПП. Основной социальный организм в рамках этого сегмента — деревенское общество, базировавшееся на земледелии как главной форме хозяйства. Типичной формой его организации являлась община, характерная в колониальное время для Северной Индии³.

В наибольшей степени сельская община сохранялась в центральных и северо-восточных округах Панджаба. Ее важной отличительной чертой было наличие двух групп населе-

ния — земледельческой и неземледельческой и двух юридических слоев — землевладельцев и не имеющих прав на землю. Таким образом, в социально-классовом и профессионально-сословном отношении община распадалась на три основные группы — землевладельцев (заминдаров), землевладельцев-арендаторов (музара) и неземледельческое обслуживающее население (камми)⁴. Самой разнородной была последняя категория: в нее входили должностные лица общины, служители культа, торговцы и ремесленники, представители низших каст, выполнявшие «грязную» работу.

Наряду с деревнями, где господствующее положение занимала верхушка крестьян-собственников, в Панджабе, СЗПП и особенно в Синде имелось большое число деревень, где правами на землю обладали помещики полуфеодалного типа, рентополучатели-абсентеисты⁵. Местом проживания таких землевладельцев, как правило, был город. Наиболее богатые из них обычно проживали в крупном, столичном центре, менее крупные — в городах близ «своих» деревень.

Третий сегмент сложной социально-классовой системы Пакистана первых лет независимости охватывал отношения, сложившиеся в основном в крупных городских центрах. Там происходил процесс формирования органов власти молодого государства, его бюрократического аппарата, армии, наиболее активно налаживались торговля, деловая жизнь, промышленное производство.

Ведущее положение среди центров «современной» жизни сразу после образования Пакистана занял Карачи. Этот город, объявленный столицей нового государства, привлек большое число богатых переселенцев из Индии, прежде всего из Бомбея и городов Северной Индии. Лахор, до 1947 г. занимавший первое место среди городских центров на пакистанской территории, потерял свое лидирующее значение после отъезда немусульман, составлявших значительную часть его населения, и среди них крупнейших представителей деловых кругов и интеллигенции. Но, несмотря на снижение уровня деловой активности и самого «тонуса» жизни большого города, Лахор и после раздела остался крупным торгово-промышленным центром.

В число больших городов современного типа входили также Хайдарабад, расположенный недалеко от Карачи и ставший как бы его филиалом, панджабские города Мултан, Лаялпур, Сиялкот, Гуджранвала и некоторые другие. Сеть крупных современных городов включала также главные города Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан — Пешавар и Кветту.

Таким образом, третий сегмент социальной структуры можно характеризовать как, условно говоря, городской в отличие от второго, сельского, хотя это различие не было только внешним. Главная разница между ними состояла в полуфеодалной, традиционной структуре общественных связей, базирую-

щихся на сельском хозяйстве, с одной стороны, и в централизованной, интегрированной структуре отношений, связанных с капиталистическим городским предпринимательством, современным буржуазным государством, — с другой.

Крупнейшие землевладельцы — помещики-рентополучатели были элементом до известной степени общим для второго и третьего сегментов социальной структуры. Владея городской недвижимостью (землей и жилыми строениями в больших городах) и занимая важное место среди представителей высших слоев городского общества, они являлись подлинными хозяевами в сельской местности.

К верхним слоям городского общества относились также богатые купцы, торговцы, дельцы и банкиры, т. е. представители торгового, торгово-посреднического и банковского капитала. Этот слой в городах Пакистана до 1947 г. состоял по большей части из членов индусских торгово-ростовщических каст. С их отъездом прослойка профессиональных ростовщиков, по существу, перестала существовать. Место же индусских торговцев и дельцов постепенно стали заполнять приехавшие из Индии члены мусульманских торговых каст и общин, среди которых были владельцы средних и крупных капиталов, вложенных главным образом в торговлю.

В десятилетие, предшествовавшее образованию Пакистана, ускорило формирование промышленного капитала индийских мусульман, появились первые банки и страховые компании, принадлежавшие мусульманам⁶. Узкая прослойка представителей этой зародившейся еще до образования Пакистана крупной торгово-промышленной буржуазии заняла на первых порах ключевое положение в современном секторе хозяйственной жизни страны. По своему составу она была инонациональной (т. е. не связанной генетически с основными народами страны): в ней преобладали гуджаратцы, выходцы из Бомбея.

Третьим элементом в верхах городской социально-классовой структуры Пакистана рассматриваемого периода были высшая гражданская и военная бюрократия и отдельные политические и религиозные деятели. Значительная часть этих элитарных слоев образовалась за счет прибывших из Индии. Представительство коренного мусульманского населения в составе профессиональных элит до 1947 г. было невелико, хотя и имело в последние годы колониального правления тенденцию к увеличению.

Высшие группы городского современного общества в первые годы после образования Пакистана были весьма малочисленны. В течение нескольких лет в них еще входили отдельные английские чиновники, оставшиеся на службе правительства Пакистана.

Относительно немногочисленны были также современные средние слои городского общества. Ряды предпринимательской части этих слоев (мелкой буржуазии) поредели в результате

отъезда в Индию немусульманского населения. Заполнение образовавшихся пустот происходило замедленно, ввиду того что численность мусульманской мелкой буржуазии из среды беженцев существенно уступала численности эмигрировавших немусульман.

Уменьшилась по сравнению с положением до 1947 г. прослойка лиц свободных профессий и служащих государственных и частных заведений. Особенно заметным это сокращение было в Лахоре — городе, который до раздела являлся одним из крупнейших в Северной Индии деловых и культурно-просветительских центров.

Современный пролетариат составлял неотъемлемую часть социальной структуры пакистанского города, но его численность и удельный вес были крайне невелики. Выше уже отмечалось, что Пакистан унаследовал меньшую по сравнению с его долей в населении колониальной Индии часть промышленности. Надо к тому же учитывать, что все оценки такого рода строились на базе данных о положении в промышленности накануне раздела и без учета его последствий. Из городов, отошедших к Пакистану, в Индию выехало значительное число кадровых рабочих промышленности, железнодорожного транспорта и пр. Что же касается трудящегося населения, прибывшего из Индии в города Пакистана, то оно состояло по преимуществу из ремесленников и крестьян. Это обстоятельство, а также утечка немусульманского капитала и др. вызвали временный застой промышленного производства, сократив численность фабрично-заводских рабочих (включая сезонных) до 100 с небольшим тысяч⁷.

Крупные города представляли собой «место встречи» современных и полутрадиционных, переходных городских структур. Элементы последних (к ним надо отнести и упоминавшихся полуфеодалных помещиков-абсентеистов) во многих, даже больших городах могли численно преобладать. Довольно многочисленны были, в частности, прослойки торговцев и ремесленников полутрадиционного типа, «замкнутые» в основном на обслуживании потребностей ограниченного контингента лиц — жителей одного городского квартала (*махалла*) — либо специфических запросов клана, секты, общины.

Основную массу трудового люда в городах составляли представители полутрадиционных низов (структурно эти низшие слои, как и упомянутые полутрадиционные средние прослойки, ближе ко второму из выделенных нами сегментов общественной системы Пакистана первых лет независимого существования). В состав городских низов входили обнищавшие торговцы и ремесленники, подмастерья и ученики, помощники в торговых лавках и ремесленных мастерских, подсобные рабочие, перевозчики грузов, сторожа, посыльные, уборщики, домашняя прислуга.

Обнаружившаяся в первые годы существования Пакистана

известная дезинтегрированность межукладных связей не могла устраивать правящие круги страны, представлявшие интересы реально или потенциально буржуазных господствующих слоев — верхушки торговой буржуазии и земельной аристократии. Неудивительно, что, завладев рычагами управления государством, эти круги предприняли меры по усилению механизма межукладного перераспределения доходов, прибегая к изъятию доходов, образующихся в рамках низших укладов в пользу государства, и их использованию затем в целях стимулирования крупнокапиталистического предпринимательства.

Хотя в 50-е годы происходило также «подтягивание» докапиталистических экономических порядков до уровня раннекапиталистических и усиление позиций мелкотоварного уклада, главное состояло в укреплении современного сектора экономики. В социально-классовом отношении это приводило к усилению третьего общественного сегмента, в частности расширению состава верхушки национальной буржуазии.

Начало 50-х годов отмечено важным изменением в характере крупной буржуазии Пакистана: из преимущественно торговой она преобразовалась в торгово-промышленную и торгово-финансовую. Этому способствовали, во-первых, рост доходов ведущих внешнеторговых фирм и групп в связи с увеличением объема внешней торговли Пакистана⁸ и, во-вторых, правительственные льготы, предоставлявшиеся владельцам капиталов (а ими в основном были представители торгового капитала) для их перелива в промышленную и финансовую (банки и страхование) сферы. Трансформация крупной буржуазии из торговой в промышленно-финансовую активизировалась после введения с конца 1952 г. количественного и тарифного ограничения импорта основных промышленных товаров потребительского назначения (прежде всего текстиля), что создало в высокой степени защищенный внутренний рынок для местной легкой промышленности. Государственный протекционизм привел к господству на рынках ряда промышленных групп, контролирующих небольшое число предприятий, и способствовал возникновению элементов монополии, монополистических тенденций в деятельности молодой крупной буржуазии страны⁹.

От роста капитализма по преимуществу «сверху» кроме крупной буржуазии выитривала еще одна социальная группа — бюрократическая прослойка, в первую очередь высшая гражданская бюрократия. По мере расширения функций контроля государства за деятельностью частного сектора и увеличения объема самой частной предпринимательской деятельности возрастали возможности бюрократии незаконно присваивать часть «проходящих через ее руки» государственных средств. Государственная служба становится для части бюрократических верхов средством обогащения.

От верхушечного по большей части развития капитализма страдала средняя и мелкая торгово-промышленная буржуазия.

Позиции этих слоев господствующего класса в молодом государстве были слабы ввиду их относительной малочисленности и неустойчивости экономических позиций. Представители этих буржуазных групп из числа коренного населения до 1947 г. отеснялись на задний план группировками немусульманской торгово-ростовщицеской буржуазии. После образования Пакистана местной мелкой и средней буржуазии не удалось в большинстве случаев воспользоваться отъездом бывших конкурентов. Их место заняла прибывшая в основном из Индии (отчасти и из других стран Востока) мусульманская торгово-средническая буржуазия. Слабые позиции коренной мелкой и средней городской буржуазии, ее недостаточно высокий социальный статус помешали ей установить контакты, «блокироваться» с потомственной земельной аристократией. Бразды правления страной оказались в руках иных социальных сил — блока земельных собственников и пришлой буржуазии. Слабая преданность интересов средних и низших слоев торгово-предпринимательской буржуазии в сферах, от которых зависел курс государственной политики, сказалась на выборе варианта капиталистической эволюции и привела к тому, что в 50-е годы рост капитализма «сверху» тормозил его развитие «снизу».

Следует подчеркнуть, что отмеченные для 50-х годов особенности эволюции социальной структуры Пакистана были связаны преимущественно с преобразованиями, охватившими сферу городской, несельскохозяйственной экономики. Основным процессом, происходившим в деревне, была консолидация системы полуфеодалного землевладения. Заключив союз с буржуазно-бюрократической верхушкой, крупные земельные собственники — лендлорды-мусульмане постарались воспользоваться отъездом землевладельцев — индусов и сикхов и захватить оставленные ими земли. Правда, в какой-то степени они были вынуждены считаться с политикой государства по размещению беженцев. Согласно правительственным распоряжениям крестьянам, имевшим в Индии наследственные участки, предоставлялось в Пакистане в наследственное владение по 1 акру на человека. Но, обойдя это постановление с помощью подкупа или давления на правительственных чиновников, крупные земельные собственники сумели значительно увеличить свои владения. По некоторым данным, в Синде они присвоили до половины оставленной индусами земли¹⁰.

Число полуфеодалных помещиков увеличилось также за счет иммигрировавшей земельной аристократии, предъявившей права на землю в Пакистане в компенсацию за земельную собственность, оставленную ими в Индии. Правящие круги Пакистана были склонны удовлетворить эти притязания. В середине 50-х годов был принят ряд законоположений об утверждении в постоянных правах собственности на землю и с этой целью создана специальная организация. От таких действий страдали беженцы-крестьяне. Они зачастую сгонялись с земли

под предлогом передачи ее в собственность другим лицам ¹¹.

Укрепление помещичьего, полуфеодалного землевладения в 50-е годы сопровождалось лишь весьма незначительной модернизацией крупных хозяйств. Внедрение современной техники происходило медленно. Импорт тракторов не превышал 2—3 тыс. в год. К тому же увеличение числа машин в руках помещиков отнюдь не всегда означало их применение; нередко это преследовало цель сохранения земли под предлогом «прогрессивного» ведения хозяйства ¹².

С целью сохранения и укрепления доминирующего положения полуфеодалных помещиков в деревне в начале 50-х годов провинциальными законодательными ассамблеями Пенджаба, Синда и СЗПП была принята серия аграрных законов. Одновременно эти мероприятия носили характер уступок развернувшемуся с конца 40-х годов крестьянскому движению. Удовлетворяя некоторые требования этого движения, законы содержали ряд прогрессивных юридических принципов, формально ограничивавших произвол земельных собственников. Вместе с тем реальную выгоду от них получила лишь узкая прослойка наиболее зажиточных крестьян из числа так называемых наследственных арендаторов, которым были переданы права на обрабатываемую ими землю ¹³. Во многих же случаях аграрное законодательство начала 50-х годов давало помещикам легальное основание для сгона арендаторов с земли.

Сгон арендаторов и не доказавших свои права на землю беженцев особенно усилился в середине 50-х годов. Как следствие этого увеличилась миграция деревенских жителей в города ¹⁴. Но часть обезземеленного крестьянства вынуждена была оставаться в деревне. Число безземельных крестьян (сельскохозяйственных рабочих), по данным переписи 1951 г., равнялось 136 тыс., а спустя десять лет, согласно переписи 1961 г., составляло уже 565 тыс., т. е. возросло в 4 раза ¹⁵.

В целом можно утверждать, что в первое десятилетие независимого существования Пакистана происходило определенное «сращивание» двух сегментов социальной структуры — городского по преимуществу и сельского — за счет усиления подвижности населения, установления контактов с городом не только «верхов» полутрадиционной деревни (помещиков-абсентеистов), но и ее «низов». Однако это «сращивание» не могло быть органичным, пока деревня не встала на путь капиталистической трансформации и пока оно осуществлялось на базе в основном лишь городского хозяйства.

Имело место также известное сближение отсталых, окраинных районов с относительно передовыми, центральными. Этому способствовала политическая и административная консолидация страны: ликвидация крупных княжеств — Калата (и всей федерации белуджистанских княжеств), Бахавалпура, Хайрпура — и постепенное подключение к общепакистанской государственной и общественно-политической жизни районов

пуштунских племен и северных пригиндукушских княжеств¹⁶.

Отмечая процессы растущей интеграции социальной системы страны, необходимо еще раз подчеркнуть, что главной особенностью 50-х годов являлась кристаллизация ведущего, капиталистического сегмента общественных отношений, формирование основных его элементов — буржуазии и пролетариата. Рабочий класс за 50-е годы количественно вырос. Фабричный пролетариат обрабатывающей промышленности, по данным, относящимся к 1959/60 финансовому году, насчитывал более 300 тыс. человек (примерно втрое больше, чем в начале 50-х годов)¹⁷. Его удельный вес в составе экономически активного населения страны увеличился с 1,5 до 2,5%. Рост промышленного пролетариата, как известно, находится в прямой зависимости от количественного роста промышленности и в обратной — от ее качественного развития (модернизации и увеличения производительности труда). В 50-е годы крупная пакистанская промышленность развивалась в большей степени экстенсивно, за счет создания новых мощностей при относительно невысоком уровне органического строения капитала. Отсюда — опережающий качественное развитие рабочего класса рост его количественных параметров. Невысокий организационно-технический уровень промышленности отражался на квалификационном составе пролетариата, на степени его культурной и политической развитости.

С рубежа 50—60-х годов начался новый этап капиталистического развития Пакистана. Главное его содержание состояло в ускорении капиталистической трансформации сельской экономики, которая осуществлялась путем осторожных аграрных реформ. Целью реформ являлось подталкивание помещиков-полуфеодалов к «самоперерождению», к превращению в класс представителей современного аграрного капитала.

Определенный успех этой политики объяснялся не столько юридическими нововведениями, наиболее существенным из которых было уничтожение джагиров (не облагаемых налогом земельных держаний), сколько изменившимися социальными и экономическими условиями. Закрепив в 50-е годы доминирующее положение в деревне, утвердив свои права на огромные участки земли, пакистанские лендлорды в то же время почувствовали себя обойденными крупной городской буржуазией, которая преуспела в погоне за капиталом, дававшим несравненно большие проценты, чем низкопродуктивная земля. Постепенная социально-психологическая перестройка потомственной земельной аристократии, безусловно, отразилась в том, что она относительно легко согласилась на отказ от некоторых традиционных привилегий. В поисках увеличения дохода от земельных владений крупные помещики стали более активно приобретать сельскохозяйственную технику (тракторы), а некоторые переходили к вполне капиталистическим приемам ведения хозяйства на своих (несдаваемых в аренду) участках

земли и сокращали площади, сдаваемые в аренду. Такая тенденция усилилась к середине 60-х годов, когда в Пакистан были завезены новые, высокоурожайные сорта пшеницы и риса. В сочетании с другими технологическими факторами (усиленный полив, применение химических удобрений и средств защиты растений) это обусловило значительное увеличение производительности земли.

Крупные помещики первыми воспользовались открывшимися возможностями. Вместе с ними в числе выигравших от «зеленой революции» оказались так называемые средние помещики — прослойка, значительно пополнившаяся в ходе распределения среди частных собственников новоорошенной государственной земли. Значительная часть такой земли передавалась правительством М. Айюб-хана высшим офицерским чинам и представителям гражданской бюрократии¹⁸, другая — продавалась с аукциона, что содействовало концентрации внушительных земельных владений в руках представителей «денежного класса», т. е. городской в основном буржуазии.

Безусловные выгоды от революции в земледелии получила и зажиточная часть крестьянства. Правда, прослойка кулацких хозяйств была достаточно заметной лишь в районе поливных земель северо-восточных и центральных округов Панджаба (эти районы называли «колониями на каналах», ибо они были освоены с помощью сооруженных в конце XIX — первой трети XX в. оросительных каналов)¹⁹.

«Зеленая революция» оказала известное влияние на смежные отрасли хозяйства и внутреннюю структуру сельских обществ. В деревнях, охваченных «зеленой революцией», начался распад традиционных связей между земледельцами и обслуживающим нужды их хозяйств ремесленным населением. Началось укрупнение промыслов по изготовлению сельхозинвентаря и их перемещение из деревни в город. В небольших городах, ранее обслуживавших потребности сельского хозяйства в основном по линии сбыта произведенной продукции (отсюда их название «города-рынки» — «манди-тауны»), начинается концентрация промыслов по ремонту, а затем и сборке по импортным образцам электро- и дизельных моторов для артезианских колодезев, насосных помп для них. В социальном отношении влияние «зеленой революции» приводило к укреплению современной мелкобуржуазной прослойки провинциального, прежде всего панджабского, города, а в экономическом — к созданию структур, промежуточных между крупной современной и мелкой традиционной промышленностью.

Благодаря укреплению производственных контактов между сельской и городской экономикой происходило дальнейшее сращивание городского и сельского сегментов общественной системы. Это сближение в условиях капиталистической эволюции деревни происходило более органично, на расширенном фундаменте: товарно-капиталистический сектор опирался на

обслуживающий его потребности в улучшенном сельхозинвентаре город и сбывал через городские каналы свою продукцию. Наряду с городом локального значения, удовлетворявшим потребности прежде всего среднего, маломеханизированного хозяйства, укрепились также связи между сектором крупных механизированных ферм и крупным городом — современной промышленностью по производству химических удобрений, сборке тракторов и других сельхозмашин и т. п. С крупным городом, центром общепакистанского масштаба, связывается также и деятельность государства по регулированию экономической деятельности. Возросшая в 60-е годы роль пакистанского государства в экономической области в огромной степени способствовала социально-экономической трансформации полутрадиционного сельского общества.

Капиталистический сектор экономики в 60-е годы развивался главным образом «вглубь», за счет растущей концентрации и централизации капитала при повышении его органического строения в промышленности и других индустриальных секторах хозяйства. С последним обстоятельством связано некоторое сокращение темпов роста рядов фабрично-заводского пролетариата и одновременно повышение его квалификации, складывание прочного ядра постоянных кадровых рабочих.

Вместе с тем надо подчеркнуть сложность и противоречивость капиталистического развития и происходивших на этой основе процессов стягивания различных сегментов общественной структуры. Обращает на себя внимание ограниченность территориального распространения явлений, базовых для интеграционных процессов. «Зеленая революция» в 60-е годы охватила в основном лишь несколько округов Пенджаба и отдельные районы Синда и СЗПП. В этих округах и районах проживало всего около четверти населения страны²⁰.

Развитие промышленности также носило до известной степени анклавный характер. Большинство крупных предприятий современной обрабатывающей промышленности сооружалось в Карачи или близ него. Промышленность этого города давала $\frac{2}{5}$ всего условно-чистого продукта крупной промышленности страны (тогда ее западной провинции), доля округов Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана не превышала 6—7%. Значительная часть панджабских и синдских округов была в той же степени обделена промышленными предприятиями. В Пенджабе они концентрировались в Лахоре, Лаялпуре, Мултани и ряде других городов; в Синде — кроме Карачи еще в Хайдарабаде и Суккуре. В промышленных центрах и близ них проживала примерно пятая часть населения. Таким образом, больше половины жителей современного Пакистана к концу 60-х годов населяло районы, лишенные крупных очагов сельского и городского развития.

Тормозящее воздействие на процесс модернизации социально-классовой структуры оказывало такое явление, как расту-

щее перенаселение. Являясь следствием капитализма, его неизменным спутником, перенаселение в конкретных условиях капиталистической страны, развитой и особенно развивающейся, имеет, как известно, три формы — текучее перенаселение (пульсирующая циклическая безработица), застойное (в основном городское) и скрытое (главным образом аграрное, сельское).

За 50—60-е годы аграрное перенаселение в Пакистане явно увеличилось: сократилась обрабатываемая площадь на душу населения и в сельской местности, медленно росла производительность труда занятых в сельском хозяйстве. Рост лишнего, избыточного населения в деревне находил отражение в территориальной и отраслевой мобильности. Однако уход сельских жителей в города сдерживался малыми абсорбционными возможностями городской экономики, недостаточным увеличением числа рабочих мест в современных отраслях промышленности. Сельско-городская миграция приводила к оседанию рабочей силы на нижних этажах городского хозяйства, в сфере традиционных, нехарактерных для современного города укладов хозяйства. Аграрное перенаселение, таким образом, переливалось в города, увеличивая однотипное с ним городское перенаселение. Отраслевая мобильность населения состояла в переходе сельских жителей от занятий преимущественно в сфере сельского хозяйства (земледелие) к иным — разного рода промыслам, торговле, временной работе вне деревни, например в строительстве²¹. Сюда же следует отнести такой выход, как служба в армии, полиции и т. п., хотя здесь отраслевая или профессиональная мобильность нередко в конечном счете вела к территориальной.

Отводные каналы аграрного перенаселения не меняли того положения, что в деревне существовала значительная масса дешевых рабочих рук. Это позволяло прибегать к эксплуатации, не регулируемой капиталистическим законом купли-продажи рабочей силы, и способствовало тому, что докапиталистический или полукапиталистический характер сохраняло использование и других факторов производства, прежде всего земли. Как следствие того низкой продуктивности земли не являлась препятствием для возрастания ее цены. Отрыв цен на землю от ее производительности, в свою очередь, суживал возможности капиталистического земледелия, получения в нем средней прибыли на вложенный капитал.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что процесс преодоления сегментности социально-классовой структуры к концу 60-х годов не был завершен. Многие окраинные районы почти не испытывали на себе воздействия господствующих в обществе в целом отношений. В деревне большинства районов преобладающими были переходные, полукапиталистические общественные отношения. Господствующим социально-классовым элементом в рамках этих отношений «деревенского

сегмента» был помещик — наполовину феодал, наполовину капиталист. В связи с неполной интегрированностью «деревенского» и «городского» сегментов социальной структуры известная разобщенность объективно существовала между их верхами — помещиками-абсентеистами (получавшими основную или значительную часть своих доходов еще в форме ренты) и крупной буржуазией, в основном финансово-промышленно-торговой.

Преобладающее положение крупной буржуазии (условно говоря, городских верхов) в составе правящего страной блока социальных сил в 1958—1971 гг. представляется бесспорным. В этих условиях произошло усиление монополистических тенденций в экономике и элементов госмонополистического регулирования²².

Монополистическая сверхприбыль создавалась путем перераспределения богатств в ущерб другим (немонополистическим) группам буржуазии и обуржуазивающейся (полукапиталистической) земельной аристократии. Особую роль при этом играло перераспределение, связанное с дискриминацией Восточного Пакистана. Крупная буржуазия также прибегала к интенсивной эксплуатации пролетариата, консервируя с помощью государства колониальный уровень оплаты труда рабочих. Нарастание противоречий между крупной буржуазией, особенно ее монополистической верхушкой, и другими фракциями правящего класса и этим последним и эксплуатируемыми массами, в первую очередь отрядами фабрично-заводского рабочего класса, привело к социально-экономическому взрыву 1968—1969 гг. и смене правительства²³. Начавшаяся после этого трансформация социально-экономической политики государства получила наиболее отчетливое выражение в реформах 1972—1974 гг.

Воспользовавшись ударом, который был нанесен верхушке крупной промышленной и банковской буржуазии событиями 1971 г. (поражение поддерживаемой ею военной хунты, потеря значительных капиталовложений в Бангладеш и утрата защищенного восточно-пакистанского рынка сбыта), пришедшие к власти политические силы постарались еще больше ограничить экономическое могущество монополистической верхушки крупной буржуазии, ослабить ее давление на средние и низшие буржуазные слои. Национализация принадлежавших ей нескольких десятков крупных предприятий, а также банков и ряда других финансовых и промышленных учреждений кроме этой цели имела еще и задачу сбить волну нарастающего классового противоборства. Во многом те же цели преследовала и объявленная правительством З. А. Бхутто реформа трудовых отношений, хотя само по себе ее провозглашение явилось важным завоеванием рабочего класса.

Едва ли не основная «сверхзадача» внутриполитического курса, принятого после 1971 г., заключалась в создании благо-

приятных условий для расширения процесса первоначального накопления капитала в деревне и ускоренного перехода «традиционных» деревенских верхов на путь капиталистического предпринимательства. Этой цели служила земельная реформа 1972 г., сама подготовка к которой (даже, точнее, слухи о ней) заставила значительную часть крупных землевладельцев разделить земли между родственниками, что в отдельных случаях открывало дорогу для хозяйственной инициативы более молодого поколения.

Ту же задачу преследовала политика государства в области цен, а именно поддержание высоких закупочных государственных цен на зерно и низких продажных цен на удобрения и другие элементы капитальных затрат в земледелии²⁴. Крупным помещикам — представителям деревенских верхов было, кроме того, открыто поле для деятельности вне деревни: либеральная импортная политика позволила любому владеющему необходимым капиталом и государственной лицензией стать импортером. Национализация банков привела к изменению их основной клиентуры, к ее расширению за счет представителей новых, пользующихся влиянием и поддержкой политической и бюрократической верхушки групп буржуазии. По своему происхождению эти группы были, как правило, связаны с помещичьими кругами Синда и Панджаба (прежде всего наиболее «латифундистских» южных и юго-западных округов последней провинции).

Наряду с сельскими собственниками из среды помещиков от взятого в начале 70-х годов внутривнутриполитического курса выиграли и другие группы самостоятельных сельских товаропроизводителей: новые помещики из числа гражданских и военных бюрократов, зажиточное крестьянство. Расширилась территориальная база этих слоев — за счет распространения «зеленой революции» на районы Синда и юга Панджаба.

Среди социальных сил, оттесненных от государственного «пирога» в период правления правительства ПНП, кроме верхушки крупной буржуазии оказалась также средняя торговая буржуазия, господствовавшая на рынках сельскохозяйственной продукции. Ее интересы вступили в противоречие с интересами обуржуазивающейся земельной аристократии и новых групп крупной буржуазии. Как попытку нанести удар средней, в основном торгово-промышленной, буржуазии следует рассматривать национализацию около 3 тыс. мелких и средних предприятий по очистке и прессованию хлопка, обдирке риса и размолу зерновых²⁵.

После прихода к власти летом 1977 г. военных в позициях различных фракций господствующих в Пакистане сил наблюдается известное равновесие. Для курса правительства М. Зия-уль-Хака характерно желание избежать ущемления интересов одних эксплуататорских групп за счет других. Кроме политических устремлений это отражает возросшую однородность гос-

подствующего класса пакистанского общества и социальной базы правящих кругов.

Рост интегрированности структуры социальных сил в 70—80-е годы происходил не только за счет верхних слоев общества. В той или иной степени он охватил все этажи социально-классовой пирамиды.

Заметно усилился, в частности, процесс втягивания окраинных районов в общенациональное, капиталистическое по своей социально-экономической природе развитие. Прежде всего это касается полосы пуштунских племен и территории бывших северных княжеств, ликвидированных в 1970 г. Процесс этот явился следствием политики центрального правительства, особенно в первой половине прошедшего десятилетия, и результатом постепенного вызревания условий для выхода племен из состояния самоизоляции²⁶.

Процессу модернизации традиционных структур в зоне господства пережиточных родо-племенных отношений с середины 70-х годов способствовала миграция части трудоспособного населения в страны Персидского залива и Ближнего Востока. Работа части соплеменников, главным образом из семей, образующих верхушку племен, в нефтедобывающих странах с их высоким по сравнению с местным уровнем заработной платы приводит (благодаря переводам домой заработанных средств) к усилению имущественной дифференциации, создавая предпосылки для обуржуазивания представителей племенной вер-
хушки²⁷.

Значительные последствия имела трудовая миграция на Ближний Восток и для других районов и областей страны. Так, существенную роль она играла в жизни оккупированной Пакистаном части Кашмира (так называемого Азад Кашмира). Распространенным явлением стала также миграция из ряда округов Панджаба. В отличие от полосы племен, где деньги, поступающие из-за границы, часто «соединяются» с традиционно высоким общественным статусом и служат дополнительной предпосылкой для обуржуазивания, в неокраинных областях приток средств, заработанных за границей, подкрепляет тенденции к усилению класса мелкой буржуазии. В случае, если они не проедаются, деньги вкладываются обычно в небольшое торговое или торгово-промышленное предприятие или идут на жилое строительство и приобретение недвижимости, прежде всего земли.

Рост денежной массы за счет частных переводов из-за рубежа способствует росту цен на землю, как в деревне, так и в городе, сохранению отрыва цены на землю (сельскохозяйственную) от ее продуктивности. Такой разрыв, как отмечалось выше, препятствует тенденции решительного капиталистического преобразования сельскохозяйственного производства. Вместе с тем он не изменяет самой тенденции буржуазной трансформации, лишь усложняя и деформируя ее ход.

Современный социально-классовый состав

Преодоление сегментарности социальной структуры в результате утвердившегося преобладания капиталистического способа производства привело в современном Пакистане к формированию социально-классовой пирамиды буржуазного в своей основе общества, но несущего еще черты переходности вследствие не изжитой до конца многоукладности хозяйства и наличия устойчивых пережиточных элементов в сфере надстройки.

Основными классами капиталистического общества являются, как известно, два класса-антагониста — буржуазия и пролетариат. В условиях конкретного общества, определенной социальной системы эти два класса, будучи основными, могут не быть численно преобладающими. При неполном охвате экономического пространства капитализмом структура основных классов неизбежно отличается внутренней сложностью, носит отпечаток незавершенности процесса преобразования.

Рассмотрим внутреннюю структуру буржуазного класса — сформировавшегося (в целом, но не окончательно) основного господствующего класса пакистанского общества. Наряду с крупной, средней и мелкой буржуазией — «горизонтальными» слоями, определяемыми в зависимости от размера персонифицируемого капитала и особенностей сфер его приложения, в составе пакистанской буржуазии имеются «вертикальные» слои, отражающие существование своеобразных общностей на базе традиционных связей (общего происхождения — из одной религиозно-кастовой или религиозно-этнической группы).

Наибольшее значение деление на «традиционные» общности имеет для крупной торгово-промышленной буржуазии Пакистана, ибо она в наибольшей мере связана со средневековой торгово-купеческой буржуазией, главным образом за счет переселенцев из Западной Индии. Хотя ислам не признает кастового деления, но под воздействием общей социокультурной обстановки в Индии сформировались мусульманские касты, причем наиболее прочными и сильными кастовые организации оказались именно в среде торговцев и купцов. Процесс буржуазной реформации привел к замене традиционного содержания деятельности этого социального института современным, капиталистическим²⁸. В результате роль кастовых организаций в современную эпоху не только сохранилась, но, возможно, и усилилась. Традиционные связи крупной буржуазии помогают ей как в конкурентной борьбе на внутрикапиталистическом рынке, так и в проникновении на рынки других стран, создавая возможности для скрытого от посторонних глаз перекрестного финансирования²⁹.

Определенное значение кастовая форма организации имеет не только для крупной, но и для средней и мелкой буржуазии, главным образом в той мере, в какой эта последняя также

происходит из среды выходцев из районов Западной Индии (Гуджарата и Бомбея). Для средних и низших слоев буржуазии кастовые организации выступают в исключительно важной роли источников кредита и помощи. Благодаря внутрикастовой кооперации небогатые представители известных торговых каст меманов, ходжа-исмаилитов, ходжа-шиитов эсна-ашари, бохра, чиниоти имеют определенные гарантии сохранения своего социального и профессионального статуса. В то же время за их счет происходит перераспределение части торговой прибыли в пользу наиболее богатых и влиятельных семейств и групп внутри каст. Подобного рода поддержка и кооперация развиваются также и среди пуштунской, синдхской и белуджской буржуазии на клановой и родо-племенной основе.

Известная степень кооперации как имманентная черта конкурентной борьбы может устанавливаться и помимо каст или родственных кланов. При этом возможны два варианта. Первый охватывает те отношения делового сотрудничества, которые воспроизводят во многом традиционные по происхождению и форме, но отчасти уже и вполне современные буржуазные связи между представителями этнической (этнотерриториальной) общности. Второй вариант — установление деловых контактов между представителями капитала сходного размера и (или) одной сферы приложения. Это уже вполне современные как по форме, так и по содержанию связи. Их утверждению в Пакистане способствовала, в частности, политика государства как современного института, служащего интересам буржуазии.

Черты неизжитой традиционности, переходности сохраняют представители не только промышленной и торгово-финансовой буржуазии, но и других ее фракций — аграрной и бюрократической. Первую отличает сложный состав. Как уже отмечалось, аграрная буржуазия пополняется за счет выходцев из разных социальных групп и слоев: земельной аристократии, военно-гражданской бюрократии, породской бюрократии и зажиточного крестьянства. Сословные и профессиональные отличия продолжают отражаться на особенностях хозяйственной деятельности и социальной психологии этой части буржуазии³⁰.

Бюрократическая буржуазия остается трудно вычленимой буржуазной фракцией. В широком смысле к ней принадлежит вся высшая военно-гражданская бюрократия, поскольку она направляет деятельность системы государственного капитализма, государства, выступающего в роли «совокупного капиталиста». В узком смысле к ней принадлежит часть высшей бюрократии, контролирующая распределение прибылей предприятий государственного сектора. Присваивая часть этих прибылей, она заинтересована в самовозрастании капитала господствующих как своеобразной формы акционерного капитала. Групповой интерес бюрократии (расширение поля для ее про-

фессиональных занятий) здесь совпадает с классовым интересом, и получается, что бюрократическая буржуазия как бы вдвойне заинтересована в расширении предпринимательской деятельности государства. Излишне говорить, что такой интерес может быть удовлетворен лишь при определенных объективных условиях, а именно в исторической обстановке, благоприятствующей государственным формам мобилизации и использования капитала. Конституирующей бюрократическую буржуазию чертой является то, что присвоение ею части прибылей государственных предприятий и (или) национального дохода, перераспределяемого через бюджетные каналы, дополняется расходом присвоенных средств специфически буржуазным способом.

Другой основной класс буржуазного общества — пролетариат — в условиях Пакистана в структурном отношении также весьма сложен. Его ядро составляет фабрично-заводской рабочий класс и непромышленный пролетариат, типологически близкий к фабричному. Основную часть ядра рабочего класса образует его наиболее квалифицированный высший слой, включающий по преимуществу квалифицированных рабочих крупных предприятий, оснащенных современным оборудованием (технологией эпохи НТР). Часть его составляет и из него выделяется узкая прослойка рабочей аристократии — относительно высокооплачиваемые рабочие высшей квалификации или редкой профессии, мастера и техники-надсмотрщики. Средний слой пролетариата состоит из фабричных и типологически близких к ним непромышленных рабочих низкой квалификации, имеющих дело с несовременным, устаревшим оборудованием, а также из приобретающих современную квалификацию и полуквалифицированных рабочих. В эту категорию входят также неквалифицированные, подсобные рабочие, которых особенно много на сезонных предприятиях по переработке сельхозпродукции.

За годы независимости сложился костяк кадрового фабричного пролетариата. Его первоначально составляли небольшие группы рабочих-мусульман, занятых на крупных предприятиях пакистанских областей еще в колониальное время. Значительно пополнился кадровый пролетариат за счет беженцев из Индии. Они в 50-е годы составляли большинство рабочих на предприятиях крупнейшего промышленного центра — Карачи. С рубежа 50—60-х годов фабричный пролетариат Карачи стал активно пополняться за счет «внутренних» мигрантов, прибывавших из отдаленных мест, главным образом из пуштунских округов.

Кроме пуштунов в составе карачинского пролетариата значительное место заняли выходцы из Северо-Западного и Западного Панджаба и Белуджистана. Пополнение рабочего класса ведущего промышленного центра за счет сельских жителей, временно, хотя чаще всего надолго, переселяющихся в

город, тормозило процесс консолидации рабочего класса, но не помешало росту его организованности и сплоченности.

В других крупных городах (прежде всего Лахоре, Лаялпуре, Мултане, Хайдарабате) также шло постепенное складывание отрядов фабричного пролетариата. И здесь тесная связь рабочих с землей, их как бы промежуточное социальное состояние (существование слоя «рабочих-крестьян», по выражению В. И. Ленина³¹) задерживало формирование пролетарского самосознания. Вместе с тем тяжелые условия труда и низкая его оплата сплачивали рабочих для экономической борьбы. В период подъема рабочего движения конца 60-х — начала 70-х годов эта экономическая борьба не раз перерастала в политическую, что способствовало пробуждению классового самосознания у широких масс рабочих. В наступивший затем период спада рабочего и демократического движения произошло значительное обновление кадрового состава фабричного пролетариата: часть рабочих (в том числе многие уволенные активисты) выехала из страны на заработки; ряды рабочих, особенно квалифицированных, заработная плата которых в этот период заметно возросла, стали пополняться выходцами из среды городской мелкой буржуазии, современных средних слоев. Что же касается среднего слоя рабочих, полуквалифицированных и малоквалифицированных кадров, то его рост в 70-е годы происходил относительно невысокими темпами (медленнее роста всей рабочей силы). Для него по-прежнему были характерны текучесть, преобладание недавних выходцев из деревни.

Низший слой рабочего класса образует так называемый нефабричный (мануфактурный) и кустарно-ремесленный пролетариат. В современных условиях в Пакистане (как и в большинстве других стран Востока) он представлен тремя группами. Первая — это рабочие, занятые на собственно мануфактурных, немеханизированных предприятиях. Среди таких предприятий имеются весьма крупные по количеству занятых на них (например, кирпичные заводы с числом рабочих, превышающим иногда 2—3 тыс. человек). Вторая группа — рабочие мелких механизированных заведений (механических мастерских, ремонтно-поделочных цехов, небольших типографий и т. п.). Имея современную, иногда достаточно высокую квалификацию, часть занятых на таких предприятиях рабочих от фабрично-заводского пролетариата отличается лишь условиями эксплуатации, отсутствием определенной «критической массы» совместно эксплуатируемой капиталом рабочей силы. К этой группе относятся и рабочие, занятые на мелких предприятиях (меньше 20—30 занятых), зарегистрированных по пакистанским законам в качестве фабричных. Третий вид нефабричных рабочих представлен кустарно-ремесленным пролетариатом — рабочими капиталистической простой кооперации и расеянной мануфактуры.

Простая кооперация в современных условиях имеет определенное значение при выполнении некоторых видов строительных и ремонтно-дорожных работ. Среди нефабричных рабочих этого вида преобладают, однако, занятые в капиталистической работе на дому (рабочие рассеянной капиталистической мануфактуры). Наиболее крупным отрядом этой категории рабочих являются ткачи, работающие на механических станках, установленных вне фабрики — в небольших мастерских или на дому, а также ковроткачи, изготовители дорогих ковров ручной работы.

Темпы увеличения низшего слоя рабочего класса — нефабричного пролетариата — возросли на втором этапе капиталистического развития Пакистана (с 70-х годов), после того как ускорился рост капитализма «снизу». В сфере промышленности произошло своего рода воссоздание среднего элемента капиталистической структуры, в общем и целом соответствующего мануфактурной стадии развития капитализма, но имеющего заметные отличительные черты. Они состоят в оттеснении на задний план собственно мануфактурного, ручного производства мелкомасштабным механизированным производством, которое в век электричества (в отличие от века пара) стало технологически возможным и экономически рентабельным³².

Достаточно специфичны не только появление и характер труда нефабричного пролетариата, но и то место, которое он занял в социально-классовой структуре Пакистана. По своей численности нефабричный пролетариат превзошел фабричный и составлял, по нашим оценкам, на рубеже 70—80-х годов примерно $\frac{3}{5}$ всего пакистанского рабочего класса³³.

Доля численности нефабричного пролетариата в составе самостоятельного населения страны равняется 7—8%, а фабричного рабочего класса — 5—6%. Общая численность пакистанского пролетариата как основного эксплуатируемого класса общества составляет примерно 12—14% экономически активного населения. Если при этом не учитывать ту часть населения, которая состоит из неоплачиваемых семейных помощников и является самостоятельной лишь с экономической, но не с социологической точки зрения, то удельный вес рабочего класса возрастет до 16—18%.

Попробуем теперь определить численность другого основного класса — буржуазии. Данные переписей и выборочных обследований населения показывают абсолютную (переписи) и относительную (обследования) численность работодателей, т. е. лиц, прибегающих к найму рабочей силы. Их относительная величина колеблется в пределах 1—2% самостоятельного населения³⁴. В составе самостоятельного населения (без учета неоплачиваемых семейных помощников) их доля равняется 2—3%. Надо, кроме того, учитывать, что часть представителей буржуазии фиксируется переписями и обследованиями в разряде работающих по найму управляющих. Определенная часть

буржуазного класса не входит в состав экономически активного населения (рабочей силы). Это экономически неактивное население, находящееся на службе в армии (военно-бюрократическая буржуазия) или являющееся чистыми рантие (владельцами ценных бумаг, недвижимости и капиталистически используемой сельскохозяйственной земли). Наконец, при определении доли буржуазии в составе всего населения, т. е. с учетом не только работающей или социально активной его части, но и иждивенцев, нужно иметь в виду, что средние размеры состоятельных семей такого общества, как пакистанское, больше среднестатистических. Эта закономерность отчетливо просматривается на материалах социологических обследований³⁵. Увеличенные размеры семей богачей, в том числе их буржуазной прослойки, связаны не только с большим количеством детей, но и нередко с наличием иждивенцев из числа не только близких, но и дальних родственников. Общую численность буржуазии в населении страны можно считать равной не менее 2—3%.

Удельный вес представителей двух основных классов в населении, исходя из сделанных выше оценок, очевидно, равняется 18—20%. При этом надо учитывать, что представители пролетарских масс как обездоленные члены общества не могут содержать чрезмерно большие семьи. Подрастающее поколение в семьях рабочих вынуждено работать с раннего возраста, и потому нередко отец и несовершеннолетние сыновья, составляя, по существу, еще единую социальную клеточку общественного организма, фиксируются статистикой занятости как самостоятельные его элементы. Поэтому при определении удельного веса рабочего класса в составе всего населения, нужно ориентироваться скорее на нижний показатель оценок его доли в самодеятельном населении.

Известное ленинское определение классов в первую очередь относится к основным классам. В буржуазном обществе они представляют собой большие группы людей, занимающие различное место в господствующей капиталистической системе общественного производства. Эта система в развитии виде целиком подчиняет себе сферу производственных, общественных отношений, преобразуя на буржуазных началах мелкомасштабное производство, а также отношения, связанные с частной монополией на землю. Преобразование содержания отношений при сохранении старой формы объясняет существование неосновных классов развитого буржуазного общества — класса мелкой буржуазии и класса крупных землевладельцев-лендлордов. Капиталистическая система общественного производства преобразует также сферу традиционно непрестижных занятий, придавая ей черты, отвечающие вкусам и запросам буржуазного общества. Таким образом, потомственная земельная аристократия, мелкая буржуазия и люмпен-пролетариат — это три неосновных элемента развитого, сложившегося буржу-

азного общества (не являющиеся, впрочем, обязательными для всякого конкретного общества). Помимо них или в дополнение к ним в реальных условиях конкретного общества могут существовать другие неосновные слои, переходные в генетическом отношении. Их наличие характерно для становящейся, еще полностью не сложившейся буржуазной структуры. К ним относятся, во-первых, группы, переходные к основным классам (обуржуазивающиеся прослойки помещиков, пролетаризируемые группы крестьянства и городских низов), а во-вторых, переходные к неосновным для буржуазного общества классам и слоям. Эти элементы социально-классовой структуры являются неосновными вдвойне — в структурном и генетическом отношении. Их примером может быть преобразуемая расширяющимся господством товарных отношений традиционная мелкая городская буржуазия (ремесленники и торговцы, функционирующие в системе ограниченного, регулируемого обычаем спроса). Наконец, неосновными социальными образованиями формирующегося капиталистического общества докапиталистических отношений являются фрагменты, остатки прежней социальной структуры.

Переходные (в структурном и генетическом отношении) слои могут быть сгруппированы в три комплекса (блока элементов): высший, средний и низший, в зависимости от структурной либо генетической близости к верхам (буржуазии) или низам (пролетариату) капиталистического общества.

Высшие неосновные слои состоят из трех главных элементов: обуржуазивающейся потомственной земельной аристократии; претерпевающего ту же эволюцию зажиточного крестьянства и новых помещиков; обуржуазивающейся части бюрократии. Крупные землевладельцы — полufeодальные помещики-рентополучатели — в первые годы существования Пакистана занимали, как отмечалось выше, важное место в социальной структуре, образуя один из главных элементов правящих верхов. Капиталистическая трансформация этого класса могла происходить двумя путями — закреплением за ними статуса чистых рентополучателей при появлении арендатора-капиталиста и изменении характера ренты (английский вариант) или превращением помещиков-рентополучателей в помещиков, ведущих собственное хозяйство на капиталистический лад (пруссский вариант).

Первый вариант оказался малоосуществим из-за отсутствия слоя капиталистических арендаторов и условий для распространения капиталистических форм хозяйствования на арендованной земле. Социальная мутация имела место в основном на путях превращения помещиков-рентополучателей в помещиков-предпринимателей. Этому способствовали земельные реформы, позволявшие землевладельцам закреплять за собой лучшие, наиболее плодородные земли, и вынуждавшие их компенсировать потерю части земли за счет интенсификации производства

на оставшейся. Определенную роль играло предоставление государством земельным собственникам различного рода льгот и субсидий. В то же время ведению хозяйства по-капиталистически препятствовали те же условия, которые мешали появлению слоя капиталистических арендаторов, а именно недостаточная прибыльность вложений в землю вследствие более низкой при этом нормы прибыли по сравнению с установившейся средней нормой.

Хотя вложение капитала в сельское хозяйство не гарантирует получения средней прибыли, владение землей остается надежным и выгодным способом помещения средств, поскольку рост рыночной цены на землю устойчиво опережает увеличение ставки ссудного процента (учетной банковской ставки)³⁶. В условиях недостаточной прибыльности чисто капиталистического предпринимательства на земле весьма доходными являются переходные, полукапиталистические формы хозяйствования, например издольщина с переходом от натуральной ренты к денежной. Большие доходы владельцы крупных земельных участков получают также от сдачи внаем мелким землевладельцам и арендаторам приобретенной ими с помощью государственных субсидий и льготных кредитов сельхозтехники (тракторов), от перепродажи химических удобрений, продажи воды из пробуренных на их территории артезианских колодцев и т. п. Наконец, важное значение имеет сохранение традиционной полукрепостной зависимости части крестьян от крупных землевладельцев, задерживающее трансформацию этих представителей земельной аристократии (прежде всего в окраинных, малозаселенных областях неполного, богарного земледелия) в часть класса аграрной буржуазии.

Объективные условия, благоприятствующие переходным, смешанным видам хозяйствования на земле, задерживают трансформацию в слой аграрной буржуазии также зажиточного крестьянства и новых помещиков. Зажиточные, кулацкие прослойки крестьянства весьма неравномерно представлены среди сельского населения различных областей и районов Пакистана. Наибольший их удельный вес является в панджабских округах, освоенных в конце прошлого века в значительной мере путем наделения землей переселявшихся туда крестьян, в основном из числа потомственных земледельцев — *джатов*. «Зеленая революция» в 60-х годах охватила в первую очередь именно эти районы крестьянского землевладения и дала толчок дальнейшей товаризации части хозяйств, прежде всего наиболее богатых земель крестьянских дворов. В результате роста продуктивности земли и доходности ее возделывания увеличилось использование крестьянами труда членов своих семей, т. е. обнаружилось стремление к накоплению за счет минимизации расходов (мобилизации внутренних ресурсов семьи)³⁷. Вместе с тем рост цен на землю, судя по всему, об-

гонял процесс накопления средств у зажиточного крестьянства и препятствовал процессу расширения им своих земельных владений. На пути рационального, буржуазного ведения хозяйства зажиточными крестьянами стояла и такая проблема, как чересполосица (дробление участков земли и их разбросанность на большие расстояния), препятствовавшая применению техники, снимавшая эффект от использования интенсивных методов обработки земли. В то же время фрагментация способствовала закреплению старых форм сдачи земли в аренду и появлению таких переходных и весьма своеобразных типов «арендно-наемных» отношений, как передача участка земли для возделывания и сбора урожая определенной культуры инвентарем собственника, но без его участия в организации трудового процесса³⁸.

Группа новых помещиков, как уже отмечалось, образовалась в результате наделения новоорошенной государственной землей (за определенную плату) представителей военной и гражданской бюрократии, чаще всего вышедших в отставку чиновников и офицеров, а также путем покупки государственной земли на аукционе городской буржуазией. Приобретение земли представителями буржуазии и бюрократии объяснялось, как правило, стремлением надежно поместить свободные средства, тезаврировать их в виде земельного богатства, использовать для спекуляции, учитывая быстрый рост цен на землю. По этой причине новых помещиков следует отнести к переходным к буржуазии слоям, хотя среди них, конечно, имеется категория уже «состоявшихся» капиталистов (владельцы пригородных молочных ферм, огородов, садов и т. п.).

Хотя в количественном отношении обуржуазивающаяся часть бюрократии невелика, ее социальная роль значительна. Прежде всего нужно подчеркнуть рост масштабов обуржуазивания бюрократии по мере капиталистического развития страны, расширения госкапиталистического уклада и всей системы государственно-капиталистического регулирования экономики. В то же время действовали и факторы, препятствовавшие тому, чтобы эти процессы имели заверченный характер. К ним надо отнести определенные традиции высшей бюрократии, связанные с представлениями о ее особой миссии, профессиональной этике и морали. Обуржуазивание бюрократии было также задержано известным ее «разбавлением» в начале 70-х годов, включением в ее состав новых элементов из числа сторонников пришедшей к власти партии³⁹. Определенное сдерживающее воздействие оказывали также своего рода корпоративная конкуренция и взаимное недоверие между представителями высшей военной и гражданской бюрократии, не раз сменявших друг друга в роли ключевой, доминирующей группы в составе управляющей страной верхушки.

Определить численность и удельный вес переходных к буржуазии групп можно лишь весьма приблизительно (как, впро-

чем, и статистические параметры многих других социальных и классовых образований). Известное представление о количественных характеристиках переходных слоев среди земледельческого населения дают сведения сельскохозяйственной переписи 1972 г. В начале 70-х годов к крупнейшим хозяевам (свыше 50 га) относилось 0,5% сельскохозяйственного населения, составлявшего примерно 55% всего народонаселения страны. Еще 3,1% принадлежало к категории крупных землепользователей (20—50 га), очевидно главным образом некрестьянского происхождения, а 7,6% — в основном зажиточного крестьянства (10—20 га)⁴⁰. Учитывая, что участки неполивной (богарной) земли этого размера не обеспечивают зажиточность семьям их владельцев (или арендаторов), будем считать численность кулацкой прослойки на треть меньше (долю, примерно соответствующую удельному весу богарных земель в обрабатываемом собственниками этой категории клине). При этом условия помещичьи и кулацкие прослойки, вместе взятые, составляли около 5% всего населения. Эта цифра, пусть весьма приблизительно, может характеризовать удельный вес обуржуазивающихся землевладельцев, находящихся при этом на разных стадиях перехода от традиционных сельских собственников до почти сложившейся буржуазии из числа кулаков (старых и новых). Остальные переходные к буржуазии группы и слои, очевидно, не составят вместе более 1%, а весь социальный комплекс высших неосновных слоев в современном Пакистане включает 5—6% населения.

Средние слои — это, пожалуй, наиболее сложный, гетерогенный социальный комплекс окончательно еще не сложившегося буржуазного общества. В его состав входят промежуточные в структурном и переходные в структурно-генетическом отношении элементы. К первым относятся сложившаяся мелкая буржуазия и современные буржуазные средние слои — служащие, интеллигенция, студенчество; ко вторым — группы, переходные к этим слоям: находящаяся на пути превращения в современную традиционная мелкая буржуазия и осовременивающиеся группы традиционной интеллигенции — знатоки религиозных догм и права, учителя богословских школ, знахари-врачеватели. Указанные компоненты комплекса средних слоев распадаются на городской и деревенский сегменты. Последний исключительно важен в условиях превращения многоукладно-переходного, аграрного по преимуществу общества в буржуазное. Трансформация крестьянства из класса-сословия феодального и колониально-феодального общества в дифференцирующуюся социальную общность буржуазного общества принимает две основные формы — крестьянство пролетаризируется и обуржуазивается — и две примыкающие к ним неосновные: оно выделяет пауперов (низшие неосновные слои) и мелкую буржуазию (средние слои).

В первые годы существования пакистанского общества как

независимого национального средние слои были представлены немногочисленными прослойками мелкой торгово-ремесленной буржуазии, служилой частью современных средних слоев, небольшими отрядами молодой интеллигенции и студенчества. Имелись, кроме того, переходные к мелкобуржуазным группам населения, находившиеся преимущественно в сфере функционирования традиционного (добуржуазного) способа производства, включая традиционные слои интеллигенции. На первом этапе развития капитализма, главным образом «сверху» и через преобразование промышленной сферы, городского сегмента хозяйства наиболее быстро возрастали численность и удельный вес мелкой городской буржуазии, хотя и ее темпы роста были относительно медленными. С наступлением второго этапа капиталистической эволюции, с активной трансформацией деревни, обозначился более быстрый рост мелкобуржуазных слоев деревни и небольших городов. В прошедшее десятилетие «омелкобуржуазивание» как городских, так и сельских социальных слоев усилилось. Это произошло под воздействием продолжавшей расширяться «зеленой революции»; роста покупательной способности населения вследствие, в частности, резко возросшего объема частных переводов пакистанцев, работавших за границей; увеличения спроса на внешних рынках на товары мелкой пакистанской промышленности и на изделия кустарно-ремесленных промыслов.

Чтобы судить об удельном весе мелкобуржуазных слоев деревни вместе с трансформирующимися в них группами, вновь обратимся к данным сельскохозяйственной переписи 1972 г. Средние по размерам крестьянские хозяйства (5—10 га) составляли 17,3% земледельческого населения⁴¹. Если к этому прибавить владельцев и арендаторов участков богарной земли в 10—20 га, которых мы выше не включили в состав зажиточного крестьянства, то середняцкие группы составят примерно 20% сельскохозяйственного и чуть более 10% всего населения. В средние деревенские слои входит также небольшая часть земледельческого населения деревни — торговцы, управляющие помещичьими именьями, учителя сельских школ и т. п.

Средние городские слои состоят из мелких торговцев, ремесленников, служащих и интеллигенции. Торгово-ремесленные слои в городе занимают заметное место. Их удельный вес в составе городского населения равняется приблизительно 20—25%, а всего населения — 5—7%⁴². Значительно выросла за годы независимости служилая часть средних слоев, прежде всего за счет служащих государственного аппарата. Доля конторских служащих (в основном государственных) возросла с 3 до почти 5%, а с учителями, преподавателями и врачами (тоже в большинстве находящимися на службе в государственных учреждениях), журналистами и юристами (большая часть — также служащие) слой работающей по найму интеллигенции составляет 6—8% пакистанского населения⁴³. К нему надо до-

бавить численно небольшую категорию лиц свободных профессий (частнопрактикующих врачей, юристов, литераторов и художников), а также офицерский и унтер-офицерский состав вооруженных сил. Важную часть средних городских слоев составляют студенты высших и средних специальных учебных заведений. Удельный вес служащих и интеллигенции в целом равняется ориентировочно 7—9% населения.

Переходя к низшим слоям как к определенному социальному комплексу, следует отметить его большое по сравнению со странами классического капитализма распространение в освободившихся странах Востока, в зоне «третичного» развития капитализма. По мере удаления от эпицентров капиталистического развития легко различима тенденция усиления «непролетариатского обнищания», пауперизации без пролетаризации. Уже в России, как отмечал В. И. Ленин, шире, чем в Европе, были распространены такие явления, как обнищание мелких производителей, понижение их жизненного уровня «до *pes plus ultra* (крайнего предела)», до уровня ниже, чем у фабричного рабочего, превращение их в пауперов по европейским стандартам⁴⁴. В еще большей мере все это характерно для большинства ныне развивающихся по капиталистическому пути стран Востока. Пакистан относится именно к этой группе стран.

Массовая нищета среди его населения была характерным явлением в колониальный период и, пожалуй, даже усилилась под воздействием событий, связанных с разделом Британской Индии. Усиление нищеты коснулось прежде всего переселенцев из Индии, значительная часть которых осталась без работы и средств к существованию. Определенные надежды на работу или какое-либо обеспечивающее жизнь занятие сулил в 50-е годы в основном лишь беспспорный центр экономической активности — Карачи, что привело к его перенаселению. В дальнейшем коммерческая и промышленная активность концентрировалась в Карачи в несколько меньшей степени. Деловая жизнь оживилась прежде всего в городах Панджаба. В 60-е годы увеличился поток сельских мигрантов в эти города. Наиболее крупные из них (Лахор, Лаялпур, Мултан и др.) превратились в такие же перенаселенные городские центры, как Карачи, обросли районами и кварталами глинобитных хибарок и лачуг.

Те же явления были в основном характерны для периода 70-х годов, хотя начиная с середины и особенно в конце десятилетия определенные коррективы внесла быстро возросшая эмиграция рабочей силы в нефтедобывающие страны Арабского Востока. Значительная часть эмигрантов состояла из неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Их отъезд несколько ослабил давление обездоленного, «лишнего» населения на города и отчасти разрядил напряженное положение с занятостью в ряде сельских районов. Выезд же за рубеж части квалифицированных рабочих вызвал на внутреннем

рынке дефицит кадров некоторых специальностей, способствовал повышению заработной платы, частичному отходу от колониального уровня стоимости и цены рабочей силы.

Хотя расширение пояса бедности тем самым было, вероятно, приостановлено, его масштабы остаются огромными. Пауперизованная часть населения включает различные социально-классовые слои и прослойки. Она охватывает отряды полуквалифицированных и неквалифицированных фабричных рабочих, нищенски оплачиваемые категории служащих, обнищавшие группы мелкой буржуазии. Пауперизованность является необходимым, но недостаточным признаком низших слоев. Вторым их признаком служит промежуточность места в социальной структуре, принадлежность к неосновным классам буржуазного общества.

Структура низших, как и средних, слоев отличается сложностью и многообразием. У этого социального комплекса также можно обнаружить центральный элемент, которым является полупролетариат. Отличительной чертой полупролетария является его промежуточное положение между мелким хозяином и рабочим. Полупролетариат не полностью лишен владения средствами производства. В деревне это прежде всего владение землей как основным природным условием производства. Кроме того, представители полупролетарских деревенских и городских слоев владеют определенными орудиями труда и отчасти предметом труда, однако размеры, рыночная цена этой собственности незначительны, так что и хозяйственная самостоятельность фиктивна. Обнищавший мелкий собственник при господстве рыночных сил попадает в зависимость от скупщика, отсекается им от рынка, превращается в непосредственного производителя, работающего на торговый капитал. Такой полунаемный характер труда мельчайшего собственника сочетается нередко с продажей рабочей силы, в случае если он не в состоянии свести концы с концами (поддержать привычный, хотя и нищенский уровень жизни) или если открывается возможность несколько увеличить семейный бюджет. При этом занимается сам глава семьи или он «отдает внаем» своих детей (большое их число было, например, занято в 70-е годы в ковроткачестве). Тем самым бедный крестьянин или ремесленник становится полупролетарием вдвойне, оставаясь юридически и статистически «самостоятельным работником», или «независимым хозяином».

По мере роста товарности сельского хозяйства и расширения товарно-капиталистического сектора в экономике страны имел место рост полупролетарских слоев за счет прежде всего полупролетаризации крестьянства — мелких и мельчайших земельных собственников, земледельцев-арендаторов, деревенских ремесленников и других «слуг общины». В городах одновременно происходила полупролетаризация ремесленников и мелких лавочников традиционного типа. Этот процесс шел не

только путем втягивания привычной для крестьян, ремесленников и торгового люда сферы их деятельности в систему новых капиталистических производственных отношений, но и путем отвлечения части их рабочего времени на иные, нетрадиционные занятия. Последнее становилось все более доступным для них вследствие деятельности государства и частного капитала по созданию инфраструктуры, расширению объема трудоемких строительных работ и т. п.

Другим составным элементом низших слоев являются не-пролетарские или предпролетарские группы. Это, по существу, остаточные традиционные элементы, существующие, поскольку не окончательно изжита многоукладность, в той мере, в какой существуют натуральные или полунатуральные (патриархальные в своей основе) отношения. Такого рода общественно-производственные связи в условиях Пакистана к настоящему времени сохранились лишь в отдельных областях страны: в пустынных и гористых районах провинции Белуджистан, заходящих отчасти на территорию Синда и Панджаба, в полосе пуштунских племен и некоторых районах СЗПП. Зона господства таких отношений охватывает значительную по площади, но небольшую по численности населения территорию. К тому же и в эту зону в последние годы активно вторгаются новые отношения, нарушая предпролетарскую и добуржуазную природу преобладающих там социальных общностей.

Полупролетарские и предпролетарские слои составляют подавляющее большинство деревенских жителей. По данным сельскохозяйственной переписи 1972 г., владельцы и арендаторы мелких (2—5 га) и мельчайших (до 2 га) участков земли составляли (с членами семьи и иждивенцами) 45% сельскохозяйственного и около 25% всего населения страны. Значительная часть крестьян состоит из арендаторов или собственников, арендующих землю (26% сельскохозяйственного и 14% всего населения)⁴⁵.

Наконец, в деревне имеется еще одна большая категория жителей, не относящаяся к сельскохозяйственному населению. Это представители низших неземледельческих каст, а также должностные лица деревенской общины, ее традиционная (имамы мечетей) и современная (учителя) интеллигенция, торговцы и другие элементы. Абсолютное большинство этого населения принадлежит к низшим слоям (в том числе учителя и муллы).

Даже без учета в категории низших слоев этих «пограничных» групп доля неземледельческой, по своему традиционному общественному статусу самой низкой категории деревенских низов равняется примерно 14% общего населения страны (около 20% сельского населения). Выходцами из этих групп населения является часть рабочих фабрично-заводских предприятий, прежде всего тех, которые проживают в пригородной зоне и в негородских фабричных поселках. За пределами городов

обитает огромное большинство представителей нефабричного пролетариата, которые почти целиком происходят из низших неземледельческих групп⁴⁶. Поэтому неземледельческое население сельскохозяйственных по своим основным функциям поселений (деревенские ремесленники, безземельные сельскохозяйственные рабочие, слуги) составляет примерно 8—10% всего населения и 15% деревенских жителей. В целом вся находящаяся вне городской местности масса низших слоев (включая пролетариат) составляет, по нашим прикидкам, 56% населения (77% его сельского сегмента). В городах же к ним принадлежит 40% жителей, которые составляют 11% всего населения. Более половины трудящихся города и городской бедноты — это представители основного класса — пролетариата (фабричного и нефабричного). Остальная часть — полупролетариат (торгово-ремесленный люд) и пауперско-люмпенские (маргинальные) слои.

Пауперы и люмпены, являясь структурным, хотя и неосновным компонентом буржуазного общества, в пакистанских условиях сохраняют черты переходности, генетическую связь с париями традиционного общества. Согласно установившейся в нашей литературе терминологии, пауперами мы считаем хронически безработное, но не потерявшее надежды на работу население, поддерживающее свое существование случайными заработками, донорством или благодаря общественной и государственной благотворительности. Последняя характеристика относится также к большей части люмпенов — профессиональных нищих, людей, полностью потерявших трудоспособность, к вдовам и сиротам без средств к существованию. Другие категории люмпенов включают лиц, занятых в сфере нелегальной или полулегальной деятельности. Она многообразна: спекуляция и контрабанда, маклерские операции, игорный бизнес, содержание притонов, публичных домов, продажа порнографии. Заправилы подпольного бизнеса принадлежат, как правило, к средним или даже высшим слоям общества, но его рядовые участники пребывают в нищете, подвергаясь ничем не стесняемой эксплуатации.

Итак, за годы независимого развития Пакистана его социально-классовая структура претерпела значительные изменения. В первые годы после образования страны пакистанское общество носило характер разобщенного, состоявшего из ряда сегментов социального организма. Причиной была многоукладность тогдашней экономики, слабость межукладных связей. В дальнейшем оба эти явления преодолевались в ходе развития капитализма, превращения капиталистического уклада в системообразующий, что сопровождалось постепенным сближением различных сегментов, интегрированием их в единую социально-классовую систему. В настоящее время этот процесс можно считать в целом завершенным.

Современная социальная структура пакистанского общест-

ва представляется типичной для стран, где утвердились в основном капиталистические отношения. Основные классы буржуазного общества представлены большими группами людей, различающимися диаметрально противоположным положением в системе господствующего общественного способа производства. Эти группы людей охватывают пятую часть населения страны. Вместе с характерными для сложившегося буржуазного общества средними, промежуточными слоями (мелкой буржуазией и интеллигенцией) их удельный вес в населении равняется примерно 30%. В преобладании «традиционных», переходных слоев и прослоек отражается факт еще далеко не завершенной капиталистической трансформации.

На пути ее завершения стоят сложившиеся в ходе предшествующего развития противоречия и диспропорции. Главным из них является пауперизированность огромных масс населения. Это обстоятельство задерживает складывание современных отношений в сфере использования трудовых ресурсов, препятствует пролетаризации низших и обуржуазиванию высших слоев.

Хотя процесс классовой поляризации, типичной для буржуазного общества, в Пакистане еще далек от завершения, структуру населения страны отличает выраженная дифференцированность на высшие, средние и низшие слои, куда входят как буржуазные, так и переходные, находящиеся на разных ступенях приближения к буржуазным группы и прослойки. Категория высших слоев включает примерно 8% населения, средних — 25, низших — 67%. Это соотношение отражает неравенство не только социального, но и материального положения большинства и меньшинства населения. Не менее $\frac{2}{3}$ жителей страны бедны или крайне бедны. Причем основная их часть состоит из деревенского населения. В городе соотношение между слоями — примерно 20:40:40, а в деревне — 3:20:77. Вместе с тем низшие по доходам группы городского населения не менее бедны.

Сдвиги в структуре самостоятельного населения

Самостоятельное население является категорией, широко используемой в международной статистике. Для ее обозначения применяются также термины «экономически активное население» и «гражданская рабочая сила». В категорию самостоятельного населения в Пакистане включаются занятые на производстве и в сфере обслуживания, а также ищущие работу, безработные и полубезработные. За пределами самостоятельного или экономически активного населения остаются: капиталисты-рантье (не участвующие в организации производственного процесса и руководстве деловыми операциями); помещики-рентополучатели; офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав вооруженных сил; учащиеся и студенты; лица, ведущие домаш-

нее хозяйство; пенсионеры; дети и старики. Все эти группы образуют экономически неактивное, не участвующее в экономической деятельности население.

Главным источником сведений о самодеятельном населении являются проводившиеся в Пакистане переписи населения (1951, 1961, 1972, 1981 гг.). Две первые позволяют составить достаточно полное представление об уровне и характерных чертах экономической активности в Пакистане по состоянию на начало 50-х и 60-х годов. Переписной опрос 1972 г. не содержал вопросов об экономической деятельности населения. Вместо этого спустя год в рамках переписи было проведено крупное выборочное обследование (5%-ная репрезентативная выборка). Особый период, в который проводилось обследование (после разрушительного наводнения), очевидно, был главной причиной, по которой его результаты весьма мало согласовались с данными проводившихся в течение ряда предшествующих лет выборочных обследований рабочей силы. В то же время результаты этих обследований ввиду незначительных размеров выборки (меньше 0,1%) не могут считаться вполне представительными и образуют наряду с некоторыми специальными обследованиями рабочей силы отдельных городов лишь ценный вспомогательный материал. Перепись 1981 г. включала вопросы об экономической деятельности населения, однако итоги ее в той части, которая касается этой стороны характеристики населения, нам пока недоступны. В связи с этим для оценки положения 80-х годов ниже использованы результаты выборочного обследования 1980/81 г.

Кроме уже отмеченных недостатков, которые характеризуют исходную статистическую базу, она имеет и ряд других. В частности, не всегда полной можно считать сопоставимость сведений, полученных в ходе отдельных переписей (например, 1951 и 1961 гг.), в связи с изменениями и уточнениями, вводившимися в вопросы об экономической активности. В первую очередь они отражались на показателях экономической активности женщин, что в определенной мере объясняет «взлет» удельного веса самодеятельного женского населения за 50-е годы ⁴⁷.

Экономически активное население Пакистана составляло в 1951—1981 гг. (% к общей численности):

Год	Все население	Мужчины	Женщины
1951	30,7	55,1	2,1
1961	32,4	55,0	6,1
1972	30,3	53,0	4,3
1981	27,6	50,6	2,1

Уровень экономической активности населения на всем протяжении независимого существования страны оставался почти неизменным и весьма низким по сравнению не только с развитыми, но и с развивающимися странами. Экономически актив-

ная часть населения мира в целом в 1950—1970 гг. равнялась 43—41%; в развивающихся регионах зарубежной Азии в 1970 г. она была равна 41,7%⁴⁸. При этом экономическая активность мужского населения Пакистана была лишь несколько ниже средних показателей, а женского — уступала среднемировым и среднеазиатским в 6—7 раз (доля экономически активных женщин в Азии составляла в 1970 г. почти 30%)⁴⁹.

Вовлеченность населения в сферу экономической активности детерминируется двумя главными факторами — экономическим (развитостью системы общественного разделения труда) и демографическим (половозрастной структурой населения, а именно распределением на лиц дорабочего, рабочего и послерабочего возраста, а также многодетностью как фактором занятости женщин вне общественного производства). В сфере форм и норм социального общения эти факторы преломляются в ряд причин, непосредственно определяющих отношение к участию в народнохозяйственной деятельности.

За годы самостоятельного развития в системе общественно-го разделения труда Пакистана произошли существенные изменения. Она стала несравненно более развитой, охватила не только городское, но и значительную часть сельского хозяйства. Вместе с тем расширению сферы современного капиталистического разделения труда противостоял процесс его углубления, повышения производительности труда в развитом капиталистическом секторе. В результате за пределами этого сектора сохранялась опромная область слабой вовлеченности в общественное разделение труда. Ее расширению содействовали ускорение темпов роста народонаселения (под воздействием тенденций снижения смертности и повышения рождаемости), увеличение удельного веса детей и стариков, рост числа детей в семьях. Тормозящее воздействие на повышение уровня экономической активности оказывали также медленная трансформация господствующих форм общественного сознания и поведения, укрепление ислама в качестве центрального элемента духовной жизни масс населения и идеологии правящих классов (через сохранение обычаев затворничества женщин, их занятости в основном воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства). Ислам, кроме того, отличаясь пронаталистской направленностью, был элементом, усиливающим демографический рост.

Отмеченные обстоятельства прямо или косвенно обусловили поддержание весьма низкого уровня экономической активности населения Пакистана. Изменения показателей от десятилетия к десятилетию могут быть объяснены с различной степенью полноты и достоверности. Выше уже отмечалось воздействие особенностей статистического учета на оценку вовлеченности женщин в общественное производство. Несколько более высокий уровень экономической активности мужского населения в начале 50-х годов обусловлен главным образом недостаточны-

ми возможностями для обучения детей, бóльшим, чем в дальнейшем, участием мальчиков (особенно в возрасте 10—12 лет) в общественном труде. Кроме того, на показателях 1951 г. сказались особенности половозрастной структуры: удельный вес детей (до 10 лет) в тот период был заметно ниже, чем в последующие (26,8% по сравнению с 33,8 и 31,5% соответственно в 1961 и 1972 гг.); меньше была также доля лиц старше 60 лет (5,7% против 6,9 и 7,0%)⁵⁰. Доля лиц нерабочего возраста в 1951 г. составляла 32,5%, а в последующие периоды поднялась почти до 40%. Поэтому уровень экономической активности населения по сравнению с началом 50-х годов соответственно несколько понизился.

Хотя перепись 1981 г. не содержит специальных данных об экономической активности населения, можно, однако, сделать ряд предположений о ее уровне в начале 80-х годов, исходя из приведенных результатов выборочного обследования и оценки ситуации в стране в этот период. Представляется, что степень вовлеченности населения в общественное производство мало изменилась по сравнению с началом 60-х и 70-х годов. Скорее всего она несколько понизилась в связи с временным отъездом значительной части рабочей силы Пакистана за границу — на заработки в нефтедобывающие страны Арабского Востока. По оценкам на начало 80-х годов, за рубежами страны работало до 5% его экономически активного населения⁵¹. Другой причиной такого снижения могло явиться сокращение степени экономической активности женщин в связи с развернувшейся в стране под флагом исламизации кампании ограничения сферы женской занятости. При этом надо иметь в виду, что уже в начале 70-х годов проявилась ограниченность возможностей использования труда женщин: половина женского населения, по материалам проведенного в рамках переписи 1972 г. обследования, состояла из лиц, желающих работать, но работы не имеющих⁵².

Каково же распределение самодеятельного населения между городской и сельской местностью? Как следует из табл. 15, в 1951 г. уровень экономической активности населения в городах был несколько выше, чем в сельских районах. В дальнейшем наблюдалась обратная картина: доля самодеятельного населения в деревнях превышала его удельный вес в городе. Эта перемена связана с двумя уже отмечавшимися выше обстоятельствами: более высокой степенью занятости детей, прежде всего городских, в 1951 г. по сравнению с более поздним периодом и изменениями в критериях отнесения женского населения, главным образом сельского, к самодеятельному.

Доля городского экономически активного населения на протяжении периода самостоятельного развития Пакистана неуклонно, хотя и медленно увеличивалась. В начале 50-х годов в городах была сосредоточена пятая часть рабочей силы, спустя 30 лет — одна четверть. При этом далеко не вся сельская ра-

Таблица 15

**Население и рабочая сила города и деревни*,
%**

Год	Городское население	Сельское население	Экономически активное городское население	Экономически активное сельское население
1951	17,8	82,2	19,6	80,4
1961	22,5	77,5	20,7	79,3
1972	25,4	74,6	23,7	76,3
1983	28,3	71,7	25,4	74,6

* Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1979—1980. Islamabad, 1980, с. 3; Pakistan Economic Survey 1981—1982. Islamabad, 1982, с. 3—5; Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi, 1984, с. 58—59; Yearbook of Labour Statistics 1981, с. 116—117; Population Census of Pakistan 1981. Census Bulletin № 1. Islamabad, [б. г.], с. 4.

бочая сила представляла собой население, занятое в сельском хозяйстве. Это следует из распределения рабочей силы на несельскохозяйственную (I) и сельскохозяйственную (II) (%):

Год	I	II
1951	34,7	65,3
1961	40,1	59,9
1972	40,7	59,3
1981	44,1	55,9

Сопоставляя данные о сельскохозяйственной и сельской рабочей силе, легко прийти к выводу, что самодеятельное население, проживающее в сельских районах, заметно превосходило занятую в сельском хозяйстве рабочую силу. Если допустить, что в городах население не занималось сельским хозяйством, сельскохозяйственная рабочая сила в составе сельской составляла 75—80%. Причем наблюдалась тенденция к падению этой доли (1951 г. — 81,2%, 1961 г. — 75,5, 1972 г. — 77,7, 1981 г. — 74,9%). И она была еще ниже, так как определенная часть городской рабочей силы (по разным оценкам, от 5 до 10%) была занята в сфере сельскохозяйственного труда. Несельскохозяйственная рабочая сила подразделяется почти поровну на городскую и сельскую. Доля города в ее составе в 1951, 1961, 1972 и 1981 гг. равнялась соответственно 56,5; 51,6; 58,2 и 57,6%. В эти цифры также необходимо внести поправки в сторону уменьшения, учитывая, что не вся городская рабочая сила занята в несельскохозяйственных отраслях.

Сокращение удельного веса населения, занятого в сельском хозяйстве (с 65 до 56% в 1951—1981 гг.), сопровождалось увеличением доли индустриально занятого населения. Суммируя данные по пяти «индустриальным» отраслям (обрабатывающей промышленности; горнодобывающей; электро-, газо- и во-

доснабжению; строительству; транспорту и связи), находим, что в 1951 г. их доля в самостоятельном населении равнялась всего 11,7%, в 1961 г. она возросла до 19,7%, в начале 70-х годов равнялась 22,3%, а в 1981 г. — 23,1%, т. е. увеличилась почти вдвое. Если взять четыре отрасли материально-вещественного производства (вышеназванные без транспорта и связи), то изменение удельного веса занятой там рабочей силы происходило следующим образом: в 1951 г. — 10,5%, 1961 г. — 16,0, 1972 г. (обследование 1971/72 г.) — 17,3, 1981 г. — 18,3%. Доля четырех отраслей непродуцированной сферы (торговля, коммерческие услуги; прочие услуги, включая управление; транспорт и связь) за три десятилетия оставалась, по существу, неизменной: 24,2; 24,6; 23,6 и 25,8%. В то же время удельный вес занятых в торговле и обслуживании имел в целом тенденцию к постепенному сокращению: 23,0; 21,1; 18,6; 21,0%. Занятость в основных отраслях народного хозяйства — промышленности (обрабатывающей и горнодобывающей) и сельском хозяйстве — за годы независимого развития несколько сократилась по своему удельному весу: в 1951 г. в этих ведущих отраслях материально-вещественного производства было занято 75,4% экономически активного населения, в 1961 г. — 74,2, в 1972 г. — 72,7, в 1981 г. — 69,5%. При этом доля промышленности возросла с 10% в 1951 г. до 14,3% в 1961 г. и оставалась в последующие годы на примерно том же уровне (13,4 и 13,6%).

Из данных об изменениях отраслевой занятости следует, что в Пакистане происходил неуклонный, хотя и довольно медленный рост производительности труда в производственной сфере. Показательно, что, в то время как в некоторых других странах Азии (прежде всего в соседней Индии) доля сельскохозяйственного занятого населения после достижения независимости не уменьшилась (в Индии она оставалась равной 70—72%⁵³), в Пакистане произошло ее сокращение. Заслуживает внимания и то, что уровень сельскохозяйственной занятости в этой стране уже к моменту обретения политической самостоятельности был ниже, чем в Индии. Это свидетельствует о более высокой продуктивности земледелия. С этим, в частности, связано то обстоятельство, что в Пакистане большая доля самостоятельного населения традиционно занята в торговле (около 10%; в Индии — примерно 5%) и обслуживании. Существенно выше (по сравнению с Индией) доля самостоятельного населения Пакистана в таких «индустриальных» отраслях, как энергетика, коммунальное хозяйство, строительство, транспорт и связь. За годы самостоятельного развития эти отрасли проявили себя как самые динамичные в смысле привлечения и использования рабочей силы.

Заметные изменения произошли также в профессиональной структуре самостоятельного населения (табл. 16). Они отражают те же процессы медленного повышения производительности

Таблица 16

Структура занятости по профессиям и характеру труда*,
%

Характер занятости	1951 г.	1961 г.**	1972 г.***	1981 г.****
Лица преимущественно физического труда	87,4	80,5	77,3	77,0
занятые в сельском хозяйстве	65,1	59,7	56,6	51,4
занятые в несельскохозяйственных от- раслях	19,6	20,8	20,7	25,6
Лица физического и исполнительского труда, занятые в сфере торговли и ус- луг	11,0	11,8	12,7	12,5
Лица исполнительского труда (контор- ские служащие)	3,2	—	3,3	3,1
Лица умственного, организаторского и ис- полнительского труда (инженерно-тех- нический и административный персонал, представители свободных профессий) .	1,1	5,5	5,7	5,2

* Составлено по: Pakistan Statistical Yearbook 1963. Karachi, 1964, с. 21; Population Census of Pakistan 1961. Vol. IV. Karachi, 1964, с. 177; Pakistan Economic Survey 1979—1980. Islamabad, 1980, с. 6—7; Pakistan and Gulf Economist. Karachi. 10.12.1983, с. 13.

** 2,2% — безработные и неклассифицируемые.

*** 1,0% — неклассифицируемые.

**** 2,2% — оценка департамента рабочей силы на 1978/79 г.

труда рабочих и перераспределения экономически активного населения в сферу господства нефизического (умственного, организаторского и исполнительского) труда.

Как видно из табл. 16, наряду с изменениями в профессиональной структуре занятого населения, характере его труда имела место значительная стабильность некоторых показателей. Так, доля занятых физическим трудом вне сельского хозяйства, по существу, не изменилась; лишь последнее обследование зарегистрировало некоторый рост удельного веса конторских служащих, а также лиц, занятых в торговле и обслуживании. Наиболее стабильно возрастала доля лиц умственного и организаторского и исполнительского труда. Это сопровождалось повышением образовательного уровня населения. Уровень образования экономически активного населения страны характеризуется в табл. 17 (по оценке департамента трудовых ресурсов правительства Пакистана на 1981 г.).

Хотя по сравнению не только с развитыми, но и с большинством развивающихся стран уровень образования рабочей силы Пакистана остается весьма низким, за период независимого существования (особенно за два последних десятилетия) был достигнут заметный прогресс. Образовательная часть самодеятельного населения (лица, получившие среднее и высшее

образование) к началу 80-х годов превысила одну десятую его часть, в то время как в начале 60-х — была менее $\frac{1}{20}$. Закончившие средние и высшие учебные заведения в 1961 г. составляли меньшинство даже среди лиц нефизического труда⁵⁴. За 20 лет соотношение между завершившими курс среднего образования и не завершившими его в корне изменилось: в первой категории оказалось свыше $\frac{2}{3}$. Заметно вырос уровень образования и лиц, занятых физическим трудом. Доля рабочих с образованием в несельскохозяйственных отраслях возросла за 1961—1981 гг. с 1,4 до 5,3%, а их число — с 36 тыс. до 265 тыс. человек⁵⁵.

Таблица 17

Образование экономически активного населения в 1981 г., %

Категория занятых по характеру труда	Уровень образования			
	Без формального образования	Начальное и незаконченное среднее	Завершенное среднее	Неполное высшее и высшее
Лица физического труда	85,0	12,1	2,8	0,1
занятые в сельском хозяйстве	88,8	9,3	1,6	0,1
занятые вне сельского хозяйства	75,5	19,3	5,1	0,2
Лица физического и исполнительского труда	67,3	23,5	8,2	1,0
Лица исполнительского умственного труда	7,2	18,6	61,6	13,0
Лица умственного (нефизического) труда	16,1	17,3	41,7	25,0
Рабочая сила в целом	74,6	14,6	8,5	2,3

Абсолютное большинство самодеятельного населения официальная статистика относит к категории занятых. Уровень открытой безработицы, по данным переписей и обследований, как правило, весьма невелик⁵⁶. По правительственной оценке на 1980/81 г., безработные составляли 2,5% экономически активного населения⁵⁷. Безработица охватывает весьма неравномерно лиц с различным уровнем образования. В наименьшей степени она была характерна для людей, не имеющих формально никакого образования, и лиц с высшим образованием (1%). Относительный ее уровень для получивших начальное и среднее образование в 7—9 раз выше (7,1 и 8,7%). Столь же различным является охват лиц разных по характеру труда категорий. Безработица охватывала 2,1% лиц физического труда и 6,7% конторских служащих. В категории лиц нефизического труда число безработных равнялось 5,5%; при этом менее всего страдали от безработицы получившие высшее образование (1%), а более всего — имеющие среднее (8,6%). Итак, открытая безработица наиболее распространена среди

лиц молодых возрастов, окончивших среднее учебное заведение и пытающихся получить работу клерка. Значительную их часть, очевидно, составляют девушки (как отмечалось выше, по данным обследования 1973 г., безработица охватывала более половины женского самостоятельного населения молодых возрастных групп) ⁵⁸.

Представляется, что наряду с ростом образования среди пакистанской молодежи в 60—70-е годы возрастала и открытая безработица вследствие безуспешных попыток молодых людей найти свою первую работу. Как следствие произошел сдвиг в структуре безработицы — сокращение удельного веса лиц с низким уровнем образования и преимущественно физического труда и увеличение доли лиц с законченным и незаконченным средним и неполным высшим образованием, претендующих на получение работы вне сферы физического труда ⁵⁹. Некоторое общее повышение уровня безработицы следует, в частности, из сопоставления оценочных данных на начало 80-х годов со сведениями переписи 1961 г. В соответствии с последними, она равнялась 1,5% и в абсолютных цифрах была в 3,5 раза меньше, чем в 1981 г.

Важнейшей характеристикой самостоятельного населения является его структура по форме занятости. Статистика форм занятости отражает социальный статус, общественное положение людей и служит одним из показателей степени социально-экономического развития общества. С этой точки зрения привлекает внимание эволюция структуры неаграрной рабочей силы Пакистана, прослеживаемая по данным за ряд десятилетий (%) ⁶⁰:

	1951 г.	1961 г.	1972 г.	1981 г.
Работодатели	0,4	1,0	5,3	—
Работополучатели	36,7	39,5	39,7	41,9
Работающие не по найму	61,8	53,1	44,5	46,4 (включая работода- телей)
Неоплачиваемые семейные помощники	0,2	6,4	10,5	11,7

Приведенные данные свидетельствуют о заметном снижении доли работающих не по найму, категорий «независимых», или «самостоятельных», работников. Удельный вес работающих по найму имел тенденцию к росту, хотя и медленному. Более наглядно эти изменения можно проследить, если принять во внимание условность отнесения неоплачиваемых семейных помощников к самостоятельному в полном смысле этого слова населению. При их исключении неаграрное самостоятельное население эволюционирует в сторону увеличения удельного веса в нем занятых по найму — примерно с $\frac{2}{5}$ в начале 50-х годов до $\frac{1}{2}$ в 70-х годах. По данным на начало 70-х годов,

работодатели и работополучатели по численности были равны «независимым» работникам. Об изменениях форм занятости всего самодельного населения нет возможности судить непосредственно на основании данных переписей как главных источников сведений о населении, ибо в переписях сельскохозяйственная рабочая сила не рассматривается по тем же категориям, что и несельскохозяйственная. Недостаток этих данных можно отчасти компенсировать анализом результатов выборочных обследований рабочей силы (%) ⁶¹:

	1963/64 г.	1969/70 г.	1974/75 г.	1980/81 г.
Работодатели	1,1	0,4	1,2	—
Работополучатели	27,9	21,2	22,5	23,8
Работающие не по найму	48,4	50,3	48,6	48,9
				(включая работода-
				телей
Неоплачиваемые семейные помощники	22,6	28,2	27,8	27,3

Обращает на себя внимание существенное (почти двукратное) сокращение доли работающих по найму при переходе от рассмотрения части самодельного населения (неаграрной) к целому. Вместе с тем резко возрастает удельный вес помогающих членов семьи. Если исключить эту последнюю категорию, структура самодельного населения будет характеризоваться следующими показателями (%):

	1963/64 г.	1969/70 г.	1974/75 г.	1980/81 г.
Работодатели	1,4	0,5	1,7	—
Работополучатели	36,4	29,5	31,7	32,7
Работающие не по найму	62,5	70,0	67,2	67,3
				(включая работода-
				телей)

Из приведенных данных следует, что сферой наемных отношений была охвачена примерно треть самодельного населения, а более двух третей оставалось за ее пределами.

Сокращение области применения наемного труда произошло, таким образом, за счет сельскохозяйственного производства. Аграрная рабочая сила характеризуется малой распространенностью отношений найма. Эта особенность, главным образом связанная с уровнем социально-экономического (капиталистического) развития сельского хозяйства, обусловлена также и некоторыми специфическими чертами «традиционной» организации сельскохозяйственного процесса на территории Пакистана. Не останавливаясь здесь на вопросе об этих чертах и причинах, их обусловивших, заметим, что уже С. Патель в исследовании, выполненном в начале 50-х годов, выделял в качестве особенности социальной структуры Пакистана невысокий удельный вес сельскохозяйственных рабочих ⁶². Результаты переписи 1951 г. показали исключительно малое распро-

странение работающих по найму в сельском хозяйстве. Они составляли всего 2,3% сельскохозяйственной рабочей силы⁶³. За 50-е годы доля сельхозработчих (безземельных работников, занятых аграрным трудом) заметно возросла — до 8%⁶⁴. Данные выборочных обследований рабочей силы дают различные оценки удельного веса наемного труда в сельскохозяйственной занятости (1963/64 г. — 15,2%, 1969/70 г. — 11,9, 1974/75 г. — 8,0, 1980/81 г. — 7,8%)⁶⁵. Если не учитывать помогающих членов семьи, колебания в относительной численности работающих по найму в сельском хозяйстве оказываются еще больше: по переписи 1961 г. — 11,1%, по обследованию 1963/64 г. — 36,6% (!), по обследованиям 1969/70, 1974/75 и 1980/81 гг. — соответственно 19,7; 13,5 и 13,5%.

Структура сельскохозяйственной рабочей силы без безземельных работников видна из данных табл. 18. Она отражает систему землепользования, распространение трех основных видов сельскохозяйственных хозяйств: дворов собственников-землеладельцев (главным образом крестьян), собственников, арендующих землю, и чистых арендаторов. Между 1951 и 1961 гг., как следует из сравнения переписей населения, в структуре землепользования и соответственно самодеятельного населения, занятого обработкой собственной или арендованной земли, не произошло значительных перемен. Несмотря на сгон арендаторов с земли (процесс принявший широкие размеры в середине 50-х годов), их удельный вес между началом двух десятилетий несколько даже возрос. Между 1960 и 1972 гг. (по данным сельскохозяйственных переписей) число арендаторских хозяйств сократилось и значительно (вдвое) увеличился удельный вес дворов собственников-арендаторов, что произошло в существенной степени за счет наиболее производительных хозяйств фермерского типа и отражало, судя по всему, процесс капиталистической трансформации сельскохозяйственного (земледельческого) производства⁶⁶.

Таблица 18

Сельскохозяйственное население, ведущее самостоятельное хозяйство*, %

Отношение к земельной собственности	Перепись населения		Сельскохозяйственная перепись	
	1951 г.	1961 г.	1960 г.	1972 г.
Собственники	44,0	40,5	41	42
Собственники-арендаторы	13,6	14,8	17	24
Арендаторы	42,2	44,7	42	34

* Составлено по: Пакистан. Справочник, с. 230; Population Census of Pakistan 1961. Vol. 1. Karachi, 196—, с. V—28; Pakistan Economic Survey 1978—1979. Statistics. Islamabad, 1979, с. 39—40.

Характерной особенностью эволюции форм землепользования в 60-е — начале 70-х годов нужно считать сокращение общего числа земледельческих дворов. Сравнение сельскохозяйственных переписей 1960 и 1972 гг. показывает, что число это уменьшилось более чем на миллион (с 4,9 млн. до 3,8 млн.). Причем сокращение произошло за счет самых мелких хозяйств (менее 2 га земли). Хотя прямое сопоставление данных двух сельскохозяйственных переписей имеет свои недостатки, и в частности несколько преувеличивает уменьшение числа хозяйств земледельцев, оно тем не менее используется в литературе для выявления перемен, происходивших в системе землепользования⁶⁷. Свидетельствуя об имевшем место процессе сокращения численности земледельческой прослойки (прежде всего за счет мелких арендаторов), оно заставляет предположить, что одновременно происходило расширение прослойки деревенских жителей, охваченных в той или иной степени отношениями найма. Не останавливаясь пока на особенностях этих отношений, отметим, что удельный вес работающих по найму (временно или в скрытой форме) за 60-е и 70-е годы, очевидно, повысился за счет разорившихся крестьян-собственников, арендаторов и перехода к земледелию как основному занятию некоторых профессионально-кастовых деревенских групп и (или) отдельных их представителей.

Что же касается постоянных наемных рабочих, то на имеющихся материалах тенденции их относительного увеличения не просматриваются. Выше уже приводились данные выборочных обследований об удельном весе наемных рабочих в сельском хозяйстве. Отсутствие роста отношений регулярного найма следует из данных тех же выборочных обследований (%):

	1963/64 г.	1969/70 г.	1974/75 г.
Работодатели	0,6	0,3	0,9
Работополучатели	14,3	15,1	13,7
Работающие не по найму	53,6	51,4	51,3
Помогающие члены семьи	31,5	33,3	34,1

В некоторых отраслях сельской экономики доля работающих по найму весьма велика. Она близка к 100% в горной добыче и электро-, газо- и водоснабжении; более половины занятых в сфере обслуживания работает по найму. Отсюда — более высокий удельный вес наемных рабочих в составе сельской рабочей силы по сравнению с самостоятельным населением, занимающимся сельскохозяйственным трудом. Если исключить работодателей и неоплачиваемых помощников — членов семьи, то самостоятельное население (основная его масса), проживающее в деревенской местности, распадается на охваченных и неохваченных регулярным наймом в соотношении 30:70. Это соотношение близко к отмеченному выше для всего сельского и городского самостоятельного населения. Совпадение, однако, во многом объясняется преобладанием сельского населения в со-

ставе всего самодельного. Между тем имеется довольно существенная разница между структурой рабочей силы (по форме занятости), населяющей городские и сельские районы. Значительные различия существуют в степени распространения наемного труда среди несельскохозяйственной части городской и сельской рабочей силы. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные переписи населения 1961 г. (%)⁶⁸:

	Деревенская несельскохозяй- ственная рабочая сила	Городская несельскохозяй- ственная рабочая сила
Работодатели	0,3	1,5
Работополучатели	23,6	49,5
Работающие не по найму	62,7	43,5
Помогающие члены семьи	9,6	3,1
Безработные	3,8	2,4

Данные выборочных обследований структуры городской рабочей силы дают картину, близкую переписи 1961 г. (%):

	1968/69 г.	1969/70 г.	1974/75 г.
Работодатели	1,3	0,9	2,2
Работополучатели	41,7	41,9	47,1
Работающие не по найму	48,3	46,4	40,9
Помогающие члены семьи	8,7	10,8	9,9

Если не учитывать последнюю категорию, то наблюдается примерно равенство между охваченной и не охваченной наемными отношениями рабочей силой. По данным наиболее позднего обследования 1974/75 г., в городских районах преобладали занятые по найму (52%); вместе с работодателями, олицетворяющими (за редкими в городах исключениями) капиталистические отношения, они составляли 55% экономически и социально самодельного населения.

Структура самодельного населения по выделяемым в статистике формам занятости дает первое приближение к решению вопроса о том, какая часть самодельного населения принадлежит к сфере господства капиталистических отношений, а какая еще не входит в эту область, оставаясь на ее периферии. Для конкретизации этого представления необходим анализ структуры статистических групп, определяемых как «самостоятельные, или независимые, работники-хозяева» и «работающие по найму».

Представляется, что происшедшее за годы суверенного развития Пакистана ускорение капиталистической эволюции внесло изменения в структуру не занятой по найму рабочей силы. В 50-е годы она оставалась в основном «традиционной», существующей в сфере докапиталистических производственных отношений. Начиная с 60-х годов характер остающейся формально за бортом буржуазных наемных отношений рабочей силы меняется: в ее составе появляются и постепенно увеличивают-

ся группы, втянутые частично или полностью в сферу функционирования капитала. Такого рода скрытая, закамуфлированная пролетаризация характерна для переходного к капитализму и раннекапиталистического этапов развития и определена К. Марксом как формальное подчинение труда капиталу. Специфика современных восточных обществ (в том числе и пакистанского) состоит в том, что генезис капитализма связан в нынешнюю эпоху не столько с постепенным переходом от формального к реальному подчинению под воздействием действующих «изнутри» причин и факторов, сколько с переносом в эти общества «готовых» форм эксплуатации труда индустриального типа. Несостыкованность процессов заимствованного и «автохтонного» капиталистического развития приводит, как правило, к задержке «естественной» эволюции, сохранению промежуточного положения большими массами эксплуатируемых и неполной капиталистической трансформации имущих классов.

В сельской экономике Пакистана существует несколько промежуточных типов работников. Это полуарендатор-рабочий на капиталистической ферме, крестьянин-рабочий — мелкий собственник, вынужденный часть своего времени, иногда большую, отдавать работе по найму; полуремесленник-полусельхозрабочий (деревенский общинный ремесленник, сочетающий выполнение своих традиционных занятий с работой по найму в достаточно крупном ведущемся по капиталистическому образцу хозяйстве); наконец, деревенский поденщик (слуга общины, не имеющий сословно-кастовой «профессии»), используемый в хозяйствах капиталистического типа. Промежуточность положения этих групп состоит не только в том, что часть времени они по-прежнему посвящают традиционным занятиям, но и в том, что в целях их капиталистической эксплуатации используются особенности социально приниженого положения, традиционно занимаемого ими. Важной особенностью применения наемного труда стало в пакистанской деревне последних лет распространение практики артельно-подрядной обработки земли. Владелец земли при этом перекладывает на главу артели все заботы по организации трудового процесса. В то же время он предоставляет инвентарь и несет другие расходы по выращиванию урожая. Артель, как правило, состоит из членов одной семьи, и все они являются фактически типичными сельскохозяйственными рабочими, формально могут не фиксироваться в качестве таковых, а выступать как «самостоятельные работники» или «неоплачиваемые семейные помощники»⁶⁹.

Артельно-бригадные методы работы в сочетании с ручным и маломеханизированным способом производства получили широкое распространение также в городской экономике Пакистана. И здесь эксплуатация наемного труда часто формально-статистически не регистрируется. Подлинные производственные отношения иногда остаются скрытыми и от самих

участников производственного процесса. Так, присвоение торговым капиталом части прибыли (торговой *маржи*) может при его господстве в том или ином промысле перерастать в эксплуатацию не только наемных рабочих, занятых там, но и формально независимых работников — мелких хозяйчиков, возглавляющих, как правило, «семейный бизнес».

Сложной и неоднородной является в современных странах Востока также категория наемных работников. Она охватывает не только капиталистически эксплуатируемую рабочую силу, но и сферу распространения традиционного, спорадически появляющегося в докапиталистических формациях найма, состоящего не в продаже рабочей силы как товара особого рода, а в обмене услуги, которую может принести труд, на услугу, которую приносит его вознаграждение⁷⁰. Распространение отношений докапиталистического найма неодинаково в различных странах и регионах Востока и, очевидно, меняется в зависимости от конкретного этапа социально-экономического развития. Весьма распространенным это явление было в деревнях стран Южной Азии. По оценке В. Г. Растяникова, в сельском хозяйстве Индии во второй половине 50-х годов от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ общего количества чужого труда принадлежало наемным работникам этого типа⁷¹. Распространение традиционного найма связано со многими особенностями исторического и современного социально-экономического развития тех или иных обществ. Большую роль в распространенности этой формы найма в Индии играет традиционная система кастовой регламентации, подчиненного положения, в котором находятся массы людей, принадлежащих к низшим кастам. Усиливающим это культурно-историческое свойство индийского общества являются такие взаимосвязанные обстоятельства, как низкая продуктивность индивидуальных трудовых усилий, бедность и нищета населения. Наем работника в этих условиях зачастую не может преследовать цель его эксплуатации ради получения прибавочной стоимости. Это наем из бедности для одной стороны и наем «из милости» — для другой⁷². Представляется, что в пакистанской деревне отношения докапиталистического найма были менее развиты, чем в соседней Индии. Это объясняется меньшим удельным весом крайне приниженного населения (порождения института неприкасаемости), а также несколько более высоким средним уровнем жизни. «Зеленая революция», охватив в Пакистане относительно большую часть деревенского населения, способствовала изживанию традиционных отношений, в частности обмена услугами между земледельческой и неземледельческой частями деревенского населения. Сдерживающее воздействие при этом оказывало сохранение аграрного перенаселения. Результат противоборствующих тенденций из-за отсутствия достаточного объема конкретных данных не может быть вполне выявлен. По всей видимости, какая-то часть наемных работников в пакистанской деревне и

традиционном городе включена еще в систему докапиталистического найма, причем доля этого наемного труда колеблется в широких пределах между районами, наиболее страдающими от аграрного перенаселения, и областями наибольшего развития капиталистического земледелия. Общей тенденцией можно все же считать падение удельного веса традиционного найма вследствие преобладания капиталистически трансформирующихся пластов хозяйства.

Из вывода об уменьшении удельного веса применения чужого труда в неспецифических для капитализма целях и растущем охвате «скрытыми» формами капиталистического найма «самостоятельных работников» и «неоплачиваемых семейных помощников» логически следует, что статистические данные все больше занижают степень вовлечения рабочей силы в сектор современных (капиталистических) производственных отношений.

Оценивая всю сферу капиталистических отношений, необходимо отметить, что буржуазная система общественного производства, превратившись в Пакистане в основную, сохраняет еще следы своего разнородного происхождения. Существует верхний его ярус, совпадающий со сферой применения современных производительных сил — капиталоемкой, в основном импортной, техники, достаточно передовых технологических приемов, обученной рабочей силы. Нижний ярус капиталистического производства вычленяет сегмент «несовременных» производительных сил, используемых в «современных» (в условиях Пакистана — капиталистических) целях. Основным фактором производства в этой системе выступает живой труд. Используемое оборудование тоже импортное, но устаревшее и подержанное, отремонтированное в местных мастерских либо изготовленное там по образцам, скопированным с зарубежных моделей. Нижний ярус стал более активно расширяться с начала 60-х годов, и именно его расширение преобразовало сферу относимого статистикой к традиционному использованию рабочей силы.

Разграничение на, условно говоря, верхний и нижний ярусы капиталистического производства имеет важное значение с точки зрения структуры самодеятельного населения, ибо различны качественные характеристики рабочей силы, занятой в так называемом современном секторе и за его пределами. Оценка количественных параметров занятости в этом секторе сопряжена с неизбежной условностью при определении его границ. В литературе по Пакистану она базируется в основном на данных правительственных учреждений о работающих на предприятиях и в заведениях с числом занятых свыше 10 человек. По данным на 1964 и 1970 гг., в городах Пакистана примерно четвертая часть занятых работала в «современном» (или организованном, формальном) секторе. Причем удельный вес этой «организованной» рабочей силы за вторую

половину 60-х годов несколько вырос — с 25,4 до 26,7%, а численность возросла почти на 300 тыс. человек — с 955 тыс. до 1230 тыс.⁷³. В начале 70-х годов темпы роста занятого в «современном» секторе населения замедлились. По данным о предприятиях и заведениях этого сектора, число работающих там в 1972/73 г. было равно 1,29 млн. человек. В 1973—1977 гг. (данные за более поздний период отсутствуют) наблюдался заметный рост занятых в «современном» секторе — до 1,55 млн. человек⁷⁴. За четыре года их число увеличилось на 120%, в среднем на 4,75% в год (при среднегодовом приросте всей рабочей силы в 3%). За 1964—1977 гг. «современная» рабочая сила выросла на 162% (3,8% в среднем в год). Если соотнести занятое в «организованном» секторе население со всей рабочей силой (а не только городской), то в 1964 г. его удельный вес равнялся 6%, а спустя 13 лет — 7%. Некоторый рост доли «современной» рабочей силы произошел в конце 60-х годов, затем она вернулась к уровню середины того десятилетия и вновь превысила его во второй половине 70-х годов.

Большая динамика присуща этому показателю, если в качестве исходного взять начальный период существования Пакистана. Оценки занятости для этого периода существуют лишь в отношении одного из отрядов «современной» рабочей силы, а именно фабричных рабочих. Численность постоянного контингента занятых на фабриках в 1951 г. равнялась 107 тыс. человек⁷⁵. Условно считая, что удельный вес промышленных рабочих в составе всей «современной» рабочей силы был тем же, что и в 60—70-е годы (примерно 40%), нетрудно определить его величину в «современном секторе» в 1951 г. — около 250 тыс. человек, или 2,6% экономически активного населения.

Эти расчеты свидетельствуют о том, что основной прирост «современной» рабочей силы пришелся на первый период капиталистического развития Пакистана, развития его по преимуществу «сверху», путем создания современных отраслей промышленности, современной сферы частного бизнеса и системы ее государственного регулирования. Значительную роль сыграло также и интенсивное формирование в этот период всего государственного аппарата управления. На втором этапе капиталистического развития удельный вес современной занятости изменился меньше. Но нужно учитывать возможную недооценку масштабов этой занятости в 70-е годы. Со ссылкой на официальные пакистанские источники международные статистические издания приводят оценки численности рабочих и служащих, отличающиеся в сторону повышения от использованных выше⁷⁶ (на 1977 г. число занятых в фабричной промышленности оценивалось в 572 тыс. человек против 512 тыс., в горнодобывающей — 27 тыс. против 13 тыс.)⁷⁷. По сведениям крупнейших профсоюзных объединений, число фабричных рабочих достигло в том году 680 тыс., а согласно сообщениям пакистанской прессы, численность занятых на транспорте была вдвое

выше по сравнению с цифрами из официальных публикаций⁷⁸. Все это позволяет считать, что верхней границей занятости в «современном» секторе (секторе относительно крупных и регистрируемых предприятий) является на 1977 г. цифра 1,9 млн. человек. Это составляет примерно 9% всей рабочей силы.

По имеющимся в нашем распоряжении данным можно проследить некоторые изменения в отраслевой структуре «современной» — занятости. В 1964 г. доля обрабатывающей промышленности равнялась 40%, а «индустриальных» отраслей в целом — 60%. По данным 1970 г., удельный вес промышленности снизился до 37%, а «индустриальных» отраслей — до 56%. К 1977 г. произошло дальнейшее сокращение этих показателей — до 33 и 50%. Соответственно возросла доля непроектируемых отраслей «современной» занятости, в основном за счет обслуживания и управления, где подавляющая часть более или менее крупных заведений состоит из государственных учреждений. Удельный вес обслуживания и управления (сферы услуг) вырос с 37% в 1964 г. до 40% в 1970 г. По данным 1975—1977 гг., только в государственных учреждениях этой категории было занято 40% «современной» рабочей силы.

Уже из приведенных выше данных видно, что доля государства в области «современной» занятости была весьма значительной и возрастала с течением времени. Если в 50—60-е годы нанимаемая государством рабочая сила увеличивалась главным образом за счет аппарата управления, административных служб, а также системы образования, культуры и здравоохранения, то в 70-е годы в результате национализации промышленных предприятий, банков и финансовых учреждений она возрастала также за счет производственных отраслей. С 1972 по 1977 г. число занятых на предприятиях и в корпорациях государственного сектора выросло втрое — с 24 тыс. до 62 тыс. человек⁷⁹. Кроме того, увеличилась численность занятых на железных дорогах, в портовом хозяйстве, на предприятиях связи (собственность на которые была унаследована национальным государством еще от колониальных властей). К 1977 г. там было занято предположительно свыше 300 тыс. человек. Суммируя данные о числе работающих в государственном секторе экономики и сфере управления, легко установить, что «современная» занятость во второй половине 70-х годов делилась почти поровну между частной и государственной сферами (примерно 800—900 тыс. человек в каждой). В 50—60-х годах это соотношение, по всей видимости, было в пользу частной сферы хозяйственной жизни и связанных с нею услуг.

О темпах увеличения нанимаемой пакистанским государством рабочей силы, как гражданской, так и, условно говоря, военной, свидетельствуют данные табл. 19.

Как видно из таблицы, общее число занятых в сфере гражданского государственного найма заметно превосходит числен-

Таблица 19

Сфера государственного найма в Пакистане*,

тыс. человек

Финансовый год	Занятые в гражданском государственном секторе	Занятые в «сфере обороны»	Всего
1954	546	154	700
1961	695	276	971
1970	995	370	1365
1973	1061	466	1527
1975	1434	502	1936

* *Guisinger S., Hick N. L. Long-term Trends in Income Distribution in Pakistan. — World Development. 1978, vol. 11, № 12, с. 1276.*

ность работающих в относительно крупных (более 10 занятых) государственных учреждениях и предприятиях госсектора. Причем и относительная и абсолютная величина «децентрализованного» найма в 70-е годы быстро увеличивалась. В 1970 г. он равнялся приблизительно $\frac{2}{5}$ занятых в государственном гражданском секторе (около 400 тыс.), а в 1975 г. — почти 45% (свыше 600 тыс.). Главное место в сфере этого найма, по всей видимости, занимали учителя школ, служащие местных почтовых и телефонно-телеграфных отделений, отделений государственных банков (сеть которых стала быстро возрастать после национализации крупных коммерческих банков в самом начале 1974 г.), работники органов местной администрации и т. п.

С помощью приведенной в табл. 19 оценки занятых в сфере государственного гражданского найма можно скорректировать представление о размере занятости в современном секторе, определяя ее как состоящую из работающих в государственной системе экономики, обслуживания и управления и в сфере развитого частнокапиталистического уклада. Во второй половине 70-х годов она составляла примерно 2,5 млн. человек — 11% экономически активного населения. Из них приблизительно половина (1,2 млн.) были рабочими (около $\frac{1}{3}$ из них трудились на предприятиях государственного, а $\frac{2}{3}$ — частного сектора). Остальная часть занятых в современном секторе состояла из чиновников, мелких конторских служащих и обслуживающего государственные учреждения персонала.

Особое место в структуре населения занимают военнослужащие. Они не входят в состав экономически активного населения и по этой причине чаще всего не включаются в самостоятельную часть населения. С экономической точки зрения это в полной мере оправдано, ибо военнослужащие не участвуют в хозяйственном процессе ни прямо, ни косвенно (хотя государство может иногда использовать часть военнослужащих на со-

оружии гражданских объектов либо таких военных объектов; например дорог, которые могут служить как военным, так и гражданским экономическим целям). В то же время с точки зрения социологической офицерский и унтер-офицерский состав вооруженных сил является самостоятельным, материально самостоятельным, т. е. получает жалованье за свою службу, обеспечивающее их существование вместе с семьями.

Рядовой состав вооруженных сил Пакистана также получает жалованье, хотя и небольшое. Входящих в него лиц нужно рассматривать как часть самостоятельного (неиздивенческого) населения, самостоятельного с социологической точки зрения. Об этом говорит и основной принцип набора в армию — добровольная вербовка. Она осуществляется главным образом в северо-западных округах Панджаба и отдельных районах СЗПП. Для выходцев из крестьянских семей в этих местностях неорошаемого земледелия служба в армии является одним из путей заработать на жизнь, а нередко и пополнить бюджет семейного хозяйства. Включение их в сферу занятых в современном секторе увеличивает ее примерно до 3 млн. человек (по ориентировочной оценке на вторую половину 70-х годов), или 13% этой части населения. Сфера государственного найма в системе современной занятости увеличивается в этом случае до $\frac{2}{3}$.

При дифференцированном подходе к экономически активному и самостоятельному населению (включающему также социологически активную часть общества, выполняющую функции, которые позволяют участвовать в распределении и перераспределении государственных или частных фондов) легко определить место социальных категорий (групп), которые, как и военнослужащие, не входят в состав рабочей силы, но являются материально самостоятельными, обеспечивающими свое существование. Это, с одной стороны, рантье, владельцы ценных бумаг и городской недвижимости и земельные собственники-рентополучатели, а с другой — государственные пенсионеры и различные слои людей, живущих благодаря общественной и личной благотворительности. К категории самостоятельного и полусамостоятельного населения нужно отнести также небольшую часть студентов, получающих государственную стипендию, и прослойку безработных, существующих на выходное пособие.

Как видно из изложенного выше, категории самостоятельного в экономическом и социологическом отношении населения, по большей части совпадая, имеют и заметную область несовпадения. Для того чтобы очертить ее наиболее полно, вернемся к особому положению неоплачиваемых, работающих в семейном хозяйстве членов семьи. В экономическом смысле это самостоятельное или полусамостоятельное население, но социологически оно не является таковым, ибо социальной самостоятельностью не обладает. Подрастающие сыновья относятся к

самостоятельному населению лишь потенциально, но могут влиться в него по достижении определенного возраста. Что же касается женщин (матерей, жен и дочерей), составляющих значительную часть помогающих неоплачиваемых членов семьи, то они в социальных условиях, господствующих в Пакистане, как правило, лишены возможности стать самостоятельными, полноправными членами общества. При этом нужно иметь в виду, что большинство «самодеятельных» женщин проживают в деревне и отнесены статистикой к экономически активному населению вследствие их участия в определенных видах полевых работ (в первую очередь в сборе урожая хлопчатника).

Согласно приводившимся выше данным выборочных обследований, неоплачиваемые работающие члены семьи составляли в 70-х годах 27—28% рабочей силы. Следовательно, из 22,5 млн. человек экономически активного населения (на 1977 г., который по причине обеспеченности статистическими материалами избран типичным для второй половины 70-х годов) только 16,2 млн. были экономически активны и социально самостоятельны. Если к ним прибавить военнослужащих (0,5 млн.), то полученная величина (16,7 млн. человек) будет характеризовать самодеятельное с социологической точки зрения население, и она ненамного отличается от числа семей в стране (14,9 млн.)⁸⁰. Из этого следует, что экономически и социологически активное население в Пакистане включает главным образом глав семей и лишь в небольшой степени (не свыше 10%) прочих членов семьи.

К потенциально самодеятельному, а социально-политически нередко к весьма активному населению следует отнести студенчество. Число обучающихся в колледжах и университетах за годы независимости возросло многократно. Во второй половине 70-х годов оно достигало, а в отдельные годы превышало 350 тыс. человек⁸¹.

Вместе со студенчеством численность экономически и социально активного населения (по данным на 1977 г.) была равна примерно 17 млн. человек. Из них около 3,5 млн. (20%) были непосредственно связаны с государственно-капиталистическим и развитым частнокапиталистическим секторами хозяйства, обслуживания и управления; еще около 2,5 млн. (около 15%) работали по найму, главным образом капиталистическому. Учитывая характер занятости части не работающих по найму, а именно их косвенную или скрытую включенность в капиталистическую систему общественного производства, можно полагать, что до 40% населения, образующего центральную часть, ядро всего народонаселения, было в той или иной степени втянуто в сферу буржуазных по своей сути производственных (базисных) отношений и соответствующих им отношений надстроечного порядка. Остальная часть самодеятельного населения функционировала в системе различного рода

переходных отношений, образующей периферию капиталистического сегмента.

Итак, за годы независимого развития в структуре самостоятельного населения Пакистана произошли существенные перемены. Увеличилась доля рабочей силы, занятой в «индустриальных» отраслях экономики; произошел сдвиг в профессиональном составе в сторону увеличения удельного веса лиц нефизического труда; повысился образовательный и квалификационный уровень экономически активного населения. Весьма усилились позиции капиталистического сектора в структуре самостоятельного с экономической и социологической точки зрения населения. Перемены произошли и в составе все еще значительного контингента людей, остающихся на периферии капиталистической системы. Заметно выросли переходные социальные группы, функционирующие на стыке с капиталистическим сектором и спорадически втягиваемые в него. Вместе с тем тяжелая демографическая и экологическая ситуация в Пакистане, неясность перспектив развития его экономики при ныне господствующих в капиталистическом мире тенденциях не позволяют предвидеть скорого рассасывания резервуара людских ресурсов, остающихся за бортом трансформирующего воздействия капитализма.

Общая характеристика

К деревням в Пакистане относят все сельские населенные пункты, которые могут включать от нескольких единиц до тысячи дворов или хозяйств. По данным на начало 1980-х годов, общее количество деревень в Пакистане равнялось приблизительно 45 тыс., из которых 18 тыс., или 40%, составляли деревни с населением свыше тысячи человек¹. Общее количество домов в сельской местности в 1980 г. достигло примерно 9 млн., т. е. в среднем на одну деревню приходилось 200 жилых строений².

В широком смысле понятие деревни как социально-экономической категории, противопоставляемой городу, охватывает весь комплекс социальных, экономических, культурно-бытовых особенностей, свойственных населению, проживающему в сельской местности и непосредственно связанному с сельскохозяйственным производством. Цель данной главы — показать основные особенности эволюции социальной структуры сельского населения Пакистана, дать характеристику различных социальных слоев пакистанской деревни³.

Поскольку социально-экономической спецификой деревни является непосредственная связь ее жителей с землей, сельские населенные пункты отличаются от городских небольшими размерами при широком рассредоточении, определяемом природно-экологическими особенностями ареалов расселения. Так, старозаселенные районы на севере Панджаба (Сиялкот, Кэмпбеллпур, Равалпинди), где преобладает богарное земледелие, характеризуются широким рассредоточением небольших по размерам деревень с сохранением традиционной застройки и планировки. Районы старых заселений, где получило широкое развитие искусственное орошение (Лахор, Шехупура, значительная часть Гуджранвалы), характеризуются большой разбросанностью деревень при относительно высокой плотности сельского населения. Известные под названием «колонии на каналах» новоорошенные земли в центральных округах Панджаба (Фейсалабад, Саргодха, Мултан, Бахавалпур), которые начали осваиваться в конце XIX — начале XX в., отличаются концентрацией крупных поселений вдоль оросительных систем, более правильной планировкой деревень и т. п. Подоб-

ный тип сельских поселений характерен и для новоорошенных земель Синда. В целом для Синда свойственны более крупные по сравнению с сельскими районами Панджаба деревни, в основном за счет создания новых крупных поселений⁴.

Западные провинции Пакистана — СЗПП и Белуджистан — отличаются резким дефицитом водных ресурсов, что в условиях аридного климата предопределило низкий уровень развития земледелия и соответственно низкую плотность населения в сельских районах, а также редкоочаговый характер заселения (в основном деревни сконцентрированы по орошаемым долинам, редким оазисам, вблизи источников подземных вод). Для СЗПП характерны наиболее крупные деревни (в среднем около 340 домов на одну деревню)⁵, что связано с большой кучностью сельских поселений, привязанных к орошаемым долинам; в итоге провинцию отличает относительно высокая плотность сельского населения при небольшом количестве деревень.

Наиболее редко заселены сельские районы Белуджистана, для которых в отличие от СЗПП характерны небольшие (около 120 домов) деревни. Это объясняется и тем фактом, что в провинции широко распространена миграция из сельских районов в города. Кроме того, часть белуджей, занятых скотоводством, продолжают вести кочевой и полукочевой образ жизни. Так, в середине 70-х годов к кочевникам относилось 17,5% самостоятельного населения Белуджистана; в белуджских округах провинции продолжала кочевать четвертая часть (23,1%) сельского населения. Наименьшая доля кочевников (7,5%) — в сельскохозяйственном населении округа Кветта-Пишин, самая высокая (32,6%) — в белуджском округе Чагай⁶.

В целом для Пакистана характерны значительные различия в плотности населения между провинциями (табл. 20).

Как видно из приведенных данных, наибольшая плотность сельского населения (167 человек на 1 кв. км) наблюдается в

Таблица 20

Плотность населения Пакистана в 1972—1981 гг.⁷

Район	Площадь, кв. км	Численность сельского населения, тыс. человек		Плотность населения, человек на 1 кв. км	
		1972 г.	1981 г.	1972 г.	1981 г.
Пакистан	796 095	48 715	60 413	61	76
В том числе:					
Панджаб	205 344	28 427	34 241	138	167
Синд	140 914	8 430	10 786	60	76
СЗПП	74 521	7 193	9 396	96	126
Районы племен	27 220	2 478	2 199	91	81
Белуджистан	347 190	2 029	3 655	6	10

Панджабе. Относительно высокий показатель ее в СЗПП объясняется большой концентрацией сельского населения в округах Пешавар и Мардан, в то время как в Синде показатель довольно низок за счет редкой заселенности восточных районов (пустыня Тар).

Таблица 21

Рост абсолютной численности сельского населения Пакистана с начала XX в.⁸

Год	Все население, тыс. человек	Сельское население		Рост сельского населения, %	Естественный прирост, %
		тыс. человек	%		
1901	16 576	14 957	90,2	—	—
1911	19 382	17 693	91,3	18,3	—
1921	21 109	19 051	90,2	7,7	8,9
1931	23 542	20 773	88,2	9,0	11,5
1941	28 282	24 267	85,8	16,8	20,1
1951	33 780	27 761	82,2	14,4	19,4
1961	42 880	33 226	77,5	19,7	36,7
1972	65 309	48 715	74,6	46,6	41,6
1981	84 253	60 413	71,7	24,0	28,5

В целом за 80-летний период сельское население Пакистана увеличилось с 14,9 млн. до 60,4 млн. человек, или вчетверо (табл. 21). Данная динамика определяется в основном естественным приростом населения, который в 1972—1981 гг. составил 28,5%. Вместе с тем на протяжении всего периода независимо от развития наблюдалось неуклонное сокращение относительной доли сельского населения — с 82,2% в 1951 г. до 71,7% в 1981 г. Сокращение относительной численности сельского населения объясняется развитием урбанизации и связанным с ней ростом миграции в города. Не случайно рост абсолютной численности сельского населения постоянно отставал от естественного прироста; исключение составил лишь период 1961—1972 гг., что связано, однако, со спецификой проведения переписи населения (сбор данных осуществлялся в период резкого спада миграции сельских жителей в города)⁹.

Определенное влияние на сокращение относительной численности сельского населения имел факт перевода некоторых деревень в разряд городов, количество которых с 1951 по 1972 г. увеличилось почти вдвое¹⁰.

Мы не располагаем точными данными об изменениях в численности пакистанских деревень, поскольку статистикой приводятся лишь приблизительные оценки, но можем предполагать, что по сравнению с концом 40-х годов произошло незначительное сокращение их количества. Процесс был связан с увеличением количества городов, а также с расширением площади городских агломераций, слиянием мелких деревень с городами. Например, генеральный план строительства Ислама-

бада, утвержденный в 1959 г., предусматривал выкуп 20 235 га пахотных земель у крестьян шести деревень; свыше 800 крестьянских семей было переселено в район Монтгомери (позднее переименован в Сахивал), в Южный Панджаб¹¹.

В то же время сокращение количества деревень за счет расширения площади городской территории компенсировалось в определенной степени созданием новых поселений в новоорошенных районах Панджаба и Синда. Кроме того, некоторое количество новых поселений возникло в конце 40-х годов в связи с переселением в Пакистан индийских земледельцев-мусульман, хотя, как правило, они примыкали к жителям старых деревень.

При классификации городских населенных пунктов в качестве основы берется демографический показатель, т. е. численность населения. Для деревень же в основе лежит не размер поселения (количество дворов, численность жителей и т. п.), а его социально-экономический статус — близость к городскому рынку (манди таун), степень развития водоснабжения, электрификации, медицинского обслуживания и т. п.

За отсутствием точных данных по отдельным пакистанским деревням обратимся к сведениям, представленным в сельскохозяйственной переписи 1980 г., которая строилась на анализе кадастровой карты земельных угодий. За единицу отсчета бралась не отдельная деревня, а так называемая мауза — демаркационная территория, которая иногда объединяла несколько небольших сельских поселений. В итоге общее количество мауз было несколько ниже, чем количество деревень, — 38 тыс. (45 тыс. деревень), однако чаще всего административные границы маузы совпадали с границами одной деревни¹². Поэтому в целом содержащиеся в переписи сведения отражают общую структуру сельского населения (табл. 22).

Как видно из приведенных данных, большинство пакистанских деревень сконцентрировано в Панджабе (в основном в районах богарного земледелия, где особенно велико давление на землю: округа Джелам, Равалпинди, Кэмпбеллпур). Сле-

Таблица 22

Структура сельского населения¹³

Район	Мауза		Площадь сельскохозяйственных угодий	
	число	%	млн. га	%
Весь Пакистан	38 074	100	37,28	100
Панджаб	25 420	66	17,25	46
Синд	5 930	16	12,46	33
СЗПП	3 350	9	3,56	10
Белуджистан	3 374	9	4,01	11

дующим за Панджабом по количеству мауз стоит Синд, для которого, однако, характерны более крупные поселения: на 16% мауз приходится 33% сельскохозяйственных угодий. Почти вдвое ниже количество поселений в СЗПП и Белуджистане — приблизительно по 3,4 тыс. в каждой из провинций. Следует особо отметить, что если в Панджабе и Синде под сельскохозяйственные угодья попадает свыше 80% общей земельной площади, то в СЗПП — менее 50, а в Белуджистане — лишь 11% (остальная территория не включается в площадь, покрываемую кадастровыми картами, и не охвачена сельскохозяйственной переписью).

Рассмотрим такие показатели социально-экономического и социокультурного развития пакистанских деревень, как электрификация, водоснабжение, телекоммуникация, медицинское обслуживание и образование.

По данным, приводимым в пакистанской печати, в конце 70-х годов в Пакистане было электрифицировано 6655 деревень, или всего каждая шестая деревня (табл. 23).

Таблица 23

Электрификация пакистанских деревень¹⁴

Район	Общее число деревень	Электрифицированные деревни		Доля электрифицированных деревень, %
		число	%	
Весь Пакистан	42 736	6655	100,0	15,6
В том числе:				
Панджаб	24 996	3452	51,9	13,8
Синд	5 907	1607	24,1	27,2
СЗПП	6 768	1440	21,6	21,3
Белуджистан	5 065	156	2,3	3,1

Свыше половины всех электрифицированных деревень сконцентрировано в Панджабе, однако в среднем электричество есть только в каждой седьмой панджабской деревне. Несколько выше степень электрификации сельских районов Синда и СЗПП. Здесь электричеством пользуется 27,2 и 21,3% деревень. По-видимому, данные показатели несколько завышены, поскольку часто в разряд электрифицированной деревни включаются поселения, в которых имеется всего один скважинный колодец, оснащенный электромотором. Не случайно удельный вес электрифицированных деревень значительно возрастает в районах широкого распространения скважинной ирригации.

Выборочное обследование, проведенное в сельском Пакистане в середине 70-х годов, показало, что в среднем в каждой деревне, куда проведено электричество, свет есть только в одном из четырех домов¹⁵. По подсчетам пакистанских экономистов, при нынешних темпах развития электрификации в сель-

ской местности Пакистану потребуется более 35 лет для проведения электричества во все деревни¹⁶.

Несмотря на то что Пакистан располагает богатыми водными ресурсами и имеет высокоразвитую ирригационную систему, водоснабжение в деревнях по-прежнему остается на низком уровне.

Абсолютное большинство пакистанских деревень (87,2%) обладают доступными источниками ирригации. Наиболее распространенная здесь форма полива — канальная система в сочетании с колодезным орошением (34%). Исключение составляют сельские районы Белуджистана, где орошения не знает 30% деревень, а наличные оросительные системы ограничены кяризами (около 20%).

В целом искусственное орошение имеет важное значение для сельскохозяйственного производства в Пакистане: система каналов была заложена еще в XIX в., а в 60-е годы XX столетия широкое развитие получила скважинная ирригация. В 1979 г. скважинные колодцы имелись примерно в каждой второй пакистанской деревне, но большая их часть была сконцентрирована в Панджабе (151 777 колодцев, или 60%, по сравнению с 26% в Синде, 19% в СЗПП и 10% в Белуджистане)¹⁷. Общая орошаемая площадь в 1981 г. составила в Пакистане 14,8 млн. га, или 76% всех обрабатываемых земель¹⁸.

Вследствие высокой степени засоленности вод долины Инда они весьма часто оказываются непригодными для питья. В настоящее время чистой питьевой водой в достаточной степени обеспечено лишь 20% сельского населения; водопровод же в сельской местности имеется только в 14% домов¹⁹. Следует в этой связи отметить, что жилые строения в пакистанской деревне (до 75%) отличаются самым низким качеством²⁰.

Невысок и уровень развития в сельской местности связи, хотя в этом направлении в последние десятилетия наблюдался определенный прогресс. Общее количество отделений связи увеличилось с 6635 в 1970 г. до 8196 в 1980 г., т. е. на 20%. Помимо этого в сельской местности работало 235 телеграфных отделений (в дополнение к телеграфным узлам при почтовых отделениях)²¹. В среднем в начале 80-х годов в сельской местности одно отделение связи приходилось на пять деревень.

Важный показатель уровня развития социального обеспечения деревни — медицинское обслуживание, которое в Пакистане крайне отстает от городского. Об этом свидетельствуют следующие данные на начало 80-х годов: в среднем в сельской местности одна больница приходилась на 360 859 жителей, один амбулаторный пункт — на 23 231 человека, диспансер — на 9 743 200 человек, одна больничная койка — на 6513 сельских жителей²². В 70-е — начале 80-х годов большое внимание уделялось строительству сети так называемых сельских медицинских центров: в 1974 г. их насчитывалось 130, в 1980 г. — 357 на 48 584 больничные койки. Однако центры эти не могли

обеспечить достаточное медицинское обслуживание сельских жителей: в среднем один подобный центр приходился на 120 деревень, или на 282 тыс. человек²³. Относительно медленно растет и количество медицинских работников в сельской местности, поскольку квалифицированные врачи и средний медицинский персонал предпочитают работать в городских клиниках.

О социально-экономической отсталости сельских районов Пакистана свидетельствует также низкий уровень грамотности сельского населения. В 1976 г. в среднем по Пакистану уровень грамотности составил 22,8%, в то время как в сельской местности этот показатель не превысил 10%, а доля грамотного женского населения в деревне составила лишь 3,2%²⁴. Столь высокий уровень неграмотности среди сельского населения связан с нехваткой школ в сельской местности, которые к тому же отличаются низким уровнем преподавания. С повышением степени образования резко сокращается количество учащихся — до 19% в старших классах по сравнению с начальной школой²⁵. Многие мужчины, получившие среднее (а порой и незаконченное начальное) образование, стремятся покинуть деревню, отправляясь на заработки в город или эмигрируя в страны Ближнего Востока.

В октябре 1978 г. военным режимом М. Зия уль-Хака была принята Специальная программа национального образования, направленная в первую очередь на развитие исламского просвещения в стране. Программа предусматривала открытие в сельской местности в течение года до тысячи новых мусульманских школ, в то время как планируемое количество общеобразовательных школ было значительно ниже²⁶.

Общая социально-экономическая отсталость современной пакистанской деревни, низкий уровень ее социально-бытового обеспечения связаны с неэффективностью правительственных программ, направленных непосредственно на комплексное развитие деревни. Проекты развития сельских районов всегда занимали весомое место в программах экономических и социальных мероприятий различных пакистанских правительств. Но, как правило, либо не доводились до конца, либо носили чисто пропагандистский характер.

Так, в начале 50-х годов была разработана программа под названием «Сельскохозяйственное и промышленное развитие деревни» (V=AID), главными направлениями которой должны были стать: увеличение подушевого дохода в сельской местности путем развития сети кустарных промыслов и кооперативов; строительство в сельской местности школ, больниц, ветеринарных станций; развитие системы водоснабжения и т. п. Однако отсутствие координации между различными административными звеньями и плановыми организациями, ответственными за проведение программы, а также нехватка финансовых средств привели к тому, что программа не была доведена до

конца. К 1962 г., ко времени ее отмены, был проведен лишь ряд мероприятий, ограниченных в основном строительными работами в ряде районов Панджаба и Синда.

В 1963/64 финансовом году была разработана Программа сельских работ, на которую согласно второму пятилетнему плану (1960—1965) было ассигновано 250 млн. рупий²⁷. К 1965 г. был достигнут определенный прогресс в расширении дорожной сети, водоснабжении, ирригации (в том числе скважинной), в строительстве больниц и школ, сельскохозяйственных рынков в манди таунах. В течение третьего пятилетнего плана (1965—1970) осуществление программы шло значительно менее интенсивно; в итоге из ассигнованных 600 млн. рупий было израсходовано 280 млн., т. е. менее 50%²⁸.

С июня 1972 г. в Пакистане началось осуществление Комплексной программы развития деревни, целью которой было «улучшение условий жизни и социального статуса сельского населения»²⁹. Центр развития сельского округа — марказ (мелкий населенный пункт городского типа) должен был координировать деятельность государственных учреждений, снабжать сельский округ технической помощью и т. п. Важное значение придавалось развитию сельской кооперации, созданию центров по обучению современной технологии земледелия. В 1980 г. действовало 487 марказов, из которых 290, или около 60%, приходилось на сельские районы Панджаба³⁰.

Важное значение для мобилизации неиспользованных ресурсов придавалось Программе народных работ, осуществление которой началось в сентябре 1972 г. и которая сменила проводимую в 60-е годы Программу сельских работ. Основные средства и государственные ассигнования были направлены на строительство дорог, жилищ и общественных зданий, на снабжение населения питьевой водой. С декабря 1972 г. в Пакистане началось осуществление программы создания агрогородов — мелких городских центров в сельских районах, в которых планировалось развитие энерго- и водоснабжения, торговых и банковских центров, медицинских и общеобразовательных учреждений. Главной целью программы было ограничение сельско-городской миграции. Однако финансовые трудности, с которыми столкнулось правительство, в значительной степени сдерживали выполнение намеченных планов.

Согласно новой стратегии экономического развития, объявленной М. Зия уль-Хаком в декабре 1977 г., предполагалось расширить вводимые в сельское хозяйство ресурсы (сортовые семена, минеральные удобрения, сельскохозяйственная техника, кредиты), наладить рыночную торговлю сельскохозяйственной продукцией, улучшить систему сельских дорог, осуществить электрификацию сельской местности, создать сеть мелких предприятий по переработке местного сырья и сельскохозяйственных отходов. Таким образом, предполагалось объединить Комплексную программу развития деревни с Програм-

мой народных работ. На практике основной ориентацией сельскохозяйственной политики военной администрации стала интенсификация производства в крупных предпринимательских хозяйствах, а не решение главных социально-экономических проблем деревни.

В целом, говоря об общей социальной и экономической отсталости пакистанской деревни, необходимо отметить большие диспропорции в уровнях развития между отдельными сельскими районами и между деревнями различного типа. По мере развития аграрного капитализма эти региональные диспропорции не только не сглаживаются, но и в значительной степени обостряются, поскольку основные государственные и частные ассигнования оказываются направленными на развитие районов интенсивного орошаемого земледелия.

Как правило, уровень социально-экономического развития конкретной деревни определяется ее близостью к городскому центру: чем ближе к городу расположен сельский населенный пункт и чем крупнее данный город, тем выше социально-экономический статус деревни. В частности, наиболее высоким уровнем социального развития отличаются деревни, образующие так называемый зеленый пояс вокруг крупнейшего города Пакистана — Карачи³¹. И наоборот, чем дальше от города удалена деревня, тем ниже уровень ее социального и экономического развития. Наибольшей отсталостью отличаются сельские районы Белуджистана, где около половины всех деревень расположено на расстоянии свыше 80 км от ближайших городов.

Удаленность деревни от городского рынка имеет в Пакистане особое значение вследствие низкого уровня развития дорожного строительства, особенно в сельской местности. Несмотря на то что с 1947 по 1980 г. общая протяженность дорожной сети возросла вчетверо и составила 95 776 км, существующих сельских дорог далеко не достаточно для обеспечения постоянной транспортной связи всех деревень с городом³².

В 1980 г. наибольшая часть пакистанских деревень (42%) располагалась в 9—24 км от ближайших городов, в то время как 3% сельских населенных пунктов были удалены от городских рынков на расстояние до 1 км и 7% — на 1—3 км (табл. 24).

Как свидетельствуют данные табл. 24, 29% деревень удалены от города на расстояние до 8 км, т. е., по-видимому, имеют относительно устойчивое сообщение с городскими центрами. К этой же категории деревень можно отнести примерно половину населенных пунктов, удаленных от города на 9—24 км (21%). Остальная же часть деревень (около 50%) не имеет постоянного легкодоступного сообщения с ближайшими городами вследствие большой удаленности и недостатка шоссейных дорог в сельской местности.

Сравнивая данные, содержащиеся в сельскохозяйственной переписи 1980 г. и ряде других источников, мы можем предпо-

ложить, что в начале 80-х годов около 15% всех сельских населенных пунктов отличались относительно высоким уровнем экономического развития и социального обеспечения (имели электричество, водоснабжение, медицинское обслуживание и т. п.). Наиболее высоким уровнем развития характеризовались деревни, расположенные в радиусе 5—6 км от городского центра. Около 55% деревень относилось к средней категории (наличие одного-двух видов обеспечения при относительной удаленности от городского центра); наконец, 30% всех сельских населенных пунктов отличалось наибольшей отсталостью по уровню социально-экономического развития и значительной удаленностью от ближайшего города.

Таблица 24

Удаленность сельских поселений от городских районов²³, %

Район	Расстояние деревни от города, км							
	нет данных	менее 1	1—3	4—8	9—24	25—48	49—80	свыше 80
Весь Пакистан	3	3	7	19	42	17	4	5
Панджаб	1	2	7	20	47	19	4	—
Синд	—	5	11	22	41	13	4	4
СЗПП	2	5	9	24	40	15	4	1
Белуджистан	17	1	1	4	8	11	9	49

Удаленность от городского центра влияет не только на социально-экономический и социокультурный уровень конкретной деревни, но и во многом определяет социальную и социально-политическую структуру современного сельского общества, в основе которой лежит система поземельных отношений, сочетание современных и традиционных форм землепользования. Засилье традиционных аграрных отношений при расширении сферы распространения современного капиталистического хозяйства — характерная черта пакистанской деревни начала 80-х годов. Чем ближе деревня расположена к крупному городу, тем выше степень развития современного предпринимательского хозяйства, ориентированного на товарное производство, основанного на применении наемного труда.

Наоборот, в глухих, отдаленных от городских центров деревнях (приблизительно 13 тыс. деревень, около 30%), расположенных на расстоянии более 25 км от ближайшего города, влияние традиционных отношений (родо-племенных, клановых, кастовых, религиозных) более сильно. В этих наиболее отсталых пакистанских деревнях именно традиционные отношения нередко определяют современную структуру сельского общества, социально-экономический тип данной деревни.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Пакистана в

той или иной степени втянуло в товарное производство большинство земледельческих хозяйств, способствуя модернизации технико-экономического уровня сельскохозяйственного производства и создавая экономическую основу для развития новой социальной структуры сельского общества. Однако по мере развития капитализма социально-экономическая дифференциация между деревнями различного типа не только не сгладилась, но и в определенной мере усилилась, поскольку старые, традиционные аграрные отношения остались определяющими во многих отдаленных деревнях, изменив лишь свою форму. В. И. Ленин указывал в этой связи, что «капитал освободил земледелие от феодализма и кабалы... Но капитал не только не устранил заданности, эксплуатации, нищеты масс, а, напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстанавливает на „современной базе“ их старые формы»³⁴.

В этой связи, перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению основных процессов капиталистической трансформации сельского общества на примерах различных социальных слоев деревни (обуржуазивание помещиков, слияние сельского капитала с промышленным и торговым, процесс «раскрестьянивания» крестьянства и пр.), остановимся на характеристике традиционных структур сельского общества. Эти традиционные структуры, с одной стороны, тормозят развитие капитализма в сельской местности, с другой — приспособляются к современным укладам, меняя при этом свои «старые формы», и часто определяют общий облик современной деревни.

При рассмотрении особенностей традиционных социальных структур сельского общества и типологии деревень следует выделить два главных фактора: первый — национально-этническую принадлежность сельских жителей и второй — степень проникновения в аграрный сектор современного типа хозяйства. Естественно, что наиболее живучи традиционные формы социальной структуры деревни в отдаленных, экономически отсталых районах СЗПП и Белуджистана. Наоборот, они в значительной степени размыты и постепенно теряют свое определяющее значение в районах распространения высокоинтенсивного орошаемого земледелия. (Процесс размывания традиционных структур особенно ускорился на рубеже 60—70-х годов вследствие интенсивной модернизации сельскохозяйственного производства и развития предпринимательского хозяйства; однако вследствие «очагового характера» распространения «зеленой революции» данный процесс также имел локализованный характер.)

Рассмотрим специфику традиционных структур сельского общества для отдельных пакистанских провинций, поскольку каждая из них является историко-географическим районом, отличающимся «исторически сложившимся лингвистическим, территориальным и культурным единством населения»³⁵.

В основе социальной структуры сельского общества лежат

земельные отношения, поскольку именно экономическое положение земельного собственника определяет его социальный и политический статус. По мнению некоторых пакистанских социологов, все пакистанские деревни можно разделить¹ на два типа: деревни, в которых основные земельные угодья распределены между крестьянскими собственниками, и деревни, где абсолютная экономическая и политическая власть сконцентрирована в руках помещика-заминдара³⁶.

Панджаб — это единственная пакистанская провинция, в которой преобладают деревни первого типа. Здесь наиболее велика относительная численность мелких и средних крестьянских собственников, что в значительной степени определило специфику современной социальной структуры панджабской деревни.

Панджаб является ведущей провинцией по уровню развития современного сектора в сельскохозяйственном производстве. Об этом свидетельствуют такие отмеченные в литературе явления, как развитие механизации, увеличение частных капиталовложений в сельское хозяйство, замена труда арендаторов трудом наемных рабочих. «Капитализм,— отмечал В. И. Ленин,— растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах»³⁷. Именно второй из отмеченных В. И. Лениным процессов получил широкое распространение в пакистанском Панджабе в 60-е — начале 80-х годов вследствие интенсивного внедрения достижений «зеленой революции» в передовых хозяйствах на плодородных орошаемых землях провинции.

Характерной чертой аграрной эволюции Панджаба в 70-е годы явилось перераспределение земельной собственности — обогащение крупных землевладельцев и разорение мелких земельных собственников. В 1972 г. в Панджабе насчитывалось 72 тыс. средних помещиков (владевших 20—60 га земли), а к 1976 г. их количество увеличилось до 79 тыс. Хотя число хозяйств крупных землевладельцев оставалось на уровне 9 тыс., их земельная собственность несколько сократилась — с 887 тыс. га в 1972 г. до 557 тыс. га в 1976 г.³⁸

В 1976 г. абсолютное большинство землевладельцев Панджаба составляли мелкие и мельчайшие собственники земли — соответственно 1459 тыс. и 5147 тыс.; им принадлежало более половины всей земельной собственности (7897 тыс. га, или 50,4%)³⁹.

Если в 1960 г. в Панджабе насчитывалось 1282 тыс. арендаторских хозяйств, то к 1972 г. их количество сократилось почти вдвое — до 684 тыс. Вследствие разорения большого количества мелких землевладельцев и перехода их в категорию безземельных крестьян, общее число хозяйств земельных собственников сократилось за этот же период с 1432 тыс. до 1008 тыс.

В то же время количество хозяйств собственников, приарендовавших землю, увеличилось с 624 тыс. до 683 тыс.⁴⁰.

В основе традиционной социально-политической структуры панджабской деревни лежит система патерналистских отношений, при которых экономически обеспеченный патрон, как правило крупный землевладелец, используя различные рычаги покровительства, распространяет на низшие слои деревни (арендаторов, безземельных и малоземельных крестьян) свое политическое влияние. Живучесть подобных отношений объясняется тем, что в их сохранении заинтересованы как эксплуататорские, так и эксплуатируемые слои (в условиях нерешенности коренных социально-экономических проблем). Патерналистские отношения тесно переплетаются с пережиточными родо-племенными и клановыми связями, все еще весьма распространенными в деревне. Переплетение традиционных отношений определяет широкое разнообразие сложившихся социально-политических структур и типов панджабских деревень.

Говоря об особенностях социально-политической структуры современной панджабской деревни, можно выделить три типа деревень: деревни, где политическое управление подчинено широким слоям средних и мелких земельных собственников; деревни с несколькими влиятельными кланами крестьян, возможно противостоящими одному крупному землевладельцу; деревни с абсолютной политической властью одного помещика. Помимо этого выделяются также различные переходные типы в зависимости от количества противостоящих друг другу кланов, крупных помещиков и пр.⁴¹. Если в первом типе деревень традиционные структуры сохранились в наименьшей степени (вследствие неуклонного развития процесса «раскрестьянивания» крестьянства), то в деревнях с монопольной властью крупного помещика они не претерпели коренных изменений. Даже в том случае, когда традиционный помещик постепенно превращается в современного капиталистического предпринимателя, он, как правило, сохраняет за собой традиционные рычаги политической власти.

Экономической основой подобного статуса помещика является подчинение ему сельскохозяйственных рабочих и крестьян, положение которых определено профессионально-кастовой системой (*сейп*), по которой традиционное сельское общество делится на две социальные группы — *заминдары* (землевладельцы и *камми* («слуги общины»)).

Сравнение материалов различных обследований позволяет сделать вывод, что на рубеже 70-80-х годов относительная численность *камми* (в их традиционной форме) в общей социальной структуре сельского Панджаба не превышала 5%. В наибольшей степени отношения *сейп* сохранились в сравнительно отсталых округах Панджаба, в деревнях, значительно удаленных от городских центров.

Относительной устойчивости традиционных отношений в

панджабской деревне способствует сохранение системы кровнородственных (по форме) связей — *бирадари*. Бирадари — это группа лиц, родственников по отцовской линии, ведущих происхождение от одного предка (реального или мифического), которая иногда может состоять из людей, не являющихся кровными родственниками, но принадлежащих к одной профессиональной касте, например объединять всех ремесленников определенной профессии, живущих не только в одной деревне, но и рассеянных по стране⁴². Члены бирадари неукоснительно выполняют нормы поведения, предписанные традицией и обычаями этой социальной группы. Сплоченность и взаимопомощь, характерные для членов бирадари, широко используются для их вовлечения в борьбу соперничающих лидеров, что способствует консервации традиционных представлений и препятствует организации крестьянства на современной основе.

Крупные помещики соседних деревень, как правило, образуют единую политическую фракцию, куда помимо крупных землевладельцев и членов их семей, входят и средние помещики-предприниматели. Фракционный лидер — это крупный земледар, обеспечивающий себе политическую поддержку различными средствами. Политические связи при этом не носят горизонтального характера, объединяя представителей одного класса, а пересекают классовые границы, опираясь на традиционную основу.

Обладая большой политической властью, фракционный лидер стремится расширить свой политический клан, привлекая на свою сторону и независимых мелких собственников. Часто он вступает в альянс с верхушкой бирадари, в то время как члены ее объединяются в так называемые родственные советы (*бирадари панчаят*)⁴³.

Соперничающие местные фракции вступают в союз с аналогичными фракциями соседних деревень, образуя влиятельные политические группировки.

Следует особо отметить положение в социально-политической структуре деревни так называемых новых помещиков, выходцев из гражданской бюрократии и офицерского корпуса, получивших землю от государства в качестве дара или на льготных условиях и вставших на путь ведения интенсивного капиталистического хозяйства. Показательно, что по своей численности они занимают весомое место в социальной структуре сельского Панджаба и неуклонно расширяют свой количественный состав. Подобные предприниматели могут иметь политическое влияние на окружном или провинциальном уровне, однако на более низком уровне — в самой деревне — их влияние ограничено, поскольку находится в противоречии с политической властью и с контролем со стороны местного помещика. (Последний, даже встав на путь капиталистического предпринимательства, по-прежнему опирается на клановые, общинные, кровнородственные и прочие традиционные связи.)

Многие отставные чиновники и военные, завладев землей и ведя на ней интенсивное хозяйство с помощью современной агротехники и наемного труда, стремятся не разрывать тесных связей с городом (часть их остается жить в городе большую часть года, уподобляясь помещикам-абсентеистам). И если традиционная социальная и политическая власть крупных помещиков характерна, как было показано выше, для отдаленных деревень Панджаба, то «новые помещики» предпочитают покупать (или получать в дар от государства) земельные участки вблизи крупных городов.

В 60-е годы в панджабской деревне действовала более интенсивная, чем прежде, тенденция сгона арендаторов, поскольку многие помещики стали расширять обрабатываемые ими земли, широко внедряя механизацию и применяя наемный труд. Крупные помещики, как правило, оставляли за своими издольщиками сильно урезанные клочки земли, усиливая эксплуатацию арендаторов, теперь уже в качестве сезонных рабочих. Политические последствия данных социально-экономических изменений также были двойными: с одной стороны, это растущая зависимость арендатора от заминдара, с другой — полное «освобождение от земли» наиболее малоземельных крестьян, которые ранее приарендовывали часть земли.

В отличие от издольщиков и безземельных рабочих, находившихся в зависимости от помещика, крестьян, обрабатывавших собственные наделы (до 10 га), отличал независимый социальный статус. В панджабской деревне самостоятельные крестьяне представляют собой многочисленный отряд и потому часто выступают как политически активная сила, которая, однако, пока не может противостоять политической власти и влиянию крупных землевладельцев-помещиков.

В отличие от Панджаба Синд является единственной пакистанской провинцией, в которой и в 70-е годы по численности преобладали арендаторские хозяйства. По данным сельскохозяйственной переписи 1972 г., в Синде насчитывалось 472 тыс. арендаторских хозяйств по сравнению с 482 тыс. в 1960 г., т. е. их количество сократилось всего на 2%⁴⁴. В целом в 1972 г. земельные собственники обрабатывали самостоятельно (либо при помощи труда батраков и поденщиков) 39% земельной площади, а арендаторы — 61%, в том числе 53% земли обрабатывалось на условиях издольщины. Из общей численности заключенных контрактов в 98% случаев доля арендатора не превышала 1/2, а иногда была менее 1/4 урожая⁴⁵.

Аграрная структура Синда в целом не претерпела существенных изменений по сравнению с первыми годами независимости. В конце 70-х годов около 3% всех землевладельцев Синда держали в своих руках, по разным источникам, от 1/4 до 1/2 земельного фонда провинции. Свыше 80% земледельцев по-прежнему являлись арендаторами, под арендой находилось 60% обрабатываемой площади. Денежная рента в Синде в отличие

от Панджаба не получила широкого распространения, так как взималась в основном крупными землевладельцами-абсентеистами с арендаторов больших площадей, ведущих предпринимательское хозяйство ⁴⁶.

Если в Панджабе в 70-е годы наблюдалось сокращение доли мелких крестьянских арендаторов в общей арендуемой площади (в связи со сгоном арендаторов с земель помещиков, перешедших к ведению собственного хозяйства), то в Синде вследствие живучести традиционных арендных отношений доля мелких арендаторов, наоборот, возрастала. Именно в Синде помещики-лендлорды стремились максимально использовать механизм традиционной эксплуатации зависимого от них населения ⁴⁷. В то же время и в Панджабе и в Синде с начала 70-х годов наблюдалось преобладание сдачи земли в аренду земельным собственникам, а не чистым арендаторам. К 1972 г. число хозяйств собственников-арендаторов в Синде увеличилось по сравнению с 1960 г. с 60 тыс. до 97 тыс., тогда как численность арендаторских хозяйств сократилась ⁴⁸. Эта тенденция приобрела еще большее развитие в конце 70-х — начале 80-х годов ⁴⁹.

В синдской деревне, где в относительно большей степени сохранилась издольная аренда, более отчетливо, чем в Панджабе, в основе социально-политической структуры выступают отношения «патрон—клиент». Патерналистские отношения тесно переплетаются с традиционной клановой организацией: в настоящее время в Синде насчитывается около 200 кланов, некоторые из которых имеют сословный характер ⁵⁰. Сохранение пережитков клановой организации у синдхов связывается с участием белуджей в этногенезе синдского народа; кроме того, на консерватизме социально-политической структуры сказывается широкое влияние пережитков кастовой системы, характерной для индуизма ⁵¹.

В Синде, равно как и в Панджабе, сохранились различия в социальном статусе земледельцев — коренных жителей провинции и земледельцев, прибывших в Пакистан из Индии (*мухаджиров*). Местный крестьянский собственник, обладающий небольшим участком земли, как правило, пользуется большим уважением и влиянием, нежели даже более обеспеченный в экономическом отношении мухаджир. В данном случае повторяется та же ситуация, что и с «новыми помещиками», когда экономически мощные социальные элементы, переселившиеся в деревню после 1947 г., вступали в острые противоречия со сложившейся традиционной структурой сельского общества ⁵².

Особое положение среди пакистанских провинций по уровню социального и экономического развития занимает СЗПП. Для социально-экономической структуры сельских районов СЗПП (равно как и для северо-восточных районов Белуджистана, в которых преобладает пуштунское население) показана

тельны следующие черты. Во-первых, здесь высока доля мелких крестьянских хозяйств по сравнению с другими районами Пакистана. В 1976 г. мелкие и мельчайшие собственники в СЗПП составляли 94% общего количества земледельцев (в Панджабе — 88%, в Синде — 68%). Особенно многочисленны мельчайшие хозяйства, размеры которых не превышают 0,4 га. И во-вторых, в СЗПП относительно невелико количество арендаторских хозяйств — 107 тыс. по сравнению с 467 тыс. в Синде⁵³.

Трансформация традиционных форм арендных отношений получила распространение в основном в очагах развитого капиталистического земледелия. Это в первую очередь относится к орошаемым районам Панджаба и Синда, где наряду с распространением новой агротехнологии наблюдалось доминирование крупных арендаторских хозяйств (размерами до 20 га). Именно в этих районах происходила постепенная трансформация издольщины. В то же время в СЗПП, где преобладали мелкие и мельчайшие арендаторские хозяйства, такого рода процессы протекали крайне медленно, и потому в 70-е годы абсолютно преобладающим видом аренды по-прежнему выступала система *батаи*, по которой натуральная рента, выплачиваемая издольщиком, составляет не менее половины собранного урожая. В целом в СЗПП из общей обрабатываемой площади под арендой в 1972 г. находилось 43% земли, в том числе под издольной — 36%⁵⁴.

Если для социальной структуры панджабской деревни характерно сохранение бирадари, а для синдской — традиционных клановых отношений, то в отсталых районах СЗПП основной социально-политический устроитель деревни остается племенная организация.

В «полосе племен», а также в некоторых районах административных округов пуштунские племена сохранили такие элементы традиционной организации, как *джирга* (совет старейшин), *лашкар* — ополчение всех боеспособных мужчин, *ашар* — трудовая взаимопомощь⁵⁵.

На значительной части СЗПП, например в округах Дера Исмаил-хан и Хазара, сохраняется разделение сельского населения на исконно пуштунское и *хамса* — неполноправное непущтунское население. Система вертикальных социальных связей дожила до наших дней и выступает сильнейшим препятствием на пути консолидации крестьянского движения в рамках провинции. Крупные землевладельцы вне зависимости от их племенного происхождения систематически провоцируют и раздувают столкновения между чистокровными пуштунами и представителями *хамса*⁵⁶.

Отношения между частью пуштунских племен, являющихся шиитами (оракзай и тури), осложняются религиозной враждой, которая часто выливается в длительные столкновения.

Для сельских районов наиболее отсталой пакистанской про-

винции — Белуджистана — характерно широкое распространение арендаторов и малоземельных крестьян — соответственно 17,5 и 20% населения провинции⁵⁷. Наиболее высокий процент арендаторов — в округах (Сиби, Калат, Харан), где белуджи, а также брагуи (коренное население провинции) составляют большинство в этнической структуре населения, в то время как в пуштунских округах (Лоралаи и Зхоб) большинство сельского населения — около 60% — составляют мелкие крестьяне⁵⁸. Около 20% белуджского населения связано со скотоводством и продолжает вести кочевой и полукочевой образ жизни⁵⁹.

Показательно, что аграрные реформы, ограничивающие максимум землевладения, которые были приняты в 50-е годы, не распространились на Белуджистан; попытки реформ З. А. Бхутто в 70-е годы были сорваны активным сопротивлением белуджских сардаров, мукаддамов и вадера (вожди племен, кланов и родов).

Несмотря на принятие специальных законов, запрещающих феодальные поборы, в отдельных районах Белуджистана сардары по-прежнему используют такие традиционные формы эксплуатации крестьян, как налог *шишак* (букв. «шестая часть»). Шисак взимается сардаром со всей контролируемой им зоны, независимо от размера его собственного землевладения; размер налога при этом может варьировать от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ урожая в зависимости от традиционного порядка, установившегося в данном районе⁶⁰.

Характерной особенностью социально-политической структуры сельского Белуджистана является сохранение системы *сардари*, обеспечивающей сардарам и мукаддамам племен абсолютную власть и огромное влияние на территориях расселения их племен. Система сардари предусматривает отправление правосудия, взимание дополнительных традиционных налогов, безвозмездное использование чужого труда и т. п. И хотя федеральные пакистанские правительства неоднократно пытались отменить эту традиционную социальную систему, она по-прежнему имеет большое распространение среди белуджских племен в связи с большой политической властью сардаров⁶¹.

Вследствие широкого разнообразия социально-экономических структур, а также из-за специфики исторического развития сельской общины в различных провинциях и районах страны социальная структура пакистанской деревни весьма разнообразна. Однако ее общей характерной чертой во всех районах является всесторонняя политическая власть крупного землевладельца, генетически связанного с крестьянским населением клановыми, племенными и иными традиционными связями, хотя степень его влияния неодинакова в деревнях различного типа. Чем больше сохранность традиционных элементов в отношениях крестьян с помещиками, тем прочнее положение помещика в социальной структуре деревни. Размыwanie вертикальных связей и обострение классовых противоречий ведет к ос-

лаблению его позиций, расширению политической активности сельской бедноты. Естественно, что процесс размывания традиционных социальных структур в сельской местности протекает крайне неравномерно; это также в значительной степени обусловило многообразие типов пакистанских деревень.

В конце 70-х — начале 80-х годов проблема неравномерности социально-экономического развития приобрела в Пакистане особую актуальность. Неравномерное распространение современных агротехнических средств привело к углублению разрыва в уровне жизни и темпах развития сельских районов Пакистана, усиливая неравенство между ними и подготавливая почву для социальных и национально-этнических конфликтов.

Развитие в 70-е годы «зеленой революции» способствовало в определенной степени распаду традиционных отношений в пакистанской деревне, вызвав много новых социальных проблем. В развитых земледельческих районах Панджаба и отчасти Синда становление современного сектора аграрной экономики привело, с одной стороны, к росту сельскохозяйственного производства, а с другой — к обострению проблемы разорения и обезземеливания мелких крестьянских собственников и арендаторов. Ломка традиционных аграрных отношений в развитых земледельческих районах повлекла за собой деформацию докапиталистических отношений в отсталых районах СЗПП и Белуджистана, что также не могло не вызвать обострения социальных противоречий в этих провинциях.

От общей социально-экономической характеристики пакистанской деревни и выделения основных типов деревень (по уровню социального развития, специфике традиционных структур, региональным различиям) перейдем непосредственно к рассмотрению отдельных социальных слоев сельского общества. Напомним, что выше (гл. II) уже была охарактеризована социально-классовая структура пакистанского общества в целом. Согласно приведенным данным, социальные слои деревни подразделяются на три категории: верхние слои (аграрная буржуазия, помещики, кулаки, крупные торговцы, чиновники), средние (крестьяне-середняки, мелкие торговцы, служащие и интеллигенция) и низшие (фабричный и нефабричный пролетариат, полупролетариат, безземельные крестьяне, ремесленники и слуги). Поскольку социальные границы между средними и низшими слоями носят расплывчатый характер, мы позволим себе объединить их в одну группу, в основе которой выступает такая широкая социальная категория, как пакистанское крестьянство.

Верхушка деревни

Верхние слои деревни, выделяемые на основе социально-имущественной дифференциации, занимают в количественном отношении незначительное место в социальной структуре сель-

ского населения. Как было показано, на них приходится лишь 2% населения Пакистана, или 3% сельского населения страны. Основным классом данного многослойного блока является аграрная буржуазия. По своему социальному и имущественному статусу к ней близки различные неосновные (переходного типа) слои: обуржуазившиеся помещики, крупные торговцы, верхушка сельского духовенства, кулаки. Сюда же могут быть отнесены предпринимательские прослойки зажиточного крестьянства. Объединяющими для всех этих слоев являются два показателя: первый — проживание в сельской местности и (или) активное участие в сельскохозяйственном производстве и второй — высокий имущественный статус и базирующееся на нем прочное и влиятельное положение в социальной и социально-политической структуре сельского общества. Представители этого немногочисленного по своему составу блока концентрируют в своих руках экономическую власть в деревне, основанную на владении землей, контролируют систему социальных и политических отношений в сельской местности. Причем власть крупных земельных собственников не ограничивается рамками отдельной деревни: на протяжении всей истории независимого развития Пакистана земельная аристократия постоянно принимала самое активное участие в политической жизни и управлении страной. По мере того как менялся качественный состав имущих слоев деревни (от традиционных помещиков-рентополучателей к современным капиталистическим предпринимателям), видоизменялись и направления аграрной политики государства, отражавшей интересы господствующих классов.

Наблюдается равномерное распределение сельских имущих слоев по территории Пакистана. Это связано с тем, что верхнюю имущую прослойку, как правило, можно выделить в рамках каждой деревни. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1972 г., в большинстве земледельческих районов Пакистана хозяйства крупных землевладельцев (свыше 20 га) составляли около 3% общего количества хозяйств. Исключением были лишь отдельные земледельческие районы Белуджистана, где крупные хозяйства составляли около 10%⁶².

В абсолютном отношении большая часть крупных земельных собственников — около 60% — проживает в деревнях Панджаба; именно в этой провинции сосредоточены главные земледельческие районы и проживает большинство сельского населения страны. По другим провинциям крупные землевладельцы распределяются относительно равномерно: в Синде — 13%, в СЗПП — 11 и в Белуджистане — 15% их общего количества⁶³.

По своей социальной структуре верхние имущие слои различаются как по районам, так и по отдельным деревням. Так, аграрная буржуазия как основной класс буржуазного общества сформировалась в 70-е годы лишь в отдельных районах Панджаба и отчасти в Синде и СЗПП, в деревнях, располо-

женных, как правило, в непосредственной близости от крупных индустриальных или административных центров (Исламабад, Карачи, Лахор и др.). Независимо от своего генетического происхождения современные сельскохозяйственные предприниматели предпочитают иметь (или же сохранять) тесные связи с городом. Весьма часто представитель имущего блока совмещает в одном лице и городского и сельского буржуа, помещая свой капитал как в промышленное, так и в сельскохозяйственное производство. Как было отмечено выше, многие обуржуазивающиеся помещики, равно как и выходцы из городских имущих слоев, которые приобрели в собственность земельные участки, ведя интенсивное предпринимательское хозяйство в деревне, основанное на современной технологии, предпочитают жить большую часть времени года в городе.

В панджабской деревне прочное положение занимает также кулацкая прослойка, о чем говорит относительно широкое распространение деревень, в которых преобладают зажиточные крестьянские хозяйства. В районах, относящихся к новоорошенным землям, среди имущих слоев достаточно широко представлены «новые помещики», вышедшие из среды гражданской и военной бюрократии и в 60—70-е годы весьма активно приступившие к ведению капиталистического хозяйства в деревне.

В деревнях Синда в отличие от Панджаба на рубеже 70—80-х годов наиболее прочные позиции среди имущих слоев сохраняли традиционные помещики, которые значительно менее активно, чем их панджабские соседи, переходили от традиционного, полуфеодального к предпринимательскому хозяйству. В начале 80-х годов в синдской деревне по-прежнему широкое распространение имело экстенсивное земледелие, а наиболее характерным видом землепользования являлась издольная аренда. Не случайно значительную часть синдской городской буржуазии составляют помещики-абсентеисты, получающие ренту со своих владений, сдаваемых в аренду. По данным сельскохозяйственной переписи 1972 г., под издольную аренду сдавалось более 50% общей обрабатываемой площади провинции⁶⁴.

В сельском Синде становление капиталистического хозяйства намечалось в 60-е годы и достигло широкого размаха в последующее десятилетие. Ф. Ахмад, исследуя социально-политическую структуру Синда в начале 80-х годов, отмечал, что «развитие капитализма в сельском хозяйстве уже покончило со старыми, феодальными отношениями, и сами землевладельцы ускорили этот процесс, вкладывая в сельское хозяйство огромные средства»⁶⁵. Современные капиталистические фермы, как и в Панджабе, сконцентрированы здесь вблизи крупных промышленных центров.

В СЗПП современные предпринимательские хозяйства имеют ограниченное распространение; высокорентабельные фрук-

товые сады и животноводческие фермы сосредоточены в округах Мардан и Пешавар, в плодородных орошаемых долинах. В районах расселения пуштунских племен во многом сохраняется традиционная структура общественных отношений, когда верхушка племен (ханы и малики) контролирует всю социальную и экономическую жизнь района.

В еще большей степени по сравнению с СЗПП засилье традиционализма ощущается в деревнях Белуджистана: в этой провинции становление класса аграрной буржуазии находится на начальной стадии. В то же время в районах расселения белуджских и брагуйских племен родо-племенная знать пользуется абсолютной и беспредельной властью, концентрируя в своих руках все рычаги социально-экономического и политического управления.

Особо следует остановиться на положении в разных районах Пакистана и в деревнях различного типа таких представителей имущих слоев, как сельская торговая буржуазия и мусульманские богословы.

Наиболее прочные позиции сельский торговый капитал приобрел в деревнях Панджаба вследствие широкого распространения там зажиточных крестьянских хозяйств, производящих продукцию на продажу. Отчасти это относится и к отдельным районам СЗПП и Северного Белуджистана, поскольку пуштунская торговая буржуазия занимает весьма прочные позиции в социальной структуре пакистанского общества в целом⁶⁶.

Сельское духовенство широко представлено в различных районах Пакистана, однако наиболее прочны его позиции и влияние в отсталых округах Синда и Белуджистана, где мусульманские богословы и «духовные вожди» (*пирьы, махдумьы*) пользуются особым уважением вследствие угнетенного положения и почти полной неграмотности населения. В синдской деревне влиятельный ученый-богослов — духовный наставник, имеющий много последователей (*муридов*), как правило, является крупным земельным собственником, владея сотнями гектаров земли⁶⁷.

Таким образом, имущие слои сельского общества широко представлены во всех типах деревень, по всем пакистанским провинциям, различаясь при этом своей социальной и сословно-профессиональной структурой.

В гл. II были рассмотрены основные направления социальной эволюции пакистанского общества в целом за годы независимого развития страны. Остановимся здесь на более подробной характеристике различных социальных слоев деревни, входящих в верхний, имущий блок.

Процесс формирования пакистанской аграрной буржуазии начался, как было отмечено, на рубеже 50—60-х годов. На протяжении 60—70-х годов вследствие государственного стимулирования развития капитализма в сельском хозяйстве данный основной класс буржуазного общества неуклонно увеличи-

вался в количественном отношении, пополняясь из разных источников. Что касается социальной структуры сельского общества в первые годы независимости, то она базировалась на традиционных общественных отношениях феодального и даже дофеодального типа с сохранившимися отдельными элементами патриархальных отношений (особенно в княжествах, а также в районах расселения племен). Основная экономическая и политическая власть в пакистанской деревне принадлежала традиционным помещикам-феодалам. Последние составляли тот социальный слой, из которого впоследствии выходили представители нового класса буржуазного общества — аграрной, а отчасти и городской буржуазии.

Раздел в 1947 г. Британской Индии на два независимых государства вызвал массовые перемещения представителей различных социальных слоев. Располагая большими финансовыми средствами и не встречая конкуренции со стороны местной (в основном мелкой и средней) буржуазии, эти «интернациональные» элементы развернули широкую предпринимательскую деятельность в крупнейших городах Пакистана, активно проникая также в аппарат политического и государственного управления страной.

Иное положение складывалось в сельской местности, поскольку значительная часть земли, оставленной переселившимся в Индию индусами и сикхами, переходила в собственность местных традиционных помещиков, что укрепляло их экономическую мощь и социально-политический статус. Так, в пакистанском Панджабе площадь оставленных индусами земель составила 2,7 млн. га, в Синде — свыше 500 тыс. га, причем это были в основном плодородные земли в районах орошаемого земледелия⁶⁸. Большая часть этих земель была просто захвачена панджабскими и синдскими помещиками, которые наряду с этим в широких масштабах скупали участки земли, выделенные государством для поселения беженцев из Индии. Только в Синде местные помещики овладели приблизительно 200 тыс. га земли, ранее принадлежавшей индусам и предназначенной для распределения среди крестьянских беженцев⁶⁹.

Иногда переселившийся из Индии мусульманский помещик получал возможность купить у государства значительный по площади земельный участок (до нескольких сотен гектаров), однако, как правило, ему намного сложнее было войти в состав социальной элиты деревни, чем «интернациональному» капиталисту внедриться в городскую среду, вследствие засилья в сельской местности традиционализма (в виде кровнородственных, клановых, общинных связей)⁷⁰.

Перераспределение земельной собственности, вызванное массовым перемещением населения, способствовало обогащению незначительной прослойки крупных помещиков. Однако основным источником увеличения помещичьего землевладения

было присвоение помещиками земель разорявшихся крестьян и наследственных арендаторов. Например, в Синде в 1947—1950 гг. процент земель, находившихся в собственности крестьян, сократился с 6 до 2, в то время как в руках помещиков было сконцентрировано свыше 90% всех земель⁷¹. Размеры помещичьих латифундий нередко достигали 4—5 тыс. га, поэтому даже в Пенджабе и СЗПП, где сохранилась довольно значительная прослойка крестьянских собственников, у помещиков в начале 50-х годов сконцентрировалось соответственно свыше 70 и около 60% всей пахотной земли⁷².

Наиболее закабаленными были издольщики Синды (*хари*), которые не имели ни наследственных, ни пожизненных прав владения и могли быть согнаны с земли в любой момент (но в то же время они не могли самовольно бросить обрабатываемый участок и перейти к другому хозяину). Помимо «официальной» доли помещика, которая достигала $\frac{2}{3}$ урожая, хари облагались различными незаконными поборами (абвабами) и выполняли для помещика неоплачиваемые работы (бегар). «Единственным законом в деревне служило слово помещика, а „правосудие“ вершила „помещичья полиция“, наводившая ужас на всю округу». Так характеризуют советские пакистановеды социальную структуру синдской деревни начала 50-х годов⁷³.

Сильная зависимость от крупных землевладельцев, махинации и обман на сельских рынках, не уменьшившиеся после замены торговцев-индусов лавочниками и посредниками — мусульманами, в том числе и помещиками, крайне отягощали положение мелкого крестьянского собственника. Поэтому лишь незначительной прослойке крестьян удалось выбиться в кулаки (численность кулацких хозяйств в 1950 г. не превышала 5—7% всех крестьянских). В основном зажиточные крестьянские хозяйства были представлены в панджабской деревне.

Как помещичьи, так и кулацкие хозяйства весьма часто велись примитивными, экстенсивными методами при низкой технической оснащенности. И если крупные помещики-феодалы, видя основной источник обогащения в увеличении традиционных поборов и эксплуатации арендаторов, не стремились переходить к интенсивному ведению хозяйства, то представители зажиточного крестьянства, как правило, не имели возможности приобрести современные средства производства. Так, в 1947 г. в Пакистане насчитывалось всего 500 тракторов. Конечно, все они использовались исключительно в крупных помещичьих хозяйствах⁷⁴.

Естественно, что традиционные помещики, укрепив свою экономическую власть и социально-политический статус, не ограничивались рамками деревни, но активно включались в политическую жизнь страны. Понятно, что сравнительно легче пробраться к управлению государством и экономикой было местным земельным магнатам (преимущественно панджабским

и отчасти синдским), нежели инациональным представителям городской буржуазии. Так, земельные магнаты Панджаба (М. Ф. Нун, М. А. Гурмани, М. М. Даултана, С. А. Х. Гардези) и некоторые крупнейшие помещики Синда (М. А. Хуро, М. Г. А. Тальпур) заседали в Учредительном собрании Пакистана, были членами законодательных собраний провинций, министрами федерального и провинциального правительств⁷⁵.

Руководство Мусульманской лиги — господствующей партии Пакистана — также находилось в руках земельных магнатов, которые успешно делили его с представителями инациональной буржуазии, поскольку представители обеих социальных групп имели во многом сходные интересы⁷⁶. Как крупная буржуазия, так и традиционные помещики стремились добиться укрепления своих экономических позиций не столько за счет расширения внутреннего рынка, сколько за счет ограничения деятельности мелкой и средней буржуазии, генетически связанной с населяющими Пакистан народами. «Представители этих двух социальных групп были самым тесным образом связаны между собой как общностью интересов, так и личными узами»⁷⁷, — отмечали советские историки. Используя свою монополию на политическую власть, крупные помещики стремились всеми способами сохранить без изменений оставшуюся от колониальной эпохи систему аграрных отношений. В итоге почти в полной неприкосновенности оставалась унаследованная от колониальных времен система землевладения и землепользования, включая различные архаические поборы и повинности.

Поскольку, как уже говорилось, управление государством и центральное партийное руководство Мусульманской лиги находились в руках узкой группы панджабских помещиков и инациональной буржуазии, в конце 40-х годов, когда в стране развернулось антифеодальное крестьянское движение, возглавленное Комитетом издольщиков Синда, оно было в определенной степени поддержано средними помещиками и зажиточной крестьянской верхушкой, выступавшими за капиталистическое развитие сельского хозяйства, что было невозможно без ограничения крупного помещичьего землевладения. Антифеодальное движение заставило пакистанское правительство принять серию аграрных законов, которые должны были регулировать арендные отношения в различных провинциях Пакистана.

В 1950 г. были опубликованы аграрные законы в СЗПП и Панджабе. Впервые в этих провинциях была сделана попытка установить границу между «личными» землями помещика и прочими землями. Наследственным арендаторам было предоставлено право выкупать обрабатываемые ими участки, становившиеся после этого их полной собственностью. Доля помещиков в продукции исправных издольщиков устанавливалась не выше 40% крестьянского урожая. «Потолок» личных владений в Панджабе определялся в 10 га поливной и 20 га бо-

гарной земли. В случае ведения высокотоварного хозяйства (с применением труда сельскохозяйственных наемных рабочих и при использовании механизации) эта норма могла быть увеличена⁷⁸. Тем самым государство предпринимало попытку, несколько ограничив феодальную эксплуатацию, ускорить капиталистическую эволюцию помещичьего хозяйства. Показательно, что в Панджабе законопроект приобрел силу закона лишь в 1952 г., основной причиной отсрочки было сопротивление верхишки традиционных помещиков — лидирующей группы в провинциальном правительстве.

В 1950 г. был опубликован аграрный закон в Синде. Согласно этому закону узкой прослойке наиболее зажиточных крестьян предоставлялись наследственные права аренды. Вместе с тем в законе содержались оговорки, позволявшие помещику отнимать у арендатора землю в случае расширения капиталистического хозяйства.

Аграрное законодательство 50-х годов официально запрещало незаконные поборы и неоплачиваемый труд арендаторов на помещиков, хотя весьма часто помещики-рентополучатели не считались с данными запрещениями. И все же в целом юридический статус последних оказался несколько подорванным; в неприкосновенности феодальные поборы и принудительный труд сохранились только в Белуджистане.

Несмотря на ограниченный характер аграрных законов (даже при условии их полного осуществления улучшилось бы положение лишь узкой прослойки зажиточного крестьянства), они привели к определенным сдвигам в социальной структуре сельского общества. Гарантия прав верхушки арендаторов вызвала определенный отход этой прослойки крестьянства от борьбы и привела к некоторому спаду крестьянского движения. Вместе с тем законодательство способствовало развитию капиталистических отношений в деревне. Реформы подталкивали некоторые прослойки помещичьего класса к расширению собственного хозяйства, поскольку, как было отмечено выше, введенные нормы усадебных земель не распространялись на механизированные фермы. Тем самым государство узаконивало сгон арендаторов с земли для ведения личного предпринимательского хозяйства. Именно под предлогом создания требуемых законом хозяйств в середине 50-х годов в стране вернулся небывалый по масштабам сгон арендаторов.

В 50-е годы «по мере усиления своей промышленной деятельности крупная буржуазия стала выступать за расширение внутреннего рынка, привлечение капиталов крупных землевладельцев в промышленность и увеличение сырьевой базы. Все это было невозможно без решения аграрной проблемы»⁷⁹. Заинтересованность в расширении капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве проявляла также часть крупных помещиков, прежде всего пайщики промышленных и торговых компаний. Так, крупнейший землевладелец Синда

Расул-хан Бхурри возглавлял кооперативный банк провинции; его семейству принадлежали многие ткацкие и прядильные фабрики. Крупнейший сельский предприниматель Панджаба С. М. Газанфарулла-хан, владевший свыше 2 тыс. га обрабатываемой земли, одновременно был партнером во многих компаниях и фирмах. Однако решающее слово в руководстве Мусульманской лиги принадлежало панджабско-синдской группировке традиционных помещиков, т. е. тем, «кто не хотел лишаться старых, феодальных привилегий и стоял за сохранение отживших феодальных институтов»⁸⁰ и кто сорвал практическое осуществление аграрных реформ.

Хотя техническая база сельскохозяйственного производства оставалась чрезвычайно низкой, рост тракторного парка (в 1956 г. в Пакистане насчитывалось уже 3806 тракторов по сравнению с 500 в 1947 г.) свидетельствовал о расширявшемся применении тракторов на государственных фермах, а также в некоторых помещичьих хозяйствах⁸¹. Не была решена проблема кредитования сельского хозяйства (основными кредиторами крестьян по-прежнему оставались «родственники и друзья», в то время как доля государственных кредитов была ничтожной). Крупная буржуазия и поддерживавшие ее помещики-предприниматели были недовольны аграрной политикой, проводимой правительством, а потому все более открыто поддерживали оппозиционные движения.

Нерешенность аграрного вопроса, кризис сельскохозяйственного производства и подъем в 1956—1958 гг. крестьянского движения явились одними из главных причин политического кризиса 1958 г. Они вынудили правительство М. Айюб-хана вскоре после прихода к власти провести важные аграрные реформы. Военный переворот внес определенные изменения в состав правящего блока, ослабив влияние узкой прослойки земельных магнатов Панджаба и Синда за счет укрепления положения крупной буржуазии и части помещичьего класса, связанного с предпринимательством⁸². Так, после переворота несколько усилились позиции некоторых групп пуштунских помещиков, связанных с командным составом армии и выдвинувшихся на руководящие посты в правительственном аппарате (пуштунами по национальности являлись М. Айюб-хан, губернатор Западного Пакистана Малик Мухаммад-хан и др.)⁸³. Поэтому объявленная в январе 1950 г. М. Айюб-ханом программа земельных реформ предусматривала и политическую цель — разрядить обстановку и укрепить социальную базу нового режима в деревне, ограничить прослойку помещиков-рентополучателей, выступавших в оппозиции к новому правительству.

В ряде работ советских пакистановедов справедливо подчеркивалось, что реформа 1959 г. была призвана прежде всего зафиксировать новые соотношения классов и политических сил в стране⁸⁴. Призванная укрепить помещичье землевладение в

целом, реформа не предполагала каких-либо серьезных изменений в аграрном строе Пакистана.

Наиболее важной стороной реформы было ограничение индивидуального «потолка» землевладения 200 га орошаемой или 400 га богарной земли. Реформа отменяла привилегированное помещичье землевладение — систему джагирдари; она также предусматривала продажу государством полученных от помещиков излишков земель арендаторам, ранее их обрабатывавшим, и мелким землевладельцам.

Реформа должна была затронуть только 6 тыс. помещиков, чья земельная собственность превышала 200 га, т. е. узкую прослойку крупнейших помещиков, которые составляли 0,1% всех собственников, но владели 15,4% земельного фонда страны. В дополнение к лучшим землям помещики могли сохранять еще по 60 га садов, животноводческие фермы, а также передавать своим наследникам до 100 га земли.

По официальным данным, на практике ограничению подверглись только 763 помещика; при этом более половины отчужденной площади составляли непригодные для обработки земли. Как подчеркивала Комиссия по земельным реформам, большинство помещиков задолго до реформы уже осуществили перераспределение земельной собственности между членами своих семей⁸⁵.

Модернизируя унаследованную от колониального режима аграрную систему, реформа не ликвидировала ни концентрации земельной собственности в руках помещичьего класса, ни бесправной аренды; во многих районах Пакистана (Калат, Кветта, пуштунские княжества) сохранялись пережитки традиционных аграрных отношений. Общая направленность законодательства — угроза конфискации в пользу государства неиспользуемой земли — ускорила переход помещиков к современным капиталистическим методам хозяйствования. В целом реформа ускорила развитие капитализма и явилась значительным шагом на пути развития буржуазных отношений в деревне.

Несколько выросло крестьянское землевладение: образовалась новая прослойка крестьян-собственников, которая стала социальной опорой правящего режима в деревне. Ставка военного режима М. Айюб-хана на зажиточную крестьянскую верхушку не была случайной, поскольку именно из этой части крестьян (как правило, панджабцев или пуштунов) формировался рядовой и унтер-офицерский состав пакистанской армии. В последующие годы (середина 60-х годов) укрепилось положение средних помещиков; верхушка гражданской и военной бюрократии, получившая от правительства земли в новоорошаемых районах, составила новую прослойку собственников, целиком обязанных военному режиму своим благосостоянием и поддерживающих его.

Основным направлением новой административной политики стало утверждение статуса и расширение полномочий орга-

нов местного самоуправления (введение так называемой системы основ демократии)⁸⁶, которые были призваны активно участвовать в политическом и экономическом развитии общества. В то же время правительство разрешало чиновникам занимать посты в низших звеньях выборных органов власти. Выборочные полевые обследования, проведенные в сельском Панджабе в 1964 г., показали, что государственные департаменты, непосредственно ответственные за сельскохозяйственное развитие в провинции, не поддерживали необходимых связей с сельским населением. Те же обследования показали, что там, где подобные контакты были налажены, они ограничивались связями с местными влиятельными помещиками, в то время как низшие слои деревни оказались оторванными от помощи и услуг, предоставляемых правительством⁸⁷. Поэтому в целом создание «основ демократии», с одной стороны обеспечив поддержку правящему режиму определенными слоями средних помещиков и кулацкой верхушки деревни, с другой — «поставило народные массы под действенный контроль широко разветвленного бюрократического аппарата»⁸⁸.

Дальнейшие мероприятия правительства М. Айюб-хана в области развития сельского хозяйства стимулировали рост производства в основном за счет расширения капиталистического предпринимательства в хозяйствах крупных и средних помещиков, а также верхушки крестьян, переходивших к капиталистическому хозяйствованию с использованием наемного труда, новой агротехники. Правительственные программы были направлены на увеличение производства (в основном экспортной) продукции, но не на улучшение жизненных условий крестьян и усовершенствование системы перераспределения доходов. Так, большие суммы тратились на орошение относительно плодородных речных долин, а не районов богарного земледелия; поощрялось развитие механизации в крупных помещичьих хозяйствах (посредством закупки дорогостоящего импортного оборудования — тракторов, зерноуборочных комбайнов и т. п.). В целом в 60-е годы, по мере того как происходило расширение экономической власти «новых помещиков», а также средних помещиков-предпринимателей и соответственно укрепление их социального и политического статуса, крупные помещики, которые менее активно переходили к ведению капиталистического хозяйства, по-прежнему сохраняли довольно прочные позиции. При этом влияние последних, выражавшееся в стремлении консервировать докапиталистические уклады, ощущалось на всех уровнях государственной власти.

Так, в результате выборов в законодательные органы, проводившихся выборщиками — членами органов местного самоуправления на непартийной основе в 1962 г., большинство мест в высших звеньях государственного аппарата оказалось занято представителями ведущих землевладельческих кланов — Нуны, Тивана, Тальпуры, Хоты, Гардези. Наглядный пример

подобного представителя влиятельного земледельческого клана, наделенного широкими политическими полномочиями,— Наваб Калабага, который был назначен губернатором Западного Пакистана. Находясь на столь высоком посту, он проводил аграрную программу в интересах крупных помещичьих землевладельцев.

Засилье традиционного лендлордизма было настолько велико, что некоторые пакистанские историки-социологи рассматривали весь гражданско-бюрократический и военный аппарат М. Айюб-хана в качестве «сплоченного блока помещиков»⁸⁹. Действительно, в 60-е годы значительные сдвиги в социальной структуре верхнего блока деревни были вызваны новой тенденцией — расширением частного землевладения за счет освоения новоорошенных земель и благодаря политике наделения этой землей представителей имущих социальных слоев. Земля дарилась или продавалась на льготных условиях представителям крупной городской буржуазии, а также отставным военным, чиновникам и др. Происходило формирование новой социальной группы — землевладельцев-бюрократов, тесно связанных с административным аппаратом страны; в принципе они действительно напоминали традиционных помещиков, точнее, лендлордов-абсентеистов, поскольку, вкладывая в землю свой капитал, не приступали к ведению интенсивного предпринимательского хозяйства, а, как правило, сдавали всю площадь под аренду издольного типа. Вследствие неуклонного роста стоимости земли она рассматривалась многими лишь как дополнительный источник дохода. Что же касается промышленных предпринимателей, а также большей части отставных чиновников и военных, стремившихся использовать земельные владения с максимальной для себя прибылью, то они непосредственно приступали к ведению интенсивного предпринимательского хозяйства. В 70-е годы в панджабской деревне, где эволюция земледелия по капиталистическому пути получила наибольшее развитие, прослойка «новых помещиков» (точнее, аграрных предпринимателей), представленная промышленной буржуазией и отставными чиновниками, составляла более 20% всех современных предпринимателей⁹⁰.

Процесс капиталистической трансформации сельского хозяйства усилился во второй половине 60-х годов в связи с распространением в передовых земледельческих районах Пакистана достижений «зеленой революции». И «если до этого новые общественные отношения развивались как бы рядом со старыми и до известной степени обособленно от них, то с активным преобразованием деревни возрастает их сложное переплетение и нередко подспудное замещение старого новым»⁹¹. Вследствие того что мелкие землевладельцы оказались не в состоянии использовать новую агротехнологию, сопряженную с крупными материальными затратами на орошение, приобретение сортовых семян и т. п., резко увеличился разрыв в доходах

между помещичье-капиталистическими хозяйствами и хозяйствами малоземельных крестьян. Неравные возможности использования новых агротехнических методов привели к тому, что плоды «зеленой революции» доставались, как правило, крупным помещичьим хозяйствам.

Вместе с тем «зеленая революция» в значительной степени подорвала позиции крестьян-арендаторов. Когда открылась перспектива быстрого обогащения за счет интенсивного использования земли и увеличения выхода товарной продукции, прежние условия аренды оказались невыгодными для крупных землевладельцев. Издольная аренда лишала землевладельцев возможности получения дополнительного дохода, поскольку мелкие арендаторы, равно как малоземельные крестьяне, не могли применять новую технологию. Землевладельцы, заинтересованные в повышении продуктивности сельскохозяйственно-го производства (особенно средние помещики, отчасти крупные, а также кулацкая прослойка), стремились либо поднять арендную плату, либо перейти непосредственно к ведению хозяйства с применением наемного труда.

Развитие капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве усилило потребности в дальнейшей модернизации аграрного строя. Способствуя перестройке традиционных, докапиталистических аграрных отношений, «зеленая революция» одновременно привела к обострению социальной и политической напряженности в сельской местности. Учитывая обстановку в деревне, Пакистанская народная партия (ПНП), чьими кандидатами были в основном представители городской интеллигенции и мелкие землевладельцы, выдвинула программу дальнейших преобразований в деревне. Объявленная после прихода к власти правительством З. А. Бхутто программа аграрных преобразований преследовала несколько целей: создать условия для подъема сельскохозяйственного производства, ослабить создавшуюся напряженность в деревне, укрепить позиции правительства.

Согласно закону об аграрной реформе 1972 г. установленный «потолок» индивидуального землевладения был сокращен до 60 га орошаемой или 120 га богарной земли. Пересматривая систему арендных отношений, правительство гарантировало арендаторам защиту от незаконного сгона с земли. В январе 1977 г. было объявлено о дальнейшем сокращении максимума индивидуального землевладения до 40 га орошаемой или 80 га богарной земли⁹². Однако на практике аграрные реформы ПНП не принесли ожидаемых результатов: из-за отсутствия точных данных о размерах землевладений многим помещикам удалось скрыть реальные размеры своих владений, а большие площади конфискованных земель так и не были распределены среди крестьян.

Как свидетельствовала история политического развития Пакистана, ПНП оказалась на практике неспособной пере-

строить радикальным образом структуру аграрных отношений. И хотя главной стратегической целью аграрной политики правительства была модернизация традиционного помещичьего хозяйства, социальный статус крупных помещиков-полуфеодалов был далеко не подорван. В то же время нельзя не отметить, что реформы аграрного строя, принятые в 70-е годы, способствовали в определенной степени дальнейшей трансформации социальной структуры деревни, в частности перераспределению сил среди верхних социальных слоев.

Так, если в 60-е — начале 70-х годов в пакистанской деревне наблюдалось постепенное увеличение численности крупных помещичьих хозяйств (в основном за счет дробления сверхкрупных владений), а средний размер хозяйства несколько сокращался, то в середине 70-х годов наметилась противоположная тенденция. Количество крупных хозяйств (свыше 60 га земли) стало сокращаться, в то время как средний размер хозяйства несколько увеличивался. Следовательно, в пакистанской деревне возобладал процесс обогащения и укрепления незначительной прослойки крупных предпринимательских хозяйств за счет разорения более мелких.

Материалы различных полевых исследований свидетельствуют, что в 60-е годы наиболее активно использовали достижения «зеленой революции» средние помещики, однако закупки удобрений, сортовых семян, а также государственные кредиты монополизировали крупные помещики. В целом рост капиталистического предпринимательства в земледелии не происходил на основе коренной ломки традиционной власти и силы крупных помещичьих землевладельцев даже в передовых округах Панджаба и Синда, не говоря уже об отсталых районах страны. Часто капиталистическое хозяйство начинали вести именно традиционные помещики — в целях получения выгоды, обеспечиваемой новой технологией.

Если в 60-е годы наиболее прочные позиции в пакистанской деревне занимали средние помещики-предприниматели, то в 70-е годы число хозяйств этой социальной группы сократилось как абсолютно, так и относительно (хотя средний размер хозяйств этой категории несколько увеличился). Следовательно, происходило дальнейшее развитие предпринимательского земледелия в хозяйствах средних помещиков и обогащение на этой основе значительной по численности прослойки землевладельцев. Однако по сравнению с 60-ми годами эта тенденция заметно ослабла, а инициатива в развитии интенсивного земледелия перешла от средних помещиков к крупным.

По подсчетам А. Хусейна, в 1978 г. из среды традиционных помещиков происходило свыше 56% предпринимателей Панджаба (по сравнению с 22% — из прослойки зажиточного крестьянства и 22% — из городских слоев)⁹³. При этом весьма часто в рамках одного хозяйства наблюдалось сочетание современного и традиционного типов хозяйствования, соотноше-

ние между которыми, медленно развиваясь в сторону современного сектора, было крайне нестабильным и широко варьировало по сезонам в течение одного года — в зависимости от сроков полевых работ и соответственно спроса на рабочую силу.

Как правило, крупный помещик был заинтересован в сохранении подобного сочетания, что было обусловлено не только стремлением сохранить гарантированный источник рабочих рук в период страды, но и незавершенностью процесса трансформации традиционного помещика в капиталистического предпринимателя. В рамках одного крупного помещичьего хозяйства ни современный, ни традиционный секторы в конкретных условиях такой незавершенности не могли существовать один без другого; это сохраняло относительную самостоятельность хозяйства переходного типа и задерживало окончательное его развитие в капиталистическое⁹⁴.

Как было отмечено выше, основной целью аграрной политики государства в 70-е годы была трансформация традиционного хозяйства крупного помещика. Однако такие факторы, как значительные прямые или косвенные субсидии (поддержка цен, условия кредитования), часто приводили к противоположным результатам: продав часть собственного урожая и собрав арендную плату, многие помещики, особенно крупные, не стремились проводить модернизацию своего хозяйства. Подобных традиционных помещиков можно было встретить в отдельных районах Панджаба и Синда, то там степень развития капитализма в сельском хозяйстве и связанных с ним социально-экономических изменений была значительно ниже.

Материалы различных выборочных обследований в пакистанской деревне показывают, что класс современных капиталистических предпринимателей (аграрной буржуазии) формировался в основном из отряда средних и крупных помещиков, которые несколько десятилетий назад вели хозяйства традиционного типа, основанные на докапиталистических методах эксплуатации. Поэтому, несмотря на введение современных методов хозяйствования, многие помещики по-прежнему стремились использовать в максимальной личной выгоде и механизм традиционных методов землепользования.

Например, сгон арендаторов с земли в 60—70-е годы, несмотря на значительное сокращение сдаваемых в аренду земель, не принял формы массового явления в Пакистане. Как правило, арендаторов стогнали средние помещики, которые, безусловно, были заинтересованы в расширении площади собственного землепользования вследствие перевода хозяйства на капиталоемкие методы земледелия. В то же время крупные помещики предпочитали сохранять, по крайней мере за частью своих арендаторов, право землепользования, но при этом могли позволить себе пересмотреть условия аренды. Часто арен-

даторы оттеснялись на менее плодородные участки земли, сокращалась площадь, арендуемая одним крестьянином, увеличивались плата за воду и другие сборы.

При этом крупные помещики-капиталисты были заинтересованы в сохранении не только арендаторов (для максимального использования механизма традиционной эксплуатации на более кабальных для арендаторов условиях), но и мелких крестьянских хозяйств — для получения дополнительных доходов от продажи воды на орошение, от сдачи в аренду сельскохозяйственной техники и т. п. В итоге в пакистанской деревне к началу 80-х годов сложилось такое положение, когда «капитал еще не завершил преобразования экономических порядков на всем пространстве, над которым он установил свое господство»⁹⁵.

От основных этапов и направлений процесса зарождения и формирования аграрной буржуазии периода независимого развития перейдем к характеристике социальной структуры верхних слоев современной пакистанской деревни. Как уже отмечалось в гл. II, основным классом верхнего блока деревни является аграрная буржуазия; неосновным классом буржуазного общества, относящимся к верхним слоям деревни, являются традиционные помещики. Наконец, наиболее многочисленными по своему количественному (как и видовому) составу являются различные социальные группы и слои переходного (в генетическом и структурном отношении) типа: обуржуазивающиеся помещики и зажиточные крестьяне, крупные сельские торговцы, богословы и пр.

Аграрную буржуазию Пакистана нельзя назвать полностью оформившимся классом, поскольку в начале 80-х годов она продолжала сохранять налет традиционализма. В «чистом виде» этот основной класс начал формироваться на рубеже 60—70-х годов, что было в определенной степени обусловлено распространением в передовых земледельческих районах Пакистана достижений «зеленой революции», а также ускорено аграрной программой государства, нацеленной на капитализацию сельскохозяйственного производства. Процесс значительно ускорился в конце 70-х — начале 80-х годов вследствие обуржуазивания наиболее крупных землевладельцев, а также в связи с интенсивным притоком в сельское хозяйство капитала промышленной буржуазии. Как и в 60—70-е годы, процесс активно поддерживался государственной аграрной политикой, проводимой правительством М. Зия уль-Хака. Военная администрация все большую ставку делала на крупные агроиндустриальные фермы капиталистического типа, в то время как в 1971—1977 гг. главным объектом правительственной аграрной реформы были хозяйства средних помещиков и зажиточных крестьян.

Все большее количество представителей промышленного и финансового капитала начинает вкладывать свои средства в

современное сельскохозяйственное производство — создание птицефабрик, высокомеханизированных молочных ферм, животноводческих хозяйств, огородов, фруктовых плантаций и т. п. Как правило, ареалом распространения подобных хозяйств являлась пригородная зона вблизи крупных городских центров.

Например, в окрестностях Карачи около 2 тыс. га государственных земель было продано с аукциона нескольким крупным промышленникам и бизнесменам для создания животноводческих ферм; планировалась дальнейшая распродажа государственной земли промышленным предпринимателям, частным сельскохозяйственным корпорациям, в том числе транснациональным⁹⁶. Показательно, что для предпринимателей, строящих современные земледельческие и животноводческие фермы, правительство М. Зия уль-Хака ввело целый ряд различных льгот, например отменило лимит на земельную собственность, который был введен согласно закону о земельной реформе в 1972 г. и составлял 60 га орошаемой или 120 га неорошаемой земли.

Представители аграрной буржуазии — члены различных сельскохозяйственных корпораций стремились не просто купить любые продаваемые государством с аукциона участки, но строить современные фермы на наиболее плодородных землях, которые, как правило, находились в собственности крупных потомственных землевладельцев. Обычно представители торгового и промышленного капитала предпочитали не покупать землю у помещика (что было трудноосуществимо, даже если последний являлся лендлордом-абсентеистом, не ведущим собственного хозяйства), а включить его в члены корпорации, наделяя пакетом акций. В этой связи в конце 70-х годов в пакистанской деревне начал формироваться слой капиталистических арендаторов — представителей промышленной и финансовой буржуазии, ведущих капиталистическое хозяйство на арендованных землях (поскольку помещики-абсентеисты часто просто меняли форму аренды, отнимая землю у издольщиков-крестьян и передавая ее современным предпринимателям-капиталистам). В итоге на рубеже 70—80-х годов в пакистанской деревне наметилась тенденция увеличения числа капиталистических арендаторских хозяйств за счет сокращения количества хозяйств под издольной арендой наряду с постоянным расширением их площади вследствие консолидации мелких, раздробленных участков⁹⁷.

Поскольку сферой применения капитала рассмотренных выше предпринимателей остается и промышленность (или банковское дело), происходило неуклонное сращивание сельскохозяйственного и промышленного капитала и становление современной агроиндустрии. При этом данные слои аграрной буржуазии, являясь «чисто буржуазными», как правило, не были «чисто аграрными». Пример подобного агропромышленного

комплекса — фабрика по производству бройлерных цыплят «ПИА — Шейвер», основанная пакистанской авиакомпанией совместно с канадской фирмой в 1963 г. в окрестностях Карачи. Производственный процесс был полностью механизирован в соответствии с современной импортной технологией, предприятие обслуживали высококвалифицированные специалисты, получившие подготовку за рубежом. В итоге производство возросло с 1 тыс. цыплят в неделю в 1963 г. до 165 тыс. в конце 70-х годов. Несколькими инкубаторами и бройлерными фабриками было построено той же компанией в Лахоре и Абботабаде. В 1978 г. начали действовать инкубаторы и птицефабрики других корпораций⁹⁸.

Другая часть аграрной буржуазии отличалась противоположным несоответствием: являясь аграрной, она не была чисто буржуазной — в связи с незавершенностью самого процесса обуржуазивания. Ее было бы правильнее отнести к группе обуржуазивающихся помещиков (переходному неосновному слою).

Наиболее глубоко вклинились в слой аграрной буржуазии так называемые «новые помещики» — отставные военные и чиновники, которые относительно недавно переселились в деревню и потому не заразились традиционализмом, присущим помещикам-полуфеодалам. Как и представители агропромышленной буржуазии, эти выходцы из среды «новых помещиков» расселялись в основном невдалеке от городских центров, с которыми их в какой-то мере связывали прошлая карьера, родовые связи и т. п.

Высший неосновной слой деревни — это традиционные помещики-полуфеодалы и помещики-абсентеисты. (Последние, связанные с деревней лишь косвенно — через собственность на землю, составляли один из элементов городского общества.) Представители помещиков-полуфеодалов, как и аграрной буржуазии, не были представлены в современной деревне в «чистом виде»: первые не могли сохраниться вследствие повсеместного распространения капитализма, вторые не успели полностью сформироваться, так что наиболее распространенными среди высших деревенских слоев являлись различные переходные обуржуазивающиеся группы.

Значительная часть обуржуазившейся земельной аристократии продолжала вести паразитический образ жизни, вкладывая приобретенные средства не в расширение хозяйства, а на приобретение предметов роскоши. Так, в 1960 г. 4,5% крупных помещиков имели автомобили, 4,5% — стереосистемы и ни у одного не было телевизора или кондиционера; в 1972 г. автомобили имели уже 59% помещиков, стереосистемы — 20, кондиционеры — 13% и почти у каждого был телевизор (а многие имели по пять и более)⁹⁹. Можно предположить, что в начале 80-х годов этот процесс паразитического обогащения сохранял свою силу (источниками обогащения являлись как доходы от

сельскохозяйственного производства, так и значительные денежные переводы из-за рубежа).

Степень обуржуазивания аграрных предпринимателей, т. е. соотношения между «традиционным» и «современным», варьировала в широких пределах в зависимости от целого комплекса объективных и субъективных факторов. Это могли быть и национально-этнические особенности, и происхождение, и профессиональная принадлежность, и т. п. По своему сословному генезису аграрная буржуазия, сохраняющая черты традиционности, может быть подразделена на три группы: выходцы из традиционных помещиков, из зажиточного крестьянства и из военно-гражданской бюрократии («новые помещики»). Приблизительное соотношение между этими группами — 2:1:1.

В наибольшей степени черты традиционности сохраняли, естественно, аристократы, в наименьшей — «новые помещики». Относительно активно протекал процесс обуржуазивания зажиточного крестьянства в деревнях Панджаба; пуштунский аграрный капитал быстрее и легче срачивался с торговым; процесс становления аграрного капитализма в отдельных районах Синда (особенно в пригородных зонах) базировался на трансформации крупных помещичьих хозяйств в современные предпринимательские фермы. Что же касается сельских районов Белуджистана, то там развитие аграрного капитализма в значительной степени тормозилось засильем пережиточных родо-племенных и клановых отношений.

В 60—70-е годы в пакистанской деревне наблюдалась следующая закономерность: чем крупнее земельная собственность помещика, тем сильнее была его опора на традиционные общинные связи. Иными словами, крупные помещики опирались в основном на общинно-кастовые и клановые связи, в то время как для средних помещиков большое значение имели национально-этнические связи. По мере укрепления социального статуса средних помещиков, особенно помещиков-предпринимателей — выходцев из городских слоев, значение национально-этнических связей в общей структуре сельской общины постоянно возрастало, в то время как кастовые, клановые и кровнородственные связи отходили на второй план и постепенно размывались. В начале 80-х годов системы кастовых и кровнородственных (бирадари) связей сохраняли большое значение лишь в относительно отсталых, северо-восточных районах Панджаба, а пережиточные родо-племенные отношения — в районах расселения белуджских и пуштунских племен. Вместе с тем в большинстве сельских районов Пакистана в качестве основной силы, связывающей деревенскую общину, в частности деревенские верхи, выступали национально-этнические отношения. В первую очередь это относится к сельским районам Синда.

Выше мы рассматривали верхние социальные группы и слои деревни, непосредственно связанные с землей, т. е. с сель-

скохозяйственным производством. Однако высшие слои той же самой деревни включали, как правило, и представителей неземельных прослоек, занимающих весомое место в современной социальной структуре сельского общества. Это прежде всего крупные сельские торговцы (в частности, скупающие сельскохозяйственную продукцию); государственные чиновники, находящиеся на ответственных административных постах и обладающие высоким социальным статусом; влиятельные мусульманские богословы. Представители всех этих слоев также могут быть подразделены на горизонтальные группы — в зависимости от имущественного и социального статуса. В данном разделе мы остановимся на характеристике лишь наиболее состоятельной прослойки, составлявшей в начале 80-х годов около трети сельских верхов¹⁰⁰.

В особую социальную группу выделялась крупная сельская торговая буржуазия, связанная с оптовой продажей сельскохозяйственной продукции на местных рынках. По приблизительным данным, она составляла 0,8% самостоятельного сельского населения, являясь при этом влиятельной социально-политической силой и опорой правящих кругов в деревне.

Именно сельская торговая буржуазия выступала в качестве главного частного кредитора земледельческих слоев. Если до раздела Британской Индии основным источником сельскохозяйственного кредитования являлись профессиональные ростовщики (как правило, индусы по своему вероисповеданию), то после 1947 г. главными кредиторами становятся крупные землевладельцы, заменившие ростовщиков, эмигрировавших в Индию. По подсчетам С. М. Ахтара, в начале 50-х годов свыше 60% кредита земледельцам Панджаба давали крупные помещики и торговцы¹⁰¹. Мы не располагаем точными данными о структуре сельскохозяйственного кредита в более поздние годы, однако по выборочным данным можно судить об определенных изменениях в этом направлении. Например, результаты полевых обследований, проведенных М. Х. Ханом в Панджабе и Синде в середине 70-х годов, свидетельствуют о том, что основным источником кредитования, как и в 50-е годы, продолжали оставаться крупные землевладельцы и торговцы. В обследованных деревнях Панджаба не было зарегистрировано ни одного ростовщика, а в Синде на долю ростовщичества приходилось 16% всего сельскохозяйственного кредита (включавшего и государственные субсидии), или 36% частного кредитования¹⁰². Ростовщики, как правило, выдавали кредиты арендаторам и малоземельным крестьянам, в то время как крупные землевладельцы получали кредиты в основном у крупных торговцев. Наиболее прочные позиции (как по своей численности, так и по размерам крестьянской задолженности) ростовщики занимали в отсталых в сельскохозяйственном отношении районах — округах Ларкана, Навабшах и Джекобабад.

Как уже было отмечено выше, основу сельской торговой буржуазии составляли главным образом торговцы-оптовики (так называемые *архти*, или *архати*), осуществлявшие либо контролировавшие закупку пшеницы, риса и хлопка у крестьян и крупных землевладельцев, а также оптовую продажу этих важнейших сельскохозяйственных продуктов на местных рынках. Под контролем этого слоя буржуазии находилось значительное количество предприятий по первичной переработке продукции — мукомольных фабрик, рисоушек, хлопкоочистительных предприятий.

Следует отметить, что сельская торговая буржуазия тесно переплеталась с земельной аристократией, поскольку до 1947 г. в качестве ведущих торговцев в деревнях Панджаба и Синда выступали индусы, а после их отъезда в Индию прочные позиции в сфере сельской торговли захватили крупные помещики. В последующие десятилетия происходил неуклонный прилив аграрного капитала как в торговлю, так и в промышленность, шло постоянное сращивание этих видов современной предпринимательской деятельности. В центре их слияния находилось предприятие по первичной переработке сельскохозяйственного сырья, расположенное в рыночном центре (манди тауне). Нередко представитель трех видов капитала — аграрного, промышленного и торгового — выступал в одном лице. Именно подобного рода предприниматели становились ведущей социально-политической силой в сельской местности, особенно в деревнях Панджаба и Синда — главных районах развития товарного земледелия.

В 70-е годы, после прихода к власти буржуазно-демократического правительства ПНП, усилился интерес к рисоушкам и хлопкоочистительным фабрикам со стороны крупного торгово-промышленного капитала: вследствие национализации крупных предприятий, а также в связи с ростом доходов и прибылей в аграрной сфере предпринимателям становилось выгодно вкладывать деньги в мелкие кустарные предприятия по первичной переработке продукции. Монополизировав заготовку и первичную обработку основных сельскохозяйственных продуктов, хозяева многочисленных предприятий действовали как посредники, получавшие баснословные прибыли от ограбления как самих крестьян, так и конечных потребителей их продукции. Спекулятивные махинации торговцев-посредников приняли особенно широкие масштабы во второй половине 70-х годов, когда пакистанское правительство резко увеличило ассигнования на сельскохозяйственное развитие. Введенные государством закупочные цены в большинстве сельских районов и даже в крупнейших рыночных центрах зачастую существовали лишь номинально; фактически крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию различным посредникам по значительно более низким ценам. Владельцы частных мельниц, рисо- и хлопкоочистительных фабрик в широких масштабах за-

нимались спекуляцией продуктами, что подрывало продовольственное положение и наносило серьезный ущерб экспорту Пакистана.

Решение о национализации 2196 агропромышленных предприятий, принятое З. А. Бхутто в июле 1976 г., значительно пошатнуло позиции правительства в деревне, поскольку именно прослойка сельской торговой буржуазии, непосредственно связанная с этими фабриками, оказывала ему значительную поддержку. В течение нескольких последующих месяцев поступали сообщения о сбоях и спаде в производстве хлопка, муки и риса; именно на эти проблемы делали ставку оппозиционные силы, небезуспешно боровшиеся с правительством ПНП. В свою очередь, военная администрация М. Зия уль-Хака сразу после прихода к власти восстановила прежних владельцев мукомольных, рисо- и хлопкоочистительных предприятий. Налаживание контактов с представителями сельской торговой буржуазии в значительной степени обусловило стабилизацию обстановки и закрепление позиций военного режима в сельской местности.

После прихода к власти военной администрации вновь расширил свои полномочия слой торговых посредников, позиции которых были значительно подорваны во время правления ПНП. По сообщениям пакистанской печати, в начале 80-х годов посредники при скупке урожая и его перепродаже присваивали себе до 50% произведенной стоимости. Чем дальше была удалена деревня от манди тауна, тем ниже были закупочные цены, назначаемые посредником. Не случайно все чаще в пакистанской прессе появлялись требования крестьян наладить централизованную систему сельскохозяйственного рынка, создать закупочные центры не только в манди таунах, но и во всех крупных деревнях, где развито товарное земледелие ¹⁰³.

Посредники действовали в основном на начальных ступенях сельскохозяйственного рынка, скупая продукцию у крестьян (около 60% произведенной ими товарной продукции), отчасти — у крупных землевладельцев. Один посредник контролировал, как правило, несколько деревень. Более крупные закупки зерна, а также другой сельскохозяйственной продукции осуществляли оптовики, действовавшие на уровне рыночных центров. У мелких крестьян, наделы которых не превышали 1 га, но которые вели мелкотоварное хозяйство, продукцию, как правило, скупали деревенские лавочники и мелкие торговцы ¹⁰⁴.

Наиболее сильны были позиции сельской торговой буржуазии в манди таунах. Верхушка этого слоя — крупнейшие архите — контролировала хлебные рынки в Панджабе и в масштабах всего Пакистана и пользовалась влиянием в больших сборных пунктах сельскохозяйственного сырья (Фейсалабад, Мултан, Окара, Сахивал и пр.) ¹⁰⁵.

Как уже было отмечено, представители аграрного и сельского торгового капитала могут выступать в одном лице и весьма часто связаны друг с другом узами происхождения и родства. Менее отчетливы генетические узы земельной аристократии с представителями бюрократического аппарата — государственными чиновниками, связанными с административным управлением в сельской местности и занимающими весьма прочное положение в социально-политической структуре сельского общества. Именно высокий социально-имущественный статус последних позволяет включить этот немногочисленный слой в верхний блок социальной структуры деревни.

Особенно прочным социальным статусом обладали различные государственные чиновники, непосредственно связанные с распределением земельных участков, распродажей государственных земель и сбором налогов (в 50—70-е годы — земельных налогов, а с конца 70-х годов — исламских налогов *закат* и *ушр*).

Большие махинации по перепродаже государственных земель проводились верхушкой бюрократического аппарата в 60-е годы, во время освоения новоорошенных земель в Панджабе и Синде. Так, в 1965 г. была построена ирригационная система Гудду, позволившая оросить свыше 240 тыс. га плодородной земли. Однако вместо возврата этих земельных угодий прежним владельцам — крестьянам Синда — земля была распродана с аукциона различным гражданским и военным бюрократам; некоторые из них превратились затем в «новых помещиков». Часто государственные чиновники занимались чистой перепродажей земли, покупая ее за мизерную цену (а иногда, пользуясь различными обходными каналами, и вовсе за бесценок) и продавая втридорога помещикам и промышленным предпринимателям. Многие чиновники, входившие в состав Земельного комитета, покупали землю за 400 рупий за 1 акр (0,405 га), а затем перепродавали ее за 4—8 тыс. рупий¹⁰⁶.

Введение в начале 60-х годов по всему Пакистану системы «основ демократии», базировавшейся формально на выборной основе и нацеленной на демократизацию местного самоуправления, на практике лишь укрепило положение бюрократического аппарата в сельской местности. Так, на первых этапах введения «основ демократии» окружные советы не являлись выборными органами, поскольку гражданская бюрократия оставила за собой в этих советах большинство мест. Государственные департаменты, непосредственно ответственные за сельскохозяйственное развитие, не поддерживали должных связей с населением; там, где подобные контакты были налажены, они ограничивались связями с местными влиятельными помещиками. Положение мало изменилось и в конце 70-х годов, даже после введения М. Зия уль-Хаком летом 1979 г. выборной системы местного самоуправления. По-прежнему основное руководство в «выборных» органах власти осуществлялось

представителями гражданской бюрократии, тесно связанной с аграрной буржуазией и помещиками-предпринимателями. В итоге такие мероприятия, как сбор сельскохозяйственных налогов, правосудие, внедрение программ сельскохозяйственного развития, и в начале 80-х годов находились под непосредственным контролем бюрократического (точнее, военно-бюрократического) аппарата в тесном союзе с крупными земельными собственниками¹⁰⁷.

В отличие от государственных чиновников, в той или иной мере связанных с сельскохозяйственным производством, мусульманские богословы, проживавшие в деревне, обладали более широкими контактами в сельском сообществе, что отчасти обусловлено глубокой религиозностью пакистанского крестьянства. Этому в немалой степени способствовали сохранение традиционных обычаев и связей, отсутствие во многих сельских населенных пунктах культурных учреждений и т. п. В формировании и сохранении религиозного сознания сельского населения ведущую роль играли мусульманские богословы (*улама*). Этот социальный слой состоит из правоведов-богословов, служителей культа (*мулл* и *имамов*), а также преподавателей (*мударрисов*) религиозных учебных заведений (*мактабов*, *мадраса* и пр.).

Официальное руководство религиозной жизнью в пакистанской деревне осуществляют различные религиозные организации, избираемые периодически и отвечающие за строительство мечетей, мактабов, за распространение религиозного обучения и т. п. Почти в каждой деревне есть хотя бы одна подобная организация. Мечети имеются в каждой деревне, причем в крупных селениях их насчитывается по нескольку. Мечеть обслуживается имамом, который в пакистанской деревне является неофициальным лицом; обычно должность имама передается по наследству. Как правило, имам осуществляет в деревне функции социального контроля над жизнью сельского населения, пользуясь большим уважением не только среди деревенской бедноты и мелких крестьян-землевладельцев, но и среди представителей верхней имущей прослойки.

В 60-е годы, стремясь создать в лице служителей культа опору в деревне, правительство М. Айюб-хана приняло ряд мер по упрочению их материального и социального положения. Так, имамам в ряде округов Панджаба (Мултан, Сахивал и др.) были выделены участки земли. Кроме того, правительство планировало улучшить их социально-экономическое положение путем выплаты им регулярного жалованья¹⁰⁸.

Социальный статус мусульманских богословов заметно поднялся в конце 70-х годов в связи с провозглашением режимом М. Зия уль-Хака курса на исламизацию пакистанского общества. Даже программы сельскохозяйственного развития, нацеленные на повышение социально-экономического положения сельских жителей, в качестве одного из главных пунктов вы-

двигали планы строительства новых мечетей, религиозных школ и т. п. (ранее подобные мероприятия осуществлялись в основном за счет различных религиозных поборов, подаваний и пожертвований). Сбор религиозных налогов, в частности налога на сельскохозяйственную продукцию (ушр), также планируется осуществлять при контроле со стороны служителей культа.

Подтверждением большого влияния мусульманских богословов среди пуштунского населения могут служить итоги всеобщих выборов 1970 г., когда члены пуштунских племен отдали свои голоса мусульманским богословам. Численность и влияние улама особенно велика в округах Мардан, Пешавар, Банну и Сват. Однако и в других округах СЗПП, а также в «полосе племен» они пользуются значительным влиянием из-за «устойчивости религиозных форм общественного сознания»¹⁰⁹.

Сословие улама Белуджистана относительно невелико: по оценкам на начало 80-х годов, их насчитывалось около 7,5 тыс. При этом около 80% из них проживало в пуштунских округах провинции¹¹⁰. Среди белуджских (равно как и брагуиских) племен улеме не пользовались таким безусловным авторитетом и уважением, как среди пуштунов Белуджистана и СЗПП. Верхушка улама провинции включала (аналогично богословам Синда) немало крупных землевладельцев и обладала высоким социально-имущественным статусом в сельском Белуджистане.

Средние и низшие слои

По своему численному составу, равно как и по степени участия в системе общественного производства, основу пакистанского общества составляет крестьянство, включающее свыше 50% экономически активного населения страны. Что же касается социальной структуры самой деревни, то там удельный вес крестьянского населения превышает 65%. Остальные 35% сельского населения распределены следующим образом: 3% — верхние слои, 6% — мелкие торговцы и служащие, 12% — ремесленники, «слуги общины», безземельные сельскохозяйственные рабочие и 14% — проживающий в деревне фабричный и нефабричный пролетариат.

В начале 80-х годов крестьянство Пакистана представляло собой сложный конгломерат различных переходных (в генетическом и структурном отношении) социальных групп и слоев; это являлось следствием неуклонной трансформации многоукладного пакистанского общества в общество буржуазное. В процессе капиталистической эволюции крестьянство, по словам В. И. Ленина, «с промадной быстротой раскалывается на незначительную по численности, но сильную по своему экономическому положению сельскую буржуазию и на сельский пролетариат»¹¹¹.

На рубеже 70—80-х годов численность сельскохозяйственного пролетариата — основного класса буржуазного общества,

формирующегося из рядов крестьянства, — составляла около 10%. По своему социально-экономическому статусу к нему были близки различные слои переходного типа — полупролетарские элементы из среды беднейшего крестьянства. Кроме того, полупролетарские слои пополнялись за счет выходцев из ремесленников, «слуг общины», различных предпролетарских (традиционных) групп, которые по своему социально-имущественному положению относятся к низшим слоям деревни. Низшие социальные слои современной пакистанской деревни составляли, как уже было отмечено, 77% сельского населения.

Вследствие широкой дифференциации крестьянства по социально-экономическому и социально-имущественному положению оно может быть подразделено также на несколько горизонтальных слоев: мелкие и мельчайшие крестьяне (низшие слои), крестьяне-середняки и, наконец, обуржуазивающаяся крестьянская верхушка, или кулачество, относимое нами к верхним слоям деревни. Наиболее распространенными являются средние слои деревни — крестьяне, ведущие середняцкие (мелкотоварные) хозяйства. По своему социально-имущественному статусу, равно как и по социальному положению в структуре сельской общины, к ним довольно близко примыкают мелкие лавочники и торговцы, а также другие неземледельческие элементы (служащие, учителя, служители мечетей и т. п.). В общей социальной пирамиде сельского общества средние слои составляют около 20%, из которых свыше 17% — средние крестьяне, а также средние торговцы.

Как уже было отмечено, пакистанское крестьянство представляет собой сложный конгломерат различных социальных звеньев, соотношение между которыми определяется многоукладным характером аграрной экономики страны. Часто бывает трудно, а порой и невозможно отнести отдельные социальные элементы к какой-либо конкретной социальной группе (например, выделить крестьян-середняков, ведущих мелкотоварное хозяйство, или провести четкую границу между предпролетарскими и полупролетарскими слоями и т. п.). Сложное переплетение и видовое многообразие различных социальных слоев крестьянства, а также близких к нему, не связанных с земледелием социальных групп (мелкие торговцы, ремесленники, сельскохозяйственный пролетариат и т. п.) позволяют нам рассматривать средние и низшие слои деревни в качестве единого блока, объединяющего различные сегменты. Общим для этих сегментов является относительно невысокий (чаще — крайне низкий) экономический статус их представителей при их активном участии в процессе сельскохозяйственного производства (для «инородных» для деревни слоев — в системе социально-политических отношений в рамках сельской общины).

Эволюция пакистанского крестьянства проходит под воздействием факторов социально-экономического, экологического, демографического, социокультурного характера. Определяю-

щую роль в этом процессе играют особенности социально-экономического развития деревни, обусловленные аграрной политикой государства. Наиболее важными последствиями вмешательства государства в агросферу явились изменения в социально-экономической структуре деревни. Основу этих сдвигов составили изменения в структуре землевладения и землепользования, происшедшие в 60—70-х годах под воздействием аграрных преобразований государства, направленных на ускоренное капиталистическое развитие сельского хозяйства без коренной ломки унаследованного от колониального прошлого аграрного строя.

Одной из важнейших особенностей социально-экономического развития, оказывающей деформирующее воздействие на естественную эволюцию пакистанского крестьянства, является неравномерность социально-экономического и социокультурного развития различных районов Пакистана. Эта неравномерность возникла еще в колониальный период и была обусловлена очаговым характером социально-экономических преобразований колониальных властей, стремившихся превратить в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта метрополии, а также сферу приложения английского капитала районы, удобные в транспортно-географическом и климатическом отношении. Такими районами для английских колонизаторов стали Синд и Панджаб.

В послеколониальный период региональная неравномерность в социально-экономическом и культурном развитии не только сохранилась, но и увеличилась в результате дискриминационной политики правящих кругов и усиления действия закона неравномерности капиталистического развития. Следствием совокупного воздействия отмеченных факторов являются социальная гетерогенность пакистанского крестьянства и неравномерность его размещения. Основная масса крестьян сконцентрирована в главных сельскохозяйственных районах страны — Панджабе и Синде. В этих районах сосредоточено 85% всех обрабатываемых (92% орошаемых и 88% посевных) площадей. На Панджаб и Синд приходится 80% всего населения и 85% сельского самостоятельного населения, 85% земельных хозяйств, 79% земельных собственников и 85% земельной собственности страны¹¹².

Остальная (меньшая) часть крестьянства сосредоточена в менее развитых в социально-экономическом и социокультурном отношении районах страны — Белуджистане, Северо-Западной пограничной провинции, «полосе пуштунских племен».

Главная особенность эволюции пакистанского крестьянства в 70-х годах заключалась в том, что она проходила в условиях, с одной стороны, носящего очаговый характер становления современных производительных сил в аграрном секторе, с другой — углубления кризиса традиционных форм производст-
ва¹¹³.

По условиям и образу жизни в пакистанском крестьянстве различаются традиционный, переходный и промежуточный слои. В 60—70-х годах под воздействием государственных социально-экономических преобразований в деревне, способствовавших становлению современных производительных сил в сельском хозяйстве (главным образом в районах орошаемого земледелия Панджаба и отчасти в Синде) и имевших следствием изменения в социально-экономической структуре деревни, создается основа для формирования современных общностей социально-классового типа, более четко начинают определяться границы социальных слоев крестьянства, заметно меняется соотношение социальных его типов.

Так, если в 50-х и первой половине 60-х годов в социальной структуре пакистанского крестьянства доминирующим был традиционный тип зависимого от землевладельческой знати крестьянина, а удельный вес переходных слоев был незначительным, то для 70-х годов характерно уменьшение численности традиционного крестьянства за счет роста абсолютной численности полностью безземельных, а также увеличения доли переходных и промежуточных его слоев (пауперизованных и полупауперизованных непосредственных производителей — мелких и мельчайших собственников и арендаторов).

В 70-х годах увеличилась прослойка мелкобуржуазного крестьянства, состоящая главным образом из зажиточных крестьян и состоятельных середняков, упрочивших свое положение в ходе развертывания «зеленой революции» благодаря применению новой технологии земледелия в результате доступа к субсидиям государства, а также источником организованного кредита.

Доминирующим типом крестьянства в современной пакистанской деревне является полупауперизованный непосредственный производитель (мелкий и мельчайший собственник и арендатор), задавленный докапиталистической и капиталистической эксплуатацией.

Крупными составными частями, группами крестьян, выделяемыми основоположниками марксизма-ленинизма по классово-градированным признакам, являются различающиеся между собой социальные слои. Для выделения внутри русского крестьянства таких слоев В. И. Ленин использовал следующие признаки: «...в каком отношении находятся крестьяне, собственность которых есть орудие эксплуатации, к крестьянам, собственность которых есть „просто“ условие приложения труда. Важное значение имеют данные о том, каков тип хозяйства, уровень жизни и пр. у крестьян, нанимающих рабочих, у крестьян, не нанимающих и не нанимающихся, у крестьян, нанимающихся в рабочие»¹¹⁴.

По степени отношения к средствам производства (земле), методам ведения хозяйства и месту в системе производственных отношений в составе пакистанского крестьянства можно

выделить три слоя: низший, средний и высший. Эти основные экономические группы крестьян различаются по удельному весу и социальному составу. В каждой из них имеются промежуточные и переходные подгруппы. Так, хозяйства части крестьян — мелких собственников по материальному и социальному положению ближе к группе средних крестьян. В свою очередь, из группы средних крестьян в процессе углубления расслоения выделяется слой производителей, который по условиям и уровню жизни приближается скорее к группе мелких крестьян, чем к состоятельным хозяевам. Переходные прослойки имеются и в группе зажиточных крестьян.

Наиболее многочисленным, доминирующим слоем крестьянства, составляющим широкое основание социальной пирамиды пакистанской деревни, является его низший слой. Социальная структура этого слоя отличается сложностью и расплывчатостью переходных граней. Это и мелкие и мельчайшие производители, преимущественно собственники, а также собственники, приарендовывающие к своему участку (парцелле) дополнительный клочок земли; и собственники, сдающие свою землю в аренду и работающие по найму; и «чистые» арендаторы и подольщики (главным образом хари в Синде, традиционно лишённые хозяйственной самостоятельности). Земельные участки низшего слоя пакистанских крестьян, как правило, не превышают 2 га.

В начале 70-х годов хозяйства низшего слоя крестьян составляли менее трети (28%) всех земледельческих хозяйств и на их долю приходилось 5% обрабатываемых площадей страны. Внутри этого слоя крестьянства по своему удельному весу преобладали хозяйства мелких и мельчайших собственников. Они составляли 61% хозяйств низшего слоя и владели 55% земельной площади, принадлежавшей этому слою¹¹⁵.

Менее трети (26,8%) хозяйств низшего слоя крестьянства составляли хозяйства мелких и мельчайших арендаторов, имевших наследственное право на обработку арендуемого участка, и арендаторов, не имевших никаких арендных прав. Вторая категория арендаторов составляла большинство. На долю арендаторских хозяйств приходилось 28,5% земельной площади низшего слоя крестьянства¹¹⁶.

Незначительным (11,8%) в низшем слое крестьянства был удельный вес хозяйств собственников, приарендовывающих к своей парцелле дополнительный клочок земли. Они возделывали 15,6% земельной площади низшего слоя¹¹⁷.

Как по организации, так и по целям производства подавляющее большинство хозяйств мелких и мельчайших производителей (собственников и арендаторов) оставалось в 70-х годах на традиционных позициях. Производство в этих хозяйствах основано на семейном труде, тягловой силе рабочего скота (собственного или арендованного у богатых соседей) и отсталых методах агрикультуры. Главная цель производства в

этих хозяйствах заключается в удовлетворении собственных потребительских нужд. Однако следует отметить, что земельная рента, различные местные налоги, а в наиболее отсталых и отдаленных районах страны (Белуджистан, например) и феодальные подати забирают у арендаторских хозяйств $\frac{2}{3}$, а иногда и большую часть их продукции.

Не лучше обстоит дело в хозяйствах мелких и мельчайших собственников, значительная часть продукции которых продается сразу же после уборки урожая для уплаты налогов, покрытия долгов и других неотложных платежей.

Главной и наиболее важной чертой мелких и мельчайших собственников является неустойчивость экономического положения их хозяйств, фактически исключающая возможность самостоятельного существования. Это обусловлено нерентабельностью таких хозяйств вследствие небольшого размера наделов, растущего их дробления между наследниками, разбросанности участков, необеспеченности значительной части хозяйств необходимыми элементами производства и как результат низкой производительности земли в хозяйствах, несмотря на высокую интенсивность использования ручного труда.

Для хозяйств этого слоя пакистанского крестьянства характерна несамостоятельность на товарном рынке, связь с которым является главным образом опосредованной (осуществляется преимущественно через торговых посредников), а также прямой, когда крестьяне вынуждены приобретать на рынке товары первой необходимости.

Невозможность обеспечить содержание семьи за счет нерентабельных собственных участков вынуждала определенную часть мелких и мельчайших собственников сдавать в аренду помещикам и зажиточным крестьянам либо всю свою землю, либо часть ее, а самим зарабатывать средства к существованию продажей своей рабочей силы. Так, в Панджабе треть (32%) мелких и мельчайших собственников сдавала в аренду в 60-х годах $\frac{1}{4}$ (26%) своей земли, а в Синде — 9 и 14% соответственно. Как подчеркивает М. Х. Хан, в 70-х годах эти показатели в Панджабе возросли, в Синде снизились¹¹⁸.

Главной особенностью эволюции мелких и мельчайших производителей (собственников и арендаторов) являлась пауперизация основной их массы, отделение от средств производства. Так, за 12 лет (1960—1972) численность хозяйств этого слоя сократилась с 2404 тыс. до 1059 тыс., или почти на 56%; на 44,2% уменьшилась обрабатываемая этими хозяйствами земельная площадь. Доля этих хозяйств сократилась как в общем числе земледельческих хозяйств (с 50 до 28%), так и в обрабатываемых площадях страны (с 9,4 до 5,2%)¹¹⁹.

Наиболее драматичный характер процесс экспроприации мелких и мельчайших производителей принял в Панджабе. Лишь незначительной части экспропрированного крестьянства удастся вновь соединиться с землей, но на более тяжелых, чем

прежде, условиях. Большинство разоренных крестьян пополняли ряды безземельных арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, усиливая аграрное перенаселение и давление на землю.

Более половины (61%) земледельческих хозяйств страны в начале 70-х годов составляли хозяйства среднего слоя крестьян, обрабатывавших половину (51%) всех земельных площадей.

Характерной особенностью хозяйств средних крестьян-собственников была высокая степень зависимости от аренды дополнительной земельной площади, причем размеры арендованной земли превышали размеры собственных наделов. Так, в начале 70-х годов размер земельной площади, арендованной хозяйствами средних крестьян (собственников и арендаторов), составил 4,12 млн. га ¹²⁰.

В общем числе хозяйств средних крестьян была высока доля производителей с участками от 2 до 5 га. Они составляли 65%, а возделываемая ими земля — 48,6% обрабатываемых площадей среднего слоя крестьян. Внутри этой прослойки преобладали хозяйства арендаторов (41%) и собственников (39%), обрабатывающих соответственно 42,6 и 32% земельных площадей ¹²¹. Что касается хозяйств средних собственников, приарендовывавших дополнительную землю, то они составляли 1/4 часть хозяйств и возделывали 26% земли, обрабатываемой средним слоем крестьян.

По своему экономическому положению прослойка средних крестьян с участками от 2 до 5 га примыкала к низшему слою пакистанского крестьянства. Для нее характерна неустойчивость экономического положения, обусловленная нерентабельностью их хозяйств (официально установленный минимум рентабельного хозяйства составлял в среднем 6 га). Поэтому большая часть этой прослойки средних крестьян была вынуждена искать дополнительные источники дохода. Задавленная бременем долгов, она разорялась и пополняла ряды малоземельных крестьян и безземельных сельскохозяйственных рабочих. Лишь немногим из них удается упрочить свое положение и подняться до уровня состоятельных середняков.

К этой прослойке пакистанских крестьян вполне применима характеристика, данная В. И. Лениным среднему крестьянству дореволюционной России. В. И. Ленин подчеркивал, что «самостоятельный труд лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывал содержание такого крестьянства и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать „подсобных“ сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата» ¹²².

Узкую прослойку среднего слоя крестьян составляли производители (собственники и арендаторы) с участками от 5 до 10 га. Удельный вес их хозяйств достигал в начале 70-х годов 35% общего числа хозяйств средних крестьян, а принадлежащая им земля составила половину (51%) обрабатываемых земель среднего слоя. Соотношение всех типов хозяйств этой прослойки средних крестьян и обрабатываемой ими земельной площади было примерно одинаковым.

Доходы таких хозяйств позволяли не только прокормить семью, но и получить в урожайные годы некоторый излишек, средства от реализации которого использовались на улучшение хозяйства. Эта прослойка средних крестьян, упрочивая свое экономическое положение, поднималась до уровня зажиточных крестьян.

Высший слой пакистанских крестьян неоднороден по своему социальному составу и включал как зажиточных крестьян, так и имевших земельную собственность состоятельных деревенских лавочников и ростовщиков.

К этой категории крестьян относились хозяева с участками от 10 до 20 га. Удельный вес хозяйств зажиточных крестьян, по данным 1972 г., был невысоким и составлял всего 7,6% общего числа земледельческих хозяйств. Однако эти хозяйства сосредоточивали в своих руках 18,7% всех обрабатываемых площадей¹²³. Внутри слоя зажиточных крестьян немногим более трети хозяйств составляли хозяйства собственников, владевших 38% земли.

Хозяйства собственников, приарендовывавших дополнительную площадь, составляли 30%, а принадлежавшая им земля — 35% обрабатываемых земель зажиточных крестьян.

В хозяйствах состоятельных арендаторов, составлявших 27% хозяйств высшего слоя крестьян, обрабатывалось 26% земельной площади¹²⁴.

Высший слой крестьянства пополнялся главным образом за счет состоятельных середняков. Другим источником расширения рядов этого слоя крестьянства явились отставные военно-служащие и гражданские чиновники, получившие участки земли из фондов государственных земель, главным образом в районах вновь освоенных земель. Наделяя эту прослойку общества земельными участками, предоставляя кредиты на льготных условиях, субсидируя приобретение средств производства (удобрений, семян и т. д.), пакистанские власти стремились создать себе в лице этих новых землевладельцев социальную опору в деревне.

Эволюция всех слоев пакистанского крестьянства в 70-х годах проходила под воздействием технико-экономических и социальных преобразований, осуществляемых государством в агро-сфере. Глубина и результаты этих преобразований определялись социальной природой государственной власти и соотношением классовых сил на различных этапах развития страны.

Аграрные реформы, осуществлявшиеся в три этапа (начало и конец 50-х годов, 70-е годы), ограниченные и половинчатые по своему характеру, не внесли существенных изменений ни в отношения собственности, ни в производственные отношения в пакистанской деревне. Обусловлено это было тем, что в ходе выполнения аграрных реформ помещики сумели сохранить большую и лучшую часть своих земель благодаря прямому влиянию на значительную часть административного аппарата и политической элиты, а также путем раздела своих земель среди родственников и даже подставных лиц.

Что касается крестьянства, то зажиточная его часть увеличила свои наделы путем покупки земель, продававшихся с аукциона. Доля малоземельных и безземельных крестьян, получивших землю, была незначительной¹²⁵.

Сохранение огромного неравенства в распределении земли в условиях растущего аграрного перенаселения способствовало не только консервации, но и усилению кабальных форм эксплуатации непосредственных производителей.

Крайне важное значение для становления высокопродуктивного земледелия имела технико-экономическая модернизация сельского хозяйства, способствовавшая ускорению капиталистической трансформации помещиков и зажиточного крестьянства. Непосредственными результатами преобразований государства в агросфере явилось не только сохранение, но и углубление хозяйственных и социальных диспропорций, что имело следствием обострение старых и порождение новых противоречий в пакистанской деревне и ускорение процесса дифференциации крестьянства.

Социально-имущественное расслоение крестьянства, начавшееся еще в колониальный период под воздействием развития товарно-денежных отношений, ускорилось после образования Пакистана, особенно с середины 60-х годов. Степень и глубина дифференциации крестьянства различных областей страны определялись уровнем их социально-экономического и социокультурного развития, в частности ролью и значением традиционных отношений и связей.

Но главную роль в процессе расслоения крестьянства играли различия экономического порядка, углубившиеся в ходе осуществления аграрных реформ и технико-экономической модернизации сельского хозяйства.

В 50-х годах традиционные формы производства, господство полуфеодального землевладения и докапиталистических методов эксплуатации крестьянства обусловили слабую его дифференциацию, несмотря на обострение социальных противоречий. Аграрные реформы начала 50-х годов, имевшие ограниченный характер, не были полностью претворены в жизнь. Направленные главным образом на стимулирование предпринимательского хозяйствования крупных землевладельцев, они официально узаконили сгон арендаторов с помещичьих земель. Экспроприация

непосредственных производителей, осуществлявшаяся в этот период в широких масштабах, в условиях фактического отсутствия современного сектора в сельском хозяйстве, а также возможностей применения труда разоренного крестьянства вне сферы сельского хозяйства, вела к пауперизации основной массы крестьянства. Элементы капиталистического расслоения наблюдались лишь в отдельных районах орошаемого земледелия в Пенджабе.

Однако в последующие два десятилетия (60—70-е годы) и в 80-е годы под воздействием социально-экономических преобразований государства в агросфере (аграрные реформы, технико-экономическая модернизация сельского хозяйства, изменения в системе органов деревенского самоуправления и т. д.) активизируется процесс становления современных производительных сил в сельском хозяйстве, способствовавший ускорению капиталистической трансформации зажиточной верхушки деревни и переходу к предпринимательскому хозяйствованию представителей города (бюрократии, промышленников, военных и т. д.). В этот период создается основа для ускорения расслоения крестьянства по классовому признаку в районах развития земледельческого капитализма, главным образом в районах орошаемого земледелия Пенджаба и отдельных районах Синда. В процесс расслоения втягиваются все более широкие слои крестьянства, включающие наряду с мельчайшими и мелкими собственниками и средних крестьян, особенно нижнюю их прослойку.

Социальная дифференциация пакистанского крестьянства в 70-х годах проходила в условиях развертывания «зеленой революции», под воздействием которой углубился процесс поляризации в распределении обрабатываемых земель, резко возросло неравенство в распределении доходов, обострились социальные противоречия.

Говоря о воздействии «зеленой революции» на эволюцию социальной структуры крестьянства освободившихся государств, советские востоковеды подчеркивают сложный и противоречивый характер этого воздействия. Главное, как отмечается в коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», заключается «в несоответствии между ограниченным экономическим результатом и глубоким социальным эффектом „зеленой революции“»¹²⁶.

Это несоответствие нашло выражение, с одной стороны, в формировании и развитии небольшого по своему удельному весу слоя обуржуазивающихся помещиков и зажиточных крестьян, упрочивших свое положение в ходе развития «зеленой революции», а с другой — в усилении процесса экспроприации непосредственных производителей, имеющего следствием рост численности безземельного крестьянства.

Опыт развития «зеленой революции» в Пакистане свидетельствует о том, что модернизация сельскохозяйственного производства, предусматривающая использование новых агротехниче-

ских методов, доступна хозяйствам помещиков и зажиточного крестьянства, располагающих необходимым для этой цели капиталом и имеющих широкий доступ к источникам снабжения, кредита, информации. Так, обследования, проведенные в районах распространения «зеленой революции» главным образом в Пенджабе, показали, что хозяйства крупных помещиков и зажиточных крестьян, производящие новые сорта зерновых, сосредоточили в своих хозяйствах $\frac{4}{5}$ оросительных каналов и от 25 до 55% тракторов¹²⁷. Причем, по данным проведенной в 1975 г. переписи сельскохозяйственных машин, 59% тракторов страны и около 50% оросительных колодцев было сосредоточено в хозяйствах крупных помещиков, тогда как хозяйства с участками до 5 га владели лишь 4% тракторов и 5% оросительных установок¹²⁸.

Расширение масштабов применения новой агротехники производства в хозяйствах помещиков и зажиточного крестьянства усилило концентрацию землевладения и землепользования в этих хозяйствах, которая происходила главным образом за счет «чистки» земель от арендаторов. Как показывают полевые обследования пакистанского исследователя А. Хусейна, увеличение более чем наполовину (на 65%) земельной площади в хозяйствах крупных помещиков, владевших участками, превышающими 60 га, произошло именно за счет сгона арендаторов¹²⁹.

О резком сокращении в 60—70-е годы численности «чистых» арендаторов, равно как и об уменьшении их удельного веса в социальной структуре пакистанской деревни, свидетельствуют также данные о количестве арендаторских хозяйств, приводимые в сельскохозяйственных переписях Пакистана 1960 и 1980 гг. (млн. и %) ¹³⁰:

	1960 г.	1980 г.
Количество арендаторских хозяйств	2,03 42	1,05 26
Количество хозяйств собственников-арендаторов	0,83 17	0,79 19
Количество хозяйств землевладельцев	2,00 41	2,23 55
Все землевладельческие хозяйства	4,86 100	4,07 100

В целом по Пакистану за рассматриваемый период количество арендаторов сократилось почти в 2 раза — с 2,03 млн. до 1,05 млн. человек. Основной причиной столь резкого сокращения их численности мог быть лишь переход помещиков-полуфеодалов к ведению собственного предпринимательского хозяйства за счет сокращения сдаваемых ранее в аренду земель. Показательно, что общая площадь сдаваемой в аренду земли за 20-летний период (1960—1980) также сократилась почти вдвое — с 7,68 млн. до 4,11 млн. га, в то время как средний размер арендаторского хозяйства даже несколько увеличился — с 3,78 до 3,91 га. (По-видимому, волна сгона в первую очередь коснулась владельцев наиболее мелких арендаторских хозяйств — размерами менее 2 га.)

В 70-х годах процесс экспроприации крестьянства углубился, охватив его средние слои. Так, если в начале 70-х годов хозяйства средних крестьян-собственников с участками в 5—10 га составляли 21% всех земледельческих хозяйств, а принадлежавшая им земельная площадь — 27% обрабатываемой площади страны¹³¹, то в 1976 г. удельный вес этих хозяйств сократился до 7,6%, а принадлежавшая им земельная площадь — до 18,1%¹³².

Обедневшие середняки перешли в группу мелких и мельчайших хозяев, соответственно увеличив численность и удельный вес последних в обрабатываемой площади.

Увеличение, правда незначительное, удельного веса хозяйств мелких и мельчайших собственников произошло и в результате наделения землей малоземельных и безземельных крестьян в ходе выполнения аграрной реформы 1972 г., а также в результате раздела участков между наследниками.

Непосредственным результатом этих процессов являлась концентрация в конце 70-х годов почти трети частнособственнических земель в руках немногочисленной прослойки крупных и крупнейших помещиков (с участками свыше 60 га), тогда как на долю мелких и мельчайших собственников, составлявших 71% всех земельных собственников, приходилось 25% земельной площади¹³³.

Приведенные данные: увеличение удельного веса мелких и мельчайших хозяйств за счет вытеснения из процесса производства хозяйств средних крестьян, значительное сокращение удельного веса арендаторских хозяйств, преимущественно мелких и мельчайших, растущая тенденция у помещиков и зажиточного крестьянства к ведению предпринимательского хозяйства путем увеличения производственных участков за счет массовых сгонов непосредственных производителей и аренды дополнительной площади главным образом у мелких и мельчайших собственников — свидетельствуют о постепенном вытеснении мелкого производства крупным. Однако этот процесс не сопровождается адекватным конституированием пауперизованных крестьян в качестве свободных наемных рабочих.

Специфическая особенность ускорившегося в 70-е годы процесса дифференциации пакистанского крестьянства, как и крестьянства остальных освободившихся государств, избравших капиталистический путь развития, заключается в своеобразной односторонности этого процесса, выражающейся в пауперизации основной массы крестьянства, медленно трансформирующейся в пролетаризацию. Это обусловлено очаговым характером становления современных производительных сил в сельском хозяйстве, деградацией традиционных форм производства, обострением проблемы занятости в деревне и городе в результате высоких темпов роста трудоспособного населения.

Немаловажную роль в этом процессе играет живучесть и стойкость исторически сложившихся в пакистанской деревне

традиционных социальных отношений и связей, в значительной степени реулирующих взаимоотношения зажиточной верхушки деревни с трудящимися слоями крестьянства.

Одна из главных особенностей дифференциации пакистанского крестьянства, как и крестьянства многих афро-азиатских стран капиталистически ориентированного развития, заключается в том, что капиталистическое расслоение не подменяет дифференциацию традиционного, полутрадиционного и нетрадиционного типа, «а сосуществует с ней и накладывается на нее»¹³⁴.

Различия традиционного типа и соответствующие традиционные социальные отношения и связи складывались в ходе исторического, экономического и социокультурного развития районов современного Пакистана. Основные из них сохранились до наших дней и играют немаловажную роль в процессе дифференциации крестьянства, например исторически сложившиеся и сохранившиеся до наших дней различия между пуштунами и зависимым непуштунским земледельческим населением (*хамсия*) округов Дера Исмаил-хан и Хазара Северо-Западной пограничной провинции¹³⁵. Сохранились также различия между крестьянами — коренными жителями деревень Синда и Панджаба и крестьянами-беженцами (*мухаджирами*), прибывшими в Пакистан в 1947 г., после раздела Индии.

Устойчивость этих традиционных отношений объясняется тем, что в их сохранении заинтересованы эксплуататорские слои пакистанской деревни. В условиях нерешенности коренных проблем социально-экономического и социокультурного развития и огромного по своим масштабам аграрного перенаселения для зажиточной верхушки деревни эти отношения служат одним из важнейших рычагов укрепления ее экономического и политического влияния на массы зависимых от нее крестьян.

Степень устойчивости традиционных социальных отношений в пакистанской деревне неодинакова и определяется уровнем социально-экономического и социокультурного развития отдельных районов и социальных общностей.

В Белуджистане, «полосе племен», бывших княжествах (Дир, Сват, Читрал), а также в других наименее развитых районах страны сохранению этих отношений способствует устойчивость пережитков племенной организации в социальной структуре пуштунских, белуджских, брагуйских и других племен.

Поведение, образ жизни и мышление членов различных традиционных общностей (племен, кланов, религиозных сект и др.) определяются деятельностью традиционных институтов (джирга, бирадари, кланы), выполняющих экономические и социальные функции. Эти функции заключаются в обеспечении некоторой безопасности существования членов традиционных социальных групп; в осуществлении социального контроля; в формировании ценностных ориентаций членов традиционных общностей; в интеграции или дезинтеграции этих общностей.

Руководящая роль, которую играет в бирадари и кланах

эксплуататорская верхушка традиционных социальных групп, дает ей возможность использовать эти традиционные институты для разобщения крестьянства и укрепления своего влияния на него.

Деформирующее воздействие на процесс дифференциации пакистанского крестьянства оказывает использование эксплуататорской верхушкой деревни закрепленных традиций патерналистских отношений, базирующихся на экономической основе (зависимости малоимущих и неимущих слоев деревни от зажиточной верхушки) и способствующих упрочению не только экономической власти, но и политического влияния имущих слоев деревни.

Материальная поддержка патрона, являющегося преимущественно крупным землевладельцем, обеспечивает некоторую безопасность существования его клиентов — малоимущих и неимущих крестьян, но «на условии их подчинения жесткому конформизму в поведении, образе жизни и мышлении»¹³⁶.

Патроно-клиентальные отношения служат основой для создания зажиточной верхушкой деревни различных фракционных группировок, объединяющих членов различных социальных слоев и групп. Деятельность этих организаций направлена главным образом на отвлечение трудящегося крестьянства от сплочения на классовой основе и на достижение экономических и политических целей эксплуататорских слоев деревни. Они обеспечивают поддержку сельскими трудящимися помещиков или их кандидатов в кампании по выборам в законодательные органы местного самоуправления, комитеты управления сельскими кооперативами и т. д.

Взаимодействие патерналистских отношений с клановыми, племенными, религиозными и другими связями, определяющими нормы поведения, образ жизни и мышление членов традиционных общностей, создает особую прочность системы традиционных социальных отношений и связей.

В условиях громадного аграрного перенаселения устойчивость традиционных социальных связей способствует сохранению внеэкономических отношений господства и подчинения в помещичьих хозяйствах не только традиционного, но и капиталистического типа. Так, в хозяйствах крупных и крупнейших традиционных помещиков Пенджаба, совмещающих традиционную агротехнику производства с современной, сочетаются докапиталистические и капиталистические формы эксплуатации. Причем, если в традиционном хозяйстве помещика господствуют докапиталистические формы эксплуатации, основанные на методах внеэкономического принуждения, то воспроизводство капитала в предпринимательском хозяйстве осуществляется на основе сочетания традиционных методов эксплуатации с методами капиталистического найма. Использование методов внеэкономического принуждения в предпринимательском хозяйстве традиционного помещика объясняется сохранением его тради-

ционной власти и влияния как в деревне, так и на национальном уровне.

Как отмечает пакистанский исследователь А. Хусейн, «чрезмерная экономическая власть позволяет помещику использовать неоплачиваемый труд (своих арендаторов.— С. Т.) в процессе производства в предпринимательском хозяйстве и увеличить таким образом его прибыльность»¹³⁷. Об этом свидетельствуют полевые исследования автора. Так, в хозяйстве крупного помещика округа Кэмпбеллпур (Панджаб) из 3122 акров земли 2625 акров сдавалось в традиционную издольную аренду. Арендаторы из поколения в поколение обрабатывали эти земли. Взаимоотношения помещика и его арендаторов основывались на отношениях господства—подчинения, позволявших первому нещадно эксплуатировать последних. Поэтому помещик пользовался неограниченной властью и влиянием. Как подчеркивает А. Хусейн, землевладелец обращается со своими арендаторами как традиционный феодальный помещик, вознаграждая за болезни и наказывая с расчетливой жестокостью. Он использует силу против арендаторов, отказывающихся отдать ему долю в урожай или оказывающих ему открытое неповиновение, не соглашаясь выполнять другие предписанные обычаем обязанности¹³⁸.

В Синде также получило распространение использование труда издольщиков (*хари*) в хозяйствах обуржуазивающихся помещиков в период уборки урожая¹³⁹. В хозяйствах помещиков, а также зажиточных крестьян методы внеэкономического принуждения не играют доминирующей роли. Там все большее распространение получает капиталистическая эксплуатация. Денежную зарплату получают не только срочные наемные рабочие, но и бывшие бесправные арендаторы, труд которых используется в предпринимательском хозяйстве землевладельца, причем размер зарплаты обычно устанавливается по рыночным ставкам.

Что касается форм эксплуатации в хозяйствах помещиков нового типа, представителей бюрократии (гражданской и военной), промышленников и городских торговцев, то в этих хозяйствах преобладают методы капиталистической эксплуатации. Это обусловлено главным образом тем, что упомянутая группа хозяев-предпринимателей не обладает традиционной властью и влиянием в деревне и потому не может использовать методы внеэкономического принуждения. Производство в хозяйствах этой группы хозяев-предпринимателей ведется на основе современной агротехники с помощью наемной рабочей силы—как правило, поденщиков.

Немаловажную роль в процессе дифференциации пакистанского крестьянства играют исламские традиции. Доктрины и ценности ислама оказали огромное влияние на формирование ценностных ориентаций пакистанских крестьян-мусульман. Коран, сунна и шариат буквально пронизывают все стороны жизни

мусульман пакистанской деревни, определяя их поведение в семье и обществе от рождения и до смерти.

Сохранение глубокой религиозности пакистанского крестьянства обусловлено факторами объективного и субъективного характера: диспропорцией в распределении земельной собственности, проявляющейся в малоземелье и безземелье подавляющего большинства крестьян; преобладанием в производственных отношениях докапиталистических форм эксплуатации, сочетающихся с капиталистическими, имеющих своим следствием массовую пауперизацию крестьянства; почти поголовной неграмотностью; политическим и социальным бесправием.

Важную роль в сохранении религиозности крестьянства играют деревенские служители культа — муллы, имамы. Особое место принадлежит в этом деле мечети. Мечети в Пакистане, как и в остальных мусульманских странах, не только являются местом богослужения, встреч и общения, но и выполняют роль регулятора жизни мусульманской общины. Они осуществляют в деревне функции социального контроля над жизнью сельского населения.

В мечетях решаются вопросы, касающиеся как религии, так и повседневной жизни крестьян. Смотрители мечетей — муллы и имамы — выполняют различные обрядовые и социальные функции и пользуются у почти полностью неграмотного крестьянства непререкаемым авторитетом и огромным влиянием. Своими духовными наставниками жители пакистанской деревни считают суфийских святых — *муршидов*, которые несут ответственность за «жизнь» своих последователей в потустороннем мире. В повседневной жизни пакистанской деревни огромным влиянием пользуются *пирь*, являющиеся преимущественно руководителями сект и суфийских орденов. Некоторым из них поклоняются как воплощению божества. Как подчеркивает пакистанский социолог М. И. Чаудхри, «последователи слепо верят своему пиру и готовы сделать для него все что угодно, лишь бы доставить ему удовольствие»¹⁴⁰. В наши дни последователи пиров Синда (Пагара, Джандо, Махдум Хала), «полосы пуштунских племен» (Хазрат Бахш Гул и др.), Панджаба исчисляются сотнями тысяч. Отдельные пирь занимают бизнесом, политической деятельностью, пользуются влиянием в административном аппарате деревни¹⁴¹.

Пирь используют свое влияние для того, чтобы держать в повиновении своих последователей, осуществлять неофициальный контроль в социальной, политической и экономической сферах деятельности. Поэтому пирь, являясь важной социальной силой, были и остаются спорой властей как в повседневной жизни деревни, так и в период проведения различных политических кампаний.

Значительную роль в сохранении глубокой религиозности пакистанских крестьян играет догмат ислама о предопределении. Он имеет решающее значение во всех проявлениях ислама, в

его догмах, идеях, морали, культуре, составляет главное содержание в религиозном воспитании и обусловлен социально-экономическими а также социально-психологическими факторами, многовековыми традициями и обычаями.

Фатализм пакистанского крестьянства укрепляется проповедями имамов и пиров: успех или неудача любого дела, большого или малого, щедрость природы или стихийное бедствие, спасение человека — все частично подчиняется выбору человека, но в основном зависит от недоступной познанию простого смертного воли Аллаха. «Пиры и моулви, являющиеся друзьями заминдаров (помещиков.— С. Т.), утешают хари догматом о судьбе (такдир). Веками они говорили бедняку, что он несчастлив, беден и деградирует потому, что бог сделал его таким и что это — его судьба, predeterminedенная ему богом, что богатство, роскошь и праздность, в которой купаются богачи, также predeterminedены богом, что нет мер против всего этого неравенства, так как оно predeterminedено испокон веков»¹⁴², — отмечалось в докладе Комитета хари.

Как подчеркивают ученые, обследовавшие деревни других районов страны, все сельские жители верили, что их судьба определяется богом, и считали, что человек бессилён предпринять какие-либо меры для предотвращения того, что ниспослано свыше: «Даже самые незначительные изменения в чьей-либо судьбе не могут быть результатом усилий человека»¹⁴³.

Фатализм крестьян проявляется также в их патриархальной преданности помещикам, в окружении последних ореолом набожных людей, совершающих богоугодное дело. И поэтому крестьяне убеждены, что богоугодные поступки помещиков дают им большие права на вознаграждение в потустороннем мире. Помещики, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы увековечить такое отношение крестьян.

Крайняя бедность, религиозный фатализм и всемогущество помещиков и местной администрации имеют своим следствием беспомощность и слепое следование сельских жителей за традиционалистскими лидерами. Поэтому, как подчеркивает Х. Б. Сайид, «крестьянин — последователь пира и арендатор своего помещика, который в такой местности, как Синд, может согнать его с арендуемой земли без труда. Ясно, что, живя в таких условиях и будучи бессильным, он будет голосовать за кандидата пира или помещика, так как он считает, что бог наделил авторитетом сильных мира сего, он же должен покоряться своей судьбе»¹⁴⁴.

Трансформация традиционного сознания пакистанского крестьянства существенно осложняется исламизацией всех сторон общественной жизни, проводимой режимом Зия уль-Хака и проявляющейся в воскрешении средневековых традиций ислама. Предусматривая вовлечение в сферу религиозного санкционирования различные формы общественного и индивидуального сознания, исламизация становится наиболее важным препятстви-

ем на пути модернизации традиционных социальных отношений и связей¹⁴⁵.

В целом, несмотря на живучесть традиционных общественных отношений как в сознании пакистанского крестьянства, так и во всей социально-политической системе сельской общины, нельзя не отметить, что начиная с конца 60-х годов все большую силу начал приобретать процесс размывания традиционных (религиозных, клановых, родо-племенных, кастовых) связей по мере становления сельскохозяйственного производства на путь капиталистического развития. Еще заметнее то, что под действием роста капитализма в сельском хозяйстве быстрее и активнее протекает процесс «раскрестьянивания» крестьянства, т. е. выделения из него зажиточной буржуазизирующейся верхушки и широких масс безземельных сельскохозяйственных рабочих — сельского пролетариата. Именно за счет разоряющихся мелких и мельчайших крестьянских собственников, а также за счет лишившихся прав на землю, согнанных арендаторов происходит пополнение армии сельскохозяйственных наемных рабочих. Наемный труд, по словам В. И. Ленина, «главный признак и показатель капитализма в земледелии»¹⁴⁶, и постепенное увеличение численности сельскохозяйственных рабочих, наблюдаемое в 60—70-х годах, является убедительным свидетельством капиталистической трансформации социальной структуры пакистанской деревни.

В 1972 г. общая численность частных землевладельческих хозяйств, в которых использовался труд постоянных рабочих, составляла 263 тыс., а число хозяйств с сезонными рабочими равнялось 1101 тыс. Численность постоянных сельскохозяйственных рабочих составила 512 тыс. человек¹⁴⁷.

К сельскохозяйственным рабочим относится подавляющая часть мелких и мельчайших арендаторов, а также крестьяне, номинально являющиеся собственниками, но живущие за счет аренды и наемного труда («рабочие с наделом»). В 1961 г. из 3253 тыс. сельскохозяйственных рабочих безземельными были лишь 565 тыс., или около 17%; остальные рабочие либо арендовывали землю, либо владели небольшими клочками земли и соответственно относились к слою мелких крестьян¹⁴⁸. (По словам В. И. Ленина, четкая социально-классовая граница между безземельным рабочим и мелким крестьянским собственником фактически отсутствует¹⁴⁹.)

В 1980 г. из общего числа 5,7 млн. сельскохозяйственных наемных рабочих на долю согнанных с земли арендаторов приходилось лишь около 14% (0,79 млн. человек), остальные 86% рабочих в той или иной форме были связаны с землей¹⁵⁰.

За период независимого развития Пакистана общая численность безземельных крестьян (арендаторов и безземельных рабочих) возросла незначительно, поскольку наблюдалось заметное сокращение числа арендаторов, а рост численности сельскохозяйственных рабочих происходил, в частности, за счет увели-

чения категории мелких и мельчайших крестьянских собственников, которые были вынуждены приарендовывать землю вследствие малых размеров собственных владений.

Увеличение численности сельского населения наряду с растущей механизацией сельского хозяйства значительно обострили в 70-е годы проблемы неполной занятости в сельской местности. Исследование, проведенное МОТ в 1975 г., показало, что в крупных хозяйствах один трактор заменяет пять арендаторов или наемных рабочих, а затраты труда на 1 га сокращаются на 23%¹⁵¹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что безработица относительно невелика именно в высокоразвитых районах Панджаба, на которые приходится максимальный процент механизированных хозяйств. Некоторые пакистанские исследователи справедливо указывали, что структура занятости в сельском хозяйстве сильно варьирует по различным районам независимо от степени механизации. Так, долины Панджаба весьма плодородны и имеют хорошо развитую ирригационную сеть, поэтому в сельском хозяйстве провинции круглый год требуются рабочие руки. Сельская безработица особенно велика в относительно отсталых сельскохозяйственных районах СЗПП и Белуджистана, где она носит в основном докапиталистический характер.

Во время выборочного социально-экономического обследования, проведенного в панджабской деревне в 1978 г., не было встречено ни одного случая неоплаты наемного труда. Все опрошенные сельскохозяйственные наемные рабочие получали заработок либо деньгами, либо натурой. Однако даже в рамках самого Панджаба существовали большие различия между отдельными районами в отношении номинальной заработной платы и рыночных ставок. Например, в районах вокруг промышленного кольца Панджаба (Фейсалабад, Гуджранвала, Шеххупура) практически не было различий между рыночными и действительными, реальными ставками. Это объяснялось тем, что, во-первых, преобладавшие здесь по площади земельной собственности средние помещики (владения которых составляли 20—60 га) не имели большого контроля над арендаторами и не могли широко использовать арендаторский труд в собственном хозяйстве; во-вторых, безземельные крестьяне, выступавшие в роли сельскохозяйственных рабочих, могли получить работу в городе.

С другой стороны, в менее развитых районах Панджаба (например, округа Мултан, Сахивал) в большей степени сказывалось влияние крупных помещиков, обладавших освященной традицией властью над арендаторами и батраками. Здесь сельскохозяйственный рабочий в хозяйстве традиционного помещика получал только 8 рупий в день по сравнению с рыночной ставкой в 12—14 рупий¹⁵².

По данным сельскохозяйственной переписи 1972 г., труд постоянных и сезонных сельскохозяйственных рабочих применялся

во многих сельскохозяйственных хозяйствах Панджаба — соответственно 204 тыс. и 800 тыс. хозяйств. Общее число постоянных сельскохозяйственных рабочих составило в провинции в 1972 г. 342 тыс. человек¹⁵³.

Технико-экономическая модернизация земледелия в Синде не имела столь заметных успехов, как в Панджабе. Вследствие относительно невысокой степени механизации, сохранения докапиталистических форм аренды в Синде наблюдалось ограниченное применение наемного труда. По официальным данным, в 1972 г. в провинции труд постоянных наемных рабочих применялся лишь в 45 тыс. хозяйств; число постоянных рабочих составляло примерно 98 тыс.¹⁵⁴.

В середине 70-х годов наемный труд применялся в основном в хозяйствах крупных помещиков Синда, причем в них наемный труд использовался даже более интенсивно, чем в аналогичных хозяйствах соседнего Панджаба. На рубеже 70—80-х годов в синдской деревне наблюдалось резкое увеличение армии наемного труда вследствие широкого развития современного предпринимательского хозяйства, особенно в пригородных районах, вокруг крупных промышленных центров. Основным итогом сельскохозяйственной модернизации в сочетании с живучестью традиционных аграрных отношений в Синде стало углубление классовых диспропорций, рост социальной напряженности.

Применение наемного труда в СЗПП ограничено в основном округами Пешавар и Мардан, однако, как правило, батраков и поденщиков нанимают средние и даже мелкие крестьяне. Так, по данным на 1972 г., постоянных сельскохозяйственных рабочих нанимали 8% мелких крестьянских и 13% средних крестьянских хозяйств по сравнению с 12,8% средних помещичьих и 19,0% крупных помещичьих хозяйств¹⁵⁵. Следует при этом подчеркнуть, что выделяемое пакистанской статистикой применение наемного труда крестьянами нередко свидетельствует о распространении отношений трудовой взаимопомощи, обмене трудом в рамках системы «взаимных услуг» и других традиционных связей.

При сложившейся системе землепользования в основе социальных конфликтов в пуштунской деревне выступали не арендные отношения, а проблемы, связанные с положением малоземельных крестьян, владевших ничтожными клочками земли.

В Белуджистане, как и в СЗПП, наемный труд не получил столь широкого распространения, как в относительно развитых сельскохозяйственных районах Панджаба и Синда. В 1972 г., по данным сельскохозяйственной переписи, в этой наиболее отсталой пакистанской провинции насчитывалось лишь 18,8 тыс. постоянных сельскохозяйственных рабочих; количество хозяйств, использовавших труд постоянных рабочих, составило 9 тыс., а использовавших труд сезонных рабочих — 12 тыс.¹⁵⁶.

Рост численности безземельных сельскохозяйственных рабочих за счет разорения мелких крестьянских собственников, а

также за счет сгона арендаторов с обрабатываемых ими участков — сложная проблема пакистанской деревни, хотя она не приняла столь широких масштабов, как в некоторых сопредельных странах Южной Азии. Социальным последствием этого процесса помимо роста неполной занятости и безработицы в деревне становится увеличение численности городского населения за счет сельско-городской миграции.

Миграция из сельской местности в город носит, как правило, сезонный характер. Современная технология — тракторы, скважинная ирригация, высокосухожарные сорта зерновых — применяются в основном во время посевных работ. Однако в период уборки урожая основные сельскохозяйственные работы ведутся примитивными способами, и именно в этот сезон наблюдается острая нехватка рабочих рук, особенно в развитых районах Панджаба. Эти различия в использовании современной и традиционной агротехники в процессе сельскохозяйственных работ ведут к сезонным колебаниям в занятости и ставках заработной платы в сельской местности. Выборочные обследования, проводившиеся в сельском Пакистане в 70-е годы, показали, что максимальный отток рабочей силы из сельской местности наблюдается в период посевных работ, в то время как значительная часть сельских жителей (как безземельных рабочих, так и ушедших на заработки в город малоземельных крестьян) возвращается в деревню во время уборки урожая.

В начале 80-х годов общая численность сельских пролетарских слоев, а также полупролетариев (куда мы относим мельчайших крестьянских собственников, находящихся на грани полного разорения) составляла около 60% в общей социальной структуре деревни. По своему социально-экономическому статусу на одном с ними уровне находятся различные предпролетарские слои, которые в процессе капиталистической эволюции аграрных отношений постепенно становятся сельскими пролетариями, теряя свой докапиталистический облик. К данной группе сельских низов мы относим ремесленников, мелких лавочников, «слуг общины» и других, которые составляют, по приблизительно данным, не менее 12% сельского населения всей страны.

Как отмечал В. И. Ленин, «отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя или от наемного рабочего не всегда легко; для этого необходим экономический разбор данных о каждом мелком промышленнике»¹⁵⁷. Единственным элементом развития, присущим данному социальному слою деревни, является «отход ремесленников на заработки в другие местности»¹⁵⁸. В пакистанской деревне в 60—70-е годы происходило постепенное размывание слоя ремесленников, которые откосились к беднейшим слоям сельского населения, многие из которых, лишившись постоянной работы и источников пропитания, переселялись в города. Вместе с тем сохранявшие свою силу системы традиционных социальных отношений служили в

определенной степени механизмом удержания в деревне низших социальных слоев.

Примером может служить сохраняющаяся в отсталых районах Панджаба система традиционных связей между заминдарами и «слугами общины» (*сейп*). (Эта система в целом аналогична распространенной в Индии системе *дждаджмани*, хотя и не закреплена в форме овященных религией межкастовых отношений.) Основным источником доходов прослоек «слуг общины» (*камми*), куда входят кузнецы, плотники, гончары, ткачи, пекари, портные, мелкие лавочники и другие, являются традиционные услуги, а также сельскохозяйственные работы на заминдара в период сева и уборки урожая. Как правило, помощь камми землевладельцам в период страды входит в систему традиционных общинных связей и оплачивается по низким расценкам. Выборочное обследование, проведенное в сельском Панджабе, в 1971—1972 гг., показало, что, как правило, средний доход, приходящийся на хозяйства «слуг общины», составляет 18—40% дохода заминдара; в основном средний уровень доходов камми, особенно тех, кто не был непосредственно связан с сельским хозяйством (портные, лавочники и др.), был равен доходу среднего арендатора¹⁵⁹.

В 70-е годы в панджабской деревне профессиональные кастовые группы составляли примерно 15% сельского населения. Вследствие становления современного капиталистического производства и кризиса традиционного хозяйства многие ремесленники и «слуги общины», лишаясь профессиональной занятости, превращались в сельскохозяйственных рабочих — сельских пролетариев. Например, отмеченное выше выборочное обследование показало, что в начале 70-х годов в традиционных видах услуг было занято только 16,7% «слуг общины», в то время как большая часть камми (65,4%) так или иначе была связана с сельскохозяйственным производством. При этом 12,5% камми работали только в сельском хозяйстве; по-видимому, это как раз те ремесленники и представители традиционного обслуживающего населения, которые превратились в сельскохозяйственных рабочих. Относительное большинство камми (22,9%) совмещало работу в сельскохозяйственной сфере с выполнением традиционных услуг¹⁶⁰.

В настоящее время трудно провести четкую границу между сельскохозяйственными рабочими и традиционными «слугами общины», поскольку часто один и тот же деревенский житель может выступать и в качестве наемного батрака, и в качестве сельского ремесленника — в зависимости от периода сельскохозяйственных работ, который определяет спрос на рабочую силу. Поэтому вполне правомерно объединение этих различных прослоек в одну социальную группу.

Общая численность семей деревенских жителей, непосредственно не связанных с земледелием (ремесленники, слуги, различные торговцы), составляла в начале 80-х годов около 3 млн.

человек¹⁶¹. Помимо рассмотренных выше низших слоев этих инородных для деревни элементов следует сказать несколько слов о такой профессиональной группе, как сельские торговцы, которые, в свою очередь, широко различаются по социально-имущественному положению и могут быть расчленены на несколько горизонтальных слоев.

В целом в сельской местности в сфере торговли на рубеже 70—80-х годов было занято около 6% самодеятельного населения. Проникновение в сельскую местность городской торговли, возросшая степень втянутости сельского хозяйства в товарное производство — все эти факторы сказались на увеличении численности сельских торговцев и лавочников. В крупных селах, имеющих рыночное значение, удельный вес сельских торговцев достигал иногда 25% по сравнению с 5% в небольших, отдаленных от рыночных центров деревнях¹⁶². Как уже было отмечено выше, наиболее крупные представители в определенной степени связаны с представителями класса помещиков, поскольку часто крупный торговец одновременно являлся и крупным земельным собственником. Что же касается средних и низших слоев сельских торговцев, то их социально-экономический статус определялся, как правило, обслуживаемым ими контингентом земледельцев: средние торговцы и посредники обслуживали в основном средних и зажиточных крестьян, скупали зерно у мелких товаропроизводителей, в то время как мелкие лавочники и торговцы, часто относившиеся к категории «слуг общины», работали в основном на мельчайших собственников-крестьян, на арендаторов или ремесленников.

Глава IV

ПАКИСТАНСКИЙ ГОРОД

Общая характеристика

К городам в Пакистане относят населенные пункты с числом жителей более 5 тыс., которые обладают некоторыми чертами поселения городского типа (форма городского самоуправления, коммунальные удобства и т. п.), а также административные центры, даже если их население не превышает этой цифры¹. Эти критерии городских населенных пунктов, не во всем совпадая с принятыми в других странах, остаются неизменными с колониальных времен, что позволяет без поправок и оговорок рассмотреть данные об абсолютном и относительном росте городского населения на территории Пакистана с начала века (табл. 25)².

Таблица 25

Рост городского населения Пакистана

Год	Все население, тыс. человек	Городское население, тыс. человек	Доля городского населения, %
1901	16 576	1 619	9,8
1911	19 382	1 689	8,7
1921	21 109	2 058	9,8
1931	23 542	2 769	11,8
1941	28 282	4 015	14,2
1951	33 780	6 019	17,8
1961	42 880 (46 110)*	9 654	22,5 (20,9)*
1972	65 309	16 593	25,4
1981	83 782	23 726 (23 901)**	28,3 (28,5)**

* Согласно поправке (+7,5%) Плановой комиссии Пакистана, введенной в связи с неполной регистрацией, и допуская, что недоучет имел место лишь в сельской местности.

** С поправкой (+75 тыс. человек) согласно официальной оценке недоучета городского населения.

Как следует из приведенных данных, доля городского населения в Пакистане за восемь десятилетий нынешнего века существенно увеличилась, а численность возросла в 15 раз.

В начале столетия горожанином был каждый десятый, а к 1981 г.— каждый третий-четвертый житель страны. Заметно ускорение темпов роста численности и удельного веса горожан в период после завоевания независимости. За три десятилетия суверенного развития Пакистана численность городского населения выросла более чем на 17 млн., а его доля — почти на 11%. По прогнозам, число горожан к концу века возрастет примерно до 60 млн., что составит около 40% всего населения страны³. Таким образом, предполагается (на основе экстраполяции существующих тенденций) более чем двукратное увеличение городского населения при сосредоточении $\frac{2}{5}$ пакистанского населения в городах.

Какие же факторы лежат в основе роста городского населения? Прежде всего экономические, связанные с повышением производительности общественного труда и переходом растущей доли дееспособного населения к занятиям несельскохозяйственным и нефизическим трудом. Далее, это связанные с экономическими социально-политические факторы: увеличение и усложнение системы политического управления обществом, происходящие на основе углубления общественного разделения труда, расширение сферы государственных, общественных и частных услуг. Отдельное место занимает третья группа факторов городского роста. Если первые две являются следствием прогресса на пути развития производительных сил общества, то третья связана с противоречиями этого развития, осуществляемого в специфической, капиталистической форме. Одной из важнейших сторон этих противоречий является существование громадных масштабов относительного перенаселения и возникающей в результате относительной самостоятельности, автономности и демографического фактора.

Общие условия роста преломляются в ряд непосредственных причин, источников или компонентов увеличения городского населения, таких, как пополнение городов за счет мигрантов из сельских районов, а также иммигрантов (лиц, прибывших из других стран), как естественный рост горожан и расширение городских районов за счет реклассификации (отнесение сельских населенных пунктов к разряду городских либо расширение границ городов с включением в них примыкающих сельских поселений). При статистическом анализе эти источники увеличения городского населения, как правило, сводятся к двум основным компонентам — естественному росту численности горожан и их пополнению за счет внутренней и внешней миграции и реклассификации. Ведущее место принадлежит здесь первому компоненту.

Посмотрим, какова относительная роль компонентов прироста городского населения Пакистана, о чем можно судить путем сравнения данных о естественном росте всего населения (признаваемого одинаковым для сельского и городского) и темпах увеличения численности жителей городов (%)⁴:

	1921— 1931 гг.	1931— 1941 гг.	1941— 1951 гг.	1951— 1961 гг.	1961— 1972 гг.	1972— 1981 гг.
Естественный прирост	11,5	20,1	19,4	36,7	41,6	28,5
Прирост городского населения	34,6	45,0	49,9	60,4	75,0	43,9
Новые горожане (% к городскому населению на начало периода)	23,1	24,9	30,5	23,7	33,4	15,4
Пополнение городов как источник городского роста	66,8	55,3	61,6	39,2	44,5	35,1

Из приведенных данных видно, что относительное значение двух главных источников городского роста на протяжении шести десятилетий претерпело весьма существенные изменения. На первых этапах, когда темпы естественного прироста были невелики, «масса» горожан была небольшой, преобладал фактор нового пополнения, в первую очередь за счет сельско-городской миграции. Но уже в 30-е годы значение последнего несколько снижается. Данные за 1941—1951 гг. отразили резко возросшую роль внешней миграции вследствие притока беженцев-мусульман после раздела Британской Индии и их тяготения к городам.

В период после обретения народами Пакистана своей государственности значение нового пополнения для роста городского населения заметно снижается. На первый план выходит фактор естественного увеличения численности горожан. Происходит это как вследствие усилившихся темпов демографического роста, так и по причине возросшей относительной их массы.

Действию этих факторов не могла противостоять несколько возросшая интенсивность оттока сельского населения в города (%)⁵:

	1921— 1931 гг.	1931— 1941 гг.	1941— 1951 гг.	1951— 1961 гг.	1961— 1972 гг.	1972— 1981 гг.
Ушедшие из деревень (% к сельскому населению на начало периода)	2,5	3,3	5,0	5,4	8,0	5,2
Уровень миграции (среднегодовой отток)	0,25	0,34	0,45	0,55	0,65	0,6
Ушедшие из деревень (% к естественному приросту)	21,5	16,4	25,8	14,7	19,2	18,4

Как следует из приведенных данных, уровень миграции в течение трех десятилетий суверенного развития Пакистана был несколько выше, чем в колониальный период. Но если учитывать возросшие темпы естественного прироста (т. е. значение

ухода из деревни для численности сельского населения), то разница оказывается незначительной. По сравнению с 50-ми годами интенсивность притока деревенских жителей в города в 60—70-е годы несколько выросла. Объясняется это, очевидно, возросшей «выталкивающей» силой деревень и увеличивающимся, хотя и медленно, притяжением городов. Уровень сельско-городской миграции в 60—70-е годы, по всей вероятности, являлся заметно более высоким, чем в первое десятилетие независимого развития Пакистана, так как в категорию «ушедших из деревень» в 50-е годы попало особенно много жителей населенных пунктов, чей статус был изменен с сельского на городской.

Надо отметить, что фактор реклассификации не имел вплоть до этого времени существенного значения как источник городского роста. Список городов оставался в начале века весьма стабильным. Некоторое увеличение числа городских центров происходило постепенно и было ограниченным. Но в период между 1951 и 1961 гг. имело место резкое увеличение количества населенных пунктов, впервые признанных городскими. Общее число городов возросло почти наполовину — с 213 до 315, а количество жителей в новых городах составило, по нашим подсчетам, 615 тыс. человек, или почти 17% всего прироста горожан⁶. По другой оценке, очевидно включающей и расширение границ «старых» городов, реклассификацией объясняется 28% прироста городского населения⁷. Между переписями 1961 и 1981 гг. число городов выросло лишь до 407, и фактор реклассификации, очевидно, «ответствен» за меньшую долю прироста горожан.

Рассмотрев динамику роста городского населения и основные — общие и конкретные — его причины, необходимо теперь для полноты представления о городском населении взглянуть на его внутреннюю композицию, структуру, ибо города в Пакистане, как и в большинстве других развивающихся странах Востока, в настоящую эпоху весьма различны по типу. Наряду с крупными современными городами, центрами экономической и политико-культурной активности, имеются небольшие традиционные города и слой мелких полугородских-полусельских поселений.

Как видим, в структуре городского населения за три десятилетия суверенного существования страны произошли заметные изменения. В начале 50-х годов на крупнейшие города приходилась примерно треть горожан, и положение в этом отношении мало изменилось за первое десятилетие. Зато к 1972 г. численность населяющих такие города жителей превысила половину всего городского населения. При этом, правда, сократилась доля городов с числом жителей от 100 тыс. до 500 тыс., но если рассматривать две эти категории вместе, то относя их по установившейся традиции к большим городам, то станет заметной и очевидной тенденция к растущей концентрации в них горожан. Степень такой концентрации и в начале 50-х годов была до-

вольно существенной: в городах-«стотысячниках» проживало 54% городских жителей. К 1961 г. доля населения больших городов возросла почти до 60%, в 1972 г. достигла 64%, а в начале 80-х годов — 67%.

Таблица 26

Структура городского населения Пакистана (распределение по городам различных размеров категорий людности), %

Категория людности	Год			
	1951	1961	1972	1981
I (свыше 500 тыс.)	32,3	33,4	50,2	53,0
II (от 100 тыс. до 500 тыс.)	21,4	25,8	13,7	14,4
III (от 50 тыс. до 100 тыс.)	7,2	7,3	7,3	9,0
IV (от 25 тыс. до 50 тыс.)	13,6	11,4	10,1	9,1
V (от 10 тыс. до 25 тыс.)	13,3	12,0	13,1	11,5
VI (менее 10 тыс.)	12,2	10,2	5,6	3,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: Census of Pakistan 1951. Vol. 1. Karachi, [6. г.]; Population Census of Pakistan 1961. Vol. 4. Karachi, [6. г.]; Population Census of Pakistan 1972. Census Bulletin № 1. Islamabad, 1973; Housing and Population Census of Pakistan 1980—1981. Census Bulletin № 1. Islamabad, 1981.

Итак, в крупных и крупнейших городах сосредоточено $\frac{2}{3}$ жителей пакистанских городов и только $\frac{1}{3}$ приходится на остальные — средние, малые и мельчайшие городские поселения. Кстати, доля жителей последних (менее 10 тыс.) сократилась за 1961—1981 гг. вчетверо. Во всех малых городах (менее 25 тыс. жителей) в 1951 г. проживала ровно четверть городского населения, а в 1981 г. — только $\frac{1}{7}$. Пропорция проживающих в средних городах (с числом жителей от 25 тыс. до 100 тыс. — III и IV категории в табл. 26) несколько снизилась — с 21 до 18%.

Еще более наглядно о тенденциях роста городов разных размеров позволяют судить данные табл. 27. Из них следует, что число жителей в крупнейших городах возросло за 30 лет более чем в 6 раз, а общая численность горожан — в 4 раза. Если рассматривать динамику крупных (более 100 тыс.), средних (от 25 тыс. до 100 тыс.) и малых (менее 25 тыс.) пакистанских городов, то увидим, что за период с 1951 по 1981 г. численность жителей первой категории увеличивалась в среднем в год на 5,6%, второй — на 4,3, а третьей — на 2,8%. Следовательно, крупные города росли ровно вдвое быстрее мелких, а увеличение числа жителей последних отставало от общего роста населения (3,1% в год).

Из этого нетрудно сделать вывод, что городское население Пакистана росло главным образом за счет немногих крупных

городов. Численность жителей в мельчайших городских поселениях между 1951 и 1981 гг. сократилась. Малые города в целом, как следует из сравнения их темпов роста с общенациональными, не привлекали, а теряли жителей. Их относительная депопуляция компенсировалась расширением не только больших, но и средних городов, хотя главный поток мигрантов, безусловно, устремлялся в крупнейшие центры и именно они проявляли наибольшую тенденцию к «расползанию», расширению своих границ за счет близлежащих деревень.

Таблица 27

Рост населения городов различных размеров,
тыс. человек

Категория людности	1951 г.	1961 г.	1972 г.	1981 г.	Рост за 30 лет, %	Средне-годовой темп роста, %
I (свыше 500 тыс.)	1918	3209	8 272	12 657	660	6,5
II (от 100 тыс. до 500 тыс.)	1270	2476	2 252	3 451	272	3,4
III (от 50 тыс. до 100 тыс.)	426	702	1 198	2 152	505	5,6
IV (от 25 тыс. до 50 тыс.)	805	1101	1 666	2 188	272	3,4
V (от 10 тыс. до 25 тыс.)	789	1169	2 162	2 739	347	4,2
VI (менее 10 тыс.)	724	997	917	714	99	—*
Все городское население	5932	9654	16 467**	23 901	403	4,8

* Меньше 0,05%.

** Небольшие отличия этих цифр от приведенных в начале главы объясняются различиями в использованных исходных данных.

Источники: Census of Pakistan 1951. Vol. 1. Karachi, [6. г.]; Population of Pakistan 1961. Vol. 4. Karachi, [6. г.]; Population Census of Pakistan 1972. Census Bulletin № 1. Islamabad, 1973; Housing and Population Census of Pakistan 1976—1981. Census Bulletin № 1. Islamabad, 1981.

В 1951 г. насчитывалось всего два пакистанских города с числом жителей более полумиллиона — Карачи и Лахор. К 1972 г. их число выросло до шести, а к 1981 г. — до восьми. Несмотря на эти перемены, в конфигурации ведущих городских центров существенных перемен не произошло. Вследствие образования Пакистана и под влиянием последствий раздела Британской Индии главным городским центром долины Инда стал Карачи (до 1947 г. им был Лахор). Главенствующая роль Карачи остается до сих пор неизменной. Его население выросло с 1,1 млн. в 1951 г. до 5,1 млн. человек по переписи 1981 г. Но вполне вероятно, что численность карачинского населения в обоих случаях занижена (на начало 80-х годов в городе, по ряду оценок, насчитывалось около 7 млн.). Но и по официальным данным, Карачи выделяется среди других городских центров. В нем сосредоточена примерно пятая часть горожан (21%). Если сравнить официальную численность его населения с чис-

лом жителей в трех других, следующих за ним по величине городских центрах страны (т. е. использовать распространенный в литературе прием определения так называемого индекса главенства), то окажется, что в 1981 г. число его жителей впервые превысило численность населения в трех других крупнейших городах. «Индекс главенства» возрос с 0,8 в 1951 г. до 1,06 в 1981 г.

Ведущая роль Карачи в экономике страны была особенно заметна в 50-е годы, когда в этом городе происходило активное производственное строительство и исключительную важность приобрело его положение в качестве морских ворот Пакистана. Несмотря на некоторое снижение впоследствии экономической роли города, его доля в продукции крупной промышленности и в наличных транспортных средствах, по данным на вторую половину 70-х годов, составляла 45%, в банковских депозитах — 50, в поступлениях в государственную казну — 25, в ВВП — 15%⁸.

Лахор — второй по величине город (в 1981 г. его население достигло почти 3 млн.). Он является центром национального значения и столицей Панджаба («сердца Пакистана»). В 60—70-е годы темпы роста жителей города увеличились — вслед за расширением его экономических и политических функций, но остаются ниже, чем у Карачи.

Третьей, условно говоря, национальной, городской агломерацией является столица страны Исламабад вместе с непосредственно примыкающим к нему городом Равалпинди, временной столицей Пакистана в 60-е годы. Число жителей Равалпинди к 1981 г. превысило 800 тыс., а Исламабада — 200 тыс., так что вкуче они составляют миллионный город. Темпы роста этого нового городского образования были высокими (в 1961 г. население Равалпинди насчитывало всего 340 тыс., а на месте Исламабада располагалось несколько деревень), но лишь немного выше, чем Карачи.

Для трех названных городских агломераций Пакистана показательно то, что они сочетают выполнение разнообразных в общенациональном масштабе функций: административно-политической, промышленной, торгово-транспортной и культурной. Комплексность градообразующей базы обеспечивает рост их удельного веса в городской структуре Пакистана. Если судить по числу жителей, то они занимают в ней место, соответствующее примерно $\frac{2}{5}$ ⁹.

Вслед за общенациональными идет несколько крупных городов провинциального значения и ведущих промышленных центров. Среди последних выделяется Фейсалабад (до 1977 г. — Лаялпур). Это третий по величине населения городской центр страны (в 1981 г. его население превысило 1 млн.) с ярко выраженной экономической специализацией. Город стремительно вырос в 50—60-е годы благодаря строительству крупнейших в стране текстильных предприятий. Кроме того, располагаясь в

центре богатого в сельскохозяйственном отношении района, он играет роль «сборного пункта» продукции земледелия (прежде всего пшеницы и хлопка), а также главного исследовательского и учебного центра в области сельскохозяйственных наук.

Растущее промышленное значение приобретает другой панджабский город — Гуджранвала, выросший до полумиллионного в основном за 70-е годы. Четыре других города-«полумиллионера» являются центрами провинций и областей. Их отличает комплексная функциональная структура. Наиболее крупный из них — Хайдарабад — является вторым по величине городом Синда, центром его внутренних (удаленных от моря) районов. Древний город Мултан, центр специфичной южной области Панджаба, имеет также значение промышленного. Наиболее быстро среди крупных городов в 1972—1981 гг. рос Пешавар, административный центр Северо-Западной пограничной провинции. По данным последней переписи, его население превысило 550 тыс. человек. Менее крупным, но также быстро выросшим за 70-е годы является центр провинции Белуджистан — Кветта (около 300 тыс. человек в 1981 г.).

Перечисленные шесть городов, чье население быстро росло в 70-е годы и составило на 1981 г. примерно 17% горожан, образуют, на наш взгляд, отдельную ступень в «лестнице» пакистанских городов. Ниже их располагается примерно полусотня крупных и средних городов (с числом жителей от 50 тыс. до 300 тыс.). Они выполняют две, реже три, градообразующие функции, являясь, как правило, центрами административных единиц (областей и округов) и рыночными городами (централиными для достаточно обширной сельскохозяйственной округи). К этим функциям может добавляться промышленная и (или) транспортная. Благодаря увеличению сельскохозяйственного производства и расширению административной системы численность жителей в этих городах быстро возрастала в 60-е и особенно в 70-е годы и к 1981 г. превысила пятую часть городского населения.

Последнюю, четвертую ступень функциональной «лестницы» занимают малые города (менее 50 тыс. жителей). Эти населенные пункты имеют, как правило, одну, реже две, градообразующие функции, являясь чаще всего административными центрами районов или подрайонов, военными поселениями (кантонментами), промышленными поселками, небольшими торговыми местечками. Число малых городов в 1961, 1972 и 1981 гг. было довольно стабильным — соответственно 293, 347 и 345, а доля их жителей в 1981 г. снизилась по сравнению с 1972 г. с 29 до 24%.

Группа малых городов отличается тем, что именно она, пожалуй, определяет наибольшие различия в городской структуре провинций. Так, в начале 50-х и в 60-х годах, эти города составляли характерную черту городского «пейзажа» Панджаба. В дальнейшем значение небольших городских поселений в

этой провинции заметно снизилось, особенно мельчайших полугородских-полусельских пунктов, где, по данным последней переписи, проживало менее 2% панджабских горожан.

В Синде этой тенденции не наблюдалось. Доля малых городов, согласно сведениям всех четырех переписей, проведенных пакистанским государством, в структуре жителей сохранялась примерно на одном уровне, при этом за 1961—1981 гг. произошло почти двукратное увеличение их числа. Основной причиной такого явления нужно считать достаточно быстрое аграрное развитие провинции, освоение новых земель и появление в результате потребности в новых «складских» центрах, торгово-транспортных узлах в слабообжитых и относительно редкоселенных районах¹⁰.

В малых городах СЗПП в 1951 г. проживало 80% городских жителей, а к 1981 г.— только 30%. Столь радикальные перемены объясняются как переходом части малых городов в более «солидную» категорию, так и исключительной стабильностью состава городских центров. В Белуджистане, напротив, как число, так и удельный вес жителей малых городов увеличились. В этой провинции распространенность и значение мельчайших поселений (с числом жителей менее 10 и даже 5 тыс. человек) больше, чем в какой-либо другой. Причина прежде всего в низкой плотности населения, с чем связано выполнение небольшими центрами политико-административных функций. Но кроме объективных причин имеются и субъективные — отношения администрации разных провинций к возведению населенных пунктов в формально-правовой статус городов¹¹.

Рассмотрев всю «лестницу» городов Пакистана, можно заключить, что они образуют как бы две пирамиды, отличающиеся в первую очередь функциональными признаками. Одна из них, чьим основанием являются крупнейшие центры (городские агломерации), обязана происхождением и развитием складыванию системы национальной экономики и централизованной политической власти. Эта перевернутая пирамида, обращенная вершиной вниз и включающая некоторые средние и мелкие города (в основном промышленные и военно-административные), соприкасается с другой, состоящей из городских поселений местного значения. Роль вершины в последней играют средние и даже крупные города, где происходит взаимное перекрещивание и сочетание функциональных линий, идущих «сверху вниз» и «снизу вверх».

Типы составляющих обе пирамиды городов отличаются не только по выполняемым функциям. В основе различий лежит их социально-экономический характер, господствующие там способы хозяйствования. Города второй функциональной сети, связанные в основном с обслуживанием сельскохозяйственной округи, специализируются на торговле и различных посреднических операциях. Основной хозяйственный уклад в них — мелко-товарный, однако этот уклад существует уже в тесной связи,

а отчасти в системе жесткого взаимодействия с укладом крупнооптовой торговли, подчиняясь ее законам и предписаниям. Элементы монополии вносит в рыночную стихию и деятельность государственных органов по закупке зерна. Подчиненность низших укладов законам высших в градообразующих (торгово-посреднических) отраслях сочетается с более свободным проявлением их «мелкомасштабной» природы в других, градообслуживающих отраслях (ремонтно-поделочных работах, розничной торговле, земледельческих анклавах в черте города, сфере услуг).

В больших городах, основе первой городской сети, главным является крупнокапиталистический сектор. Высшие уклады выступают в них как наиболее динамичные, выполняющие в основном градообразующие функции. Они вовлекают в свою сферу от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ и более рабочей силы (экономически активного населения). Низшие уклады сосредоточены по преимуществу в градообслуживающих отраслях.

Характеристика пакистанских городов будет неполной, если не сказать об особенностях их застройки, социально-бытовых условиях и некоторых чертах социально-демографической структуры.

Жилые строения пакистанских городов подразделяются на пять типов. К первому относятся дома с кирпичными, бетонными и каменными стенами и крышами из железобетонных или цементных плит. Их в Пакистане называют *пакка* (на языке урду это означает «готовый», «прочный»). Второй тип строений отличается от первого крышей — деревянные перекрытия и настил из кирпича или других материалов. К третьему типу принадлежат глинобитные постройки (или из обожженного кирпича или камня). Дома двух последних категорий относят к разряду *семипакка* («полуготовых», «полупрочных»). Четвертая категория — это глинобитные строения и постройки из необожженного кирпича, называемые *качча* («непрочные», «сырые»). Наконец, к пятой относятся строения из дерева и других легких материалов — *временки*, объединяемые под названием *джагги*. Согласно данным последней переписи жилых строений, проведенной в конце 1980 г., преобладающим типом домов в городах являются «полуготовые» (53%), в основном глинобитные (36%). Четвертая часть (26%) жилых строений принадлежит к высшей категории — *пакка* (в 1980 г. их насчитывалось около миллиона). И примерно $\frac{1}{5}$ составляют постройки низшей категории — *качча* (18%) и *джагги* (3%)¹².

Среди жилых строений пакистанских городов преобладают новые: примерно 40% из существовавших в 1980 г. было построено за предшествовавшее десятилетие и только 20% — до 1947 г.¹³.

Дома высшей категории характерны в основном для наиболее крупных городов страны. Значительная их часть — одно-двухэтажные особняки, окруженные садом или палисадником.

Строительство многоэтажных домов прошло несколько этапов. В период между двумя мировыми войнами ими активно застраивалась центральная часть Лахора, Карачи, Хайдарабада. Делалось это в основном на капиталы немусульманских деловых кругов, и большинство обитателей многоэтажных зданий состояло из немусульман. На втором этапе, наступившем после образования Пакистана, строились в первую очередь трех-четырехэтажные однотипные дома для беженцев, прежде всего в Карачи. В 50—60-е годы большие многоэтажные и многоквартирные здания (доходные дома) строились редко. С начала 70-х годов начался третий этап. Масштабы сооружения доходных домов возросли, увеличились также темпы государственного строительства домов для рабочих и служащих. Удельный вес многоквартирных, многокомнатных домов в общем жилом фонде пакистанских городов стал за 70-е годы достаточно ощутим. Об этом свидетельствует динамика двух показателей: увеличение среднего числа людей, приходящихся на одно жилое строение в 1980 г. по сравнению с 1973 г. (по данным обследования, проведенного в рамках переписи населения 1972 г.), и одновременное сокращение этого числа на жилую комнату¹⁴.

Одноэтажные дома с плоской крышей — преобладающий тип строений средней категории («полуготовых»). Только в небольшой части этих домов имеется водопровод. Источником питьевой воды и воды для прочих бытовых нужд служит уличный водопровод, а еще чаще — колодец. Подавляющая часть этих домов электрифицирована, но лишь в немногих имеется отдельная кухня и ванная комната.

Жилые строения низшей категории лишены каких-либо бытовых удобств и состоят лишь из комнат для жилья. Примитивные условия жизни характерны для обитателей 27—32% городских домов (к строениям низшей категории добавляется некоторая часть построек средней категории, также лишенных электричества, водопровода, каких-либо подсобных помещений, включая туалет). Эти условия ничем не отличаются от преобладающих в деревне. Районы, застроенные такими строениями, имеются в городах различных размеров. Если считать, что они равномерно распределены между ними, то примерно $\frac{2}{3}$ приходится на крупные и крупнейшие городские центры. Наибольшее их сосредоточение наблюдается в Карачи, где к числу живущих в трущобах и не обеспеченных нормальным жильем людей относилось, по некоторым оценкам, на рубеже 70—80-х годов до 2 млн. человек¹⁵. Даже в совершенно новом столичном городе Исламабаде, по переписи 1980 г., 14% домов принадлежало к низшей категории¹⁶.

С точки зрения типа застройки и жилищно-бытовых удобств город и деревня в Пакистане сильно отличаются. В сельской местности к домам высшей категории относится только 1% строений, а к средней — 29%; водопровод имеет лишь 3% домов, электрифицировано 15%¹⁷. Наибольший контраст между

городом и деревней наблюдается в провинции Синд, главным образом вследствие принадлежности к ней Карачи, где проживает большая часть обеспеченных семей Пакистана. Менее всего заметна разница между городскими и сельскими районами в Белуджистане. Причина в том, что значительная часть белуджистанских городов — весьма небольшие населенные пункты, наполовину городские, наполовину сельские по функциям, и очень близкие к деревенским по внешнему облику, определяемому характером застройки и планировки. Кроме того, нужно учитывать крайнюю бедность большинства населения этой провинции. Несколько иное положение в СЗПП, где деревенскую застройку в отличие от других провинций характеризует преобладание домов средней категории. Объясняется это рядом факторов: широким использованием камня в качестве строительного материала (статистика ставит его в один ряд с обожженным кирпичом), приближением к городскому типу ряда населенных пунктов, деревенских по своему формальному статусу, возросшим в последние годы уровнем материальной обеспеченности определенной прослойки жителей деревень (толчком чему послужила эмиграция значительного числа молодых пуштунов на заработки в нефтедобывающие страны Ближнего Востока).

В первые годы после образования Пакистана в составе как всего населения, так и жителей городов весьма заметным было преобладание мужчин. В дальнейшем наблюдалось сокращение разрыва в численности мужчин и женщин. Так, если в 1972 г. на 100 женщин в Пакистане приходилось 114 мужчин, то в 1981 г. — 111. В 20 крупнейших городах Пакистана, по переписи 1972 г., 121 мужчина приходился на каждые 100 женщин. Спустя восемь с половиной лет число мужчин на каждые 100 женщин сократилось до 117¹⁸. Все это свидетельствует о тенденциях некоторого улучшения социального положения женщин (проявляющегося отчасти в более полном их учете переписями), а также о растущей стабилизации городского населения, некотором снижении доли «временных горожан» — мужчин, приходящих в города на сезон или на несколько лет в поисках заработка и оставляющих семью в деревне.

Городское население отличает также больший удельный вес лиц в трудоспособном возрасте. Согласно данным переписи 1972 г., доля лиц старше 10 и моложе 60 лет равнялась в городах 65% и в деревнях — 60%¹⁹. Причины этого следует искать в концентрации в городах учащейся молодежи и людей, пришедших туда в надежде заработать, а также в переезде из города в село лиц пожилого возраста. Отмеченная тенденция к стабилизации городского населения способствует увеличению удельного веса нетрудоспособных категорий.

Уровень рождаемости в городах, по данным специальных обследований, проведенных в 60-е годы, был ниже, чем в деревнях, как и уровень смертности. Разрыв в первом показателе составлял большую величину, и в результате естественный

рост населения городских районов оценивался как более низкий²⁰. Выводы, сделанные на основании этих обследований, не были подтверждены результатами переписи 1972 г. Согласно же проведенному во второй половине 70-х годов обследованию репродуктивного поведения населения в городах и сельских районах страны, среднее число рождений у городских женщин оказалось даже несколько больше, чем у деревенских²¹. Это во многом связано с еще невыделившимся из традиционно деревенского образом жизни большинства городских семей. Имело значение и то обстоятельство, что значительный удельный вес среди опрошенных горожанок составляли недавние жительницы деревни²².

Завершая общую характеристику пакистанских городов, необходимо отметить, что в этом вводном для главы разделе мы не касались вопросов социального состава городского населения. Социально-классовая структура Пакистана в общем виде рассматривалась в гл. II. В ней охарактеризованы основные классы и социальные слои, имеющие «городскую прописку». В частности, здесь дается ориентировочное представление о соотношении между ними. В ходе дальнейшего изложения мы будем отталкиваться от результатов, представленных в этой главе, и попытаемся конкретизировать сделанный выше анализ, дать более детальную картину социально-классовой структуры городского общества и социально-имущественного расслоения в городах.

Буржуазия и имущие прослойки города

Верхние в социально-имущественном отношении слои города, равняясь приблизительно 6% населения страны, в составе городского населения весьма заметны. К ним принадлежит ориентировочно каждый пятый городской житель. В верхние слои входит не только верхушка общества (высшие эшелоны господствующих классов и групп), но также не принадлежащие к элите имущие прослойки. Их структура, хотя и непростая, имеет центральный элемент. Это частнохозяйственная национальная буржуазия, городская по месту проживания и основной сфере деловой активности. Кроме буржуазии, отчасти смыкаясь с ней, обуржуазиваясь, верхи городского и в целом всего пакистанского общества составляют государственная бюрократия (гражданская и военная), помещики-абсентеисты, менеджеры (управляющие частного сектора) и ряд других групп, в частности политическая элита.

Основная масса имущих слоев проживает в крупнейших и крупных городах. Наибольшим удельным весом они обладают в новой, построенной лишь в конце 60-х годов столице государства Исламабаде. Если рассматривать столицу как часть одной с соседним Равалпинди городской агломерации, то доля этих слоев понизится, хотя все же останется выше, чем в двух дру-

гих крупнейших городских центрах страны — Карачи и Лахоре. Однако по численности семей, принадлежащих к верхним слоям, лидирует Карачи, хотя достаточно велики их абсолютные размеры и в Лахоре. В трех этих крупнейших агломерациях сосредоточено, по всей вероятности, подавляющее большинство представителей этих слоев.

Отметим, что структура верхних социально-имущественных групп в этих городах различна. В Исламабаде—Равалпинди они в основном состоят из высших чиновников-бюрократов. В Карачи и Лахоре основу верхних слоев составляют представители крупной, богатой буржуазии, но в верхах обоих городов широко представлены также бюрократические элементы, а характерной чертой Лахора служит его традиционная привлекательность для выходцев из знатных землевладельческих фамилий. В имущие слои этих городов входят также капиталисты-предприниматели средней руки, оптовые торговцы, контракторы (строительные подрядчики), владельцы городской недвижимости (городские землевладельцы и домовладельцы), а также рантье.

Определенная доля представителей верхних городских слоев приходится на другие крупные города, прежде всего провинциальные центры Хайдарабад, Пешавар, Кветту. В них городские верхи довольно равномерно представлены местной буржуазией, бюрократией и землевладельцами. Все эти группы обычно тесно связаны между собой, причем нередко в составе одной расширенной семьи, а тем более семейно-родственного клана имеются представители всех трех групп, составляющих городскую элиту.

Не является исключением и военная бюрократия, хотя ее характеризует меньшая привязанность к месту, большая территориальная подвижность. Верхи городского общества из среды высшего офицерства в Пакистане достаточно многочисленны. В ряде городов (из перечисленных, например, в Кветте) они составляют едва ли не главную часть верхних слоев. Такая особенность структуры верхов выступает рельефно вследствие проживания военных чинов преимущественно в отдельных квартирах или поселениях, называемых с колониальных времен (когда они, собственно, и появились) *кantonментами*. В ряде случаев кантонменты представляют собой «город в городе». Они более благоустроены, отличаются современной городской инфраструктурой, наличием водопровода, канализации и т. п. Последнее в то же время способствует нарушению «офицерской обособленности», ибо в кантонментах стремятся поселиться и гражданские представители городских верхов (тем более что и налоги, выплачиваемые домовладельцами, чьи дома находятся в ведении советов кантонментов, ниже налогов, устанавливаемых муниципалитетом). Благодаря наличию больших кантонментов в отдельных городах, не принадлежащих к числу крупнейших, верхний имущий слой довольно широк (к ним кроме

Кветты и отчасти Пешавара относятся такие «военные» центры, как Саргодха, Абботабад и др.).

Доля верхних слоев среди жителей средних и малых городов невелика. Верхи там состоят из небогатых торговцев и предпринимателей и местной аристократии — представителей класса земельных собственников, находящихся с точки зрения социальной мобильности на «лестнице, ведущей вниз», но еще сохраняющих землю и иное имущество (частично или полностью заложенное). Нужно также иметь в виду, что значительное число лиц, принадлежащих к верхним слоям, имеет не один, а два или три дома. В первую очередь это обладатели крупной земельной собственности. Они имеют «господский» дом в деревне, еще один — в находящемся неподалеку городском центре и, наконец, третий — «столичный». Распространен и обратный вариант — приобретение земли и сельской собственности разбогатевшими городскими капиталистами. Кроме того, нередко «столичная» буржуазия покупает себе второй дом в курортных городах, таких, как Марри, Айюбия, Санглахилл²³. Все это приводит к тому, что одни и те же лица составляют часть верхних слоев в крупнейших и небольших городах, «венчая» собой в последних пирамиду местного общества.

Коснувшись состава и удельного веса верхних слоев в пакистанском городе в целом и в отдельных группах городов, перейдем к характеристике составляющих эти слои социальных элементов. Начнем с основного — с городской буржуазии. В гл. II отмечены некоторые главные черты и особенности класса пакистанской буржуазии, которая в основном состоит из представителей городской буржуазии. Задача данного раздела — более детально рассмотреть структуру, генезис, содержание деятельности и формы организации буржуазии.

Современный вид она приобрела лишь на последних этапах развития страны (после 1971 г.). В предшествующий период буржуазия имела несколько иную композицию, сложившуюся в основном в 50-е годы. Начало же ее формирования нужно отнести к первым годам после образования страны и отчасти к последним десятилетиям колониального правления. Основной сферой деятельности групп пакистанской буржуазии в период накануне и сразу после раздела Британской Индии в 1947 г., была торговля. До 1947 г. немногочисленная группа мусульманских дельцов вела торговые операции на территории колониальной Индии и за ее пределами (в Восточной Африке, Юго-Восточной Азии, странах Аравии). При этом они выступали, как правило, в роли компрадоров, торговых посредников английского капитала. В последние десятилетия колониального правления их позиция заметно упрочилась. Некоторые из них принимали участие в создании первых индийских монополий, становились владельцами промышленных предприятий и финансовых учреждений (банков). Одновременно расширился (особенно в годы второй мировой войны) слой городской мусульманской буржуазии²⁴.

После 1947 г. большинство представителей сложившегося к концу колониального периода крупного мусульманского капитала Индии переехали в Пакистан. Наиболее активное участие в складывании крупной буржуазии молодого государства приняли две национальные группы — гуджаратская и панджабская. Ведущей была первая. Ее составляли главным образом выходцы из Бомбея, обосновавшиеся в первой столице Пакистана — Карачи. Деловая активность панджабской буржуазии из числа торговцев, до 1947 г. проявлявшаяся главным образом за пределами Панджаба, сосредоточилась во внутренних районах Пакистана, прежде всего панджабских.

Процесс трансформации представителей крупного торгового капитала в промышленников и финансистов современного типа, начавшийся еще в колониальное время, существенно ускорился после создания независимого государства. Обладатели крупных капиталов получили два главных преимущества: они избавились от конкуренции более развитого, опытного и мощного немусульманского капитала Индии, а также находившегося в привилегированном положении английского капитала и приобрели важную опору и поддержку в лице «своего» государства. Последний фактор они не замедлили использовать для закрепления и усиления занятых ими позиций в области торговли, в первую очередь внешней, а в дальнейшем для аналогичных целей в сферах крупной (современного типа) промышленности, банковского дела, страхового бизнеса, транспорта и т. д.

Наиболее активно процесс формирования групп крупной буржуазии шел в 50-е годы. Именно в этот период происходило наращивание крупными торговцами и дельцами «первоначального» капитала. Аккумуляции ими средств в денежной форме весьма содействовала их фактическая монополия на ведение импортно-экспортных операций. Благоприятные обстоятельства — повышение мировых цен на хлопок после начала войны в Корею в 1950 г. — позволили им быстро обогатиться на экспорте этой культуры. К этому надо добавить большие прибыли вследствие политики поддержания низких цен на джут, закупаемый у крестьян Восточной Бенгалии и перепродаваемый на внешних рынках. Умножению капитала в вещественной форме содействовали меры правительства по созданию льготного режима для импорта оборудования, прежде всего текстильного, и курс на ограничение ввоза в страну готовых текстильных изделий и ряда других потребительских товаров.

Развитие промышленности на базе современной (индустриальной) привозной техники и иностранной технологии стало главным направлением, в рамках которого проходило самовозрастание крупного пакистанского капитала. Государство выступало в роли важнейшего участника этого процесса. С созданием в 1952 г. государственной Корпорации промышленного развития оно развернуло деятельность по сооружению крупных промышленных предприятий с последующей передачей их (прода-

жей на льготных условиях) в частные руки, т. е. в руки все тех же представителей верхушки бизнеса. Эта неоднократно отмечавшаяся в советской литературе «строительно-подрядная» активность государства²⁵ дополнялась различными мерами стимулирования крупного бизнеса.

В 50-е годы в основном сложились наиболее богатые буржуазные дома (группы и семейства) и появились признаки использования ими своего монопольного (или близкого к этому) положения на рынках ряда товаров. К числу крупнейших на конец этого периода принадлежали дома Адамджи, Халибов, Даудов, Испахани, Дада²⁶. Все эти группы состояли из представителей инонациональной буржуазии, членов гуджаратских торговых общин — *меманов, бохра, ходжа*. Их «подпирали» некоторые панджабские группы, главным образом из торговой общины чиниотских шейхов, но на самые передовые позиции крупные панджабские и пуштунские капиталисты (генетически связанные с основными народами, населяющими Пакистан) стали выходить позднее, после прихода к власти в результате военного переворота 1958 г. правительства М. Айюб-хана.

Характеризуя крупную пакистанскую буржуазию первого поколения, исследователи, в частности известный американский экономист и социолог Г. Ф. Папанек, отмечали как присущую им черту бережливость, граничащую со скарденностью и аскетизмом. Это, а также политика правительства по ограничению ввоза предметов роскоши способствовали формированию в среднем весьма высокой нормы реинвестиции прибылей.

Большинство первых крупных капиталистов были малообразованными людьми. По данным Папанека, почти половина (47%) из них не получила среднего образования, а 7% не имели вообще никакого формального образования. Только около 30% обучалось в колледжах²⁷. Однако это не означает, что среди них не было людей, хорошо подготовленных в деловом отношении и имеющих специальное образование. Некоторые (например, члены семейства Чиноев) получили высшее техническое и экономическое образование за границей и прошли стажировку в крупнейших иностранных фирмах²⁸. Но в целом это поколение не отличалось высоким уровнем образования и культуры, что, впрочем, не мешало ему доказывать свою компетентность в сфере бизнеса. Интересно, что Папанеку не удалось установить какую-либо существенную связь между степенью образованности и деловым успехом²⁹.

В 60-е годы в Пакистане наблюдались усиление позиций крупной буржуазии и расширение ее состава. Основной сферой деятельности в еще большей степени стало промышленное предпринимательство. В отличие от 50-х годов, когда установка новых промышленных мощностей велась главным образом в отраслях легкой промышленности и, с точки зрения государства, была рассчитана на замещение импорта важнейших потребительских товаров, в 60-е годы набор отраслей, куда направля-

лись инвестиции, увеличился за счет прежде всего вспомогательных отраслей тяжелой промышленности. Изменения произошли и в структуре источников финансирования: увеличилась роль внешних заемных средств. Последнее позволило правительству либерализовать импортную политику, что увеличило круг лиц, ввозящих технику и оборудование, а также металл и металлолом из-за рубежа. Наибольшие выгоды от этого получила крупная буржуазия, которая с помощью государства реорганизовала «деловой мир» (систему союзов предпринимателей), обеспечив эффективный контроль над ним и условия для «улавливания» законным и незаконным путем львиной доли промышленных прибылей и торгово-спекулятивных доходов³⁰.

Крупная буржуазия пополнилась в 60-е годы за счет новых групп и семейств. Наиболее характерным для данного периода было появление богатых капиталистов из высшей государственной бюрократии. Этому непосредственно содействовала проведенная после прихода к власти правительства М. Айюб-хана «чистка» в высших эшелонах государственной бюрократии. Отставленные по обвинению в коррупции чиновники нередко обращались к предпринимательской деятельности³¹. Необходимые условия для этого были: «накопленные» (читай: «незаконно присвоенные на государственной службе») средства и поддержка «старых друзей» из числа оставшихся на высших постах бюрократов. (Надо заметить, что верхушку бюрократии в тот период, да и позднее, объединяло чувство почти сословной, во всяком случае, групповой общности, ибо она в основном комплектовалась из членов привилегированной Гражданской службы Пакистана — подробнее о ней см. ниже.) Поддержка оставшихся на службе друзей не была, очевидно, в большинстве случаев благотворительным делом, чаще она отражала деловое партнерство между бывшими и состоявшими на службе чиновниками.

Еще одной характерной чертой процесса внутренней перестройки, происходившей в рядах крупной буржуазии в 60-е годы, было постепенное усиление позиций групп, штаб-квартиры которых находились не в Карачи, а за его пределами, прежде всего в Панджабе. Одной из непосредственных причин этого явился перевод центральных правительственных учреждений на север страны, сначала во временную столицу Равалпинди, а затем новую — Исламабад. Фактор более общего характера — расширение самой сферы крупного организованного бизнеса по мере развития капитализма вширь и вглубь. Именно в то десятилетие как проявление такого процесса крупную буржуазию пополняют отдельные восточнобенгальские группы, усиливаются позиции панджабских и пуштунских групп и семейств.

Продолжало укрепляться положение буржуазии гуджаратского происхождения. Их ведущие представители пользовались особым расположением властей и добились многократного увеличения своей собственности и контролируемых ими активов.

Однако подспудно происходило размывание их бесспорного лидерства на Олимпе пакистанского бизнеса. Весьма показательно, что список крупнейших по активам групп буржуазии на рубеже 60—70-х годов возглавлялся уже не только гуджаратскими, но и панджабскими домами. Среди первых пяти три (Хабибы, Адамджи, Дауды) были гуджаратскими, а два других — Сайголы и группа Шейха М. М. Исмаила — панджабскими. В первой десятке (мы используем наиболее полный из имеющихся в литературе, тщательно выверенный список, составленный С. Ф. Левиным) имеются еще две группы панджабских предпринимателей, а 12-е место занимала пуштунская группа, возглавлявшаяся сыном президента М. Айюб-хана, капитаном в отставке Гсухар Айюб-ханом³².

Целый ряд факторов, действовавших как в этот, так и в предыдущий период, способствовал не только укреплению позиций и расширению состава крупной буржуазии, но и появлению у ее верхушки черт монополистической буржуазии. Капиталистическая монополия, как известно, вырастает из концентрации и централизации производства. В развивающихся по капиталистическому пути странах монополистическое положение на внутреннем рынке обеспечивается относительно небольшими по современным стандартам масштабами концентрации и централизации, ибо невелики размеры этого рынка, ограниченного вследствие дуальности экономики (сохранения обширной сферы традиционного производства и потребления) и нередко защищенного государством от «вторжения современных товаров извне. Специфичен, кроме того, механизм централизации производства, ибо рост за счет поглощения конкурентов играет здесь меньшую роль. Значительно больше значение такого фактора, как объединение капиталов на ранних стадиях, распространение большесемейной и клановой, групповой собственности.

Образование монополистических групп крупной буржуазии Пакистана началось уже в 50-е годы. Строительство нескольких больших предприятий в новых для страны отраслях современного промышленного производства в сочетании с ограничением доступа иностранных товаров на внутренний рынок, к которому правительством прибегало под флагом «защиты интересов» молодой национальной индустрии, создавало объективные условия для появления в ряде отраслей монополий со всеми их атрибутами — монополистическим регулированием цен, монополистической сверхприбылью, недопущением аутсайдеров в отрасль и т. п. Монополистические тенденции усиливались вследствие происходившей параллельно «пакистанизации» банковской сферы, страхового бизнеса, т. е. системы частных финансов. Все эти явления создают впечатление о формировании не только промышленного, но и финансового монополистического капитала, хотя, на наш взгляд, речь идет лишь о специфическом начальном этапе его формирования.

Одним из аргументов в пользу такого взгляда служат недо-

статочная представленность интересов «монополистического» капитала на высшем государственном уровне, неполный его контроль над действиями государства, которое, не претерпев изменений социального характера, нанесло прямой удар по позициям ведущих семейств и групп крупной буржуазии. Конечно, решения правительства З. А. Бхутто о национализации значительной части принадлежащей им собственности имели характер превентивной меры, направленной на то, чтобы разрядить социальную напряженность в стране, принести в жертву многое, чтобы сохранить основное, однако в этих правительственных акциях проявилось не только единство собственнических, эксплуататорских слоев, но и известное различие их интересов, причем интересы монополистических групп, занимавших в 60-е годы привилегированное положение, оказались далеко не преобладающими. «Подрезав» верхушку буржуазии, правящие круги страны (в составе которых «монополисты» были временно потеснены) создали условия для роста более широких ее слоев. Однако наибольшие выгоды от национализации получила не частнособственническая, а бюрократическая, государственная буржуазия, поле деятельности которой заметно расширилось. Правда, на первых порах функционирование многих промышленных корпораций госсектора с бюджетной точки зрения было убыточным, но ряд звеньев в реорганизованном государственном секторе, безусловно, давал возможности для обогащения отдельных представителей и целых групп высших политико-административных и управленческих кадров. Позднее (уже при военном правительстве Зия уль-Хака) деятельность предприятий и корпораций госсектора стала более рентабельной, что наряду с укреплением частного сектора усилило позиции обуржуазившейся бюрократии и государственной технократической буржуазии.

Реформы 1972—1974 гг. ускорили процесс смены лидеров в рядах крупной частнохозяйственной буржуазии. Хотя от национализации пострадали группы как инационального (гуджаратского), так и национального (панджабско-пуштунского) состава, потери первых были все же и относительно и абсолютно значительнее. К тому же ведущие представители двух этих подразделений буржуазии в определенной мере по-разному отреагировали на реформы пакистанского правительства. Гуджаратская буржуазия, заполнившая после образования Пакистана пустоты в здании местного частного бизнеса, не потеряла своего инационального и интернационального характера. Используя возможности для роста капитала, который предоставлял Пакистан, особенно в 60-е годы, часть этой буржуазии покинула страну, после того как условия для ее деловой активности ухудшились, и уделила главное внимание деятельности в других странах и регионах: США, Канаде, Западной Европе, Африке, но главным образом на Ближнем и Среднем Востоке³³.

Среди национальной (панджабской и пуштунской) крупной

буржуазии (не говоря уже о весьма слабой синдхской и белуджской) мало кто имел желание последовать примеру своих собратьев по классу. Они были «сыновьями земли», причем не только в том смысле, что являлись представителями основных народов страны, но и в том, что часть свободных средств в последний период стали выделять на приобретение сельскохозяйственной земли, расширяя или приобретая земельную собственность³⁴. Правда, и ведущие панджабские фирмы в 70-е годы значительно расширили размеры своих операций, осуществляемых за пределами Пакистана, но их штаб-квартиры, за редким исключением, оставались в стране, они выступали как представители пакистанского капитала и как таковые входили в деловые контакты и сделки с капиталом прочих стран, в первую очередь с представителями государственного и частного капитала арабских нефтеэкспортирующих государств³⁵.

Происшедшие в начале 70-х годов изменения привели к тому, что на лидирующее положение в составе крупной пакистанской буржуазии стали претендовать крупнейшие панджабские, а также пуштунские группы. Их лидерство упрочилось после прихода к власти в 1977 г. военного правительства. Впрочем, позиции крупнейших гуджаратских групп остаются весьма значительными. Они по-прежнему возглавляют большой бизнес Карачи, хотя в нем уже давно укоренился и панджабский капитал³⁶.

Несмотря на относительное ослабление позиций групп гуджаратского капитала, его значение для дальнейшего развития тенденций формирования пакистанских монополий исключительно велико. Выйдя за рамки Пакистана и путив корни в других странах и районах, охваченных мировым капиталистическим хозяйством, этот капитал не потерял связей с национальным рынком страны и может при изменении обстановки вернуться туда окрепшим и более мощным. Причем речь идет не об обратном сжатии его операций до национальных масштабов, а о том, что он ныне является участником процесса формирования транснациональных корпораций на Востоке и в будущем возможно его появление в Пакистане в качестве представителя этих новых ТНК.

Велика также роль отдельных представителей и групп гуджаратской буржуазии в усилении госмонополистических тенденций (о которых можно с уверенностью говорить в особенности применительно к нынешнему этапу социально-экономического развития Пакистана, начавшемуся после прихода к власти в 1977 г. военного правительства). Эта роль состоит в содействии втягиванию Пакистана, всей системы его государственных и частнокапиталистических элементов в сферу деятельности как «старых», так и новых «восточных» ТНК³⁷.

В 70—80-е годы ряды крупной буржуазии стали в более существенной мере пополняться за счет представителей земельной аристократии. К выходцам из панджабских и пуштунских родо-

витых фамилий, для которых этот процесс начался раньше, добавились члены землевладельческих кланов Синда. Переход представителей семейств крупных землевладельцев к занятию городским бизнесом часто опосредствовался положением, которое они занимали в рядах высшей гражданской и военной бюрократии. Основание частного дела (или активное участие в уже начатом) после ухода в отставку в чине генерала или в качестве секретаря министерства члена семьи крупных земельных магнатов, зачастую из бывших правителей феодальных княжеств, — таковы особенности жизненного пути ряда новых лиц, появившихся на вершине пакистанского бизнеса.

Обобщая и несколько обедняя реальный процесс, можно утверждать, что если первый эшелон крупной пакистанской буржуазии в 40—50-е годы формировался в основном из членов торговых общин, представителей купеческого капитала, то в складывание второго (60—70-е годы) наибольший вклад внесли крупные земельные собственники и бюрократическая верхушка.

Определенные различия имеются также между первым и вторым поколениями крупной буржуазии. В составе первого поколения преобладали, как отмечалось выше, люди, не получившие почти никакого образования, но в то же время весьма целеустремленные, направлявшие все усилия на достижение успеха в бизнесе. Они, как правило, проявляли малую склонность к растрачиванию денег, мало заботы о внешнем виде контор и удобствах жизни. Вместе с тем они старались дать хорошее образование сыновьям и другим молодым родственникам, понимая, что в меняющемся мире бизнеса необходимы специальные знания и общая культура. Второе поколение крупных буржуа из числа представителей ее первого эшелона отличалось от отцов не только образованием, но и иным отношением к жизни, к бизнесу. Свое образование они получали, точнее сказать, завершали за границей. На них, естественно, оказали воздействие массовая потребительская культура Запада и утвердившийся там стиль бизнеса с присущим ему внешним лоском. Копируя заморские образцы, представители второго поколения обычно не скупились на затраты, необходимые лично им, и в отличие от старших членов семейств не стеснялись выставлять напоказ богатство³⁸.

Представители второго эшелона крупной буржуазии отличаются своими особенностями в том, что касается привычек и уклада жизни. Многие из них не получили специального технического или экономического образования, но имеют военное и гуманитарное, включая подготовку, которую проходят высшие административные кадры. Выходцы из семей с глубокими традициями восточнофеодального типа, они по культуре и мировоззрению ближе к традиционалистским слоям, легче приспособляются к той «самобытной», исламской форме капитализма, которая со второй половины 70-х годов насаждается в стране. Стиль их поведения и жизненный уклад в целом менее броски.

богатство тщательно скрывается от посторонних глаз. Отдавая дань мусульманскому благочестию, представители второго эшелона, впрочем как и большинство их собратьев из первого, позволяют себе «расслабиться» лишь за границей или в сельской глуши.

Весьма примечательными являются внутренняя структура, способ организации как крупного бизнеса, так и вообще всей обширной сферы частной, деловой активности. Главной ячейкой, принимающей решения и определяющей меры по их осуществлению, предстает большая (расширенная) семья, во главе которой стоит ее старейшина, наиболее авторитетный и уважаемый представитель старшего поколения. Как сообщает пакистанский исследователь З. Алтаф, этого старейшину называют *карта-дхарта*³⁹. И даже если бизнес семейства (расширенной семьи) разросся настолько, что руководство текущими операциями принимают на себя главы отделившихся от него «ветвей», институт карта-дхарта сохраняет свое значение. Его авторитет бывает весьма нужен в особо ответственные, переломные моменты. Таким был для крупной пакистанской буржуазии период после прихода в 1971 г. к власти правительства Пакистанской народной партии. Отсутствие у ряда ведущих семейств карта-дхарта или его недостаточная опытность, компетентность и деловое чутье оказали на их позиции в бизнесе неблагоприятное воздействие. И наоборот, правильно сделанный старейшиной семьи выбор предрешил ее дальнейший деловой успех⁴⁰.

Расширенная семья — первичная форма организации не только в области крупного бизнеса, она играет ту же роль, по существу, во всех сферах деловой и политической жизни. При этом большая семья как элемент определенной социокультурной среды вполне вписывается в современные социально-классовую и функциональную системы. Организованный бизнес в Пакистане имеет хотя и не очень исторически глубокие, но достаточно прочные корни. Следуя юридически закрепленным правилам современного капиталистического бизнеса, этой «новой» традиции, ведущие семейства крупной буржуазии основывали публично-правовые компании, где их главы доминировали в совете директоров, прибегали к практике перекрестного директората (т. е. участия в деятельности совета директоров компаний, основанных и принадлежащих членам традиционалистски связанных друг с другом семейств). Одна из наиболее удобных для большой семьи форм организации бизнеса — это, очевидно, унаследованная от английских времен система управляющих агентств (вариант холдинговых компаний). В соответствии с реформами 1972 г. управляющие агентства были упразднены, но нынешним военным правительством их деятельность вновь разрешена.

Впрочем, после той прямой атаки со стороны правительства, которую пришлось выдержать заправилам организованного бизнеса в начале 70-х годов, в их умонастроении произошли определенные изменения. Большинство из них предпочло тогда не

вступать в конфликт с правительством, а «лечь на дно», затаиться, скрыться от его глаз и внимания общественности. Для этого они прибегли к дроблению принадлежащих им капиталов, разукрупнению компаний и переименованию их. Сократился организованный рынок капиталов, наступил спад в деятельности фондовых бирж. Здесь отчетливо проявилось то обстоятельство, что использование возможностей, которые в классическом варианте прежде всего предоставляют организованные формы бизнеса (в виде мобилизации мелких сбережений, использования свободного денежного капитала), — далеко не главная причина их достаточно широкого распространения в предшествовавший период. Основную роль играло то, что современная форма позволяла воспользоваться льготами, предоставлявшимися государством по линии налогообложения и лицензирования импорта.

В связи с отменой системы льготного обложения доходов компаний и либерализацией импорта, происшедшими в начале 70-х годов, отпала необходимость соблюдения определенной внешней формы организации крупного бизнеса. Капитал деловых семейств к тому же стал «расползаться» по сферам, ранее ему не слишком знакомым: строительство гостиниц и доходных домов, оптовая (супермаркетная) торговля, посреднические операции и контрактная деятельность, ориентированное на экспорт ручное децентрализованное производство (ковроделние, художественные ремесла).

Период «ухода в тень» продолжался недолго. После военного переворота, особенно с начала 80-х годов, крупный капитал получил возможность развернуть деятельность почти во всех прежних направлениях. Увеличились операции на фондовых биржах; полезли вверх дивиденды, выплачиваемые публично-правовыми компаниями; заметно усилилась роль частного денежного капитала — как местного, так и иностранного.

Ведущие семейства крупной буржуазии, в составе которых произошли определенные перестановки, отчасти возвращаясь к старым формам ведения бизнеса, одновременно были вынуждены приспособливаться к его новым видам, вводимым государством под лозунгом исламизации экономики. К ним относятся внедрение принципа дележа прибыли и совместной ответственности в случае возможных потерь кредитора и заемщика (*мушарика*), регистрация на бирже компаний (*мудароба*), которые не выплачивают дивидендов, поскольку это процент на капитал, взимание которого порицается и запрещается исламом, а прибегают к иной форме «вознаграждения», связанной с тем же принципом партнерства⁴¹.

Большое значение для деятельности крупной пакистанской буржуазии имеют союзы предпринимателей. Отраслевые предпринимательские ассоциации нередко служат инструментом для установления контроля над отраслью группой ведущих фирм и облегчают монополистическое регулирование цен и производст-

ва⁴². В результате реорганизации, проведенной правительством М. Айюб-хана, в конце 50-х — начале 60-х годов образовалась единая и централизованная система союзов предпринимателей с головной организацией Пакистанская федерация торгово-промышленных палат. Полномочия федерации были юридически закреплены: в нее согласно законодательству обязаны вступать все объединения предпринимателей, как национальные, так и иностранные, действующие на территории Пакистана. Существование стройной системы союзов усиливает власть наиболее экономически мощных семейств, групп и группировок частнохозяйственной буржуазии, позволяет им контролировать деятельность капитала, не связанного с ними иным (традиционалистским) путем. Причем внешне этот контроль осуществляется не самими руководителями верхушки бизнеса, а их ставленниками из числа представителей менее крупной буржуазии⁴³.

Большое значение наличие централизованной системы союзов предпринимателей имеет для госбюрократии, обуржуазивание которой усилилось именно в 60-е годы. Авторитет бюрократии в торгово-промышленной среде традиционно был очень велик. В колониальное время он проистекал из силы чужеземного господства и усиливался тем, что представители бюрократии являлись носителями высокоразвитой культуры. После обретения независимости прерогативы английских чиновников перешли к местным, пакистанским, и на последних был в какой-то мере перенесен их «ореол». К началу 60-х годов в глазах окрепшей буржуазии он померк. Подкупом, взятками она «обручила» значительную часть бюрократии со своими деловыми интересами. Представители крупнейших торгово-промышленных семейств в социальном и культурном плане сблизилась с верхушкой гражданской и военной бюрократии. Со своей стороны, та почувствовала вкус к предпринимательству, используя для сколачивания первоначального капитала все возможности, которые предоставлял ей доступ к рычагам государственного контроля над бизнесом, включая «опеку» предпринимательских союзов.

Совместная власть крупной частнохозяйственной буржуазии, государственной буржуазии и обуржуазивающейся государственной бюрократии, осуществляемая с помощью союзов предпринимателей и установленной государством единой системы этих союзов, служит мощным фактором давления на средние и низшие группы буржуазии. Последние составляют главным образом выходцы из средних городских и сельских слоев. В значительной степени это капиталисты, проделавшие «классический» путь вверх — через мелкотоварное производство и начальные виды капиталистического промышленного предпринимательства. Этот путь, хоть и не является в Пакистане таким «массовым» и обычным, каким он был в странах Европы или в России, все же не представляет собой исключения. Опросы пакистанских промышленников показывают, что ремесло и мелкая промыш-

ленность были одним из занятий их отцов или их самих⁴⁴. Некоторые из капиталистов, начав с кустарного промысла, проблись на самый верх⁴⁵, но в большинстве они не поднялись высоко и вынуждены постоянно бороться за сохранение статуса капиталистов средней руки. В эту же группу «классических» буржуа входят предприниматели, «выросшие» из мелких торговцев, т. е. из той же мелкой городской буржуазии («старых» средних слоев города).

Определенная часть небогатой частнохозяйственной буржуазии генетически связана с новыми средними городскими слоями, нередко ведя свою родословную от проштрафившегося чиновника, уволенного со службы, но сумевшего сколотить капитал и сохранить дружбу с влиятельными лицами из числа бывших сослуживцев⁴⁶. Этот путь формирования предпринимателей тоже нельзя считать чем-то исключительным. У примерно десятой части опрошенных З. Алтафом промышленников отцы были чиновниками — членами Гражданской службы Пакистана. Частная служба и частная практика — экспортно-консультативная, врачебная, адвокатская и т. п. — также служит трамплином для «прыжка в капиталисты», но, судя по данным того же опроса, значительно реже⁴⁷.

В последние десятилетия появился новый источник пополнения средних и низших слоев класса городских капиталистов. В его основе лежит увеличение доходности сельского хозяйства, рост прибылей на капитал, вложенный в землю и в такие быстро прогрессирующие отрасли, как птицеводство (разведение цыплят-бройлеров), организация молочных ферм. Среди капиталистов, связанных с аграрным предпринимательством, а также вырастающим из него иного рода бизнесом, есть выходцы из зажиточных крестьянских семей и таких представителей средних слоев деревни, как торговцы, ювелиры, управляющие помещичьим хозяйством. Значительное число представителей аграрного капитала — помещики-предприниматели. Те из них, кто не принадлежит к семьям богатой земельной аристократии, составляют обычно часть средней предпринимательской буржуазии, аграрной, аграрно-промышленной или аграрно-торговой — в зависимости от характера основных сфер приложения капитала.

Интересы средних и низших капиталистических слоев, не связанных функционально-генетически (родственными или более широкими традиционалистскими, по сути, узами) с крупной буржуазией и ее верхушкой, не всегда и не во всем совпадают с интересами последних. Это служит основой проявлений внутриклассовых противоречий и борьбы. Вследствие огромной роли государства в функционировании развивающегося по капиталистическому пути хозяйства центральным моментом внутриклассовой борьбы становится схватка за контроль над государственной машиной — как в целом, так и над ее отдельными звеньями. При этом крупная частнохозяйственная буржуазия, действующая вместе с бюрократией и госбуржуазией, в большей мере

опирается на традиционалистские связи (общинно-кастовые, семейно-клановые) по сравнению со слоями буржуазии, не входящими в эту коалицию. Последние в Пакистане больше апеллируют к чувству национально-этнической общности, опираются на территориально-лингвистические, земляческие связи.

Росту значения только что отмеченного обстоятельства способствует известная территориальная разобченность центров деловой активности и проживания крупной национальной буржуазии и более мелкой, действующей во внутренних районах и областях страны. Правда, в 70—80-е годы часть крупной буржуазии, как уже отмечалось, пустила более глубокие корни, внедрившись в некоторые, дотоле не представлявшие для нее интерес сферы (промышленность по обработке сельхозсырья, ковроделие и художественное ремесло, оптовая торговля), где капитал функционирует в раздробленном, распыленном виде и преимущественно во внутренних, сельских и полусельских районах. Это проникновение, с одной стороны, обостряет конкурентную борьбу, а с другой — сближает различные слои и группы буржуазии, способствуя демаркации зон влияния и контроля и выработке определенного классового единства.

От характеристики (конечно, далеко не полной) городской буржуазии как главного компонента верхних слоев пакистанского города перейдем к рассмотрению некоторых особенностей состава и положения двух других крупных групп, составляющих городские верхи, — государственной бюрократии и помещиков-абсентеистов. По мере буржуазного развития они, как уже отмечалось, в известной степени теряют свою самостоятельность, тяготея к буржуазии и обуржуазиваясь. Однако этот процесс не завершен, а в том, что касается таких слоев госбюрократии, как среднее и низшее чиновничество и офицерство, он и не может принять завершенные формы.

Госбюрократия сложилась только после 1971 г., а окончательно — после 1977 г., хотя в ее развитии по сравнению с эволюцией крупной буржуазии больше преемственности. Сходными вместе с тем являются основные тенденции изменения состава верхушки бюрократии и буржуазии.

К 1947 г. среди высших чиновников-неангличан в Британской Индии мусульмане были представлены достаточно широко, однако в тех провинциях, территории которых позже полностью или частично были включены в состав Пакистана, их удельный вес оказался небольшим⁴⁸. В Пенджабе, Синде и даже СЗПП большинство составляли немусульмане, покинувшие после раздела 1947 г. пределы Пакистана. Значительное число крупных бюрократов-мусульман, прежде всего из Северной, но также из Восточной и Южной Индии (особенно из княжества Хайдарабад), перебрались в Пакистан и образовали ядро верхнего эшелона гражданской бюрократии молодого государства. Формирование бюрократической элиты в этом отношении очень напоминает складывание крупной торгово-промышленной буржуазии,

но если среди инациональной буржуазии преобладали гуджаратцы, то в группе прибывших в Пакистан чиновников наиболее сильные позиции имели выходцы из потомственной аристократии (семей владетельных князей и их ближайшего окружения), родным языком которых был урду.

Не все крупные чиновники-мусульмане переехали из Индии в Пакистан. Но даже и их стопроцентная миграция не могла бы удовлетворить потребность страны в высших административных кадрах. Не случайно поэтому ряд ответственных постов в течение нескольких лет после обретения независимости продолжали занимать английские чиновники⁴⁹. «Пакистанизация» высшего политико-административного аппарата сопровождалась его пополнением представителями обеспеченных слоев, принадлежащими к основным народам страны, главным образом панджабцам. Уже к концу 60-х годов ведущие позиции среди высшей бюрократии делили между собой панджабцы и иммигранты из Индии. Значительно меньшим было представительство пуштунов и еще меньше — синдхов и белуджей⁵⁰.

Бюрократию с самого начала отличала строгая иерархичность и корпоративность — черты, унаследованные от колониального аппарата власти. По образу и подобию колониальной Индийской гражданской службы была создана Гражданская служба Пакистана (ГСП), представлявшая собой «службу-корпорацию», т. е. признанную государством ассоциацию получивших специальную подготовку чиновников. Дух корпоративности, отличавший бюрократическую прослойку, усиливался исключительностью правового положения чиновников, закрепленного первыми конституциями (1956, 1962 гг. и временной конституцией 1972 г.). Конституционная защита затрудняла увольнение чиновников, служила гарантией непрерывности гражданской службы и льгот после ее окончания.

Члены ГСП составляли основную часть высшего чиновничества. Кроме них в его состав входили лица, принятые на государственную службу в конце 40-х — начале 50-х годов, не имевшие особой «бюрократической» подготовки, а также члены ряда других «служб-корпораций», среди которых наиболее крупными и престижными были иностранная и полицейская службы.

Корпоративность бюрократической элиты усиливалась высокой степенью ее «самовоспроизводства» и генетической связью с верхушечными сельскими и городскими слоями. По данным на середину 60-х годов, среди членов ГСП большинство (55%), происходило из семей государственных служащих, тоже, очевидно, высокого ранга, а оставшаяся часть на $\frac{3}{4}$ состояла из представителей семей крупных и средних землевладельцев и на $\frac{1}{4}$ — из торговцев, промышленников и преуспевающей интеллигенции⁵¹.

В состав высшей пакистанской бюрократии с первых лет кроме гражданских входили также военные чины⁵². Однако формирование военной бюрократии поначалу шло медленно. Не-

сколько иным по сравнению с чиновничеством был унаследованный от колониальных времен национально-этнический состав офицерства. Сказались особенности формирования колониальной армии, значительный удельный вес в ней выходцев из северо-западных районов Британской Индии, в частности панджабцев-мусульман и пуштунов. Из 160 офицеров-мусульман колониальной армии только четверо остались в Индии⁵³, остальные предпочли Пакистан и составили там костяк офицерского корпуса. Таким образом, инонациональных элементов для военной бюрократии не существовало. Она с самого начала сложилась как панджабско-пуштунская.

Ускорение роста военной бюрократии началось в первой половине 50-х годов и стало особенно явным после военного переворота 1958 г. Приход к власти правительства генерала М. Айюб-хана положил начало проникновению военных на высшие гражданские посты, чему предшествовало увольнение нескольких сотен чиновников по обвинению в коррупции. Относительная узость высшего слоя военных и начавшееся резкое увеличение вооруженных сил [за 60-е годы они выросли более чем в 5 (!) раз] послужили одной из причин того, что этот процесс не зашел далеко. К середине 60-х годов отмечено восстановление несколько пошатнувшихся после военного переворота позиций гражданской бюрократии, установление тесного союза между членами ГСП и закрепившимися в гражданском аппарате отставными военными. Это не помешало новой военной администрации А. М. Яхья-хана произвести еще одну «чистку» административного аппарата и поставить отставных военных во главе ряда важнейших государственных учреждений и ведомств.

Позиции элитарной военно-гражданской бюрократии пошатнулись после 1971 г., с приходом к власти правительства Пакистанской народной партии. Ряд льгот и гарантий, которыми она пользовалась, были отменены; по обвинению в коррупции было уволено почти 2 тыс. служащих госаппарата и 1300 чиновников⁵⁴. Правительство ПНП предприняло попытку реорганизовать систему управления, повысить ее эффективность, однако ему не хватило последовательности, сказалась узость социальной базы. Верхушка бюрократии, претерпевшая персональные изменения, постепенно восстановила свои позиции, «службы-корпорации», прежде всего ГСП, хотя и были лишены официального признания, сохранили во многом свое значение вследствие, в частности, неизменности управленческой системы. Некоторое усиление позиций выходцев из районов Внутреннего Синда не поколебало господства панджабской прослойки и произошло, судя по всему, за счет представителей мухаджирского урдуязычного населения Карачи.

Военный переворот 1977 г. вернул высшей бюрократии утраченные позиции. Важнейшим новым моментом стало активное внедрение в гражданский административный аппарат армейской верхушки. В отличие от начальных этапов этот процесс в конце

70-х — начале 80-х годов приобрел весьма широкий размах, подплекой чего служат рост абсолютной численности старшего офицерства и его возросшие притязания в условиях, когда ряды гражданской бюрократии оказались сильно разреженными, а ее сплоченность — подорванной. В составе высшей бюрократии в ее современном виде преобладают панджабцы (как военные, так и гражданские чины). На второе место, очевидно, вышли пуштуны, число которых весьма значительно среди находящихся на службе в вооруженных силах и вышедших в отставку генералов и старших офицеров. Панджабско-пуштунский блок, можно полагать, оттеснил на задний план чиновников и офицеров из семей урдуязычных иммигрантов, сблизив положение представителей имущих слоев этого происхождения с позициями (весьма и весьма незначительными), которые занимают в аппарате государственной власти верхи синдхского и белуджско-брагуйского населения⁵⁵.

Выше мы отмечали, что землевладельцы некрестьянского происхождения (помещики), как правило, не проживают постоянно в сельской местности, хотя нередко имеют там дом, приезжая в деревню на время, обычно в период страды и религиозных праздников. Являясь в экономическом смысле по преимуществу частью сельской подсистемы, помещики-абсентеисты в социальном плане принадлежат к городской. Такого рода «амбивалентность» отличала большинство представителей помещичьего класса уже в колониальный период. Тогда же сложилась связь сельского и городского землевладения.

Покупка земли в черте города объяснялась стремлением помещика закрепиться в нем и желанием надежно поместить избыток средств. Поскольку цены на землю вплоть до 60-х годов были довольно низкими и росли медленно, владение участками городской земли не служило для землевладельцев-абсентеистов крупным источником дохода. Ситуация резко изменилась с началом «зеленой революции» и особенно в 70-е годы с увеличением массы денег в обращении и бумом в жилищном строительстве. Рост цен на землю, сельскохозяйственную и городскую, повышение земельной ренты улучшили материальное положение помещиков, открыли перед ними различные возможности для капитализации доходов. Одной из наиболее распространенных среди них стал всевозможного рода городской бизнес: строительство доходных домов, гостиниц и постоянных дворов, вилл и коттеджей для сдачи их в аренду, покупка и продажа городской недвижимости, приобретение кинотеатров, магазинов, открытие торгового дела и т. п. Помещики-абсентеисты, идя по этому пути, вступали в ряды городской буржуазии, тесня ее более ранние формирования, выходцев в основном из торговцев, в значительной части иммигрантов из Индии. Возросли не только индивидуальные экономические возможности, но и сила совместных акций городских лендлордов из помещичьей среды. В ряде городов, например в Лахоре, они образовали весьма

влиятельную «группу давления», которой, в частности, удалось сорвать осуществление ряда решений в пользу городских низов, принятых провинциальными властями Панджаба в начале 70-х годов⁵⁶.

Конечно, далеко не все помещики-абсентеисты приняли участие в гонке за быстрым обогащением. Некоторые представители известных землевладельческих фамилий из старшего поколения не используют новых возможностей, предпочитая «гарантированный» минимум дохода и независимую позицию либо принадлежность к категории лиц свободных профессий или участие в политической деятельности. Однако новое поколение в этих семьях, как правило, больше втянуто в экономическую активность, проявляет значительно больший интерес к ней, заинтересованность в укреплении материальных основ своего благополучия и на этой основе растворяется в широком слое городских буржуа.

Городской фабричный и нефабричный пролетариат

В социально-классовой структуре Пакистана современный пролетариат занимает весьма заметное место. По удельному весу в составе населения рабочий класс в 7—8 раз превосходит буржуазию — своего классового антагониста. В городах, где в начале 80-х годов проживало чуть больше 28% населения, доля пролетариата равнялась приблизительно 32%. При этом на $\frac{2}{3}$ он состоял из фабричного, индустриального и на $\frac{1}{3}$ — из нефабричного, доиндустриального. Кроме того, значительная часть несельскохозяйственного пролетариата проживала за пределами городов. Не абсолютизируя границы между городскими и сельскими районами (они часто, как отмечено выше, имеют условный характер), мы рассмотрим в данном параграфе не только собственно городской, но весь несельскохозяйственный рабочий класс, включая сельский по месту проживания и работы.

Начнем с уточнения границ и количественных характеристик фабричного и нефабричного пролетариата. Первая из этих категорий, как известно, объединяет рабочих достаточно крупного производства, которое характеризуется оснащённостью машинами и использованием механической энергии.

В момент своего появления машинная, фабричная система производства была четко, «осязаемо» отделена от мануфактуры. Она зиждилась на применении паровой машины, «общего первичного двигателя», который К. Маркс уподоблял «сердцу», от биения которого получают импульс «рабочие машины» посредством передаточного механизма, отчасти общего «всем этим машинам»⁵⁷. Переход от мануфактуры к фабрике означал в общем случае увеличение размеров производства, численности совместно эксплуатируемых капиталом рабочих. С вступлением в век электричества и небольших дизельных моторов положение изменилось. Появились возможности для использования рабо-

чих машин без подключения к громоздкой системе «первичный двигатель — передаточные механизмы», т. е. с точки зрения техники был дан толчок развитию небольшого механизированного производства, мелкой фабрики⁵⁸. Машинный переворот, охватив сначала обрабатывающую индустрию, распространился затем на другие отрасли — горную добычу, транспорт, сферу услуг и обращения, сельское хозяйство⁵⁹. Таким образом, в промышленный пролетариат влились различные отраслевые отряды.

Понижение нижней границы фабричного, индустриального производства, распространение мелкой фабрики в обрабатывающей промышленности, небольших мастерских в ремонтном деле и гаражей в автотранспорте, парков сельскохозяйственных машин с незначительным их числом, современных компактных торговых заведений и т. п. усложнили задачу разделения пролетариата на фабричный и нефабричный. Если всякое механизированное предприятие — фабрика (или типологически сходная с ней производственно-хозяйственная единица), то рабочие, занятые и в заведении, где работает менее 10 человек, должны относиться к фабричному пролетариату. Между тем организация труда, внешняя форма его эксплуатации в определенных отношениях отличаются на таком предприятии от типичной для капиталистического. Коллектив, состоящий менее чем из 10 человек, принадлежит, по критериям социологов, к «малым группам», где часто господствуют так называемые неформальные межличностные отношения. Реальное подчинение наемного труда капиталу в этом случае не только не исключает, но и предполагает установление таких взаимоотношений между хозяином и рабочим, которые имеют черты патриархальной опеки, напоминают или воспроизводят традиционные отношения типа «патрон—клиент», особенно если связи между персонификаторами труда и капитала дополняются иными общественными узами — принадлежностью к одной, архаической по своему происхождению социальной общности (касте, клану, племени и т. п.).

К социально-психологическим особенностям отношений между наемными рабочими и хозяином добавляются и специфические контакты между рабочими. Их небольшая численность служит объективным препятствием для осознания силы рабочей солидарности, принадлежности к одному классу, одной в социальном отношении группе людей. Для этого, очевидно, необходима определенная «критическая масса» совместно эксплуатируемого труда.

Впрочем, не следует трактовать вопрос о «критической массе» излишне прямолинейно, опираясь только на данные о числе занятых в том или ином заведении. Большое значение имеет и то, где и как расположено мелкое предприятие: находится оно в изоляции, «возвышаясь» над еще более мелкими ремесленно-кустарными заведениями, или, наоборот, составляет элемент нижнего яруса заведений в крупном промышленном центре,

«окружающего» стены больших фабрик и заводов. К тому же вряд ли правомерно слишком повышать границы предприятий, где отсутствует «критическая масса» пролетариата, принадлежащего к фабричному. В. И. Ленин, как известно, принимал за нижнюю границу фабрик заведения с числом занятых более 15 человек, особо выделяя крупные (свыше 100 работающих) и крупнейшие фабрики (свыше 500 занятых)⁶⁰.

В нашей востоковедной литературе, прежде всего индологической, встречаются попытки выделения мелкого фабричного производства (что облегчалось приемами индийской статистики) и отнесения занятого там пролетариата к разряду нефабричного, мануфактурного. В эту категорию попадали рабочие механизированных предприятий, где трудилось менее 50 человек, и немеханизированных — с числом занятых менее 100⁶¹.

Представляется, что такая процедура вряд ли правомерна. В число ценовых, т. е. охваченных переписями, фабричных предприятий может попасть некоторая часть нефабричных по своей сути заведений, однако их удельный вес, судя по всему, невелик.

Помимо того в развивающихся капиталистических странах Востока, на наш взгляд, стирается сама грань между фабричным и мануфактурным производством и соответственно между фабричным и мануфактурным пролетариатом. Это происходит вследствие сужения сферы господства ручного труда в капиталистически организованной промышленности и процессов роста производства на базе совершенствования методов немеханизированного, мануфактурного разделения труда. Наблюдаются рост «смешанных» технологических способов производства, частичная механизация ручных промыслов или, наоборот, обрастание фабрик «внешними отделениями» с преобладанием ручного труда.

Что касается границы между фабрикой и кустарно-ремесленным производством, то, как мы уже отмечали, не будет ошибкой считать, что она пролегает достаточно низко. В Пакистане, согласно переписям фабричных промышленных заведений, в ценовые входит определенная часть заведений с числом занятых в среднем в год менее 10 человек⁶². При этом по показателям капиталовооруженности труда эти заведения превосходят группу предприятий с большим числом занятых (до 20 человек) ценовых. Лучшая оснащенность выделяет зарегистрированные в качестве фабричных мелкие и мельчайшие предприятия из всей массы такого рода заведений. В качестве фабричных, судя по всему, регистрируется не более 5—7% этих предприятий⁶³. Они составляют небольшой процент фабричных, ценовых заведений. Так, из 3587 предприятий, охваченных промышленной переписью 1969/70 г., мельчайших по числу занятых заведений насчитывалось 539 (15%). На них работало менее 1% всех рабочих ценовой промышленности. С учетом работающих на предприятиях со средним числом занятых от 10 до 19

человек общая занятость на мелких предприятиях равнялась 15 тыс. (около 4%)⁶⁴.

Итак, большинство рабочих ценовой промышленности в Пакистане трудится на достаточно крупных предприятиях. Справедливо, по нашему мнению, полагать, что, по существу, все (или почти все) охваченные промышленным цензом рабочие принадлежат к фабрично-заводскому пролетариату. Промышленные переписи скорее занижают, чем преувеличивают, их численность.

К индустриальному пролетариату относятся также рабочие крупных предприятий горнодобывающей промышленности, транспорта, инженерно-строительных организаций, электроэнергетики, газа- и водоснабжения. К нему примыкает по определенным признакам (уровню зарплаты, исполнительскому характеру труда) и значительная часть служащих, а именно клерки, средний конторский персонал. Вместе с работающими по найму в крупном торговом деле и сфере обслуживания они образуют категорию, близкую к отряду сложившегося в развитых капиталистических странах торгово-конторского пролетариата. Хотя по своим первичным признакам (месту в общественном производстве и системе его организации) эта часть служащих мало чем отличается от пролетариата, по вторичным характеристикам (прежде всего по уровню образования, социальному происхождению и образу жизни) она в Пакистане все еще существенно отличается от рабочих. Возьмем уровень образования. Клерками в стране становятся обычно после окончания средней школы (60%) или не завершив курс среднего образования (около 20%). Между тем основная масса рабочих пока неграмотна (75%) или имеет лишь начальное образование (около 20%). Этот разрыв за последние десятилетия уменьшился: среди рабочих выросло число имеющих среднее образование (в 1981 г. — более 5%). Меньше стала разница в механизме пополнения рядов (социально-группового воспроизводства) служащих и рабочих. Ряды квалифицированных рабочих в какой-то степени ныне пополняются за счет выходцев из низших служащих и мелкой буржуазии. Некоторая часть детей рабочих, правда очень небольшая, получает образование и присоединяется к категории рабочих в «белых воротничках».

Из имеющихся официальных сведений о численности рабочих и служащих в так называемой организованной сфере (в нее включаются заведения всех отраслей экономики и государственного управления с числом занятых более 10 человек) следует, что она за 1964—1977 гг. выросла примерно с миллиона до полутора миллионов человек. Среднегодовой прирост занятости в организованном секторе составил 3,5%, что несколько выше темпов роста всей рабочей силы (экономически активного населения). Полагая, что занятые в этом секторе (за исключением относительно небольшой категории работающих в заведениях сельскохозяйственных отраслей) относятся к городской рабо-

чей силе, находим, что их доля в последней несколько увеличилась. Однако она осталась в целом на весьма низком уровне: лишь четвертая часть экономически активного городского населения состоит из рабочих и служащих более или менее крупных заведений и предприятий. Остальная масса занята в мелком производстве товаров и услуг (табл. 28).

Таблица 28

Рабочие и служащие городского организованного сектора,
тыс. человек

Отрасль	Год		
	1964	1973	1977
Обрабатывающая промышленность	377	497	511
Горнодобывающая промышленность	20	16	14
Электроэнергетика, газо- и водоснабжение	37	38	60
Строительство	74	59	60
Транспорт и связь	68	133	132
Торговля	23	11	20
Финансы	357	31	74
Услуги	—	445	610
Итого	956	1230	1481
Вся городская рабочая сила	3770	5141*	5623*
Процент занятых в организованном секторе	25,4	23,9	26,3

* Наш расчет сделан на основании оценки занятости в городах в 1975 г. и среднегодового прироста в 1973—1977 г., равного 3%.

Источники: *Mujahid G. B. S. Rural-Urban Migration, Urban Underdevelopment and Earning Differentials in Pakistan.* — *Weltwirtschaftliche Archiv.* Bd. 3, H. 3. Tubingen, 1975, с. 588; *Pakistan Statistical Yearbook 1979.* Karachi, 1980, с. 26—27.

Приведенные в табл. 28 оценки численности занятых в обрабатывающей промышленности представляются существенно заниженными. Согласно промышленной переписи 1959/60 г., в фабричной промышленности было занято 310 тыс. человек. В это число ни тогда, ни впоследствии не включались работающие на военных заводах и в железнодорожных мастерских, хотя и те и другие предприятия регистрируются по действующим в стране законам в качестве фабричных⁶⁵. По переписи 1969/70 г., число рабочих и служащих ценовой промышленности равнялось 418 тыс., а вместе с работающими хозяевами и членами их семей — 423 тыс.⁶⁶. Комментируя итоги переписи, глава пакистанского статистического управления отметил серьезные недостатки собранных сведений из-за неполной регистрации предприятий как фабричных и отказа многих владельцев представить данные о работе своих предприятий. Ввиду того что помещенные в таблице оценки занятости в обрабатывающей промышленности ба-

зируются на тех же сведениях фабричных инспекций, они, по всей вероятности, страдают той же существенной неполнотой. Большое доверие вызывают данные, приводимые Т. Рузиевым со ссылкой на выпускаемые в Лахоре на языке урду издания «Аджка маздур» («Современный рабочий») (табл. 29).

Таблица 29

Рабочие и служащие фабрично-заводской обрабатывающей промышленности

Отрасль \ Год	Год			
	1972	1975	1978	1980
Текстильная	223,1	241,3	232,3	248,7
Машиностроительная, металлообра- тывающая	141,2	151,2	167,6	168,4
Пищевая	43,5	48,7	58,7	54,5
Стекольная, шинная, камнедробильная	22,3	25,8	28,5	29,3
Химическая; нефтеобрабатывающая . .	31,1	33,4	42,3	40,1
Кожевенно-обувная	19,8	20,3	27,3	24,2
Бумажная и полиграфическая	16,6	17,1	20,6	20,8
Табачная	6,7	7,4	10,9	9,3
Деревообрабатывающая	6,2	8,3	11,6	11,7
Прочие	46,2	54,1	79,3	71,8
Итого	556,7	607,8	679,2	678,8

Источники: Рузиев Т. Пакистан. Рабочее движение в 70-х годах. — Рабочий класс и современный мир. 1982, № 1, с. 129; Пакистан. Справочник.

Сравнение приведенных нами в двух таблицах данных об общей численности занятых в фабричной промышленности показывает разницу в 12% (1972—1973) и 33% (1977—1978). О недооценке численности занятых в табл. 28 свидетельствуют также помещенные в ежегодниках МОТ по статистике труда цифры о числе работающих в организованной сфере пакистанской обрабатывающей промышленности. В 1974—1978 гг. это число колебалось в пределах 535—573 тыс. человек⁶⁷. Мы полагаем, что недооценка сведениями из официальных пакистанских источников среднего числа занятых составляет примерно 20%.

В число работающих на промышленных предприятиях входят не только рабочие (производительные рабочие), но также и служащие — управляющие, инженерно-технический и низший обслуживающий персонал. Перепись 1959/60 г. приводит данные о соотношении между производительными и непроизводительными работниками. Последние составляли в среднем 15% общего числа⁶⁸. Отсюда численность собственно фабрично-заводских рабочих может быть оценена на уровне, близком к указанному в табл. 28; если же брать всю занятую в организованном секторе обрабатывающей промышленности рабочую силу, то ее размеры ближе к представленным в табл. 29.

Является также явно заниженной в официальных пакистанских источниках оценка занятости в такой отрасли, как транспорт и связь. Со ссылкой на пакистанскую прессу Т. Рузиев определяет численность железнодорожников в 1978 г. в 150 тыс., рабочих морского и речного транспорта, включая докеров, — в 190 тыс., что вместе с занятыми на городском транспорте составляет приблизительно 300 тыс. человек⁶⁹. Это на 170 тыс. больше, чем показано у нас в табл. 28; с рабочими и служащими средств связи разница превысит 200 тыс. человек.

Две поправки к численности работающих в обрабатывающей промышленности, на транспорте и в связи увеличивают оценку числа занятых в организованной сфере на конец 70-х годов до 1,8 млн. человек. Из них производительные рабочие (занятые физическим трудом) составляют примерно 60%, или 1,1 млн. человек (к такому выводу приходим на том основании, что в «индустриальных» отраслях они составляют 80—85%, а доля занятых здесь равна ориентировочно 60% — см. табл. 28; в «неиндустриальной» сфере, торговле, финансах, услугах доля рабочих — 15—20%).

Примерно половину из более чем миллионной армии рабочих составляет пролетариат предприятий обрабатывающей промышленности. Наиболее массовым его отрядом являются текстильщики (приблизительно 40%); вторая по численности группа — рабочие машиностроения и металлообработки (25%). Весьма значительно, кроме того, число рабочих-пищевиков, химиков, занятых в бумажно-полиграфической и кожевенно-обувной промышленности (около 10% в каждой из этих отраслей).

По сравнению с начальным этапом в развитии пакистанской промышленности резко снизилась к 70-м годам доля сезонного производства (в основном это обработка продукции сельского хозяйства: очистка хлопка, размол зерновых, сахароварение) и сезонно занятых рабочих. В первые годы независимого развития сезонные рабочие составляли примерно $\frac{1}{3}$ фабричных. Но уже к середине 50-х годов их доля снизилась до 15%, а к концу 60-х годов — до 10—12%⁷⁰.

На втором месте после промышленности по численности рабочих идет транспорт, прежде всего железнодорожный и морской (всего в этой отрасли сосредоточено примерно 30% индустриального пролетариата). В горной добыче, строительстве, электроэнергетике, добыче и транспортировке газа и водоснабжении сконцентрировано примерно 15—20% рабочих. Остальные приходится на неиндустриальные секторы, в первую очередь на торговлю.

Выше (гл. II) уже была отмечена высокая степень концентрации рабочих в крупнейших городских центрах. В начале 70-х годов, по данным Плановой комиссии Пакистана, в Карачи была сконцентрирована $\frac{1}{3}$ занятых в фабричной (цензовой) промышленности (133 тыс. человек), в Фейсалабаде (тогда Лаялпуре) — более $\frac{1}{10}$ (46 тыс.), примерно такая же доля рабочих

и служащих приходилась на Лахор (38 тыс.). Следующими по величине центрами были Мултан (28 тыс.) и Пешавар (13 тыс. человек). На пять этих городов приходилось 60% занятых в крупной промышленности⁷¹.

Весьма значительной является также концентрация пакистанских рабочих на крупных и крупнейших предприятиях. Согласно промышленной переписи 1969/70 г., на фабриках и заводах с числом занятых свыше 1 тыс. человек трудилось 46%, т. е. почти половина всех работавших в ценовой промышленности. На пяти крупнейших предприятиях было занято 36 тыс. рабочих (в среднем более чем по 7 тыс. на каждом). Степень концентрации рабочих на больших фабриках и заводах за 60-е годы возросла. По переписи 1959/60 г., работавшие на них составляли 44%. Еще заметнее повышение степени концентрации рабочих и служащих на предприятиях с числом занятых свыше 500 человек — 53% в 1959/60 г. и 61% в 1969/70 г.⁷².

Безусловный интерес представляет вопрос о распределении рабочих между государственным и частным секторами. В результате национализации более 30 промышленных компаний, проведенной правительством З. А. Бхутто в 1972 г., численность занятых в промышленных корпорациях государственного сектора заметно возросла. За 1972/73 финансовый год она увеличилась с 24 тыс. до 34 тыс., к 1974 г. достигла 45 тыс., а к 1977 г. превысила 60 тыс.⁷³. В первые годы военного правления число занятых продолжало возрастать, хотя и медленными темпами. К 1979 г. оно равнялось почти 70 тыс., а затем стало незначительно сокращаться⁷⁴. Ведущая по занятости — Пакистанская металлургическая корпорация (единственным предприятием которой является построенный с советской помощью Карачинский металлургический завод). В этой корпорации в начале 80-х годов было занято более 15 тыс. человек. Несколько меньше занятость на предприятиях и в конторах Государственной инженерной корпорации. Большими являются также цементная и автомобильная корпорации⁷⁵. Исходя из цифр о занятости в государственных промышленных корпорациях и оценок численности работающих в крупной промышленности, считаем, что на государственных предприятиях занята примерно десятая часть рабочих, а $\frac{9}{10}$ рабочих подвергаются эксплуатации на частных заводах и фабриках.

По степени обученности и характеру труда рабочие распределяются в Пакистане на три категории — квалифицированных, полу- и неквалифицированных. По данным миссии МОТ, проводившей обследование в 1955 г., 51% рабочих фабричной промышленности относились к разряду квалифицированных (что по действовавшему тогда положению означало, что они прошли определенный курс обучения, прежде чем стали выполнять порученную им работу), 18% принадлежало к категории полуквалифицированных и 32% — к неквалифицированным⁷⁶. В дефицию квалифицированного рабочего, принятую официально в

стране, были в дальнейшем внесены изменения. Согласно обследованию конца 60-х годов, численность рабочих трех категорий на крупных предприятиях фабричной промышленности была примерно равна: 32% всего персонала этих предприятий составляли квалифицированные рабочие, 34% — полуквалифицированные и 29% — не имеющие квалификации. Кроме того, 2% работающих составляли мастера и надсмотрщики и 3% — управленческий персонал, в основном низший⁷⁷. В инженерно-строительных фирмах доля неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, по данным того же обследования, оказалась ниже — 22 и 23%. При том же удельном весе квалифицированного труда весьма значительной в строительстве оказалась прослойка мастеров (17%)⁷⁸.

Подавляющее большинство фабричных рабочих в Пакистане составляют мужчины. Число женщин-работниц очень невелико, к тому же их удельный вес имеет тенденцию к снижению. Так, по официальным данным, в 1948 г. на предприятиях фабричной промышленности женщин было около 7%, а в 1960 г. — лишь 2,3%. Незначительным и снижающимся был также удельный вес детей и подростков: в 1948 г. — около 2%, в 1960 г. — 1%⁷⁹. Из-за отсутствия других данных о половозрастной структуре фабричных рабочих приходится строить предположения об удельном весе женского и детского труда на фабриках на основе выявившихся тенденций. Определенным подтверждением их неизменности можно считать данные переписи населения 1972 г., которые показали тот же крайне низкий уровень женской занятости в целом. Относительно невелика, по этим сведениям, и численность работающих детей и подростков⁸⁰. Однако необходимо учитывать значительную неполноту официальных данных о женском и детском труде.

Занижение числа работающих женщин, детей и подростков прямо отвечает интересам предпринимателей, стремящихся скрыть нарушения фабричного законодательства. Последнее запрещает нанимать детей моложе 15 лет и предоставляет женщинам и подросткам определенные льготы. Фабриканты стремятся также к использованию дешевого труда женщин и детей вне стен фабрики, нанимают их на сдельную работу, выполняемую на дому. По неофициальным данным, численность женщин, детей и подростков, работающих на фабричных предприятиях, точнее, на фабрикантов, была как в начальный период существования Пакистана, так и на всех последующих этапах, вплоть до последнего, существенно выше, чем по официальным. Особенно много их было занято на сезонных предприятиях⁸¹.

В первые десятилетия в полной мере сохранялся колониальный уровень стоимости и цены рабочей силы. Заработная плата фабричных рабочих была крайне низкой. Увеличение цен на потребительские товары, особенно заметное с середины 50-х годов, привело к сокращению реальной заработной платы. Даже исследования, базировавшиеся на официальных данных, выяви-

ли тенденцию к снижению реальных размеров заработной платы фабричных рабочих⁸². В результате активных выступлений рабочего класса в 1968—1969 гг. правительство установило минимум зарплаты для неквалифицированных рабочих, и предприниматели были вынуждены поднять заработки. Но и после этого материальное положение рабочих существенно не изменилось. Их реальная зарплата в среднем достигла уровня заработной платы середины 50-х годов, т. е. вернулась к исходному рубежу.

В начале 70-х годов правительство Пакистанской народной партии издало ряд постановлений о повышении уровня заработной платы фабричных рабочих, низкооплачиваемых служащих и низшего обслуживающего персонала. Однако эффект от этих мер был краткосрочным и ощущался прежде всего занятыми в госсекторе. Предприниматели всячески уклонялись от выполнения правительственных указов и следовали им лишь после активных выступлений рабочих. Кратковременные улучшения материального положения отдельных категорий и групп рабочих объяснялась тем, что с 1973/74 г. в Пакистане наблюдался резкий скачок цен и стоимости жизни. Вследствие этого значительный номинальный рост средней зарплаты (в 1973—1977 гг. она выросла для фабричных рабочих с 283 до 488 рупий) перекрывался увеличением цен. Последние выросли на 84%, а зарплата — на 73%⁸³.

В конце 70-х — начале 80-х годов происходило параллельное повышение цен и номинальной зарплаты. Для отдельных категорий пролетариата, главным образом для квалифицированных рабочих ряда специальностей, 70—80-е годы были временем некоторого повышения уровня материальной обеспеченности: в отношении их можно говорить об отходе от колониального уровня стоимости и цены рабочей силы. Это произошло не только под воздействием реформистской политики правительства, но и вследствие втягивания части рабочего класса Пакистана в более широкую систему капиталистической эксплуатации через применение его труда на предприятиях и стройках в богатых нефтедолларами странах Ближнего Востока. Отъезд большого числа рабочих определенных категорий создал известный вакуум внутри страны и вынудил предпринимателей повысить уровень оплаты рабочих дефицитных специальностей. Масштабы этого повышения не были существенными⁸⁴. Более того, основной части рабочих тенденции последних десятилетий коснулись в малой степени или вовсе не коснулись.

Наглядное представление об условиях жизни фабричного рабочего средней квалификации дает публикация пакистанского журналиста Башир Ахмада в прогрессивном лахорском еженедельнике «Вьюпойнт»⁸⁵. Журналист приводит рассказ о себе 30-летнего телеграфиста-железнодорожника. Имея среднее образование и значительный стаж работы, он зарабатывал в начале 1983 г. 650 рупий в месяц и на эту зарплату содержал семью,

состоящую из матери, двух младших братьев и двух маленьких сестер (вынужденный начать работать молодым после смерти отца и будучи единственным кормильцем в семье, он не помышляет о женитьбе). Хотя его зарплата далеко не самая маленькая, прожить на нее можно лишь с огромным трудом. Члены семьи и он сам живут впроголодь; в рационе их питания отсутствуют мясо и молоко. Между тем продолжительность рабочего дня телеграфиста — 8—12 часов в зависимости от объема работы.

Еще более тяжелым является положение неквалифицированных рабочих на железной дороге. Они получают меньше, чем квалифицированные, а содержат нередко большие по размеру семьи. Многие из них к тому же проживают не в Лахоре, а в соседних деревнях и каждый день проделывают пешком путь до работы и обратно. Получая в месяц около 400 рупий, они постоянно недоедают.

Этот исключительно низкий уровень оплаты труда не является минимальным. Ведь официальный, законом установленный минимум — 350 рупий в месяц. Неквалифицированные рабочие государственных железных дорог, очевидно, обеспечены несколько лучше своих собратьев, занятых на частных предприятиях.

Как минимум зарплаты, так и средний уровень оплаты труда рабочих далеко отстает от потребностей рабочей семьи. По оценкам ряда профсоюзов, семья из шести человек в мае 1969 г. должна была затрачивать на свои текущие расходы минимум 244 рупии, а в апреле 1982 г., чтобы обеспечить тот же уровень потребления, она должна была расходовать 2110 рупий, т. е. почти в 10 раз больше⁸⁶. Из сопоставления последней цифры с официальным минимумом зарплаты и средней заработной платой квалифицированного рабочего видно, насколько тяжело, часто просто бедственно положение большинства фабричных рабочих.

Наиболее жестокой эксплуатации подвергаются работающие на фабриках женщины. Посетив одну из шерсточесальных фабрик Лахора, Башир Ахмад рисует ужасающую картину труда женщин, работающих там от зари до зари по 10 рупий в день. Труд, доведенный до автоматизма, болезнь глаз, истощение — такова судьба женщин-поденщиц, среди которых журналист увидел и совсем молодых⁸⁷.

Официальная статистика, по всей вероятности, не включила бы этих работниц в состав фабричного пролетариата. Впрочем, в последние десятилетия данные фабрично-заводской статистики не публикуются, что в определенной степени характеризует отношение властей к проблеме положения трудящихся масс. В сущности, не столь важно, отнесены ли эти женщины-поденщицы формально к составу фабричного или нефабричного пролетариата. Главное, что они принадлежат к самому низшему слою рабочего класса, наиболее низкооплачиваемому, забитому

и бесправному. В эту же категорию попадают, как правило, и малолетние рабочие на фабриках.

Но даже их положение, условия труда и жизни не предел того, на что обрекает капитал в нынешних пакистанских условиях эксплуатируемую им рабочую силу. Обычно еще хуже участь тех, кто работает за стенами предприятий, относимых к категории фабричных. Как отмечалось выше (гл. II), их число значительно превосходит численность фабричных рабочих. В общих чертах характеризовалась там и структура нефабричного пролетариата, отмечалось, в частности, что он состоит из рабочих относительно крупных производств (централизованных мануфактур и полуфабрик-полумануфактур) и кустарно-ремесленного пролетариата, точнее, пролетариата рассеянной мануфактуры (системы работы на дому и простой капиталистической кооперации). Ниже мы попытаемся более детально рассмотреть структуру и положение отдельных групп нефабричного пролетариата.

Наиболее значительный отряд достаточно крупного немеханизированного производства — это занятые в обжиге кирпичей, основного материала, используемого в стране в жилом и производственном строительстве. По оценкам печати, численность рабочих кирпичных заводов равнялась в начале 80-х годов почти 2 млн.⁸⁸. Это почти вчетверо больше числа рабочих крупной ценовой промышленности. Правда, к первым относились не только мужчины (составляющие подавляющую массу рабочих ценовых заведений), но и женщины и дети. По тем же оценкам, в стране насчитывалось около 20 тыс. кирпичных предприятий со средней численностью занятых 100 человек. Подавляющее их большинство (80—90%) — неквалифицированные рабочие, так называемые *патхера* и *кумхар*. Они доставляют глину к печи, придают ей форму и высушивают необожженные кирпичи. На этой операции работают часто целыми семьями. Самая тяжелая работа у тех, кто закладывает в печь кирпичи и вынимает их из нее. Она требует квалификации, т. е. определенного времени для обучения.

Более всего распространен кирпичный промысел в Пенджабе. Почти десятая часть всех предприятий провинции располагается в непосредственной близости от Лахора, но за городской чертой (границей лахорской муниципальной корпорации). Следовательно, формально эти предприятия не являются городскими. Причин, побуждающих владельцев выносить заводы за черту городов, несколько. Играет свою роль дороговизна земли в городской черте (для среднего предприятия требуется довольно большая площадь — 8 акров, или более 3 га), но главное, очевидно, это стремление владельцев снизить издержки по найму рабочей силы. Размещая свои предприятия за городскими стенами, предприниматели укрывают их от общественности и позволяют официальным лицам закрывать глаза на тяжелейшие условия труда и жизни рабочих.

Однако, несмотря на попытки заправить «кирпичного бизнеса» сохранить в нем «средневековые» порядки, заговор молчания о нем был нарушен. В конце 60-х годов по инициативе одного молодого энтузиаста, журналиста по образованию, Ихсанул-ла-хана, была создана организация Бхатта маздур махаз (Фронт рабочих кирпичных предприятий)⁸⁹. Профсоюзная по целям и характеру деятельности, организация поначалу напоминала благотворительное общество, ибо в нее вошли не сами рабочие, а их добровольные защитники. И такой состав организации не удивителен, если учесть, что рабочие кирпичных предприятий были сплошь неграмотными и происходили в основном из безземельного крестьянства, принадлежащего к касте *мусалли*, или *мехнати мусалли* (деревенских разнорабочих). По своему реальному статусу значительная их часть не принадлежала к свободной рабочей силе, будучи закабаленной владельцами кирпичных заводов системой авансов (*нешги*), выдаваемых под ростовщические проценты, и связанным с ней грубым произволом и надувательством. Пользуясь беззащитным, прикрепленным положением рабочих, владельцы предприятий широко практиковали их «обмен», по существу продавая и покупая, как крепостных.

Несмотря на забитое положение и жесточайшую эксплуатацию рабочих, агитация Бхатта маздур махаз быстро нашла отклик в их среде. Уже в 1969 г. состоялась первая рабочая демонстрация в Лахоре (относительно небольшая, всего около сотни участников). После этого рабочие кирпичных заводов провели серию других мероприятий, а в 1970 г. уже поддержали общепакистанскую забастовку журналистов. Предприниматели пытались остановить рост организованности рабочих, применяя репрессии и санкции против активистов Бхатта маздур махаз. Было организовано покушение на Ихсанулла-хана, окончившееся неудачей. Правительство в условиях подъема на рубеже 60—70-х годов демократического движения объявило о распространении действия фабричных законов на рабочих кирпичных предприятий. Поднялись номинальные заработки рабочих. Если в 1969 г. они получали за 1000 изготовленных кирпичей 3,5 рупии, то в 1971 г. — уже 6 рупий. Еще большего успеха рабочие достигли в 1975 г. После упорной борьбы, кульминацией которой явилась первая в истории отрасли массовая забастовка, им удалось добиться соглашения с ассоциацией владельцев заводов, заключенного при участии правительства, об установлении более высокого уровня сдельной оплаты труда (22,5 рупии за 1000 кирпичей), отмены поборов и бесплатного труда в пользу владельцев. Хорошо организованное движение в защиту прав рабочих, активное участие в нем их самих вынудили предпринимателей и в дальнейшем повышать заработную плату рабочим. Это сопровождалось, однако, повышением интенсивности труда. В условиях бума, охватившего строительную отрасль в 70-е годы, от этого более всего выиграл новый капи-

тал, внедрившийся в отрасль и потеснивший старый, представители которого не желали отказываться от прежних, наиболее грубых методов эксплуатации. Происходило, по существу, замещение «низших и худших» форм капиталистической эксплуатации ее более развитыми видами.

Несмотря на повышение ставок оплаты труда, реальные заработки рабочих оставались низкими. Средний недельный заработок семьи неквалифицированного рабочего в районе Лахора составлял в 1982 г. (без выходных) 252 рупии (приблизительно 1000 рупий в месяц). Но из этой суммы рабочие должны были возвращать долг (*пешги*), достигавший иногда $\frac{2}{3}$ заработка. Квалифицированные рабочие получали в неделю 235—255 рупий, работая по 12 часов каждый день⁹⁰. В других центрах кирпичного производства Пенджаба заработная плата была примерно на треть ниже⁹¹.

После 1980 г., когда на смену буму в строительстве пришел спад, положение рабочих ухудшилось, произошло ужесточение условий найма и труда. Самым непосредственным образом, весьма отрицательно, на положении рабочих сказалось и изменение внутривластной обстановки в стране. Приход к власти военных в 1977 г. привел к постепенному отходу властей от реформистской политики в области взаимоотношений труда и капитала. Этим воспользовались консервативно настроенные предприниматели, попытавшиеся перечеркнуть завоевания рабочих. Спротивление рабочих в новых условиях не прекратилось, хотя на нем отразились репрессии против активистов движения в защиту их прав. В 1982 г. были, в частности, арестованы Иханулла-хан и некоторые другие другие функционеры Бхатта маздур махаз⁹².

Отрасль по обжигу кирпича дает типичные для современного Пакистана примеры растущего «снизу» капиталистического предпринимательства. Технологически она отличается весьма примитивным уровнем. Ведущим фактором производительности в отрасли служит интенсивная эксплуатация живого труда. Прибыли владельцев достигают огромных размеров — 200% на вложенный капитал⁹³. Стационарный характер производства вследствие его «привязанности» к источнику сырья придает отрасли централизованность, способствует тому, что значительное число рабочих собирается «под одной крышей» (это выражение надо понимать фигурально, так как производственные помещения, как правило, отсутствуют).

Наряду с нефабричными рабочими, работающими совместно, более или менее значительными группами, имеются отряды рабочих, эксплуатация труда которых осуществляется децентрализованно — в мастерских, на мелких и мельчайших «фабриках», в таких же по размеру заведениях непромышленной сферы. Существует две основные разновидности применения труда «мелкими порциями» — на предприятных и в заведениях, т. е. внутри отдельных, специально приспособленных производственных

или коммерческих помещений, и вне предприятий и заведений в форме работы по заказу, субконтракту. Эти разновидности чаще всего не отделены друг от друга, а существуют в одних и тех же отраслях. Работа на дому выступает как дополнение и продолжение трудового процесса, протекающего внутри помещения под присмотром хозяина или мастера-бригадира. Надомный труд позволяет капиталистам мобилизовать ресурсы семейной кооперации, эксплуатировать женщин-домохозяек и детей. Контроль за надомной работой осуществляется по ее результатам. Она может быть принята или отвергнута, и это служит мощным средством давления на рабочих-надомников.

Наиболее крупная отрасль мелкого, децентрализованного производства — изготовление хлопчатобумажной ткани на механических и ручных станках. С начала 60-х годов в Пакистане усилился процесс замены ручного ткачества как массового производства, рассчитанного на внутренний рынок, мелким механизированным (нефабричным) ткацким производством, ориентированным как на внутренний, так и на внешний спрос. Механических ткацких станков насчитывается в стране не менее 100 тыс.⁹⁴. Это означает, что в отрасли занято свыше 250 тыс. человек. Механическое ткацкое производство получило развитие главным образом в Панджабе (ее признанный центр — г. Фейсалабад, где в 1978 г. действовало около 12 тыс. предприятий, 36 тыс. станков и около 60 тыс. рабочих)⁹⁵ и в СЗПП.

Конкретной формой организации производства в отрасли служит заведение из нескольких станков (не более четырех), так как на более крупную «фабрику» не распространяются налоговые льготы, введенные в самом конце 50-х годов⁹⁶. Заведение такого типа внешне выступает как самостоятельная экономическая единица, но в действительности зачастую не является таковой. Крупный и средний капитал в поисках наиболее прибыльного применения проникает в эту сферу, защищенную от налогового и фабричного инспектора, и организует там производство на подрядных и субподрядных началах. При этом основной фактор значительной производительности отрасли (в расчете на вложенный капитал) и высокой прибыльности — тот же, что и во всей области нефабричного трудоемкого производства, а именно непосредственно сам труд рабочих, его низкая стоимость и еще меньшая цена. Многие ткачи, так же как и рабочие кирпичных заводов, вчерашние безземельные крестьяне или их дети, проживающие в городах в *каччи абади* (хибарочных поселениях) либо возвращающиеся каждый вечер домой в деревню.

Тот факт, что избыток рабочих рук, основной их резервуар, находится в сельской местности, объясняет перелив капитала туда. Характернейший пример — ручное ковроткачество, получившее широкое распространение в Пакистане в 70-х годах в основном в сельских районах. Изготовлением ковров там были заняты в первую очередь дети с 7—8-летнего возраста. Они составляли до 70% всех работавших в отрасли⁹⁷. Организаторами

производства выступали представители торгового капитала (с помощью которого в ковроткацкие мастерские попадало сырье, в основном импортированная высококачественная шерстяная пряжа), или их посредники и агенты, в роли которых подвизались, например, обуржуазившиеся крупные землевладельцы, сохранившие власть не только над землей, но и над опутанными долгами людьми (среди них — выходцы из семей бывших «владельческих князей» — хана Калата, эмира Бахавалпура и т. п.), или деревенские учителя, превратившие в период бума в ковроткачестве (в начале 80-х годов он кончился) в ковродельческие мастерские школы (!).

Развитие механического ткачества, других механизированных промыслов, а также начавшаяся техническая реконструкция сельскохозяйственного производства (развитие малой ирригации и механизации) привели к расширению отраслей I подразделения в рамках «неорганизованного», нефабричного сектора. В ряде городов Панджаба, например, возникли кварталы и целые районы мастерских по изготовлению и ремонту так называемых инженерных товаров, т. е. различного рода станков (токарных, сверлильных и т. п.), насосов и дизельных моторов, запчастей к грузовикам, тракторам и т. д.

«Инженерное» производство налажено в Пакистане лишь относительно недавно. Главный прием, который используется при освоении выпуска того или иного вида изделия, — имитация, копирование ввезенных в страну образцов. Искусством такого рода копирования пакистанские ремесленники еще раньше обратили на себя внимание. Известно, к примеру, что по образцам европейского огнестрельного оружия в ряде районов страны, в частности в «полосе пуштунских племен», с начала века изготавливаются ружья и винтовки самого высокого качества⁹⁸. То же самое происходит и с другими металлоизделиями. Традиционные навыки ремесленников, передающиеся от поколения к поколению, склонность к самостоятельному, независимому труду помогают местным жителям добиться успеха в новом для них деле.

Наследственные задатки и семейные традиции, формирующие некоторые черты качества рабочей силы, играют определенную роль в распространении маломеханизированных и мануфактурных производств, не только работающих на внутренний рынок, но и ориентированных на экспорт трудоемких отраслей. К последним относится, в частности, производство спортивной инвентаря, сосредоточенное в панджабском городе Сиялоте. Зародившись в конце прошлого столетия в виде мастерских по ремонту и изготовлению спортивных товаров для британских колониальных войск, этот промысел получил заметное развитие в первой половине XX в.⁹⁹ После 1947 г. в связи с оттоком капитала, принадлежавшего в основном немусульманам и переместившегося вместе с ними в Индию, производство резко сократилось и восстановило свои позиции лишь в 60-е годы. Отрасль

после восстановления стала более современной в техническом отношении. Отдельные операции механизированы. Но основной принцип организации производства остается прежним. Отдельная мастерская ремесленного типа представляет собой небольшую мануфактуру (выполнение разных, образующих последовательный ряд операций) либо цех, где производится однотипная работа. Возможно, конечно, сочетание того и другого. Дополнением служит сдельная работа, выполняемая вне мастерских надомниками. С точки зрения анализа функционирования капитала как собственности существенно важно то, что целые комплексы (цепочки) производства контролируются зачастую одним капиталом. Его конфигурация как капитала-функции напоминает пирамиду, «венцом» которой является, как правило, фирма по экспорту спортивных изделий. Это наглядный пример единства торгового и промышленного капитала.

Рабочие сиялкотского, да и других промыслов в основном выходцы из деревни, принадлежащие часто к ремесленникам по касте. Значительную прослойку среди городских по происхождению рабочих составляют кашмирцы, хорошо известные как талантливые ремесленники. Часть деревенских жителей (обычно не из самых ближних деревень) перебрались в город и постоянно работают в мастерских. Другая же их часть остается в родной деревне, совершая ежедневные переходы до места работы и обратно. Наконец, третья выполняет работу у себя в деревне. И так как они работают в собственных мастерских, оперируя несложным инструментом, то формально являются самостоятельными работниками. На самом же деле эту категорию тружеников можно считать типичной для кустарно-ремесленного пролетариата, и к нему относятся, конечно, не только деревенские, но и городские ремесленники-кустари. Работой на капитал часто занимаются не только мужчины, но также женщины и дети, хотя это, как правило, материально не обеспечивает семью полностью. Занятость рабочего-надомника ничем не гарантирована, и большинство из них вынуждены искать дополнительный приработок, сочетать основную работу с другими занятиями, зачастую вполне сельскими: обработкой клочка земли, содержанием буйволов и т. п.

Крайне необеспеченное материальное положение отличает и жизнь тех, кто на более или менее регулярной основе работает в механических мастерских, на мелких «фабриках», оснащенных механическими или ручными ткацкими станками, в небольших цехах, где собирают из сделанных на дому деталей разного рода электротехнические бытовые приборы, и т. п. Капиталисты-хозяева развившихся в городах «неорганизованных» промыслов прилагают максимальные усилия к тому, чтобы сохранить на мизерном уровне оплату труда рабочих. По свидетельству Б. Ахмада, владельца предприятий в таком крупном центре нефабричного производства, как панджабский город Гуджранвала (общее число промышленных рабочих города, сосредото-

ченных главным образом на мелких предприятиях, равнялось приблизительно 50 тыс. человек), жаловались на нехватку рабочих и даже требовали от правительства запретить выезд рабочих за рубеж, но сами не повышали реальной оплаты их труда¹⁰⁰. Ситуация на рынке рабочей силы в начале 80-х годов оценивалась журналистами как благоприятная для нанимателей. Об этом свидетельствовала общая обстановка «спокойствия в отношениях между рабочими и нанимателями». Придавленные нуждой и бесправием, рабочие «радовали» хозяев безропотностью.

Характерно, что владельцам предприятий было выгодно поощрять различные формы скрытого найма и поднайма, бригадные и артельные, контрактные и субконтрактные методы организации производственного процесса. Владельцы капиталов (в основном торговцы по первой «профессии») поощряли опытных ремесленников-мастеровых создавать цехи, бригады и артели, брать учеников и подмастерьев, т. е. заводить «собственное» дело. Результатом нещадной эксплуатации труда помощников являлось выделение более зажиточной прослойки среди рабоче-ремесленного люда (или, иными словами, рост социально-имущественного неравенства). Главным же итогом было увеличение прибыльности всего дела для капиталиста. Насколько выгодно для него такое рассредоточение производства, видно из конкретного расчета, приведенного Б. Ахмадом. Регулярно занятый рабочий средней квалификации на фабрике в Панджабе в начале 80-х годов получал в месяц 500 рупий. Это меньше, чем платил такому же рабочему мастер, выступавший в роли субподрядчика капиталиста нефабричной сферы. Последнему рабочий стоил 550 рупий, но он не нес никаких дополнительных расходов и обязательств¹⁰¹. Покупка капиталом рабочей силы производилась на условиях, которые ничем не отличались от тех, что были распространены в период раннекапиталистической эксплуатации, до принятия фабричных законов, а также законов о социальном страховании, обеспечении и т. д. Рабочему предприятия фабричного сектора хозяин должен по действующим в Пакистане законам предоставить оплаченный отпуск, компенсацию в случае травмы, премии, отчисления в фонд его личного страхования и т. п. Фабрикант обязан соблюдать правительственные указы о надбавках на дороговизну, об увеличении норм компенсации транспортных и медицинских расходов рабочего. Все это повышает уровень оплаты труда и представляется капиталисту вычетом из его прибылей. Стремление капитала к нерегулируемой со стороны государства, ничем не стесняемой эксплуатации рабочих и объясняет в значительной мере резкое увеличение масштабов и темпов роста мелкого, нефабричного сектора в пакистанской промышленности.

Исключительно выгодно для капитала использование женского и детского труда. Женщины, работающие, например, на крохотных спичечных предприятиях, получали в день всего

4 рупии. Столько же и даже меньше платили вдовам и сиротам, выполнявшим квалифицированную работу закройщиц и портных в так называемых промышленных домах (полная аналогия с работными домами в Англии XIX в.). Знатные *бегум* (госпожи), содержащие их под видом благотворительности, сколотили немалые состояния на безжалостной эксплуатации труда их обитательниц и к тому же приобрели благодаря роли активных «общественных работников» немалый политический вес¹⁰².

Детский труд, как и женский, широко, но незаметно, подспудно применяется в Пакистане. Лишь около 25% детей школьного возраста в крупнейшей провинции страны — Панджабе — посещают школу, и половина из них не заканчивает даже курса неполного среднего обучения. Не посещающие или бросающие школу дети с малого возраста работают. Дети крестьян в районах, особенно страдающих от хронической безработицы, часто вынуждены переселяться в города, жить вдали от дома, нанимаясь на работу в качестве домашней прислуги, помощников в магазинах, ресторанах, отелях и постоялых дворах, посудомоек, мойщиков машин, разносчиков, уличных продавцов и т. п. Дети моложе 12 лет не могут быть официально приняты на работу. Эксплуатация их труда осуществляется поэтому тайно, подпольно, вдали от глаз правительственных инспекторов. Тем тяжелее, как правило, их положение.

Средние городские слои

Выше (в гл. II) уже рассмотрены некоторые общие положения, касающиеся средних слоев города, здесь мы остановимся в основном на характеристике отдельных компонентов этих слоев.

Мелкая городская буржуазия, не являясь основным классом капиталистического общества, т. е. таким его элементом, который необходим для построения теоретической модели философско-социологического уровня, занимает заметное место, по существу, в любом конкретном буржуазном или становящемся буржуазном общественном организме. С теоретической точки зрения она соединяет в себе два противоположных начала — собственническое и пролетарское, а с конкретно-социологической — является слоем, промежуточным между буржуазией и пролетариатом. Конкретно-исторически это положение мелкой буржуазии не всегда выступает как вполне очевидное. Оно было таковым на начальных этапах развития буржуазной формации. На позднейших стадиях, в частности на современном этапе, в обществах периферийного типа, потенциальные возможности мелкой буржуазии как класса промежуточного расходятся с реальными ее возможностями выделять из себя представителей господствующего (буржуазного) класса и сохранять определенные преимущества перед рабочим классом как наиболее угнетенным и эксплуатируемым.

Меньшие потенциальные возможности мелкой буржуазии в

обществах стран современного зарубежного Востока по сравнению с западными в эпоху становления капитализма объясняются многими причинами, которые здесь не представляется уместным рассматривать. Назовем лишь некоторые важные отличия: менее «почетная» роль деревенских ремесел в традиционной сельской социально-экономической структуре; сужившаяся в период колониального господства и полуколониальной зависимости база городского ремесла и самобытных промыслов; увеличение в современную эпоху инвестиционного барьера в промышленности, т. е. величины капиталовложений, которая необходима, чтобы начать дело; подчиненность рынка потребительских товаров господству крупномасштабного производства, местного, иностранного или смешанного; определенная универсализация спроса, происшедшая на этой основе.

Хотя «порождающие способности» мелкой буржуазии не столь велики, она остается существенным элементом социально-классовой структуры азиатско-африканских обществ, развивающихся по капиталистическому пути, ее численность увеличивается по мере продвижения по нему, несмотря на то что хозяйственное значение падает.

Современная мелкая буржуазия и переходные к ней прослойки составляют значительный сегмент городского населения Пакистана — как выше уже отмечалось, примерно четвертую-пятую часть. Наиболее сильны ее позиции в средних и малых городах, прежде всего в тех, которые по основному функциональному профилю являются рыночными городами, сборными пунктами зерна и другой сельскохозяйственной продукции¹⁰³. В крупных и крупнейших городских центрах многочисленность мелкой буржуазии сочетается с относительно небольшой ее экономической ролью, хотя экономика этих городов до сих пор включает в себя как неперенный элемент городской базар, который в современных условиях является средоточием отношений буржуазного и мелкобуржуазного типа. На основании данных детального обследования социально-экономических условий жизни населения крупного города Равалпинди (1960 г.) доля мелкой буржуазии может быть с достаточной долей уверенности оценена в 20—22%¹⁰⁴. Немного меньше в тот период был удельный вес мелкобуржуазных слоев в Карачи (17—18%)¹⁰⁵. Отсутствие сопоставимых данных за более поздние годы, к сожалению, не дает возможности выявить конкретные сдвиги в профессиональной, отраслевой, имущественной — в итоге в социально-классовой структуре населения двух этих важнейших городов. Однако, судя по сведениям переписей населения и выборочных обследований, относящимся ко всем городским районам, эти сдвиги не были резкими, а тем более кардинальными. Доля торговли, гостиничного и ресторанного дела, как занятий, вокруг которых концентрируется мелкобуржуазная масса, не сократилась за последние десятилетия, а выросла. То же самое характерно для занятости в сфере так называемых финансовых

услуг, куда относят владельцев небольших страховых контор,стряпчих, ростовщиков, домовладельцев и т. п.¹⁰⁶.

Торговцы и разного рода дельцы (бизнесмены) составляют в пакистанском городе наиболее крупную профессиональную группу мелкой буржуазии. Мелкие промышленники, ремонтники и ремесленники достаточно существенно уступают им по численности¹⁰⁷.

За годы буржуазного развития в условиях политической независимости численность категории городских «самостоятельных» хозяев-работников увеличилась многократно: за 1951—1981 гг.— более чем вчетверо, приблизительно с 400—450 тыс. до 1700—1800 тыс. человек¹⁰⁸. При этом рост собственно мелкой буржуазии был еще заметнее, ибо происходил также за счет трансформации традиционных мелких производителей (ремесленников) и традиционных торговцев.

Надо отметить, что в первые годы после образования Пакистана число ремесленников и торговцев докапиталистического типа было весьма значительным. Капиталистические отношения к тому времени еще не превратились в ведущие в целом ряде районов, не интегрировали их в национальный рынок. За пределами последнего во многом оставались такие обширные области, как княжество Калат (составившее впоследствии большую часть территории провинции Белуджистан), «полоса пуштунских племен», ряд глубинных районов Синда, Южного и Юго-Западного Панджаба. Немногочисленные и малолюдные города в этих областях отличал традиционный характер, и их лицо определяли предстатели традиционной («средневековой») мелкой буржуазии — торговцы и ремесленники.

Усилению позиций традиционной мелкой буржуазии содействовала социально-экономическая обстановка, усилившаяся в Пакистане после раздела, в частности в результате обмена населением между ним и другим доминионом — Индийским Союзом — и сопровождавших эти события межобщинных столкновений, грабежей и разрушений. Значительную часть перебравшегося в Пакистан населения составляли ремесленники, прежде всего из Восточного (отошедшего к Индийскому Союзу) Панджаба, но также из других районов Северной Индии. На новое место, например, переселились почти все потомственные обувщики-мусульмане Агры, медники Морадабада и др. В обратном направлении мигрировали торговцы и ростовщики, индусы по вероисповеданию, на капитале которых «держались» некоторые высокоорганизованные промыслы, такие, как сиялкотский (в Панджабе) по производству спортивных и хирургических товаров. В итоге этого вынужденного перемещения людей и капитала, а также прямого разрушения материальных ресурсов и частных каналов кредитования не произошла временная регрессия форм мелкого промышленного производства: усилилось простое товарное производство и работа на заказ, шире распространились побочные занятия кустарно-ремесленного типа,

произошло измельчание и деградация промыслов — рассеянных мануфактур. Эту ситуацию в какой-то степени отразила кустарная перепись 1950 г., насчитывавшая в городах и деревнях свыше 50 тыс. надомных производств рыночной ориентации. Основная их часть представляла собой дом ткача, работавшего на одном, реже двух, ручных станках с 1—2 помощниками¹⁰⁹. Из других источников известно, что ручное ткачество на большей части пакистанской территории было занятием городским (на 70% и более)¹¹⁰. Поэтому можно заключить, что к городским в 1950 г. относилось 30—35 тыс. кустарных заведений, и, следовательно, таким примерно было число промышленников — мелких товаропроизводителей.

Уход в Индию почти всех представителей слоя как крупной, так и мелкой торговли и торгово-ростовщической буржуазии существеннейшим образом сказался не только на городской промышленности — временно подорванной оказалась вся городская экономика и система ее связей с сельской. Последнее обстоятельство наряду с другими причинами вызвало повышение цен на продовольствие в 1947—1948 гг. Потребность в «возмещении» утраченного слоя торговцев и посредников привела вскоре к появлению новых его представителей. Ими отчасти становились люди, ранее не занимавшиеся торговлей, главным образом беженцы, иммигранты, имевшие небольшие средства и обратившиеся к этому занятию за неимением иного. Другую группу новой мелкой торговой буржуазии образовали выходцы из торговых мусульманских каст — как коренные жители, так и *мухаджирь*. Все они на первых порах действовали в условиях еще не сложившегося, не устоявшегося рынка товаров, в значительной мере свободного от монополии крупных оптовиков, но и не имеющего источников денежных и кредитных средств для бесперебойной торговли. Таким образом, и здесь мелкая буржуазия начинала формироваться как бы с нуля, перебиваясь зачастую обменными (бартерными) операциями и ориентируясь на узкий и ограниченный спрос соседей по городскому кварталу.

Определенная натурализация экономики, ослабление межукладных связей и отношений были явлениями кратковременными. Уже в 1948—1950 гг. происходит активная регенерация системы снабжения продовольствием основных городских районов страны. Она воспроизводит в основных чертах старую с некоторыми модификациями (меньшей ролью ростовщического капитала как самостоятельного элемента), имеющего своих персонафикаторов и выступающего в явной форме; в операциях торгово-посреднического капитала, принадлежащего мусульманам, взимание ростовщического процента обычно осуществляется в скрытой форме. Более важной особенностью новой системы стал, как представляется, ее более централизованный характер. Этому содействовало участие государства, заинтересованного в возможно более быстром налаживании снабжения городского населения продовольствием и помогавшего немногим крупным

торговцам. Если во внешней торговле позиции такого рода «партнеров по общему делу» в глазах чиновников заняли переселившиеся в основном в Карачи выходцы из торговых кругов Бомбея и других крупных городов Индии, то во внутренней, где основную роль играла панджабская пшеница, предпочтение получили представители панджабских торговых каст, чиниотские шейхи, *пирачи* (или *парача*), *ходжа* и другие, но главным образом панджабцы-иммигранты. Централизации системы закупки и продажи пшеницы способствовала также и быстро обнаружившаяся возможность контрабандного ее вывоза в Индию, где цены были существенно выше¹¹¹. Достройка системы внутренней торговли «сверху» в значительной степени лишила мелких торговцев из числа аутсайдеров (не принадлежащих к господствующей торговой общине, клану) перспектив на укрепление своего положения, превратив их существование в зависимое или крайне небезопасное.

Тем не менее в первой половине 50-х годов происходило заметное увеличение численности городских мелких товаро- и услугопроизводителей. Непосредственное воздействие на это оказало переселение в города части мухаджиров-иммигрантов, которые в самые первые после раздела годы отправились в деревни и заняли там пустовавшие вследствие бегства немусульман земли. Спустя несколько лет хозяйствования на них тем, кто не смог доказать свое право на принадлежность к категории землевладельцев, лишившихся земли по причине переселения из Индии в Пакистан, пришлось покинуть деревню и осесть в городе. При этом они воспользовались тем, что отдельные кварталы в ряде небольших городов Панджаба и других провинций пустовали со времен эвакуации индусов. Вторая волна миграции содействовала тому, что процесс замещения выбывших из состава мелкобуржуазных городских слоев завершился, еще более усилив представительство иммигрантов — выходцев главным образом из восточных округов неразделенного Панджаба. При этом наиболее привлекательной сферой занятости для них в этих городах становилась торговля, расширявшаяся по мере постепенного втягивания глубинных и окраинных районов в общепакистанский рынок. В целом расширение торговли и мелкогородского бизнеса на окраинах сопутствовали отмеченная выше тенденция к подчинению мелкой буржуазии крупной в центрах деловой активности и ее частичная трансформация из группы самостоятельных хозяев в категорию фиктивно самостоятельных.

Показательна в этом отношении судьба слоев, связанных с ручным ткачеством и другими некоторыми видами городских ремесел. Ограничение импорта пряжи в 1952—1953 гг. вызвало повышение цен на нее и разорение большого числа самостоятельных ткачей. Меры правительства по их «спасению» путем системы квот и распределения пряжи через сеть кооперативов лишь увеличивали зависимость ткачей от торговцев, дельцов и

чиновников, установивших контроль над кооперативами и всей сетью централизованного распределения пряжи. В этот период увеличивается число торговцев-промышленников, действующих в сфере ручного ткачества, основываются многочисленные «фабрики», оборудованные ручными станками, бум переживает производство тканей из искусственного шелка на ручных станках¹¹². Укреплению позиций некрупных торговцев-промышленников способствуют поворот в начале 60-х годов в импортной политике правительства (ее либерализация, расширение слоя импортеров) и возросшая доступность электроэнергии в городах. Под воздействием двух этих факторов ускоряется установка механических (электрифицированных) ткацких станков вне фабрик, механизированное ткацкое производство вытесняет ручное, оставляя ему узкое поле деятельности.

Мелкий торгово-промышленный капитал получил в целом определенные возможности для укрепления своих позиций, в то время как положение простых товаропроизводителей в центрах экономической активности ухудшилось, имело место размытие прослойки кустарей¹¹³. Об этом свидетельствуют данные кустарной переписи 1960 г., которая зарегистрировала лишь 46 тыс. заведений, из них 27 тыс. ткацких. Число городских кустарных предприятий сократилось за десятилетие 50-х годов с 30—35 тыс. до 22,9 тыс. О дальнейшем снижении числа городских заведений надомного типа говорят результаты специального обследования 1966 г. (19,3 тыс.), в то время как число мелких предприятий (производственных единиц неорганизованной сферы, располагающих специальным помещением) было в 1,5 раза больше¹¹⁴.

Сокращение удельного веса, а по всей вероятности, и численности слоя простых товаропроизводителей шло параллельно с сужением базы в полной мере традиционного городского ремесла (работы на заказ). Однако связанная с ним прослойка непосредственных производителей в 50—60-е годы, очевидно, не сокращалась абсолютно, ибо при росте населения городов в глубинных и окраинных районах автоматически возрастала потребность в услугах торговцев и ремесленников традиционного типа и их численности.

Наряду с медленным втягиванием этих районов в единую систему капиталистического хозяйствования, превращением господствовавших там традиционных хозяйственных структур в ее функциональную, взаимодействующую с ней периферию имели место более быстрое и особенно ускорившееся с начала 60-х годов преобразование традиционной экономики основных земледельческих районов, развитие там торгового земледелия и на этой базе общий рост объема товарных потоков, требовавший увеличения числа людей, их обслуживающих и с ними связанных. Рост рыночных городов в 60-е годы был наиболее заметен в новоорошенных районах Синда, где в результате увеличилась численность современных мелкобуржуазных слоев.

Технологическая модернизация земледелия, прежде всего в районах наибольшего применения средств малой ирригации (центральные и южные округа Панджаба), стимулировала формирование в ряде расположенных там городов слоя мелких промышленников, в основном из числа ремесленников-кузнецов. Они наладили сначала ремонт, а затем и изготовление по иностранным образцам насосов и дизельных моторов для трубчатых (артезианских) колодцев. Образовались центры этого ремонтно-поделочного производства — небольшие города Даска, Буревала, Мианчанну¹¹⁵.

Повышение продуктивности и доходности сельского хозяйства, сопровождавшее «зеленую революцию» (и в Панджабе охватившее верхушку крестьянских дворов), вызвало увеличение емкости внутреннего рынка и дало толчок расширению торговли промышленными товарами. Выросло изготовление некоторых из этих товаров (железоскобяных, ножевых изделий, электровентиляторов, батареек и т. п.) в мастерских ряда городов, главным образом тех, что имели соответствующие традиции — предпринимательскую прослойку, капитал в производственной форме и квалифицированную рабочую силу. К таким в первую очередь принадлежал панджабский город Гуджранвала с прилегающими к нему Назимабадом и Вазирабадом.

При продолжающемся увеличении численности мелкая городская буржуазия на рубеже 60—70-х годов попадает в полосу затяжного кризиса. Основная его причина состояла в усилении гнета со стороны крупного частного капитала. Последнее, в свою очередь, до известной степени объяснялось ухудшением условий, в которых тот оказался после всеобщего конфликта с Индией в 1965 г., ибо за ним последовало сокращение иностранной финансовой помощи, служившей важным источником субсидирования крупной буржуазии, и обострение внутренней обстановки в стране, тогда включавшей Восточную Бенгалию, что сделало политически невозможной выкачку средств оттуда и их присвоение верхушкой большого бизнеса и тесно связанными с нею руководящими кругами. Следствием этого давления, преломившегося и через призму государственной политики (повышение налогообложения товаров неорганизованного сектора, сокращение доступа мелкой буржуазии к дефицитному импортному сырью, запчастям и оборудованию, кредитам в инвалюте и т. п.), явилось торможение роста верхних звеньев мелкого производства. В начале 70-х годов гнет, который испытывала мелкая буржуазия, усилился под влиянием кризиса и застоя в крупной промышленности и экономике в целом. В этот период возросло подчинение мелких самостоятельных производителей диктату промышленного и торгово-промышленного капитала, имели место разорение, простои, прекращение производства на длительное время, дезинвестирование в ряде отраслей неорганизованной городской промышленности, в первую очередь в сфере механизированного ткачества¹¹⁶.

Есть основания считать, что в 50—60-х годах капитализм в Пакистане развивался в основном вглубь и «сверху», а в дальнейшем он в большей степени стал расти вширь и «снизу». Это способствовало процессу интеграции окраинных районов. Былая изолированность обширных местностей Белуджистана и горных областей, примыкающих к СЗПП, подорванная уже в 60-е годы, стала достаточно быстро исчезать¹¹⁷. Современная капиталистическая система хозяйствования распространила свое воздействие и на большинство глубинных районов Синда и Панджаба.

Изменения общественно-экономического характера расположенных во всех этих местностях городов создали условия для трансформации традиционных товаро- и услугопроизводителей (ремесленников и торговцев) в представителей прослойки, переходной к современной мелкой буржуазии. В то же время черты неизжитой традиционности характеризуют до сих пор (причем не только в социокультурном, но и в экономическом и социальном отношении) часть мелких производителей в городах районов, давно втянутых в капиталистическую орбиту, но сохраняющих докапиталистические «карманы» (в качестве примера традиционных или полутрадиционных занятий укажем на наследственные профессии водоносов в местностях, где испытывают нехватку питьевой воды, или изготовителей и продавцов предметов ритуального назначения, национальной одежды, спрос на которую отчасти наперед задан, «гарантирован»).

В 70-е годы произошло расширение слоя мелкой городской буржуазии, а сама ее структура приобрела более поляризованный характер за счет укрепления позиций верхней прослойки. В начале десятилетия (в первый период гражданского правления) этому содействовала политика властей по прямому поощрению мелкого бизнеса, в частности активизация созданных с этой целью государственно-капиталистических организаций, действовавших на провинциальном уровне, корпораций и советов по поощрению мелкой промышленности. Например, в течение одного только 1972/73 финансового года расходы правительства СЗПП на поддержку мелкого производства возросли в 10 раз¹¹⁸. Расширилось кредитование мелкой промышленности с помощью консорциума прокоммерческих банков. Основные выгоды, если судить по величине займов в расчете на одно предприятие (свыше 100 тыс. рупий), получила верхняя прослойка мелкой буржуазии, и главным образом представители собственно капиталистического класса, его низших и средних слоев¹¹⁹.

Расширение двух пограничных социально-классовых групп в 70-е годы было, по всей видимости, весьма быстрым. Об этом, в частности, свидетельствуют темпы роста мелких предприятий Панджаба. За 1970—1976 гг. число текстильных заведений там выросло с 4,7 тыс. до 14,9 тыс. (на 319%), а предприятий инженерного профиля (механических мастерских, поделочных цехов

и т. п.) — с 2,6 тыс. до 7,7 тыс. (на 199%)¹²⁰. Еще одним доказательством служит увеличение мелких и надомных предприятий в 1969/70—1976/77 гг. в масштабах всей страны с 32 тыс. до 77 тыс.¹²¹.

Укреплению верхних групп мелкой буржуазии способствовала и отраслевая перестройка внутри сферы ручного производства: место (лидирующее) ткачества заняло изготовление ковров ручной работы. Ковроткачество, потребляя в основном привозное сырье и ориентируясь на почти исключительно зарубежного потребителя, стало настоящей «золотой жилой» для крупных торговцев и помогло обогатиться их агентам, а отчасти и самостоятельным посредникам, представителям мелкой городской буржуазии.

Экспортный бум охватил не только эту отрасль мелкомасштабного производства, но и многие другие. Мелкая промышленность и раньше отличалась от крупной более выраженной экспортной ориентацией, но экспорт ее готовых изделий вплоть до девальвации рупии в мае 1972 г. и важных изменений в импортной политике¹²² был по абсолютным размерам небольшим. Удешевление цены пакистанских готовых товаров на внешних рынках (более чем двукратное) помогло налаживанию их сбыта там и стимулировало производство на экспорт¹²³.

Одновременно произошло резкое ослабление монополии крупной торгово-промышленной буржуазии на импорт, что позволило новому отряду буржуазии, в том числе отдельным представителям ее низших слоев и мелкой буржуазии, получать импортные товары по ценам регулируемого, легального «белого» рынка. На этой основе, очевидно, имело место пополнение низших слоев собственно буржуазии выходцами из верхней прослойки мелкой буржуазии.

В то же время основной ее массе приход к власти правительства ПНП не принес улучшений. На волне стремительного роста цен (в 1973—1975 гг. он превышал ежегодно 20—25%) ее доходы падали вследствие сокращения спроса городских потребителей, а расходы возрастали, как у последних. Усилившаяся конкуренция, ухудшение условий жизни, рост коррупции среди чиновничества и притеснений со стороны полицейских и иных ведомств породили настроения недовольства у мелкой городской буржуазии, что объясняет довольно широкое участие ее представителей в антиправительственных выступлениях.

Исключительно тяжело отразились на положении мелких товаропроизводителей последствия кризиса, охватившего мировое капиталистическое хозяйство в середине 70-х годов, в виде главным образом ограничений, которые ввели западные державы на ввоз из развивающихся государств, в том числе из Пакистана, хлопчатобумажных тканей грубых сортов, производившихся главным образом в неорганизованном секторе, хотя их экспортом занимались в основном крупные торговые фирмы. Дискриминационные меры правительств прежде всего европейских

стран плюс ряд других обстоятельств привели к подлинному кризису в сфере неорганизованного ткачества, приостановке работы и длительному полному бездействию десятков тысяч станков¹²⁴.

Политический и экономический кризис 1977 г. сменился периодом, который можно охарактеризовать как движение вспять, к той структуре организации хозяйственной жизни, которая господствовала при правительстве М. Айюб-хана, в «золотое» для крупной буржуазии «десятилетие развития». Возможности для обогащения отдельных представителей верхних слоев мелкой буржуазии с установлением нынешнего военного режима, очевидно, сократились, но зато их положение в целом несколько стабилизировалось. Причем главную роль в этом сыграла не особая политика правительства, а такой фактор, как выезд за рубеж многочисленных представителей слоя мелкой буржуазии для работы в богатых нефтедобывающих странах, перевод ими на родину значительных денежных средств, часть которых идет на производственные нужды. Кроме того, экспорт пакистанской рабочей силы и ее продажа за границей по цене, намного превышающей пакистанский уровень, увеличили емкость внутреннего рынка и тем самым косвенно укрепили позиции мелкобуржуазных слоев города. Тому же содействовали и другие экономические связи Пакистана с новым финансовым международным центром на Ближнем Востоке по линии вывоза и ввоза капитала, использования в странах Аравии пакистанского военного персонала и т. п.

Вместе с тем необеспеченность коренных интересов большинства представителей мелкой буржуазии в полной мере сохраняется и в нынешних социально-политических условиях. Более того, в связи с новым усилением позиций крупного капитала после прихода к власти военных эксплуатация мелкой буржуазии, видимо, увеличилась. Кризис текстильной промышленности преодолен не был, и неорганизованное ткачество остается сужающейся (периодически абсолютно, а в качестве устойчивой тенденции относительно) сферой производства и занятости. «Запертые» в ней формально независимые ткачи подвергаются самой безжалостной эксплуатации со стороны крупных фабрикантов и торговцев, выступающих в качестве их агентов¹²⁵.

Несколько слов нужно сказать о сдвигах в национально-этническом составе мелкой буржуазии в дополнение к тем отдельным замечаниям, которые сделаны выше. Вплоть до конца 50-х годов наиболее быстро, судя по всему, развивалась мелкая буржуазия из среды урдуязычных иммигрантов Карачи, а также гуджаратцев, большинство из которых, обращаясь к занятию бизнесом, могло рассчитывать на поддержку торговой общины. В дальнейшем, вслед за перемещением центра мелкой промышленности во внутренние районы страны, самым активным становится слой мелких промышленников и торговцев из числа панджабоязычных иммигрантов. Используя отсутствие в

большинстве городов Синда, СЗПП и Белуджистана значительных отрядов мелкой буржуазии из представителей основных народов этих областей, они захватили в них контроль за розничной торговлей, ремонтно-подделочными работами, кустарными промыслами. Определенное значение для укрепления их позиций имела, по всей вероятности, поддержка местных властей, состоявших в значительной части из панджабцев.

Большую роль панджабские торговцы, судя по всему, сыграли, в частности, в процессе расширения сети рыночных городов в Синде, имевшем место во второй половине 60-х годов. Начиная с этого времени и даже раньше активизируется внедрение в экономику различных городов, в том числе крупнейших, мелкобуржуазных элементов из числа пуштунов. Толчком в этом отношении послужили быстрое развитие автодорожного сообщения, сооружение «национальной» шоссеиной дороги Карачи — Пешавар и расширение грузопотока между северо-западными и другими районами страны. Из округов СЗПП на юг доставлялись фрукты и сухофрукты, кожсырье, контрабандные товары, износившиеся или вышедшие из моды швейные изделия развитых стран, которые по программам помощи «в благотворительных целях» доставлялись на Ближний и Средний Восток. Пуштуны, по существу, монополизировали главный рынок всех этих товаров, находящийся в Карачи.

Таким образом, в числе обойденных оказалась в основном мелкая буржуазия двух национальностей — синдхи и белуджи (вместе с брагуями). Это представляет не столько следствием дискриминации и притеснений и конкуренции в условиях переполнения каналов городской торговли и неорганизованной промышленности, сколько результатом в целом запоздалого и робкого вступления представителей этих этнических групп на путь адаптации к условиям жизни в современном городе, что, в свою очередь, связано со специфической структурой традиционного общества, в частности с тем обстоятельством, что у белуджей и брагуев, а также у синдхов, значительная часть верхушки которых генетически связана с белуджами, не сложился слой традиционной мелкой буржуазии. В районах их расселения функции торговцев и ремесленников выполняли, как правило, пришлые элементы, чаще всего представители индусских торговых каст и пуштунские торговцы. Представители мелкой буржуазии из числа синдхов в колониальный период были весьма многочисленны, и они в целом далеко продвинулись по пути преобразования в слой буржуазного общества. Однако все они, будучи индусами, покинули территорию Пакистана. Формирование новой синдхской мелкой буржуазии, как и крупной, шло очень медленно.

В состав средних (промежуточных) городских слоев помимо мелкой буржуазии входят служащие и интеллигенция. Это так называемая новая часть средних слоев или «среднего сословия», которая в отличие от «старой» (мелкой буржуазии) получила

развитие на более поздних стадиях развития капитализма¹²⁶. Особое положение представителей умственного и нефизического труда в социально-классовой структуре буржуазного общества растет по мере их численного увеличения, быстро происходящего в современную эпоху. Его закреплению, однако, противодействует растущая дифференцированность их общественного состояния, когда меньшинство тяготеет к буржуазному классу, а большинство — к пролетариату, но и тот и другой процесс в конкретных, неэкстремальных условиях выступает в незавершенном виде.

На примере Пакистана отчетливо видны те же, что и в современном буржуазном обществе в целом, тенденции увеличения численности служащих и интеллигенции, а также социальной и имущественной дифференциации в их среде.

Прежде чем рассмотреть их, попытаемся конкретизировать понятия «служащие» и «интеллигенция». В большинстве встречающихся в советской литературе определений этих понятий обращается внимание на взаимную перекрестность двух социальных множеств (групп людей), которые ими охватываются. Действительно, критерии их выделения различны: в том, что касается служащих, это формальный статус, форма занятости, а интеллигенции — вид труда — умственный, сложный, требующий длительного срока обучения и (или) специальной подготовки (опыта, стажа)¹²⁷. Взаимоналожение двух социальных групп означает фактически, что имеется подгруппа служащих-интеллигентов, или служащая (служилая) интеллигенция. Кроме этой подгруппы выделяются еще две — интеллигенция, не работающая по найму (государственному и частному), и служащие, не являющиеся интеллигентами, т. е. работники специфического нефизического труда, «труда обслуживания»¹²⁸ (за исключением низшего, неквалифицированного).

При анализе «новых» средних слоев в конкретных пакистанских условиях выделяются: (1) административная служащая интеллигенция — имеющие специальную квалификацию служащие государственного аппарата и частных учреждений; (2) неадминистративная служащая интеллигенция — учителя, врачи, юристы, журналисты и другие лица так называемых свободных профессий, состоящие на службе у государства или частных собственников; (3) неслужащая интеллигенция — врачи, адвокаты, ученые, богословы и другие, имеющие частную практику, частный доход; (4) работающий по найму средний технический персонал — основную его часть составляют клерки, конторские служащие, сюда же входят медицинские работники, техники и т. п.; (5) не занятые по найму лица средней квалификации, оказывающие определенного рода услуги частным лицам (переписчики, стряпчие и др.). Третья и пятая категории входят в предпринимательскую часть средних слоев, смыкаясь с мелкой буржуазией, а в случае их превращения в работодателей и эксплуататоров чужого труда — и с классом буржуазии. В эти

группы входят интеллигенция и полуинтеллигенция не только современного (в существенной мере интернационального в социокультурном отношении) типа, но и традиционная, национально-самобытная или национально ограниченная. Представители последней по мере обуржуазивания общества (точнее, того ее варианта, который претерпевает Пакистан) отчасти трансформируются в содержательном социально-классовом плане, продолжая оказывать прежние по форме услуги.

Под рубрикой средних городских слоев при анализе социально-классовой структуры обычно рассматриваются не только те категории служащих и интеллигенции, которые входят в экономически активное население (рабочую силу), но также и не включаемые туда. Имеются в виду военнослужащие (военная интеллигенция и полуинтеллигенция) и студенты — резерв, будущее пополнение интеллигенции и служащих. Нам представляется рассмотрение этих групп населения в качестве структурных элементов средних городских слоев вполне оправданным, ибо (см. гл. II) они объединяют в основном социально самостоятельных, потенциально или реально политически активных членов общества.

Формирование новых средних городских слоев в Пакистане относится по преимуществу ко времени после достижения независимости. Последствия раздела Британской Индии привели к отъезду из областей, сформировавших Пакистан, большей части интеллигенции и служащих, в силу того что эти категории ориентировочно на 70—80% состояли из немусульман. Среди переселенцев в Пакистан удельный вес образованных, а также имеющих опыт работы в сфере управленческого труда, знание конторского дела был относительно небольшим. Лиц высокой квалификации явно не хватало. Об этом красноречиво свидетельствуют данные первой пакистанской переписи, проведенной спустя три года после образования страны. По ее сведениям, дипломированных врачей насчитывалось 2,3 тыс., инженеров, архитекторов и др. — 1,2 тыс., квалифицированных преподавателей — 6,3 тыс., судей, юристов — 2 тыс., ученых-естественников — 200 человек¹²⁹.

Столь же скромными выглядят цифры, характеризующие масштабы подготовки будущих специалистов с высшим и полным средним образованием. В стране с более чем 30-миллионным населением (речь идет о тогдашней западной части Пакистана) на рубеже 40—50-х годов имелось лишь два университета и около 50 колледжей (выпускники имели право поступления в университет). Число студентов в них не превышало 27 тыс. (из них в университетах обучалось меньше тысячи человек)¹³⁰.

Несмотря на отсутствие подготовленных кадров, молодое государство быстро «обзавелось» сетью административно-управленческих организаций и учреждений. По переписи 1951 г. в гражданской администрации числилось занятыми свыше 270 тыс. человек¹³¹. Хотя эта цифра скорее всего неточна, завы-

шена, она свидетельствует о том, что уже в первые годы существования Пакистана сформировалась значительная армия правительственных служащих. Их образовательный и профессиональный уровень был невысок, и в 50-е годы происходили, видимо, его повышение и замена менее подготовленных кадров более образованными, численность которых по мере расширения сети полных, средних и высших учебных заведений постепенно увеличивалась.

Вследствие крайне низкой исходной базы увеличение интеллигенции в 50-е годы носило скачкообразный характер. Так, число врачей выросло втрое (но при этом всего на 4 тыс.), преподавателей университетов — также втрое, увеличившись лишь на 3 тыс. и т. п.

В то же время темпы роста численности административных служащих, главным образом государственных, были умеренными. Их число в начале 60-х годов равнялось примерно 220—250 тыс. Основную их часть составляли канцелярские служащие; сюда же, кроме того, включались низшие слои чиновничества и верхний слой технического персонала канцелярий. Общая численность неадминистративных служащих государственного сектора (занятых в основном в области образования и здравоохранения) равнялась 50 тыс.¹³². Примерно столько же служащих специалистов и техников приходилось на частный сектор этих областей социальной инфраструктуры. Число лиц свободных профессий, занимающихся частной практикой, было небольшим, зато к традиционной интеллигенции и полунинтеллигенции принадлежало не менее 100 тыс. человек. Численность мусульманских богословов и служителей культа (*имамов, муэдзинов* и т. п.) определялась переписью 1961 г. в 48 тыс.; помимо этого насчитывалось около 10 тыс. учителей школ при мечетях (*мед-ресе* и *мактабы*) и примерно 30 тыс. *муниров* и *муниши* (специалистов в местных системах счетоводства и корреспонденции)¹³³.

К перечисленным группам средних слоев надо добавить военную интеллигенцию и военнослужащих нерядового состава. Общая численность вооруженных сил страны в начале 60-х годов может быть определена ориентировочно в 200 тыс., а число младших офицеров и унтер-офицеров — в 20 тыс.¹³⁴.

Количество студентов возросло к началу 60-х годов до 90 тыс., из них в университетах обучалось около 5 тыс., остальные были учащимися колледжей, в основном общего профиля (студенты профессиональных колледжей составляли лишь шестую часть)¹³⁵.

В целом численность представителей средних слоев в начале 60-х годов можно считать равной 0,5 млн. человек. Из них некоторые категории (учителя начальных школ, традиционная интеллигенция и отчасти государственные служащие) распались на сельскую и городскую часть, но большинство (современная интеллигенция, студенчество, офицерство) охватывало лишь городское население. Если полагать, что оно в целом составля-

ло $\frac{4}{5}$ общего числа, то удельный вес средних городских слоев нового типа (не связанных с мелким товарным производством) в составе городского населения равнялся приблизительно 11—12%.

Излишне говорить, что в различных городах этот удельный вес был различен. Наибольшим он, безусловно, был в крупных центрах, но и там варьировался в широких пределах. Так, в Карачи в 1959 г. доля служащих и интеллигенции оказалась несколько меньше выше приведенной средней, между тем как в Равалпинди (обследование того же года) достигала 40% ¹³⁶.

В десятилетие 60-х годов темпы роста интеллигенции, оставаясь столь же высокими, как и в предшествующие, привели к значительному увеличению ее численности. В этот период открылось много новых учебных заведений — три университета (они добавились к четырем существовавшим), свыше 200 колледжей. Численность студентов возросла более чем в 2,5 раза и достигла в начале 70-х годов 250 тыс. Еще быстрее увеличивался поток выпускников колледжей и университетов. В 1960/61 г. колледжи закончили 26 тыс. человек, а в 1970/71 г. — более 60 тыс. Высшее образование получили соответственно 2 тыс. и 11 тыс. человек. Среднегодовой прирост выпускников равнялся 18%. Особенно резко он возрастал в первой половине десятилетия (почти на 20% в год) ¹³⁷.

Численность административных служащих увеличилась в абсолютных цифрах также весьма значительно — приблизительно до 330—350 тыс. Главную их часть (280—300 тыс.) составляли служащие государственного аппарата. Заметно выросло также число неадминистративных служащих государственного сектора, так что общая численность работающих по государственному найму конторских служащих (специалистов и технических работников средней квалификации) приблизилась к 400 тыс. ¹³⁸.

Быстро возросла также (особенно после военного конфликта с Индией в 1965 г.) численность вооруженных сил (до 300 тыс.) и соответственно военных специалистов среднего и низшего командного состава.

Абсолютный рост занятых специалистов и канцелярских служащих наблюдался и в частном секторе, однако он там не был значительным ввиду стремления предпринимателей (и, что важнее всего, крупных капиталистов, представителей монополистической верхушки, определяющих «погоду» в сфере промышленности) к экономии на фондах оплаты труда как производительных, так и непроизводительных работников. Кроме того, многие из заправил частного бизнеса, пополняя кадры служащих, неохотно брали образованных молодых людей, не принадлежащих к их национальным (этнолингвистическим) и (или) религиозно-кастовым группам, стремясь ограничиться к тому же минимумом работающих по найму служащих и специалистов ¹³⁹.

Сопоставление цифр, характеризующих темпы увеличения

числа оканчивающих учебные заведения и расширение занятости лиц с образованием, свидетельствует о заметно возмужавшей в течение 60-х годов рассогласовании между ними. Уже к середине десятилетия наметился разрыв между численностью выпусков учебных заведений и пополнением экономически активного населения кадрами специалистов и технических работников в сфере умственного труда. Этот разрыв стал особенно заметным в конце 60-х годов. Безработица, распространившаяся среди образованной молодежи, стала одной из главных причин усиления недовольства студентов, их активного участия в оппозиционных выступлениях 1968—1969 гг.¹⁴⁰.

Следующее десятилетие 70-х годов (особенно время пребывания у власти правительства З. А. Бхутто) отмечено увеличением абсолютных размеров прироста числа служащих в государственном секторе. Этому способствовали социально-экономические реформы, проведенные в 1972—1974 гг., раздвинувшие границы государственного сектора, превратившие его в ведущего инвестора и работодателя. Административная реформа 1973 г. привела не только к замене большой группы лиц в верхних этажах администрации, но и к общему расширению, иногда даже к чрезмерному разбуханию государственного аппарата. Национализация большинства частных школ также сопровождалась увеличением учительских мест. Специально, чтобы ослабить остроту проблемы безработицы среди образованных, был создан Корпус добровольцев по содействию национальному развитию. В течение трех лет государство помогало существовать более 20 тыс. человек, выплачивая стипендии, пособия и стремясь направить безработную молодежь (учительствовать в деревни и небольшие города).

В тот же период произошло разбухание непроизводительных сфер государственной занятости: был увеличен полицейский аппарат, созданы федеральные силы безопасности, сильно выросла численность вооруженных сил¹⁴¹.

В то же время занятость служащих в частном корпоративном секторе резко сократилась в результате национализаций, а также свертывания инвестиционной активности частного хозяйственной буржуазии, застоя производства в ряде отраслей промышленности и закрытия многих предприятий (служащие как часть так называемых непроизводительных работников составляют не менее 10% общего числа занятых на цензовых предприятиях).

После прихода к власти военных и отказа правящих сил от «популистской» политики рост числа служащих госаппарата и госсектора замедлился. В ряде подразделений административных служб и на отдельных предприятиях и в отраслях штаты служащих были сокращены¹⁴².

Проведению военными властями более рационального с экономической и более жесткого с социальной точки зрения курса способствовала новая ситуация на рынке рабочей силы — рас-

ширение выезда пакистанских граждан за рубеж. Правительство Пакистана начало поощрять эмиграцию рабочей силы уже в конце 60-х годов. Качественный сдвиг произошел во второй половине 70-х годов и был связан, как выше отмечалось, с выездом в страны Ближнего Востока, где возросшие запасы «нефтяных» долларов помогли развернуть капитальное строительство, ускорить материальный прогресс в экономической и социальной областях. Хотя на первых порах подавляющая часть пакистанских эмигрантов в эти страны состояла из рабочих, лиц физического труда, но уже и тогда среди них были специалисты, средний технический персонал непроектной сферы, канцелярские работники. К концу 70-х и особенно в начале 80-х годов спрос на эти категории работников в богатых нефтью арабских странах стал расти наиболее быстро. Пакистанцы, как правило владеющие английским языком, оказались конкурентоспособными на рынке рабочей силы этого профиля. По оценкам, на рубеже 70—80-х годов специалисты и технический персонал составляли 15—20% рабочей силы из Пакистана, находящейся в странах Аравии¹⁴³, т. е. примерно 200—300 тыс.

Несмотря на провозглашенное стремление к бережливости и борьбу с раздуванием штатов, военные власти пошли на дальнейшее увеличение государственного аппарата, введя, в частности, более дробное административное деление в ряде провинций¹⁴⁴. Численность государственных служащих к началу 80-х годов выросла до 400—450 тыс. В это число не включены учителя, представители наиболее массовой «интеллигентской» профессии (примерно 280 тыс. человек), также в основном занятые по государственному найму.

В 60—70-е годы происходило увеличение слоя не только современной, но и традиционной интеллигенции. По одной оценке, численность мусульманских богословов, проповедников, духовных вождей, служителей в мечетях и других местах поклонения достигла 126 тыс.¹⁴⁵.

Продолжался рост численности вооруженных сил (до 450—500 тыс.), хотя главный упор военный режим сделал на повышение их технической оснащенности. Этому курсу содействовала политика империалистических держав, в первую очередь США, которые предоставили Пакистану заем в 3,2 млрд. долл. и современное оружие в счет заемных средств.

Противоречивые тенденции характеризуют подготовку кадров интеллигенции. Имеющиеся данные свидетельствуют о дальнейшем увеличении численности студентов (до 350 тыс. на начало 80-х годов) и выпускников университетов (до 30 тыс.)¹⁴⁶. Вместе с тем число выпускников технических специальностей сократилось, по некоторым данным, с 14 тыс. в 1975 г. до 7,6 тыс. в 1980 г. (на 45% за пять лет). За это же время численность выпускников-юристов увеличилась в четыре раза¹⁴⁷. Замедлились также по сравнению с 60-ми и первой половиной 70-х годов темпы увеличения числа дипломированных (зарегист-

стрированных) врачей¹⁴⁸. Несмотря на то что некоторое дополнительное число специалистов по естественным и техническим наукам готовилось за рубежом, в целом ощущалась их острая нехватка. В стране работало лишь 900 человек, имевших степень доктора философии (кандидатскую степень) в точных науках. Из них 600 преподавали в университетах, и только 300 входили в штат научно-исследовательских организаций. Большинство последних (их число выросло с 73 в 1974 г. до 137) располагали двумя-тремя высококвалифицированными специалистами¹⁴⁹.

Итак, к началу текущего десятилетия слой интеллигенции и служащих в Пакистане многократно увеличился по сравнению с начальным периодом существования страны. Численность городской интеллигенции и служащих выросла примерно в 4 раза (с 200—220 тыс. в 1951 г. до 930—990 тыс. в 1981 г.). Если в начале 50-х годов в составе всего самостоятельного населения доля представителей новых средних слоев составляла ориентировочно 2—3%, то спустя 20—30 лет — уже не менее 5—6%. Их удельный вес в составе экономически активных городских жителей вырос с 9—10 до 13—14%¹⁵⁰. Считая вместе с ними резерв с экономической точки зрения (студенчество, младших офицеров и унтер-офицеров), находим, что новые городские промежуточные слои составляли около шестой части городского населения.

Рост численности и удельного веса средних слоев нового типа сопровождался ухудшением материального и социального положения основной массы их представителей. В начальный для Пакистана период, когда класс национальной буржуазии был численно невелик, интеллигенция и значительная часть служащих заняла довольно прочные позиции в социальной структуре молодого общества. Образование, даже среднее, не говоря уже о высшем, служило немалым «капиталом». Потребности в образованных кадрах превышали предложение, что определило относительно высокую оплату труда служащих и интеллигенции.

Происшедшее в дальнейшем быстрое увеличение численности новых промежуточных слоев привело к относительному обесцениванию оказываемых ими услуг. Первой «жертвой» стала разросшаяся за счет притока лиц с неполным средним образованием (обладателей так называемых матрикулов, метрик или аттестатов) прослойка конторских служащих, клерков среднего и низшего звена.

Среди государственных служащих удельный вес клерков настолько значителен, что данные об их жалованье в наибольшей мере влияют на средние показатели о жалованье и заработной плате работающих по государственному найму. Согласно сведениям, обработанным американскими экономистами С. Гизингером и Н. Хиксом, средний доход занятых в госсекторе в середине 70-х годов оказался ниже зарплаты и жалованья занятых в

организованной (цензовой) промышленности, между тем как в начале 50-х был вдвое выше¹⁵¹.

О сокращении реальных доходов большей части госслужащих свидетельствуют данные, приводимые пакистанскими исследователями М. Л. Куреши и Ф. Билкиз. По ним, к середине 70-х годов по сравнению с началом 60-х произошло уменьшение жалованья (в неизменных ценах) всех категорий государственных работников — от высших до низших ступеней, но наиболее значительным оно было для средних ступеней, т. е. для конторских служащих и низшего звена чиновничества¹⁵².

Сокращение жалованья конторских служащих вызвало понижение их материальной обеспеченности до уровня квалифицированных фабричных рабочих и даже ниже его. Так, по обследованию населения Карачи 1959 г. жалованье клерков заметно превосходило заработную плату квалифицированных рабочих, а по обследованию конца 60-х годов, проведенному в крупных городах страны, оно было уже на шестую часть ниже средней зарплаты¹⁵³.

Та же закономерность выявляется и в том случае, когда мы берем данные о служащих частного сектора, в частности занятых на цензовых предприятиях обрабатывающей промышленности. В середине 60-х годов непроемительные работники в промышленности (в эту категорию входят служащие управления, инженерно-технические кадры и низший обслуживающий персонал) получали в среднем в 2,5 раза больше, чем зарабатывали рабочие¹⁵⁴. В значительной степени это объяснялось включением в их число высокооплачиваемых управляющих, менеджеров среднего звена, работающих предпринимателей и образованных специалистов, однако большинство среди них составляли служащие заводских контор, жалованье которых не могло не отразиться на общей картине. Представляется, что изменением прежде всего их относительного материального положения объясняется сокращение разрыва между производительными и непроемительными работниками, которое произошло ко второй трети 70-х годов. Согласно сведениям промышленной переписи 1976/77 г., расходы на оплату труда непроемительных работников цензовой промышленности в целом лишь в 1,5 раза превышали средний заработок рабочих, а в некоторых провинциях и отраслях, по существу, не отличались от него¹⁵⁵.

Относительное, а в значительной мере и абсолютное ухудшение материального положения коснулось не только административных служащих госаппарата, но и других представителей средних слоев, находящихся на службе у государства. Так, учителя начальных школ приравнивались к служащим очень низких ступеней (в единой сетке оплаты труда госработников). В одну с ними категорию входили клерки, стенографисты, машинистки и т. п. Немногим лучше было материальное положение учителей средних школ.

Если для лиц со средним образованием (конторских слу-

жащих, учителей, фельдшеров, судейских работников и т. п.) характерным сдвигом за годы независимости было понижение их материального уровня, то для выпускников колледжей и университетов (интеллигенции) основная тенденция состояла в возросшей дифференциации, социально-имущественном расстройстве. В отличие от первых лет существования Пакистана, когда интеллигенция представляла собой небольшую компактную группу европейски образованных людей, впоследствии это весьма разношерстная масса, где выделяются верхние, средние и низшие прослойки. К первым относятся образованные представители господствующих классов и групп, обслуживающих их интересы, к последним — люди, растворившиеся в рядах мелких служащих, нередко по своему материальному положению близко стоящие к низам общества. Особое положение занимает наиболее массовая средняя прослойка, сохранившая определенную независимость от системы государственного управления и крупного частного бизнеса. Значительная часть лиц, ее составляющих, — выходцы из землевладельческого класса, располагающие небольшими доходами (рентой) от владения землей либо средствами, вырученными от продажи (залога) земельного участка. Ее социальное бытие и идеалы буржуазны или мелкобуржуазны, что не исключает появления среди этой прослойки литературных и политических представителей иных социальных сил.

В связи с вопросом о генетических социальных связях новых средних слоев подчеркнем, что вместе с увеличением массовидности расширялась база их пополнения. В 50-е годы его главный элемент составляло городское население, мелкобуржуазное и буржуазное по социальной природе (ввиду относительно малочисленности групп интеллигенции и служащих их «самовоспроизводство» на первых порах было ограниченным). В основном пополнение составляли выходцы из семей, проживающих в крупных городах, где в то время находились все основные центры образования. Главным из них был Карачи, в котором, кроме того, располагались центральные правительственные учреждения, предъявлявшие наибольший спрос на образованных молодых людей. В первом поколении пакистанских служащих и интеллигенции шире других были представлены мухаджиры, иммигранты, осевшие в Карачи. По данным 1959 г., к этой категории в тогдашней столице принадлежало 70% специалистов и технического персонала, 72% административных и управленческих кадров, 68% конторских служащих¹⁵⁶. Две другие категории, которые выделялись при обследовании (коренные жители и внутренние мигранты), также принимали участие в формировании слоя служащих и интеллигенции, хотя и пропорционально меньше (их доля во всем экономически активном населении равнялась 45%)¹⁵⁷. К тому же ни в большей мере «питали» низшие слои средних слоев Карачи.

В десятилетия 60—70-х годов наблюдается расширение со-

циальных источников пополнения слоя служащих и интеллигенции, прежде всего за счет зажиточных деревенских жителей. Наряду с этим возрастает «самовоспроизводство» этого слоя, меньше становится «давление» на него со стороны других средних по доходам групп городского населения. О притоке выходцев из деревни можно судить по сведениям о происхождении студентов Панджабского университета. Проведенное среди них в конце 60-х годов обследование показало, что отсюда родом была примерно половина студентов-мужчин, причем у половины из последних семейный доход оказался довольно низким. Из связанных с земледелием семей происходила только треть сельских студентов, что свидетельствует о большом стремлении к получению образования у неземледельческой части деревенских жителей (составляющих примерно 30—35% их общего числа).

Более высокое социальное происхождение отличало девушек-студенток. В основном они были горожанками из весьма состоятельных семей. Однако пополнение женщинами рядов служащих и интеллигенции далеко не соответствовало довольно быстрому в 60-е годы увеличению их численности в студенческой среде. Именно они в первую очередь попадали после окончания колледжей и университетов в разряд не имеющих работы. Показательно, что по переписи 1972 г., более половины (52%) женщин, включенных в состав рабочей силы (экономически активное население), оказались безработными, а в городах — $\frac{2}{3}$ ¹⁵⁸.

В целом обращает на себя внимание весьма небольшой удельный вес пакистанских женщин среди работающей интеллигенции и служащих. Исключительно низкая (по сравнению с другими государствами) доля экономической активности женской части населения страны — следствие в значительной степени того обстоятельства, что они мало привлекаются к работе в конторах и учреждениях. Сказывается также и отставание Пакистана в развитии сферы социальной инфраструктуры, в частности недостаточно широкое распространение сети учреждений образования и здравоохранения, особенно той ее части, которая ориентирована на женское образование и охрану здоровья женщин.

В 60-е годы начинает сокращаться доля мухаджиров Карачи в общей массе служащих и интеллигенции. Среди образованной части средних городских слоев растет прежде всего представительство панджабцев. Кроме одного университета в Лахоре к концу десятилетия в Панджабе действуют уже четыре. После перевода в конце 50-х годов столицы страны на север, в район, относящийся к Панджабу, увеличивается число панджабцев — служащих госучреждений центрального подчинения. С 1970 г., когда было восстановлено деление Западного Пакистана на четыре провинции, провинциальные аппараты власти становятся наиболее крупными нанимателями рабочей силы.

В ведение правительства Панджаба попадает наибольшее число учреждений и работающих в них людей.

В десятилетие 60-х годов начинает также активно формироваться пуштунская интеллигенция и растет число служащих из представителей СЗПП¹⁵⁹. На государственную службу поступают выходцы не только из самой провинции, но и прилегающей к ней «полосы племен». Как отмечает в связи с этим известный пакистанский исследователь А. С. Ахмед, горцы-пуштуны «пришли в Пакистан» — на правительственную службу, в армию, бизнес, стали лицами «свободных профессий»¹⁶⁰.

По-иному в определенной степени складывалась судьба синдхской и белуджской интеллигенции и служащих. Синдхимусульмане до 1947 г. «находились в тени» в целом более образованной общины синдхов-индусов. После раздела их оттеснили на вторые роли мухаджире. Главный город исторической области Синд—Карачи — был выделен в отдельный административный округ центрального подчинения. Доля синдхов в его населении и среди представителей его средних слоев оказалась крайне незначительной. Центром складывания новой синдхской интеллигенции стал Хайдарабад, главный город провинции, куда перевели Синдский университет. В начале 70-х годов правительство З. А. Бхутто предприняло попытку увеличить долю синдхов в составе средних слоев провинции Синд, куда с 1970 г. входил Карачи. Это вызвало сопротивление представителей урдуязычных средних слоев (мухаджиров) и существенных результатов не принесло. После 1977 г. стремление изменить «баланс сил» в пользу синдхской интеллигенции сменилось противоположно направленными усилиями влиятельных кругов, но военные власти, понимая неблагоприятное для них значение этих тенденций, принимали меры, чтобы устранить наиболее явные и чувствительные формы «утеснения» синдхов.

Белуджская (белуджско-брагуйская) интеллигенция представляется еще более слабой, численно незначительной и оттесненной от государственного «пирога». Центром ее формирования является не столько главный город провинции Белуджистан — Кветта и другие города провинции, сколько Карачи, а также такие синдские города, как Хайдарабад, Суккур, Ларкана. Велико также значение находящихся за пределами Пакистана центров концентрации белуджей — эмигрантов (в Западной Европе и на Ближнем Востоке). Военное правительство Зия уль-Хака заявляло о желании исправить крен в сторону небелуджей в кадрах государственных служащих провинциального аппарата, а также в личном составе расквартированных в провинции армейских частей. Впрочем, эти цели и широковещательные программы провозглашались и ранее¹⁶¹. Истинное значение последних становится ясным лишь по истечении определенного срока.

Низшие слои

Некоторые общие вопросы, касающиеся низших слоев в целом (деревенских и городских), были рассмотрены выше (гл. II). В задачу данного параграфа входит анализ составных частей (полупролетарских, пролетарских и люмпен-пролетарских слоев), места и эволюции городских низов.

Для низов города полупролетариат — еще более важный структурный элемент, чем для всего социального комплекса низших слоев, ибо сельское общество медленнее городского трансформируется в современное и там более заметное место занимают связанные с докапиталистическими структурами пролетарские (предпролетарские) массы. Однако даже крупный город в развивающемся мире, в том числе в Пакистане, на первый взгляд также в значительной степени традиционен. Но это в основном лишь поверхностная традиционность, ее форма, видимость, а не существо. Она связана с неспособностью капитализма преобразовать утвердившийся там технологический способ производства, с тем, что капитал подчиняет часть хозяйства, где преобладает ручной труд, формально включает его в свой оборот, способствуя ее воспроизводству. На этом технологически традиционном, а в общественном отношении современном (капиталистическом) производстве базируется квазитрадиционный городской сектор. С точки зрения производственных, укладных отношений составляющие названный сектор элементы на макроуровне включены в капиталистические, причем достаточно развитые связи, а на микроуровне еще находятся в сфере функционирования мелкотоварного или мелкокапиталистического укладов¹⁶². При этом связь между двумя уровнями реализуется через механизм подчинения мелкого торгового и промышленного капитала крупному частному или же государственному капиталу.

В малых городах и тяготеющих к ним по функциям средних традиционный с точки зрения уровня развития производительных сил сектор в большей мере сохраняет ограниченную связь с адекватными этому уровню низшими укладами — натурально-патриархальным (в отдельных отсталых районах), мелкотоварным и мелкокапиталистическим.

Трудящееся население, непосредственно связанное с низшими укладами, принадлежит к низам традиционного или полутрадиционного типа. Это, во-первых, пролетарские и полупролетарские слои, а во-вторых, мелкие собственники немелкобуржуазного типа или прослойки, переходные к мелкобуржуазным. Попав в зону действия более развитых производственных отношений, традиционный сектор, точнее, труд занятых в нем становится источником обогащения для представителей буржуазной господствующих слоев. В этой ситуации объективная классовая зрелость верхов обгоняет, «на такт» опережает классовую зрелость низов. Консервативная надстройка закрепляет незрелость

эксплуатируемых низов и препятствует пробуждению их классового самосознания.

На начальном этапе развития Пакистана, когда его экономику характеризовала значительная территориальная и укладная разобщенность, около половины городского населения проживало в городских поселениях традиционного или близкого к нему типа. По мере капиталистического развития, усиления межкладного взаимодействия и увеличения роли крупнейших и крупных городов традиционный сегмент городского пространства постепенно сокращался и в последний период, по нашему мнению, охватывал меньше $\frac{1}{5}$ горожан. В эту остаточную зону господства традиционных или почти традиционных отношений входят не все мелкие и мельчайшие городские центры, а те из них, которые расположены в окраинных, с экономической точки зрения отсталых областях. Необходимым условием при этом является оторванность от макроуровневых, общенациональных или межнациональных связей, замкнутость главных «силовых линий» хозяйственной жизни.

Размывание городской патриархальщины происходило в Пакистане быстрее, чем сокращение зоны мелкомасштабных городских поселений. Абсолютные размеры последней в условиях ускорившегося роста населения возросли. За 30 лет (1951—1981) число жителей в городских центрах, людность которых не превышала 50 тыс., увеличилось с 1,7 млн. до примерно 7 млн. человек¹⁶³. Но численность жителей в мельчайших городских пунктах (менее 10 тыс. жителей) росла очень медленно (примерно 700 тыс. в 1951 г., 900 тыс. в 1972 г.)¹⁶⁴.

Основной приток жителей пришелся на малые города, происходило их укрупнение и осовременивание функциональной роли. Под последним имеется в виду не только появление и развитие промышленных городков вокруг современных предприятий, горнорудных и железнодорожных поселков, но и преобразование сути общественных отношений без изменения формы основной хозяйственной активности.

Проиллюстрировать как некоторые общие положения, о которых шла речь выше, так и тезис о подспудной модернизации периферийного городского пространства позволяет конкретный материал о небольшом городке на Макранском побережье — Пасни. Анализ исходных данных, собранных на месте в начале 70-х годов, был проведен ведущим пакистанским исследователем, принадлежащим к левому крылу, Ф. Ахмедом¹⁶⁵.

Хотя Пасни с 50-х годов принадлежал к числу городов (по переписи 1961 г. там насчитывалось 7,5 тыс. жителей), внешне это поселение было не чем иным, как рыбацкой деревней, впрочем не лишенной некоторых «примет времени»: дороги с твердым покрытием, пусть всего в 2 км длиной, аэродромной площадкой для регулярной авиасвязи с Карачи, автобусной станцией, служившей для сообщения с ближайшими, столь же небольшими городками Белуджистана — Турбатом и Белой. Учи-

тывая, что ловля рыбы в Пасни велась в основном на коммерческих началах, его можно отнести к категории небольших рыбацких портов, каких на побережье имелось еще несколько — Гвадар, Ормари, Дживан, Сонмиани. Ловля и сбыт рыбы в Пасни, как и в других прибрежных городах, находились в руках торговцев Карачи, в основном принадлежавших к общине ходжа-исмаилитов. Они владели примерно пятой частью больших лодок и сдавали их в аренду капитанам, набиравшим команду. Аренда по форме была издольной, фиксировалась доля улова. Для торговцев рентный доход служил лишь дополнением к торговой прибыли, которую они извлекали, используя свое почти монопольное положение на рынке. Они также контролировали торговлю зерном в Пасни и других прибрежных городках (почти все продовольствие было привозным).

Кроме абсентеистов в Пасни была и местная «знать», состоявшая из владельцев больших лодок, купцов и подрядчиков, агентов карачинских торговцев и «выбившихся в люди» капитанов. Этот низший слой капиталистов к началу 70-х годов уже достаточно разбогател. Его представители могли позволить себе купить дорогие вещи, товары длительного пользования, были в состоянии дать своим детям образование в учебных заведениях Карачи и Хайдарабада. Под контролем этого слоя находились и органы местного самоуправления (в 60-е годы — нижние звенья системы «основ демократии»).

Следующий слой населения Пасни представлен мелкими торговцами — владельцами небольших рыбацких лодок, которые они сдавали в аренду (за $\frac{1}{2}$ улова) и тем пополняли незначительный доход от торговли. К мелкой торговой буржуазии примыкала обширная группа «самостоятельных» рыбаков, занимавшихся ловлей как семейным предприятием. Большинство из них были бедны и самостоятельны лишь фиктивно, ибо не вылезали из долгов (местная верхушка предоставляла их под очень высокий процент — 12 в месяц, т. е. почти 400 в год). Их лодки и снасти чаще всего бывали заложены тем же ростовщикам, взимавшим процент скрыто, недоплачивая за рыбу, которую продавали им задолжавшие рыбаки.

Низший слой составляли рыбаки, нанимаемые капитанами больших лодок. Часть из них, более опытные и квалифицированные, как правило, целиком зависели от капитана, который ссужал им деньги и эксплуатировал как капиталист (или его агент на паях) и ростовщик. Другая часть состояла из детей и подростков, несамостоятельных помощников, труд которых также приносил немалые прибыли. В еще более материально бедственном положении находились рабочие-грузчики, получавшие сдельно и остававшиеся, впрочем как и рыбаки, совершенно без работы в «мертвый» сезон.

Таким образом, несмотря на малые размеры и территориальную удаленность, хозяйственная жизнь Пасни и социальная структура его населения оказались пронизанными противоре-

чиями, свойственными капитализму. Это объяснялось его «промышленной» (промысловой) специализацией, условия для которой создало развитие транспортной системы, позволившей обеспечить сбыт рыбы в Карачи. Пасни стал, по существу, ответвлением крупнейшего пакистанского города, местом приложения его торгового капитала.

С точки зрения макроотношений классовая структура общества небольшого городка достаточно ясна, можно сказать, стандартна. На верху социальной пирамиды — представители торгового капитала, чуть ниже — их агенты и местные буржуазно-предпринимательские слои. Прямо противоположное положение занимают группы рабочего класса и промежуточное между ними — мелкая буржуазия, большая часть которой в силу обнищания и глубокой задолженности превратилась фактически в полупролетариев. Однако на микроуровне в процессе непосредственной эксплуатации рабочих весьма заметно проявляются следствия того обстоятельства, что капитал, применявшийся в рыбацком промысле, был торговый, «абсентеистский», удовлетворившийся получением доли прибыли и скорее консервировавший, чем революционизировавший способ производства. Связанная с этим неизменность технических средств и профессиональных навыков способствует как выживанию мелкотоварного уклада, так и эксплуатации непосредственных производителей средствами торгово-ростовщической кабалы.

Хотя эксплуатируемые низы такого города, как Пасни, втянутого уже в современную (в данном случае капиталистическую) систему хозяйствования, должны быть отнесены к рабочему классу и в широком смысле (в рамках макросистемы) принадлежат к нему, их общественное бытие, определяемое в основном отношениями на микроуровне, не позволяет относить их к пролетариату в узком смысле, т. е. к трудящемуся населению, которому противостоит капитал, подчиняющий себе реально их труд. По этой причине эту часть трудового населения городов правильнее, на наш взгляд, отнести к переходным (промежуточным) слоям, находящимся на полпути к пролетариату — пролетаризирующимся, но не пролетаризированным.

В состав низших городских слоев кроме трудового люда, занятого физическим трудом вне сельского хозяйства (земледелия и животноводства), входит также значительная по численности группа занятых нефизическим трудом, неквалифицированным, простейшим трудом обслуживания. Ее составляют домашние слуги, прислуга в отелях, ресторанах, торговых заведениях, сторожа и привратники, подметальщики улиц и уборщики, посыльные в учреждениях и т. п. Эта группа примыкает к пролетариату, отчасти смыкается с ним, но в целом сохраняет промежуточное (полупролетарское) состояние, ибо занимает иное место в системе общественного разделения труда, с чем в конкретных условиях связаны, как правило, большая распыленность, разобщенность ее членов и осознание ими своего более зависимого

по сравнению с рабочими положениями, объясняемого вспомогательностью выполняемых функций и быстрой заменяемостью любого из-за отсутствия сколько-нибудь длительного срока обучения.

Попытаемся определить параметры непролетарских и полупролетарских слоев. Сделать это непросто вследствие недостатка статистических данных, к тому же не всегда пригодных для прямого использования. Основной «точкой отсчета» для нас будут результаты переписи населения 1961 г., содержащие достаточно разнообразные сведения о несельскохозяйственной рабочей силе — правда, без подразделения на городскую и деревенскую.

Легче всего выделить категории полупролетариата, занятого трудом обслуживания. Согласно переписи 1961 г., численность домашних слуг, прислуги, сторожей (*чоукедаров*), уборщиков (*свиперов*), посыльных (*неонов*) и некоторых других близких к этим категориям лиц в сфере обслуживания равнялась приблизительно 500 тыс. человек¹⁶⁶. Простейшим нефизическим трудом были заняты и некоторые другие категории городского трудящегося населения. В торговле к ним принадлежат прежде всего разносчики и лоточники, которых насчитывалось 100 тыс., а также неоплачиваемые семейные работники (50 тыс.). Итого число занятых обслуживающим трудом равнялось примерно 700 тыс. человек. Большинство из них (до 70—80%) проживало в городах (ввиду «городской» по большей части «прописки» сфер обслуживания, управления), составляя там около пятой части самодеятельного гражданского населения.

К этой массе низших слоев примыкает частично также занятый обслуживанием, и в том числе оказанием общественно малозначимых (навязываемых из нужды и принимаемых из милости) услуг, контингент грузчиков и носильщиков, а также возчиков и погонщиков (гужевой транспорт даже в крупнейших городах — Карачи и Лахоре — не потерял своего значения). В 1961 г. их число, по переписным данным, превышало 200 тыс. К категории предпролетариата и полупролетариата, занятого физическим трудом, нужно прежде всего отнести неоплачиваемых семейных работников в обрабатывающей промышленности, строительстве, коммунальном хозяйстве (свыше 100 тыс.) и неквалифицированных рабочих общего профиля, разнорабочих (550 тыс.)¹⁶⁷. Считая, что в городах проживала половина или несколько меньше половины ($\frac{2}{5}$) лиц, принадлежащих к трем названным выше категориям (350—400 тыс.), определяем общую численность не имеющих какой-либо собственности, полностью неимущих слоев города в 850—950 тыс. (30—33% экономически активного населения).

К низшим слоям принадлежат помимо этого группы обедневшей, разорившейся мелкой буржуазии и представители разрываемых средних сословий традиционного города (торговцев, ремесленников). Эта часть городских низов в Пакистане зна-

чительная, о чем можно судить, например, по доле занятых в торговле, которая вдвое выше, чем в Индии (10% против 6%)¹⁶⁸. В 1961 г. в стране насчитывалось 510 тыс. лавочников и еще около 40 тыс. независимых торговцев¹⁶⁹. Из них к средним слоям мы выше отнесли $\frac{3}{5}$; доходы по меньшей мере 40% (примерно 200 тыс.) таковы, что не могли позволить вести действительное самостоятельное хозяйство в условиях господства товарных, рыночных отношений или сохранять независимость при преобладании еще традиционных связей¹⁷⁰. Так как примерно половина торговцев концентрировалась в городах, наш расчет добавляет к низшим слоям еще 100 тыс. человек. Примыкают к торговцам относимые к сфере обслуживания парикмахеры и прачки и лица некоторых других профессий, оказывающие персональные услуги, но не находящиеся, как правило, в личном услужении. В 1961 г. их насчитывалось свыше 120 тыс.; в городах, очевидно, не более 50 тыс. человек, в основном принадлежащих к низшим слоям. Среди самостоятельных по форме работников обрабатывающей промышленности (300 тыс.) к низшим слоям должно принадлежать не менее 70—80%. В большинстве это деревенские ремесленники, поэтому численность обнищавших представителей городского и традиционного (средневекового) ремесленничества определяем ориентировочно в 50 тыс. человек.

Итак, численность низших городских слоев (без люмпен-пролетариата) на основе данных переписи 1961 г. можно определить в 1,1—1,2 млн. человек (36—40% самостоятельного гражданского населения городов).

К совпадающим с этой оценкой результатам приводит анализ данных о населении Карачи и Равалпинди из обследований того же времени (1959 г.). Но в обоих городах удельный вес городских низов ближе к нижнему пределу в интервале нашей оценки (равен примерно 30—35%). Причем в Карачи это объясняется более высокой долей рабочего класса, главным образом фабричного, а в Равалпинди — образованной части средних слоев, в основном государственных служащих.

Оценив долю низших слоев в структуре городского экономически активного населения по данным на рубеже 50—60-х годов, выскажем предположение, что она в дальнейшем имела тенденцию к некоторому увеличению. В пользу такого заключения свидетельствуют как некоторые общие тенденции, так и имеющийся (к сожалению, прямо не сопоставимый с выше использованным) статистический материал.

В предыдущем параграфе отмечалась тенденция к дифференциации средних слоев, поляризации внутри этого социального комплекса. По мере буржуазного развития она, безусловно, возрастала, а это низводило все большую часть мелких собственников различного типа (современного и тяготеющего к нему традиционного) до положения обнищавшего, пауперизованного населения. С другой стороны, хотя и неуклонное, но довольно

медленное увеличение численности фабричного пролетариата имело тот результат, что доля пролетариата в целом (индустриального и доиндустриального) выросла ненамного. В результате возрастающая доля трудового люда городов была обречена на малопроизводительную деятельность по преимуществу в третичном секторе — розничной торговле, оказании персональных услуг, личном обслуживании и т. п.

Из имеющихся статистических данных весьма показательным представляется увеличение удельного веса такой категории экономически активного населения, как неоплачиваемый семейный труд. По данным переписи 1951 г., она равнялась всего 0,2%, в 1961 г. составляла 3,1, а в 1972 г. — уже 10,5%¹⁷¹. На уровне 10% городской рабочей силы она оценивалась и выборочными обследованиями трудовых ресурсов, проводившимися в конце 60-х — 70-е годы¹⁷². Входящее в эту категорию население в основном состоит из детей и подростков — помощников, учеников, подмастерьев, а также женщин, помогающих в семейном надомном производстве (главным образом по пошиву одежды и ткацком)¹⁷³. Об усилении роли семейного неоплачиваемого труда свидетельствуют материалы двух социально-демографических обследований — 1968 и 1975 гг., — показавшие, что занятость городских женщин (в возрасте от 15 до 49 лет) возросла с 9 до 16% [при этом большинство занятых (2/3) работали на дому]¹⁷⁴.

Возросшая мобилизация труда членов семьи может отражать как попытки улучшить положение, вырваться из плена бедности, так и отчаянное стремление удержаться от падения еще глубже, спастись от полного разорения и крайнего обнищания. Представляется, что в целом рост числа семейных работников свидетельствует об усилении нищеты и увеличении доли маргинально занятого (полупролетарского) населения.

Те же явления стоят, судя по всему, за изменением такого статистического показателя, как доля неквалифицируемой в отраслевом и профессиональном отношении рабочей силы. Население с неопределенными занятиями составляло в 1961 г. 0,74% несельскохозяйственной рабочей силы, по переписи 1972 г. — 1,9% городского экономически активного населения, а согласно предварительным итогам переписи 1981 г. — 7,4%¹⁷⁵. Хотя рост этого показателя может быть связан отчасти с особенностями регистрации, скорее всего он отражает реальный феномен растущего сосредоточения в городах не закрепленного за каким-либо определенным местом работы или сферой деятельности полубезработного, бедствующего населения.

Подтверждает предположение о возрастающей доли низших слоев и динамика отраслевой занятости. В торговле, по переписи 1961 г., было занято 17% экономически активного несельскохозяйственного населения, а по данным 1972 и 1981 гг. — 23 и 22% городской рабочей силы. Доля занятых во всей третичной сфере в 1961 г. равнялась 49%, в 1972 г. — 51, а по переписи

1981 г.— 48% (некоторое сокращение данного показателя в последнем случае объясняется, очевидно, увеличением удельного веса лиц неопределенных занятий).

При неизменной относительной величине численность городских низов с 1961 г. должна была вырасти к 1981 г. почти втрое — до 2,6—2,9 млн. человек. Вполне вероятное увеличение удельного веса на 2—3 процентных пункта означало бы, что она превысила 3 млн., составив с членами семей почти 10 млн. человек.

Особое место в структуре низших городских слоев занимает люмпен-пролетариат, состоящий из собственно люмпенов и пауперов. Специфика их социального состояния объясняется тем, что они либо вовсе не заняты в общественном производстве, либо втягиваются в него лишь временно, спорадически. Вместе с тем само их существование в городах является порождением современных условий, побочным продуктом буржуазного развития.

К пауперам нужно отнести лиц, страдающих от хронической безработицы, перебивающихся случайными заработками, существующих в основном за счет благотворительности. В Карачи число бездомных и безработных людей, по некоторым оценкам, выросло с 6 тыс. до 150 тыс. между 1960 и 1976 гг.¹⁷⁶. Среди опрошенных корреспондентом местной газеты представителей «дна» Карачи оказались и бывшие квалифицированные рабочие и даже лица с неполным техническим образованием, но в основном это был оторвавшийся от привычного уклада жизни в деревне или небольшом городке, не имеющий квалификации и образования трудовой люд.

Среди собственно люмпенских прослсек наиболее заметной является категория нищих и попрошаек, живущих на милостыню (*бакшиш*). Официальное обследование, проведенное в 1980 г., определило, что их число в стране равно 149 тыс.¹⁷⁷. Во время религиозных праздников десятки тысяч нищих собираются в крупнейших городах и местах паломничества. Многие «профессиональные» нищие в отличие от пауперов имеют семью. Как показало обследование этой категории населения, проведенное в г. Хайдарабате, для половины попрошаек их занятие было наследственным. Эта особенность отличает, очевидно, и другие люмпенские группы; в основном — это участники подпольного бизнеса (контрабандисты, шулера), бандиты и воры. Если считать, что они по численности не уступают нищим и попрошкам, то вместе люмпены составят примерно 2% городского населения. Доля всех люмпен-пролетарских слоев (включая пауперов) достигает, возможно, 3—4%. Определенное представление о ней можно извлечь из сведений о распространенности наркоманов в стране. По данным правительственного бюро контроля за употреблением наркотиков, в Пакистане насчитывалось в начале 80-х годов 500 тыс. наркоманов¹⁷⁸.

Наряду с категориями низших городских слоев, выделенных

в соответствии с принадлежностью к определенным социально-профессиональным группам или формам занятости, заслуживает рассмотрения также такая их совокупность, как сельские мигранты. Они обладают известной общностью вследствие непродолжительности стажа проживания в городе и тесных связей, которые их, как правило, связывают с деревней. Интересную информацию о них дало проведенное в 1976 г. японо-пакистанское обследование жителей населенных мигрантами районов Карачи и Лаялпура (ныне — Фейсалабад)¹⁷⁹. Особенностью миграции сельских жителей в эти города было преобладание не поэтапной многоразовой миграции (из деревни в небольшой город, затем город побольше и т. д.), а прямого переселения в большой город. При этом наибольшее значение имела так называемая цепная миграция, когда закрепление в городе деревенского жителя приводило к переселению туда его родственников и односельчан. В городах складывались ячейки близких и дальних родственников и соседей, разраставшиеся нередко до значительных размеров. Таким путем в черте большого современного города воссоздавались условия жизни, близкие к традиционным, образовывались целые «филиалы» деревенских сообществ. Это облегчало процесс адаптации вновь прибывших и в то же время замедляло перестройку уклада их жизни и сознания. Конечно, воссозданные на новом месте структуры были неадекватны деревенским, ибо формировались под определенным воздействием жизни большого города. Но город в современном Пакистане еще не превратился для всех в тот «плавильный котел», где проходят решительную переплавку жизненные устои и установки индивида. Капитализм, как известно, приносит с собой разрыв человеческой жизнедеятельности на сферу труда и сферу общения¹⁸⁰. В конкретных условиях пакистанского города он, как свидетельствуют данные обследования, не был в силах произвести подобный разрыв в жизнедеятельности большинства мигрантов. Город оставлял их как бы на полпути, удовлетворяясь неполной втянутостью в сферу своего функционирования и закрепляя, вольно или невольно, промежуточность и переходность их социального бытия и общественной психологии.

Особенностью самосознания и социально-психологических установок мигрантов становились в этих условиях ориентация на поддержание традиционных общественных связей и контактов, закрепление («второе издание») кастовых, клановых, общинно-племенных порядков, земляческих и родственных сообществ. Характерно в этой связи, что каждый из обследованных в Карачи районов расселения мигрантов отличался от другого национальным (этнолингвистическим) составом большинства населения и включал в основном людей, приехавших из одной и той же деревенской местности.

Яркий пример сохранения мигрантами традиционных связей, формирования обособленной социальной общности (своеоб-

разных соседско-родственных коллективов) внутри городского общества являют свиперы Карачи. Особую прочность спайке и взаимосвязям свиперов придает ряд отличающих их особенностей: принадлежность к изолированной профессиональной, исключительно низкой традиционно-статусной и небольшой профессиональной группе (христианам). Изученная голландским социологом П. Стрифландом колония карачинских свиперов сложилась в основном в 50-е годы в результате миграции из панджабских деревень¹⁸¹. Несмотря на длительное существование в новых городских условиях, она сохранила многие черты традиционной системы внутренней организации и регламентации. Этому способствовало сохранившееся для большинства единство сферы труда и сферы общения. Вместе с тем свиперы не оставались полностью в стороне от процессов, протекавших за пределами их сообщества. Происходила медленная инфильтрация, просачивание отдельных его представителей в современную сферу труда.

При оценке положения мигрантов, как оно рисуется на основании ряда обследований, обращают на себя внимание два существенных обстоятельства. Во-первых, сфера современного найма не была отгорожена «каменной стеной» от сферы несовременного. Мигранты, как недавние, так и с определенным стажем проживания в городе, переходили из одной категории работающих в другую, формально становясь то нефабричными рабочими, то «самостоятельными» работниками, то пролетарием, неквалифицированным или полуквалифицированным рабочим на фабрике или заводе. Связанное с этим второе обстоятельство состоит в том, что сохранение такого «текущего» положения, т. е. лишь формальной принадлежности к категориям низших городских слоев или пролетариата, создавало условия для закрепления их ориентации на социальную общность мигрантов. Переход от формальной к реальной закреплённости в одной из упомянутых выше категорий вел, как правило, к разрыву или ослаблению связей с коллективом мигрантов, установлению другого рода социальных контактов.

Связи с деревней у мигрантов также находились в прямом соответствии с прогрессом их подлинной адаптации к городской жизни. По мере закрепления в городе визиты в деревню, как правило, не прекращались вовсе, но становились редкими и короткими. Ориентация на укоренение в городе или возвращение в деревню, оценка перспектив и целей жизни также в принципе зависела от «реальности» социально-классового статуса мигранта.

Значительный абсолютный рост низших слоев сопровождался расширением зоны городской бедности и нищеты. Внешними ее приметам являлись кварталы пришедших в негодность, перенаселенных, полуразрушенных зданий (трущобы «классического» типа), а также разросшиеся на окраинах больших городов районы, застроенные домами деревенского типа (глинобит-

ными хибарами), но более плотно, чем в деревне, а также временками из жести, фанеры, досок, тряпья и ветоши.

Расширение зоны городской бедности происходило постоянно, но не равномерно, периодически усиливаясь и ослабевая. Первый этап обострения «городской ситуации» связан с наплывом беженцев после 1947 г. Кризис охватил тогда не все, но в основном лишь главные города — Карачи и Лахор. Последний значительная часть беженцев скоро покинула, перебравшись в основном в сельскую местность из-за отсутствия работы, почти полной безысходности существования для лиц, не имеющих сбережений, связей с влиятельными людьми или такого «капитала», как образование. Карачи обладал большей «задерживающей» силой, ибо сразу превратился в центр деловой и административной активности. В нем можно было найти работу, но из-за превышения предложения рабочих рук над спросом цена на них установилась на крайне низком уровне. Палаточные лагеря и колонии беженцев превратились в рабочие районы, где царилла нужда и крайне медленно улучшались жилищные и санитарные условия.

Следующий период ускорившегося расширения полосы городской бедности пришелся на середину 50-х годов, когда крупные помещики, земельные аристократы усилили давление на крестьян, особенно из пришлых, поселившихся на пустовавших землях после 1947 г., и заставили многих покинуть деревни. Вытесненной помещиками оказалась и часть потомственных арендаторов. Волна внутренней, сельско-городской миграции захватила прежде всего Карачи, куда устремились переселенцы из Панджаба, СЗПП, отчасти Белуджистана. В этот же период стали выходить из своих «берегов» колониального времени многие города Панджаба.

В середине 60-х годов начался третий этап резкого ухудшения обстановки в городах. Он был вызван поначалу новой волной миграции сельских жителей вследствие неурожая 1965—1966 гг. В последующие годы в связи с ростом урожайности пшеницы и риса цены на сельскохозяйственные земли поднялись и малоземельные, крайне нуждающиеся крестьяне-собственники стали продавать принадлежащую им землю и окончательно переселяться в города. Наплыв на этот раз ощущался в первую очередь в Лахоре, Фейсалабаде и других крупных панджабских городах. Приток новых жителей в города пришелся на период, непосредственно предшествовавший промышленному спаду 1969—1971 гг., сокращению размеров производственного строительства, кризисной ситуации в сфере неорганизованного бизнеса. В начале 70-х годов положение усугубила внешняя иммиграция, прибытие из Бангладеш нескольких сотен тысяч так называемых *бихари* (говорящих на урду жителей бывшего Восточного Пакистана). Бихари расположились главным образом в Карачи, пополнив по большей части контингент его низших слоев.

Увеличение численности городской бедноты сопровождалось в 70-е годы в условиях быстрого роста цен ухудшением их крайне тяжелого материального положения, усилением «конкуренции» в рядах бедняков в борьбе за случайный заработок, подачки богачей и благотворительных организаций (государственных и частных). Усилившаяся в последней трети десятилетия эмиграция рабочей силы за границу содействовала известному ослаблению «давления» на города. Как попытку уменьшить острую проблем, с которыми сталкиваются низы общества, в том числе городские, надо рассматривать и раздачу нуждающимся, калекам, сиротам и вдовам доли средств, собираемых с начала 80-х годов с помощью введенного государством в качестве обязательного для мусульман и собираемого централизованно под контролем государства налога-пожертвования (*закята*).

Заключая рассмотрение низших слоев, затронем вопрос о социальных источниках их пополнения и национальном (этническом) составе. Так как городское население Пакистана после 1947 г. в значительной степени складывалось заново (свыше половины его были иммигрантами), то надо полагать, что и среди представителей низших слоев первого поколения не меньшей была доля беженцев (*мухаджиров*), главным образом ремесленничества и трудового люда из городов Восточного Панджаба и в целом Северной Индии. К этому пришлому населению, но в основном городскому по происхождению, нужно добавить и местный пласт городских низов, сложившийся преимущественно в 30—40-е годы и в отличие от средних слоев состоявший в основном из мусульман¹⁸².

Самовоспроизводство городских низов с середины 50-х годов стало терять значение главного источника их пополнения. Его место заняла миграция деревенской бедноты. Следует при этом отметить, что указания на нее как на важный компонент формирования низших городских слоев недостаточно, учитывая ее сложный состав. С одной стороны, она включает обедневших крестьян-собственников, для которых переселение в город не означает обычно окончательного разрыва с деревней, даже если они проводят вне ее большую часть жизни («пуповиной» служит земельная собственность, заложенная или отданная в распоряжение ближайших родственников), а с другой — безземельных и малоземельных крестьян-арендаторов и полуарендаторов, а также несельскохозяйственное население, которые могут продать клочок земли (если такой имеется) и, забрав скарб, навсегда уйти из деревни. Представляется, что первая категория мигрантов, попадая в город, как и ранее в деревне, занимает хоть и нижнее, но не самое низкое социальное положение. Они также находят место среди рабочих организованного сектора (хотя в ряде фабричных отраслей определенными преимуществами пользуются деревенские ремесленники, как обладатели некоторых необходимых навыков) и среди более «высокой» прослойки занятых обслуживанием.

Основным направлением миграции деревенских жителей в города (если не брать перемещения на короткие расстояния в близлежащий городской центр) на протяжении, по существу, всего периода независимости было передвижение с севера на юг, из районов, населенных в основном панджабцами и пуштунами, в Карачи и некоторые другие города Синда (Хайдарабад, Навабшах). На это указывают разнообразные источники, в том числе материалы упоминавшегося выше японо-пакистанского обследования мигрантов Карачи¹⁸³.

Другим направлением, сложившимся еще в колониальный период, было движение сельского населения гористых пустынных районов Белуджистана, Синда и юго-запада Панджаба в города двух последних провинций. Отчасти оно происходило в форме сезонной миграции полубродячей рабочей силы, а отчасти носило постоянный или полупостоянный характер.

Миграция первого направления, включающая в значительной степени собственнические слои крестьянства, «поставляло» рабочую силу, обладавшую, как правило, необходимыми исходными качествами для занятости в организованной сфере экономики. Конечно, и среди тех, кто из северных районов приезжал, например, в Карачи, многие оказывались на самом дне, но все же большинство пуштунов и панджабцев избегали этой участи. Второе направление, напротив, в большей мере обеспечивало город «человеческим материалом» для традиционно низких занятий и неквалифицированной, самой низкооплачиваемой работы. Поэтому для однородных в этническом отношении городов Синда характерно то, что среди наиболее обездоленных относительно больше белуджей, синдхов и выходцев из отсталого в социально-экономическом отношении юго-западного «угла» Панджаба.

Предисловие

¹ *Ганковский Ю. В., Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Социальная структура общества.— Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). М., 1981, с. 74—94.

² Подробнее см.: *Алаев Л. Б. и Вафа А. Х.* Индология.— Пятьдесят лет советского востоковедения. Краткие очерки. М., 1967 (на англ. яз.); *Алаев Л. Б.* Индия.— Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, с. 775—786. Библиографию основных исследований, авторами которых были В. В. Балабушевич, Н. М. Гольдберг, А. М. Дьяков, А. И. Левковский, С. М. Мельман, И. М. Рейснер, К. А. Антонова, Э. Н. Комаров, В. И. Павлов, Р. А. Ульяновский, А. И. Чичеров, см.: Библиография Индии. М., 1976, № 3809, 4645, 5766, 5768, 5770, 5777, 5807, 6144, 6246, 6270, 6276, 6298, 6300, 6388, 6389, 6397 и др.

³ *Гордон-Полонская Л. Р.* Положение рабочего класса Пакистана (1947—1957 гг.).— Пакистан. История и экономика. М., 1959; *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 142—153; *Москаленко В. Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970, с. 125—145; *Рузиев Т.* Рабочий класс Пакистана. М., 1966; *он же.* История рабочего класса Пакистана. М., 1980, См. также: *Григорьян Р. Н.* Формирование фабричного пролетариата в Пакистане.— Рабочий класс и современный мир. М., 1973, № 6; *Корнев Л. Н.* Структура промышленного пролетариата Пакистана в 50-х годах.— Современные социально-экономические проблемы стран Южной Азии. М., 1974.

⁴ *Гордон Л. Р.* Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.). М., 1953; *Гордон-Полонская Л. Р.* Пакистан.— Аграрные отношения в странах Востока. М., 1958, с. 134—227; *Растяжников В. Г., Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, с. 5—46; *Кузьмин С. А.* Аграрные отношения в Синде (вторая половина XIX в.). М., 1959; *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 153—168; *Яковлев М.* Аграрный Пакистан. М., 1968, с. 38—58; *Москаленко В. М.* Проблемы современного Пакистана, с. 35—61; *Тансыкбаева С. И.* Крестьянство Пакистана. Таш., 1969; *Сидоров М. А.* Социально-экономические сдвиги в деревне Западного Пакистана (1947—1970).— Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. М., 1972, с. 127—130; *Джаббаров Т. Д.* Северо-Западная пограничная провинция Пакистана. Социально-экономический очерк. М., 1977, с. 102—129; *Темирханов Л.* Восточные пуштуны в новое время (этносоциальная характеристика). М., 1984, с. 16—28, 35—41; *Морозова М. Ю.* Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции. М., 1986.

⁵ *Левин С. Ф.* Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма в Индии (на примере бохра, меманов и ходжа).— Касты в Индии. М., 1965, с. 233—261; *он же.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970; *он же.* Пакистанские монополии и особенности их формирования.— Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970, с. 198—228; *он же.* Монополистическая верхушка буржуазии из мусульманской торговой общины меманов в Пакистане.— Современный Пакистан. Экономика, история, культура. М., 1976, с. 158—184; *он же.* Монополии в текстильной промышленности Пакистана.— Пакистан. Проблемы политики и экономики. М., 1978, с. 157—215; *он же.* Монополистическая верхушка буржуазии и политика пра-

вительства Пакистана в 1972—1977 гг.— Пакистан. История и экономика. М., 1980, с. 195—219; *он же*. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., 1983.

См. также: *Левковский А. И.* Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963; *Павлов В. И.* Формирование индийской буржуазии. М., 1958; *Растягников В. Г.*, *Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана, с. 56—139; *Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана. М., 1964, с. 196—232; *он же*. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 37—84; *Москаленко В. Н.* Проблемы современного Пакистана, с. 61—68.

⁶ *Белокреницкий В. Я.* Мелкое производство в экономике Пакистана. М., 1972.

⁷ *Левин С. Ф.* К характеристике политической элиты Пакистана (1970—1977).— Народы Азии и Африки. 1979, № 2; *Иудин А. А.*, *Сидоров М. А.* Экономический статус политической элиты Пакистана (на примере Синда).— Экономика стран Среднего Востока. Моделирование и прогнозирование. М., 1982, с. 167—173; *Иудин А. А.* Применение методов количественного анализа в социально-политических исследованиях и прогнозировании: на примере Пакистана. М., 1984, с. 111—131.

⁸ *Дергачева Е. И.* Высшая бюрократия Пакистана в период 1958—1977 гг. (на примере Гражданской службы Пакистана).— Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977, с. 41—49; *она же*. Структурная организация государственных служащих Пакистана.— Страны Среднего Востока (История, экономика, культура). М., 1980, с. 18—36.

⁹ *Гордон-Полонская Л. Р.* Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX в.— Вопросы истории. 1950, № 3; *Ганковский Ю. В.* О национальном составе населения Западного Пакистана.— Пакистан. История и экономика. М., 1959, с. 11—30; *Пикулин М. Г.* Белуджи. М., 1959; *он же*. Брагуи. М., 1967; *Асламов М. Г.* и *Кочнев В. И.* Пуштуны.— Народы Южной Азии. М., 1963, с. 731—753; *Гафферберг Э. Г.* Белуджи и брагуи.— Народы Южной Азии, с. 754—778.

¹⁰ *Ганковский Ю. В.* Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции Пакистана.— Народы Азии и Африки. 1979, № 6; *он же*. Этносociальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана (середина 70-х годов).— Расы и народы. Вып. 13. М., 1983, с. 162—175; *он же*. Social Structure of Pakistan's Brahui-Baluchi Population.— Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Villanova, 1982, vol. 5, № 4, с. 57—73.

¹¹ Подробнее см.: Thesis Index, 1957—1967. Department of Sociology. University of Punjab. Lahore, 1968; Thesis Abstracts Series.

¹² В значительной степени на материалах полевых исследований уже в середине 60-х годов были подготовлены обобщающие работы: *Hussain I.*, *Afzal A.*, *Rizvi S. A. A.* Social Characteristics of the People of Karachi. Karachi, 1965; *Hashmi S. S.* The People of Karachi: Demographic Characteristics. Karachi, 1965.

¹³ *Шибли А. Р.* Банс кханваде. Лахор, 1972 (на урду). Подробнее о книге А. Р. Шибли см. рецензию С. Ф. Левина (Народы Азии и Африки. 1974, № 6).

¹⁴ *Ahmed Akbar S.* Millenium and Charisma among Pathans. L., 1976; *он же*. Social and Economic Change in the Tribal Areas, 1972—1976. Karachi, 1977; *он же*. Pakhtun Economy and Society. L., 1980; *он же*. Religion and Politics in Muslim Society. Cambridge, 1983.

¹⁵ *Papanek H.* Pakistan's New Industrialists and Businessmen. Chicago, 1970; *она же*. Pakistan's Big Businessmen.— Economic Development and Cultural Change. Chicago, 1972, vol. 21, № 1; *Papanek G. F.* Pakistan's Development. Social Goals and Private Incentives. Cambridge, 1967; *Braibanti R.* Research on the Bureaucracy of Pakistan. Durham, N. C., 1966. О книге Г. Папанека подробнее см. рецензию В. Я. Белокреницкого в журнале «Вопросы истории» (1969, № 10).

¹⁶ Некоторые из работ индийских исследователей были переведены на русский язык. См., например: *Патель С. Дж.* Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане. М., 1955.

¹ Экономика Индии. Общая характеристика. М., 1980, с. 6.

² Maddison A. Economic Progress and Policy in Developing Countries. N. Y., 1970, с. 29. По расчетам проф. М. Мукерджи, темпы роста экономики в первой половине XX в. были еще меньше — 0,9% в среднем в год (Asian Studies in Income and Wealth. Bombay, 1965, с. 103).

³ По расчетам Дж. Блина, природ посевных площадей в Пенджабе в 1891—1947 гг. составлял в среднем 0,96% в год по сравнению с 0,4% в целом по стране (Blyn G. Agricultural Trends In India 1891—1947; Output, Availability and Productivity. Philadelphia, 1966, с. 327—33).

⁴ Исчислено по: The Population of Pakistan. Islamabad, 1974, с. 2.

⁵ См.: Гурвич Р. П. Индия. Продовольствие — возможности и перспективы. М., 1970; Гуревич Н. М. Динамика сельскохозяйственного производства в Китае и Индии в первой половине XX в. — Народы Азии и Африки. 1976, № 3.

⁶ Ghosh B. B. Indian Economics and Pakistan Economics. Calcutta, 1949, с. 217.

⁷ Экономика Индии. Отраслевой анализ. М., 1980, с. 12.

⁸ См.: Левковский А. И. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963, с. 164—165.

⁹ Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М., 1983, с. 99—100.

¹⁰ Шейнис В. Л. Экономический рост и социальное переустройство. Некоторые взаимосвязи и противоречия. — «Третий мир». Стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.

¹¹ Подробнее см.: Белокрыцкий В. Я. О стратегии экономического развития Пакистана (по материалам пакистанской печати). — Современный Пакистан. Экономика, история, культура. М., 1976.

¹² Эти вопросы подробно рассмотрены в монографии В. Н. Москаленко «Проблемы современного Пакистана» (М., 1970).

¹³ В третьем пятилетнем плане экономического развития Пакистана отмечалось, что если в середине 50-х годов иностранная помощь составляла 1,1% общественного продукта, то к середине следующего десятилетия она достигла 6,3% (Третий пятилетний план Республики Пакистан (1965—1970). [Б. м.], 1965, с. 15).

¹⁴ Economic Survey of Asia and the Far East 1972. Bangkok, 1973, с. 1.

¹⁵ Лишь в Южной Корее, Иране и Таиланде темпы роста экономики в 60-е годы были выше, чем в Пакистане, — соответственно 9,2; 7,9 и 7,8%. Для сравнения скажем, что в данное десятилетие темпы экономического роста составляли: на Филиппинах — 5—7%, в Шри-Ланке — 4,5, в Индии — 3,8%. В таких странах развитого капитализма, как США и Канада, среднегодовые темпы роста были на уровне 5%, в Англии — 3%.

¹⁶ При этом немалую популярность за пределами Пакистана приобрели концепции развития, разработанные пакистанским экономистом Махбуб уль-Хаком в его работе «The Strategy of Economic Planning. A Case Study of Pakistan» (Karachi, 1963) и Дж. Феем в работе «An Analysis of the Long Run Prospects of Economic Development in Pakistan» (Karachi, 1962), а также модель У. Тимса, на основе которой был подготовлен третий пятилетний план (1965—1970).

¹⁷ Socio-Economic Objectives of the Fourth Five Year Plan (1970—75). Islamabad, 1968, с. 17.

¹⁸ См.: Мельяцев В. А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 115—120.

¹⁹ The Fifth Five Year Plan (1978—83). Karachi, 1978, с. 7.

²⁰ Там же, с. 36—37.

²¹ Viewpoint. 01.06.1982.

²² Там же, 09.12.1982.

²³ Подробнее см.: Растяников В. Г., Кузьмин С. А. Проблемы экономики Пакистана. М., 1958.

²⁴ Например, урожайность пшеницы составляла в 1947/48 г. приблизи-

тельно 8 ц с 1 га (Pakistan Economic Survey 1977—78. Islamabad, 1978. Statistical Annexure, с. 26).

²⁵ Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1978—79. Islamabad, 1979. Statistical Annexure, с. 9.

²⁶ Английский капитал занимал монопольное положение в производстве чая, добыче угля, нефти, хрома, торговле нефтью и нефтепродуктами; его позиции были весьма сильны в сфере обращения, кредитной системы. Ко всему этому роль английского капитала определялась также и прочными коммерческими связями, большой концентрацией капитала, принадлежностью страны к стерлинговой зоне, структурой капиталовложений и другими факторами, связывавшими бывшую колонию с метрополией [см.: *Жмуйда И. В.* Промышленность Пакистана (1947—1971 гг.). М., 1976, с. 60—67].

²⁷ The First Five Year Plan 1955—1960. Karachi, 1958, с. 195.

²⁸ Практически все основные орудия труда изготовлялись из дерева. Пожалуй, наиболее современными орудиями были соломорезки и прессы для обработки сахарного тростника, причем эти орудия были распространены преимущественно в Панджабе — наиболее оснащенной в техническом отношении провинции Пакистана. В системе колодезного орошения использовалось известное столетиями «персидское колесо». Лишь отдельные помещики и весьма незначительная часть крестьянства применяли улучшенные методы агрикультуры (*Bishop D. R.* The Consumption of Agricultural Products in Pakistan. Wash., 1954, с. 4, 42).

²⁹ К тому же несмотря на некоторый рост посевных площадей, средняя урожайность основных культур в 50-е годы заметно сократилась: пшеницы — на 17%, сахарного тростника — на 33, риса — на 4% (рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1977—78. Statistical Annexure, с. 26).

³⁰ Pakistan Economic Survey, 1965—66. Karachi, 1966. Statistical Section, с. 10.

³¹ The First Five Year Plan 1955—1960, с. 19.

³² Эти цифры относятся к Пакистану в границах до 1971 г., т. е. с учетом Восточной Бенгалии. Соответствующие показатели по Западному Пакистану были еще выше.

³³ Средняя урожайность пшеницы в районах возделывания гибридных сортов возросла до 19 ц с 1 га по сравнению с 7 ц местных сортов.

³⁴ Данные относятся к Пакистану в границах до 1971 г.

³⁵ Серьезный ущерб сельскому хозяйству нанесли наводнения 1973—1974 гг. и сильная засуха 1975 г. В результате снизилось производство риса, хлопка, кукурузы, сахарного тростника и многих других культур.

³⁶ Если рост национального хозяйства страны в 60-е годы удобно анализировать, разбив на два периода в соответствии со вторым (1960—1965) и третьим (1965—1970) пятилетними планами экономического развития страны, то 70-е годы целесообразно разбить на периоды до 1977 г. (время правления правительства З. А. Бхутто) и после 1977 г. (приход к власти военного режима Зия уль-Хака и изменение экономической политики).

³⁷ Мы не останавливаемся на анализе положений реформы 1972 г. и законодательства 1977 г., поскольку эти вопросы достаточно подробно освещены в статье М. А. Сидорова «Государство и аграрное развитие Пакистана» (см.: Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980).

³⁸ *Saeed K. A.* Economic Structure of Pakistan. Lahore, 1977, с. 136—144.

³⁹ Замедление темпов развертывания «зеленой революции» не является особенностью социально-экономического развития только Пакистана, а характерно для большинства развивающихся афро-азиатских стран (см.: Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 80).

⁴⁰ Pakistan Economic Survey 1978—79. Statistical Annexure, с. 24—27.

⁴¹ *Khandher R. H.* Distribution of Income and Wealth in Pakistan.—Pakistan Economic and Social Review. Spring 1973, с. 9—10; Pakistan Economist. 29.05.1976.

⁴² The First Five Year Plan 1955—60 (Draft). Karachi, 1956, с. 225.

⁴³ Pakistan 1959—60. Karachi, 1960, с. 69.

⁴⁴ Этот путь был единственно реальным и безопасным, потому что, буду-

чи тесно связана с классом помещиков (которые к тому же обладали не меньшей властью), национальная буржуазия едва ли могла рассчитывать на их потеснение. Расширение же деятельности в традиционных отраслях промышленности и торговли серьезно осложнялось возможными столкновениями с интересами большой массы мелких предпринимателей, ремесленников, торговцев

⁴⁵ Такой тип развития был характерен в первые 10—15 послевоенных лет для большинства азиатских стран и был обусловлен объективными причинами (см.: Развивающиеся страны. Закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 122—123).

⁴⁶ The Second Five Year Plan (1960—1965). Karachi, 1960, с. 14—15.

⁴⁷ Подробнее см.: Москаленко В. Н. Проблемы современного Пакистана, с. 61—85.

⁴⁸ В результате сокращения дефицитного финансирования повышение цен было весьма умеренным: розничные цены выросли в 1960—1965 гг. на 3%, а оптовые — на 1,6% (Третий пятилетний план Республики Пакистан, с. 22). Даже если принять во внимание занижение этих цифр в официальном источнике, едва ли темпы роста инфляции были намного выше, поскольку в противном случае это привело бы к таким отрицательным тенденциям в национальном хозяйстве, которые, несомненно, сказались бы на темпах роста и других показателях функционирования экономики.

⁴⁹ Абсолютно расходы на военные цели увеличились с 1,3 млрд. рупий в 1964/65 г. до 2,9 млрд. рупий в следующем финансовом году, а их удельный вес в общей сумме государственных расходов вырос соответственно с 23 до 39% (рассчитано по: Pakistan Economic Survey, 1975—76. Islamabad, 1976. Statistical Annexure, с. 140, 148).

⁵⁰ Общая сумма расходов в государственном секторе экономики оказалась почти на $\frac{1}{3}$ меньше запланированной — 21,6 млрд. рупий вместо предполагавшихся 30 млрд. рупий.

⁵¹ Как отмечали В. Я. Белокреницкий и М. А. Сидоров, «доля инвестиций в валовом продукте упала с 22% в 1964/65 г. до 16% в 1969/70 г.» (Белокреницкий В. Я., Сидоров М. А. Экономика Пакистана: проблемы и перспективы. — Народы Азии и Африки. 1973, № 6, с. 17).

⁵² Hamid N. The Burden of Capitalist Growth. A Study of Real Wages and Consumption in Pakistan.—Pakistan Economic and Social Review. Spring 1974, с. 56.

⁵³ The Fourth Five Year Plan (1970—1975). Islamabad, 1970, с. 13.

⁵⁴ Для примера отметим, что темпы экономического роста составили в 1971 г. по сравнению с предыдущим годом лишь 0,09%; стоимость условной продукции сельского хозяйства уменьшилась на 3,2%, промышленности — возросла только на 1,6%. Значительно замедлились темпы роста даже в отраслях сферы услуг (Bulletin State Bank of Pakistan. December 1975, с. 103).

⁵⁵ Справедливости ради нужно заметить, что в 50-е и тем более в 60-е годы в Пакистане уже существовали основы «смешанной экономики», в которой ведущую роль играли мелкокапиталистический и крупнокапиталистический секторы. Значение государственного сектора было крайне невелико; например, его доля в промышленном производстве не превышала и 5%. Основные функции госсектора сводились, по существу, к обслуживанию интересов частного предпринимательства.

⁵⁶ См., например: Илларионов С. И. Роль государства в развитии экономики Пакистана (70-е годы XX в.). М., 1981; Пакистан. Справочник. М., 1977.

⁵⁷ Сюда входили: металлургия, машиностроение, основная химия, сборка тракторов и автомобилей, производство электроэнергии, добыча энергоносителей и т. д.

⁵⁸ Помимо сказанного в стране была проведена национализация 43 частных страховых компаний, национализированы экспортная торговля хлопком и рисом, маслодельные предприятия, торговое судоходство, нефтяные компании, торговля нефтью и нефтепродуктами, частные национальные и часть иностранных банков.

⁵⁹ Quarterly Economic Review. 1976, № 2.

⁶⁰ Saeed K. Economic Structure of Pakistan. Lahore, 1977, с. 84.

⁶¹ Pakistan Economic Survey 1975—76, с. 39.

⁶² Pakistan Economist. 1979, № 21.

⁶³ В 1972—1977 гг. частные капиталовложения в фабрично-заводскую промышленность выросли в текущих ценах с 1 млрд. до 1,2 млрд. рупий. Однако с учетом роста цен они заметно уменьшились. Индекс цен вырос за тот же период в 2,3 раза; таким образом, реальные частные инвестиции сократились в указанное пятилетие более чем в 2 раза (исчислено по: Pakistan Economic Survey 1977—78. Statistical Annexure, с. 15, 69).

⁶⁴ Например, в 1976 г. лишь 15 из 170 текстильных фабрик получили прибыль; остальные испытывали острые финансовые трудности. В следующем году, по официальным статистическим данным, производство хлопковой пряжи сократилось на 18%, а хлопчатобумажных тканей — на 13% (Dawn. 04.09.1977).

⁶⁵ Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1981—82. Islamabad, 1982. Statistical Annexure, с. 11—13.

⁶⁶ Следует подчеркнуть, что внешняя торговля Пакистана уже не раз была объектом исследования советских востоковедов. Весьма подробно эти вопросы проанализированы, например, в работах А. А. Змева, И. В. Жмуйда, Ф. А. Тринича и др. Кроме того, рамки нашего исследования ограничены изучением только того влияния, которое оказывает эта отрасль экономики на процесс общественного воспроизводства. По этим причинам анализу внешней торговли уделено в настоящем разделе сравнительно немного места.

^{66a} Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1984—85. Statistics. Islamabad, 1985.

⁶⁷ Жмуйда И. В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981, с. 23.

⁶⁸ Курс пакистанской рупии по отношению к доллару менялся несколько раз. До середины 50-х годов он составлял 3,3 рупии за 1 долл.; с 1955 г. колебался на уровне 4,7—4,8 рупий. После девальвации рупии в 1972 г. курс ее понизился до 11 рупий за 1 долл.; девальвация доллара в феврале 1973 г. привела к росту стоимости рупии до 9,9 за 1 долл. Этот курс оставался неизменным до января 1982 г., когда был введен «плавающий» курс рупии, колебавшийся в 1982—1985 гг. на уровне 12—14 рупий за 1 долл.

⁶⁹ Эльянов А. Я. Развивающиеся страны. Внешние экономические связи и процесс воспроизводства. — Народы Азии и Африки. 1982, № 1, с. 3.

⁷⁰ 25 Years of Pakistan in Statistics 1947—1972. Karachi, 1972, с. 402, 407, 418—419.

⁷¹ Г. И. Чуфрин отмечал в этой связи, что период, «охарактеризовавшийся заметным усилением политики сокращения и замещения импорта, был сравнительно непродолжительным... Объяснялось это тем, что процесс сокращения импорта не мог продолжаться бесконечно, ибо при всех успехах в национальном экономическом развитии Индия не могла обойтись без привлечения из-за рубежа новой и новейшей технологии, а также без значительного импорта топлива, сырья и полуфабрикатов, не рискуя поставить под удар выполнение своих хозяйственных планов» (Экономика Индии. Отраслевой анализ, с. 260).

⁷² The Explanatory Memorandum on the Budget of the Government of Pakistan 1973—74. Islamabad, 1973, с. 4—5; Explanatory Memorandum on the Budget 1974—75. Islamabad, 1974, с. 3—4.

⁷³ Ahrenz H. and Zingel W.-P. Towards Reducing the Dependence on Capital Imports. Weisbaden, 1982, с. 147.

⁷⁴ Pakistan Economic Survey, 1981—82, с. 76.

⁷⁵ Это связано с тем, что цены на международном рынке на экспортируемый Пакистаном рис выше, чем на ввозимую пшеницу (эти две культуры составляют основу соответственно экспорта и импорта продовольствия); соотношение цен определялось в начале 80-х годов ориентировочно как 2,5:1. При этом калорийность этих культур примерно равна (Zingel W.-P. Pakistan's Economic Development.— Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Spring 1982, с. 76—77).

⁷⁶ Так произошло в 1953—1954 гг., тогда в связи с окончанием войны в Корею цены на пакистанское сельскохозяйственное сырье значительно упали:

на хлопок — на 40% и на джут — более чем на 50%. В результате, хотя физический объем экспорта хлопка и джута продолжал расти, его стоимостные размеры уменьшились почти вдвое. Так произошло и в первой половине 70-х годов, когда из-за ухудшения конъюнктуры на мировом рынке хлопка значительно упали доходы от вывоза этого вида сырья. То же было и в начале 80-х годов, когда в результате колебаний конъюнктуры мирового рынка и ухудшения для Пакистана условий торговли заметно уменьшились доходы (сократился даже физический объем) от экспорта риса, рыбы и рыбопродуктов, ковров и ковровых изделий и др.

⁷⁷ Эльянов А. Я. Развивающиеся страны. Внешние экономические связи и процесс воспроизводства, с. 12.

⁷⁸ International Financial Cooperation for Development: Capital Flows to Developing Countries. Doc. UNTD/C.158. 14.05.1979.

⁷⁹ В начале 50-х годов джут-сырец и хлопок-сырец обеспечивали даже 90% пакистанского экспорта — соответственно 50 и 40% (Economy of Pakistan 1948—68. Islamabad, 1968, с. 99).

⁸⁰ Economy of Pakistan 1948—68, с. 117.

⁸¹ Конечно, рост экспорта традиционных товаров (которые представляют собой либо сельскохозяйственное сырье или продукты, либо продукцию переработки сельскохозяйственного сырья) также требует инвестиций в сельское хозяйство, однако затраты здесь на единицу экспортноориентированной продукции ниже, чем в промышленности.

⁸² По свидетельству ФАО, из-за бездорожья и нехватки зернохранилищ в целом в развивающихся странах ежегодно гибнет от 20 до 40% зерна (FAO. World Food Conference Assesment of the World Food... Present and Future. Rome, 1974, с. 118).

^{82a} Сюда включены: промышленность (горнодобывающая, обрабатывающая, энергетическая), строительство, транспорт и связь.

⁸³ Развивающиеся страны. Экономический рост и социальный прогресс. М., 1983, с. 94.

⁸⁴ Там же, с. 302.

⁸⁵ Наглядным примером тому кроме Пакистана могут служить страны Ближнего и Среднего Востока — Турция, Иран и др. Вместе с тем во многих странах Латинской Америки наметилась тенденция к уменьшению диспропорций, а в отдельных государствах (например, Аргентина, Уругвай) уже сейчас достигнуто примерное равенство долей сельского хозяйства в ВВП и занятости (что свидетельствует о сближении этой сферы с несельскохозяйственными отраслями).

⁸⁶ Maddison A. Economic Progress and Policy in Developing Countries. N. Y., 1970, с. 53.

⁸⁷ К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные об использовании ВВП в 60-е годы мало сопоставимы с соответствующими показателями за более поздний период, поскольку они (данные за 60-е годы) относятся к Пакистану в границах до 1971 г., т. е. включая Восточную Бенгалию (ныне Народная Республика Бангладеш). Поэтому мы преимущественно ограничимся анализом процессов накопления, его реализации, а также потребления в 70-е — первой половине 80-х годов. К тому же исследование использования общественного продукта в 50—60-е годы уже являлось объектом изучения (см.: Каменев С. Н. Экономический рост Пакистана. М., 1977, с. 100—115).

⁸⁸ Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980, с. 87.

⁸⁹ Экономика Индии. Общая характеристика, с. 161.

⁹⁰ Monthly Bulletin of Statistics. N. Y., March 1977, с. 108—111.

⁹¹ Зарубежный Восток и современность. Т. 1, с. 91.

⁹² Однако и здесь мы смогли, во-первых, привлечь данные только за 70-е годы, а во-вторых, эти данные взяты не из первоисточника, а из исследования пакистанских экономистов, которые, в свою очередь, почерпнули их из «Неопубликованных документов правительства Пакистана» (Naqvi S. N. H., Sarmad K. Pakistan's Economy through the Seventies. Islamabad, 1984, с. 158).

⁹³ The Second Five Year Plan (1960—65). Karachi, 1960, с. 49.

⁹⁴ The Sixth Five Year Plan 1983—88. Islamabad, [б. р.], с. 39.

⁹⁵ Pakistan Economic Survey 1965—66, с. 151—152.

⁹⁶ Мубашир Хасан, занимавший в то время пост министра финансов, в своей речи по поводу принятия бюджета на 1972/73 г. заявил: «Правительство стремится к тому, чтобы накопления и инвестиции достигли максимального уровня... Соответственно оно старается облегчить условия для осуществления инвестиций» (*Hasan M. Budget Speech for 1972—73. Islamabad, 1972, с. 38*).

⁹⁷ Экономика Индии. Общая характеристика, с. 199.

⁹⁸ Pakistan Economic Survey 1978—79, с. 170—174.

⁹⁹ Business Recorder. 17.06.1984.

¹⁰⁰ World Bank Annual Report. 1978. Wash., 1978; World Bank Annual Report. 1979. Wash., 1979.

¹⁰¹ Третий пятилетний план Республики Пакистан, с. 15.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Развитые капиталистические страны дважды приостанавливали приток экономической помощи Пакистану. Впервые это произошло осенью 1965 г., после индо-пакистанского военного конфликта; второй раз — в 1971 г., в связи с развернувшимися военными действиями в бывшем Восточном Пакистане (ныне Народная Республика Бангладеш).

¹⁰⁴ The Sixth Five Year Plan 1983—88, с. 74.

¹⁰⁵ Pakistan Trade. May 1957, с. 40; Третий пятилетний план Республики Пакистан, с. 97; Pakistan Economist. 08.05.1976.

¹⁰⁶ *Qureshi D. M. Investment Climate in Pakistan.— Economic Review. Karachi, 1983, № 10/11, с. 44; Shah N. A. Promotion on Foreign Investment in Pakistan.— Economic Review, 1983, № 10/11, с. 48; Khan A. M. Incentives for Investment. Industrialization and Exports.— Economic Review, 1983, № 10/11, с. 50.*

¹⁰⁷ The Fifth Five Year Plan (1978—83), с. 32; The Sixth Five Year Plan 1983—88, с. 37.

¹⁰⁸ The Sixth Five Year Plan 1983—88, с. 75.

¹⁰⁹ См.: *Каменев С. Н.* Пакистан. Государственные финансы и экономическое развитие. М., 1982, с. 146—199.

¹¹⁰ Развивающиеся страны. Экономический рост и социальный прогресс, с. 371.

¹¹¹ Financial Times. 19.06.1983.

¹¹² В нашем распоряжении имеются, к сожалению, весьма ограниченные данные о структуре личного потребления в Пакистане, которые составлены на основе выборочных обследований семейных расходов. На качество проведенных обследований сказывается ряд факторов, которые в конечном итоге делают картину потребления довольно приблизительной. Это, во-первых, слабая репрезентативность обследований (ими охвачены, самое большее, 0,5% населения страны); во-вторых, сокрытие своих доходов некоторыми группами доходополучателей (в первую очередь, естественно, высшими); в-третьих, невозможность охвата пропорциональных групп получателей доходов пакистанского общества. Поэтому все это ограничивает уровень анализа процесса потребления в Пакистане и дает возможность составить о нем лишь общее представление.

¹¹³ Industrial Development Survey. T. 1. N. Y., 1969, с. 65—69.

¹¹⁴ См., например: *Жмуйда И. В.* Внешнеэкономические связи Пакистана, с. 76—90.

¹¹⁵ Подробнее см.: *Белокреницкий В. Я.* Жилищная проблема в Пакистане.— Пакистан. История и экономика. М., 1980.

¹¹⁶ The Sixth Five Year Plan 1983—88, с. 389.

Глава II

¹ См.: *Широков Г. К.* Межукладное взаимодействие в развивающихся странах Востока.— Народы Азии и Африки. 1979, № 4, с. 112—116.

² В 1947—1948 гг. бесправных арендаторов-издольщиков (хари) насчитывалось в Синде свыше 2 млн. человек; они составляли более $\frac{2}{3}$ крестьян провинции (*Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 158).

³ См.: *Алаев Л. Б.* Социальная структура индийской деревни. М., 1976; *он же.* Сельская община в Северной Индии. М., 1981.

⁴ Отмечая существование де-факто среди мусульман деления на касты, Л. Р. Полонская указывала на особое положение в деревне представителей неземледельческих каст, которые могли арендовать землю лишь на самых тяжелых условиях и с большим трудом могли приобрести землю (*Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 161).

⁵ О распространении помещичьего землевладения всех типов (феодалного и полуфеодалного) красноречиво свидетельствуют относящиеся к начальным годам существования независимого Пакистана данные о том, что в провинции Синд до 90% всех земель принадлежало крупным земельным собственникам, в Панджабе — свыше 70, в СЗПП — около 60% (*Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 155—156).

⁶ Об этом см.: *Левин С. Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 9—69.

⁷ *Рузиев Т.* История рабочего класса Пакистана. М., 1980, с. 143, 149; *Pakistan Statistical Yearbook 1963.* Karachi, 1964, с. 47.

⁸ Внешнеторговый оборот Пакистана в начале 50-х годов вырос, в частности, под воздействием такого фактора, как корейская война, повысившая спрос на хлопок на мировом рынке. Увеличению доходов представителей пакистанского торгового капитала содействовал также отказ правительства страны в 1949 г. вместе с другими странами Британского содружества наций изменить курс своей валюты. Это повлекло за собой почти полное прекращение торговли с Индией, которая находилась в основном в руках индийского капитала. Пакистанские внешнеторговые фирмы получили в результате возможность значительно расширить свои экспортно-импортные операции.

⁹ Одними из первых вопрос о пакистанских монополиях и их своеобразии поставили Ю. В. Ганковский и Л. Р. Полонская: «Монополии в Пакистане... стали создаваться не на базе высокоразвитого капитализма, а в условиях чрезвычайно низкого, колониального уровня развития капиталистических отношений. Отдельные группы крупной буржуазии, которые в первые годы существования Пакистана вкладывали капиталы преимущественно в сферу обращения, к концу первого десятилетия сосредоточили в своих руках наиболее значительные торговые, банковские и промышленные операции, все больше подчиняя своему контролю экономическое развитие страны» (*Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 274).

¹⁰ Там же, с. 155.

¹¹ Хотя президент Пакистана в 1958—1969 гг. М. Айюб-хан в автобиографии утверждает, что организация по урегулированию вопроса об оставленной в Индии земельной собственности так и не приступила к работе (*Айюб Хан М. Friends Not Masters. A Political Autobiography.* L., 1967, с. 93—94), другие авторы указывают, что принятие законоположений и создание специальной организации создавали такие условия, которые приводили благодаря действиям местных властей к появлению новых навабов (крупных землевладельцев) (*Rural Development in Bangladesh and Pakistan.* Honolulu, 1976, с. 334).

¹² *Растяжников В. Г.* Техническая база сельского хозяйства Пакистана.— Пакистан. История и экономика. М., 1959, с. 97.

¹³ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 167—168.

¹⁴ Кроме хорошо известного факта усиления притока сельских жителей в Карачи (см. серию работ по населению этого города, выполненных сотрудниками Пакистанского института экономики развития в начале 60-х годов, например: *Farooq G. M.* The People of Karachi. Economic Characteristics. Karachi, 1966) заслуживают внимания собранные и проанализированные пакистанским исследователем Ш. Д. Бурки сведения о миграции в небольшие города Панджаба, согласно которым основной приток беженцев из Индии в эти города пришелся не на конец 40-х, а на первую половину 50-х годов. Объясняется это тем, что значительная часть прибывших в пакистанский Панджаб из Индии на первых порах стремилась закрепиться в деревне, но впоследствии

была вынуждена переехать в города, лишившись надежды на получение земли (см.: Population, Politics and the Future of Southern Asia. N. Y.—L., 1973).

¹⁵ Population Census of Pakistan 1961. Vol. 4. Karachi, [6. r.].

¹⁶ См.: Wilcox W. A. Pakistan. The Consolidation of a Nation. N. Y., 1963.

¹⁷ Pakistan Statistical Yearbook 1963, с. 47; Census of Manufacturing Industries 1959—60. Karachi, 1963, с. 36, 43.

¹⁸ Jatoi H. B. Disposal of Gudu Barrage State Lands. Hyderabad, 1967.

¹⁹ См. фундаментальную работу О. Х. К. Спейта «Индия и Пакистан» (М., 1957), а также более позднюю монографию: Michel A. A. The Indus Rivers. A Study of the Effects of Partition. New Haven, 1967.

²⁰ Наш расчет основан на данных, опубликованных пакистанскими экономистами Н. Хамидом и А. Хусейном. См.: Pakistan Economic and Social Review. Lahore, 1974, vol. 12, № 3, с. 278—287.

²¹ Hirashima Sh. The Structure of Disparity in Developing Agriculture. A Case Study of the Pakistan Punjab. Tokyo, 1978, с. 105—117.

²² Подробнее см.: Левин С. Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана; он же. Государство и монополистическая буржуазия Пакистана. М., 1983.

²³ О политическом кризисе конца 60-х годов подробнее см.: Москаленко В. Н. Проблемы современного Пакистана. М., 1970, с. 278—280; Рузиев Т. История рабочего класса Пакистана, с. 223—226.

²⁴ К закупке зерна на внутреннем рынке по твердым ценам пакистанское государство приступило в 1968 г. Перепродажа его населению по более низким ценам означала фактически субсидирование сельских товаропроизводителей за счет городских.

²⁵ Orient. Hamburg, 1978, Bd. 346, № 2.

²⁶ Ahmed A. S. Pukhtun Economy and Society. L., 1980.

²⁷ В конце 70-х — начале 80-х годов противоречивое влияние на эти процессы оказало создание на территории племен лагерей беженцев из ДРА и баз афганских контрреволюционеров. Пуштунские племена оказались втянутыми в межгосударственный конфликт, что содействовало дальнейшему ослаблению их изоляции от внешнего мира, притоку денежных средств в эти районы по линии помощи «беженцам» и т. п. В то же время конкуренция со стороны состоятельных афганцев сократила предпринимательские возможности местной обуржуазивающейся прослойки.

²⁸ См.: Левин С. Ф. Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма (на примере бохра, меманов, ходжа).— Касты в Индии. М., 1965, с. 233—261.

²⁹ Левин С. Ф. Буржуазия развивающихся стран. Традиционные и нетрадиционные связи.— Азия и Африка сегодня. 1982, № 10, с. 33—36.

³⁰ Husain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.— Viewpoint. Lahore, 30.09—21.10.1982.

³¹ «В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натываемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда» [Левин В. И. Проект программы нашей партии.— Т. 4, с. 238 (здесь и далее сноски даны по Полному собранию сочинений)].

³² См.: Колонтаев А. П. Мелкое производство. Некоторые вопросы теории.— Экономика современной Индии (проблемы роста). М., 1972, с. 25—34.

³³ Белокрекицкий В. Я. Структура нефабричного пролетариата Пакистана.— Нефабричный пролетариат стран Азии и Северной Африки. М., 1984.

³⁴ См.: Census of Pakistan Population 1961. Vol. 4; Labour Force Surveys 1968—69, 1969—70, 1974—75. Karachi, 1973, 1976.

³⁵ Social Characteristics of the People of Karachi. Karachi, 1965.

³⁶ Этому способствует низкий уровень налогообложения сельскохозяйственных доходов; налоги долгое время сводились лишь к поземельному и водному сбору, ставки которых не пересматривались десятилетиями. С весны 1983 г. к ним добавился исламский налог ушр, но это не изменило общей невысокой степени обложения сельскохозяйственных доходов.

³⁷ См.: Hirashima Sh. The Structure of Disparity in Developing Agriculture.

³⁸ Там же, с. 95.

³⁹ См.: Дергачева Е. И. Административная реформа (1972—1976).— Пакистан. Проблемы политики и экономики. М., 1978, с. 81—121.

⁴⁰ 197) World Census of Agriculture. Rome, 1981, с. 232.

⁴¹ Там же.

⁴² Наша оценка на основании: Labour Force Surveys 1968—69 — 1974—75; Pakistan Economic Survey 1979—80. Islamabad, 1980, с. 6—7.

⁴³ Исходными для этих оценок являются те же источники.

⁴⁴ Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся.— Т. 2, с. 537; *оп. же.* Проект программы нашей партии.— Т. 4, с. 218—219.

⁴⁵ 1970 World Census of Agriculture, с. 232.

⁴⁶ Так, крупнейший отряд этих рабочих (занятые на многочисленных предприятиях по обжигу кирпича) состоит исключительно из проживающих в сельской местности. Это вызвано, в частности, стремлением владельцев не привлекать внимания к условиям труда и быта безжалостно эксплуатируемых ими рабочих (см.: Viewpoint. 23.09.1982).

⁴⁷ Детальный анализ проблемы экономической активности женского населения Пакистана сделан В. П. Бродниковской. См. ее диссертацию «Самостоятельное женское население Пакистана (Проблемы участия женщин в экономической деятельности)» и автореферат (М., 1983).

⁴⁸ Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978, с. 294, 302.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 31; Pakistan Economic Survey 1979—80. Statistical Annexure, с. 4.

⁵¹ Результаты исследования, проведенного группой пакистанских экономистов во главе с И. Джилли на средства ряда международных организаций и правительства Пакистана, показали, что за рубежом работало 2 млн. пакистанцев, из них 1,25 млн.— в странах Арабского Востока (Arab Times. 02.02.1982). Численность экономически активного населения в начале 80-х годов составляла примерно 25 млн. человек (Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi, 1984, с. 61—62; Pakistan Economic Survey 1981—1982. Islamabad, 1982, с. 4; Yearbook of Labour Statistics 1981. Geneva, 1981, с. 116—117).

⁵² Pakistan Economic Survey 1979—80. Statistical Annexure, с. 6.

⁵³ Экономика Индии. Общая характеристика. М., 1980, с. 114—115.

⁵⁴ Pakistan Economic Survey 1980—81. Islamabad, 1981, с. 6—7.

⁵⁵ Там же: Population Census of Pakistan 1961. Vol. 4, с. 192—193.

⁵⁶ Исключением явились лишь результаты крупного выборочного обследования 1973 г., проведенного в рамках переписи населения 1982 г. Согласно его данным, доля полностью безработных в составе самодеятельного населения равнялась 13,1%, в городах — 17,7% (Pakistan Economic Survey 1977—78. Islamabad, 1978, с. 5). Столь большой разрыв между этими показателями и данными других обследований, очевидно, объясняется особенностями периода, когда проводилось обследование (сразу после разрушительного наводнения), и сезонными колебаниями (сентябрь — время перед уборкой урожая хариф). Это не перечеркивает значения результатов обследования 1973 г., ибо они показывают амплитуду колебаний уровня явной безработицы и свидетельствуют о заниженной в целом оценке этого уровня данными выборочных обследований, проводившихся пакистанским статистическим бюро.

⁵⁷ Pakistan Economic Survey 1981—82, Islamabad, 1982, с. 4—5.

⁵⁸ См. примеч. 52.

⁵⁹ Белокрыцкий В. Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982, с. 185—190.

⁶⁰ Census of Pakistan 1951. Vol. 1. Karachi, [6. г.], с. I—1; Census of Pakistan Population 1961. Vol. 4, с. 188, 246—247; Pakistan Development Review. Islamabad, 1975, vol. 14, № 3, с. 424; Pakistan and Gulf Economist. Karachi, 10.12.1983; Yearbook of Labour Statistics 1981. Geneva, 1981, с. 64—65, 116—117.

⁶¹ Population and Labour Force in Pakistan. Karachi, 1966, с. 57; Labour Force Survey 1967—70. Karachi, 1973, с. 12; Labour Force Survey 1974—75. Karachi, 1976, с. 81; Yearbook of Labour Statistics 1981, с. 116—117.

⁶² Patel S. D. Agricultural Labourers in Modern India and Pakistan. New Delhi, 1942, с. 31.

⁶³ Population Census of Pakistan 1961. Т. 1, с. V—61.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См. примеч. 61.

⁶⁶ См.: Viewpoint. 30.09.1982, с. 25—27, 17.02.1983, с. 18—19; *Hirashima Sh. The Structure of Disparity in Developing Agriculture*, с. 99—101.

⁶⁷ На необходимость учитывать различия в характере исходных данных, положенных в основу сельскохозяйственных переписей 1960 и 1972 гг., указывает А. Хусейн (см.: Viewpoint. 07.10.1982, с. 25). В то же время к сравнению данных переписей прибегает М. Хасан-хан (*Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan*. Boulder, 1981, с. 102—107).

⁶⁸ Census of Pakistan Population 1961. Vol. 4, с. 188—189; *Labour Force Surveys 1968—69, 1969—70, 1974—75*.

⁶⁹ Наиболее широко артельно-подрядная форма обработки земли распространена в рисосеющих районах Панджаба и в зонах выращивания сахарного тростника. В качестве сельхозрабочих при этой системе выступают, как правило, представители неземледельческого населения деревни (камми), а не выходцы из среды арендаторов — потомственных земледельцев (музара). См.: *Hirashima Sh. The Structure of Disparity in Developing Agriculture*, с. 95.

⁷⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг.—*Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1, с. 454.

⁷¹ *Растянных В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии*. М., 1973, с. 202.

⁷² В. Г. Растянных охарактеризовал этот наем (обмен трудом через сферу рынка) взаимопомощью, образующей основу существования огромных масс, занятых в мелком производстве (*Растянных В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе*, с. 206).

⁷³ *Mujahid G. B. S. Rural-Urban Migration. Urban Development and Earning Differentials in Pakistan*.—*Weltwirtschaftliche Archiv*. Tubingen, 1975, Bd. № 3, H. 3, с. 588.

⁷⁴ *Pakistan Statistical Yearbook 1979*. Karachi, 1980, с. 26—27.

⁷⁵ *Pakistan Statistical Yearbook 1963*, с. 67.

⁷⁶ *Yearbook of Labour Statistics 1981*, с. 252, 291.

⁷⁷ См. примеч. 74.

⁷⁸ *Рузиев Т. Пакистан. Рабочее движение в 70-х годах.—Рабочий класс и современный мир*. М., 1982, № 1, с. 128.

⁷⁹ *Илларионов С. И. Роль государства в развитии экономики Пакистана (70-е годы XX в.)*. М., 1981, с. 102.

⁸⁰ Эта цифра получена исходя из оценки численности населения в 1977 г.—74,5 млн. человек (*Pakistan Statistical Yearbook 1979*, с. 5) — и размера среднестатистической семьи, который, как правило, считают равным пяти.

⁸¹ *Pakistan Economic Survey 1979—80. Statistical Annexure*, с. 224.

Глава III

¹ *Pakistan Economic Survey 1979—80. Islamabad*, 1980, с. 3; *The Pakistan Times*. Lahore, 15.03.1979.

² *Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi*, 1984, с. 53.

³ В этой главе мы остановимся на анализе динамики и эволюции социальных слоев, непосредственно связанных с сельскохозяйственным производством. Социальные слои, относимые нами к сельскому населению, но порвавшие с деревней (помещики-абсентеисты, ушедшие на заработки в город безземельные крестьяне), будут рассмотрены в следующей главе.

⁴ По приблизительным подсчетам, средний размер синдской деревни — около 220 домов, панджабской — 188 (см.: *Pakistan Statistical Yearbook*, 1984, с. 53; *Pakistan Census of Agriculture 1980. Special Report, Mouza Statistics*. Lahore, 1982, с. XV).

⁵ Там же.

⁶ *Ганковский Ю. В. Этносоциальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана (середина 70-х годов)*.—*Расы и народы*. Вып. 13. М., 1983, с. 167.

⁷ Подсчитано по: *Pakistan Statistical Yearbook 1984*, с. 6—7.

- ⁸ Подсчитано по: Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 23; *Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982, с. 77.
- ⁹ Подробнее см.: *Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации, с. 42—43.
- ¹⁰ Там же, с. 60, 63.
- ¹¹ *Марек Я., Збавител Д.* Два Пакистана. М., 1966, с. 23.
- ¹² Pakistan Census of Agriculture 1980. Special Report, с. XV.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ The Pakistan Times. 14.03.1979.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. 16.03.1979.
- ¹⁷ Pakistan Census of Agriculture 1980. Special Report, с. XXI.
- ¹⁸ Pakistan. Food and Agriculture. Islamabad, 1981, с. 10; *Afzal M.* Farming in Pakistan. Islamabad, 1976, с. 58.
- ¹⁹ Dawn. Karachi, 31.05.1982; Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 221.
- ²⁰ Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 221.
- ²¹ Там же, с. 171.
- ²² The Muslim. Islamabad, 10.04.1980.
- ²³ Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 205.
- ²⁴ The Muslim. 10.04.1980.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 199—203.
- ²⁷ *Akhtar S. M.* Economic Development of Pakistan. Т. 2. Lahore, 1979, с. 578.
- ²⁸ Там же, с. 579.
- ²⁹ *Quadeer M. A.* Evaluation of the Integrated Rural Development Programme. Islamabad, 1977, с. 6—7.
- ³⁰ Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 235.
- ³¹ См.: Morning News. Karachi, 04.11.1981.
- ³² Pakistan Economic Survey 1979—80. Statistical Annexure, с. 169.
- ³³ Pakistan Census of Agriculture 1980. Special Report, с. XXV.
- ³⁴ *Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Т. 27, с. 219.
- ³⁵ Пакистан. Справочник, с. 31.
- ³⁶ См., например: The Muslim. 11.07.1981.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Т. 27, с. 226.
- ³⁸ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1 (All-Pakistan Report). Lahore, 1975, с. 69; *Khan M. H.* Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan. Boulder, 1981, с. 75.
- ³⁹ *Khan M. H.* Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 75.
- ⁴⁰ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 69.
- ⁴¹ *Alavi H.* The Politics of Dependence: A Village in West Punjab.— South Asian Review. L., 1971, vol. 4, № 2, с. 121.
- ⁴² *Eglar Z. A.* A Punjabi Village in Pakistan. N. Y., 1960, с. 76—77.
- ⁴³ *Alavi H.* The Rural Elite and Agricultural Development in Pakistan.— Rural Development in Bangladesh and Pakistan. Honolulu, 1976, с. 344.
- ⁴⁴ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 105; *Khan M. H.* Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 112—113.
- ⁴⁵ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 103, 105.
- ⁴⁶ Viewpoint. Lahore, 08.09.1983, с. 28.
- ⁴⁷ *Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Эволюция традиционного сектора и традиционализм.— Азия и Африка сегодня. 1983, № 9, с. 24.
- ⁴⁸ *Khan M. H.* Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 75.
- ⁴⁹ Viewpoint, 08.09.1983, с. 28.
- ⁵⁰ Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). М., 1981, с. 94.
- ⁵¹ *Кудрявцев М. К.* Мусульманские касты.— Касты в Индии. М., 1965, с. 217, 222.

- ⁵² См.: *Alavi H.* The Politics of Dependence: A Village in West Punjab, с. 122—123.
- ⁵³ *Khan M. H.* Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 75.
- ⁵⁴ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 37.
- ⁵⁵ *Ганковский Ю. В.* Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции.— Народы Азии и Африки. 1979, № 6, с. 85.
- ⁵⁶ Подробнее см.: *Ганковский Ю. В.* Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции, с. 86; *Джаббаров Т. Д.* Северо-Западная пограничная провинция. М., 1977.
- ⁵⁷ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 2 (Province Report). Lahore, 1975, с. 1—20.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ См.: *Пикулин М. Г.* Белуджи. М., 1959; *Ганковский Ю. В.* Этносоциальная характеристика брайгуйско-белуджского населения Пакистана.— Расы и народы. Вып. 13. М., 1983.
- ⁶⁰ White Paper on Baluchistan. Rawalpindi, 1974, с. 36; Viewpoint. 12.05.1983.
- ⁶¹ *Ганковский Ю. В.* Этносоциальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана, с. 171.
- ⁶² Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 35, 69, 103, 137.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, с. 105.
- ⁶⁵ *Ahmad F.* Pakistan: Les Dernieres Cartouches de Zia.— Afrique — Asie. P., 1983, № 306, с. 37—38.
- ⁶⁶ См.: *Левин С. Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 63—69.
- ⁶⁷ Far Eastern Economic Review. Hong Kong. 27.10.1983.
- ⁶⁸ *Снейт О. Х. К.* Индия и Пакистан. М., 1957, с. 138.
- ⁶⁹ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 155.
- ⁷⁰ Пример подобного помещика-переселенца из Индии (мухаджир) приводится в работе Х. Алави (см.: *Alavi H.* The Politics of Dependence: A Village in West Punjab, с. 122—123).
- ⁷¹ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 155—156.
- ⁷² Там же, с. 156.
- ⁷³ Там же, с. 158—159.
- ⁷⁴ Подробнее о технической оснащенности сельского хозяйства Пакистана в конце 40-х — 50-е годы см.: *Растянников В. Г.* Техническая база сельского хозяйства Пакистана.— Пакистан. История и экономика. М., 1959, с. 86—126.
- ⁷⁵ См.: *Baxter G.* The People's Party Vs The Punjab «Feudalist».— Journal of Asian and African Studies. Toronto, 1973, vol. 8, № 3—4, с. 174—182.
- ⁷⁶ См.: *Пономарев Ю. А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982, с. 140—144.
- ⁷⁷ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 127.
- ⁷⁸ См.: *Растянников В. Г., Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, с. 12—22.
- ⁷⁹ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 276.
- ⁸⁰ Там же, с. 277.
- ⁸¹ *Растянников В. Г.* Техническая база сельского хозяйства Пакистана, с. 92.
- ⁸² *Москаленко В. Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970, с. 48—50.
- ⁸³ *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р.* История Пакистана, с. 344.
- ⁸⁴ См.: *Москаленко В. Н.* Проблемы современного Пакистана; *Сидоров М. А.* Земельные реформы.— Пакистан. Проблемы политики и экономики. М., 1978; *Тансыкбаева С. И.* Аграрная реформа 1959 г. в Пакистане.— Социально-экономические последствия аграрных реформ и социально-экономическая структура деревни в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1966.
- ⁸⁵ *Akhtar S. M.* Economic Development of Pakistan. Т. 2. Lahore, 1979, с. 524—525.

⁸⁶ См.: Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. История Пакистана, с. 350—351; Москаленко В. Н. Проблемы современного Пакистана, с. 202—225.

⁸⁷ Подробнее см.: Ahmad M. Rural Self-Government in Pakistan: An Experiment in Political Development through Bureaucracy.— Rural Development in Bangladesh and Pakistan, с. 222—225.

⁸⁸ Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. История Пакистана, с. 351.

⁸⁹ Вот что пишет по этому поводу Е. Масуд: «Феодальные правители Пакистана держали в своих руках все ресурсы страны. Их влияние было настолько прогнившим, что превратило Айюб-хана и его ближайших помощников, как гражданских, так и военных, в помещиков» (The Muslim. 14.11.1982).

⁹⁰ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.— Pakistan. The Political Economy of Rural Development. Lahore, 1982, с. 347—348.

⁹¹ Белокреницкий В. Пакистан. Эволюция традиционного сектора и традиционализм.— Азия и Африка сегодня. 1983, № 9, с. 24.

⁹² Сидоров М. А. Земельные реформы, с. 149—153.

⁹³ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab, с. 347.

⁹⁴ Пример подобного помещика-предпринимателя из панджабской деревни приводит в своем исследовании А. Хусейн. Помещик проживает в неорошаемом районе Кэмпбеллур, владеет свыше 1200 га земли, из которых сам обрабатывает около 200 га, а остальную землю сдает в аренду по издольной системе. Многие издольщики во время страды бесплатно трудятся на своего помещика. В то же время на него трудится 16 сельскохозяйственных рабочих, получающих месячное жалованье. Все сельскохозяйственные работы на участках, обрабатываемых арендаторами, ведутся примитивными методами, но сам помещик ведет свое хозяйство с применением современных агротехнических средств (Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab, с. 349—350).

⁹⁵ Восток. Рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире). М., 1983, с. 74.

⁹⁶ Dawn. 06.01.1983.

⁹⁷ Президент банка Халибов Абдула Джаббар Хан, который одновременно является акционером крупной сельскохозяйственной корпорации, потребовал от Плановой комиссии Пакистана, чтобы общее количество земельных хозяйств, достигшее 4 млн., было сокращено вдвое в целях повышения общей эффективности сельскохозяйственного производства (см.: Dawn. 06.01.1983).

⁹⁸ The Pakistan Times. 29.06.1978; The Muslim. 05.01.1983.

⁹⁹ The Muslim. 28.12.1982.

¹⁰⁰ В 1951 г. доля лиц, непосредственно не связанных с земледелием, в социальной структуре сельского населения составляла 21,6%, а в 1973 г.— уже 28,3% (Economy of Pakistan 1948—1968. Islamabad, 1968, с. 25—27; Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 6).

¹⁰¹ Для сравнения можно привести данные об источниках кредитов в индийской деревне. Там в начале 50-х годов доля ростовщиков составляла 70% по сравнению с 0,4% в Пакистане (см.: Ахтар С. М. Экономика Пакистана. М., 1957, с. 167).

¹⁰² Khan M. H. The Economics of the Green Revolution in Pakistan. N. Y.—L.,— Wash., 1975, с. 105.

¹⁰³ См., например: The Muslim. 29.04.1980, 28.12.1982.

¹⁰⁴ Подробнее о системе сельскохозяйственного рынка в Пакистане см.: Cornelisse P. A. Wheat-Market Flows in West Punjab.— The Pakistan Development Review. Karachi, 1984, vol. 23, № 1, с. 65—79.

¹⁰⁵ Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981, с. 81.

¹⁰⁶ Patriot. New Delhi, 24.05.1984.

¹⁰⁷ См.: Weinbaum M. G. Agricultural Development and Bureaucratic Politics in Pakistan.— Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Villanova, 1978, vol. 2, № 2, с. 42—62; Kenneda Ch. H. Policies of Ethnic Preference in Pakistan.— Asian Survey. Berkeley, 1984, vol. 24, № 6, с. 690—691.

¹⁰⁸ Тансыкбаева С. И. Ислам в повседневной жизни современной пакистан-

ской деревни.—Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982, с. 216.

¹⁰⁹ Ганковский Ю. В. Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции.—Народы Азии и Африки. 1979, № 6, с. 82.

¹¹⁰ Ганковский Ю. В. Этносоциальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана (середина 70-х годов), с. 170.

¹¹¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.—Т. 3, с. 307.

¹¹² Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 9—10.

¹¹³ Подробнее см.: Восток. Рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире).

¹¹⁴ Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса».—Т. 5, с. 190.

¹¹⁵ Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 103, 110.

¹¹⁵ Там же, с. 110.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, с. 73.

¹¹⁹ Там же, с. 102.

¹²⁰ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.—Viewpoint. 07.10.1982, с. 26.

¹²¹ Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 111—112.

¹²² Ленин В. И. Развитие капитализма в России.—Т. 3, с. 173.

¹²³ Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 110.

¹²⁴ Там же, с. 110—111.

¹²⁵ Подробнее см.: Сидоров М. А. Земельные реформы: Тансыкбаева С. И. Крестьянство Пакистана. Таш., 1969; Тансыкбаева С. И. Реформа аграрного строя в Пакистане (начало 70-х годов).—Современный Пакистан. Экономика, история, культура. М., 1976; Тансыкбаева С. И. Ислам в повседневной жизни современной пакистанской деревни.—Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока.

¹²⁶ Развивающиеся страны. Закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 25).

¹²⁷ Alavi H. The Rural Elite and Agricultural Development in Pakistan, с. 333, 339—340.

¹²⁸ Mubasher M. Y. Impact of Tractors on Farming.—Viewpoint. 24.09.1978, с. 23—24.

¹²⁹ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.—Viewpoint. 30.09.1982, с. 27.

¹³⁰ Pakistan Census of Agriculture 1960. Т. 2 (West Pakistan Report). Karachi, 1964, с. 4; Pakistan Economic Survey 1983—1984. Islamabad, 1984. Statistical Annexure, с. 44.

¹³¹ Pakistan Economic Survey 1979—80, с. 39.

¹³² Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 71.

¹³³ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.—Viewpoint. 30.09.1982, с. 27.

¹³⁴ Гордон А. В., Хорос В. Г. Крестьянство на современном этапе национально-освободительного движения.—Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 171.

¹³⁵ Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока, с. 185.

¹³⁶ Ерасов Б. С. Социокультурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982, с. 23.

¹³⁷ Hussain A. Technical Change and Social Polarization in Punjab.—Viewpoint. 14.10.1982, с. 26.

¹³⁸ Там же, с. 25.

¹³⁹ Ahmed F. Agrarian Change and Classes in Sind.—Viewpoint. 08.09.1983, с. 28.

- ¹⁴⁰ Chaudhri M. I. Pakistan Society. A Sociological Analysis. Lahore, 1968, с. 110.
- ¹⁴¹ Подробнее см.: Тансыкбаева С. И. Ислам в повседневной жизни современной пакистанской деревни.
- ¹⁴² Masud M. Hari Committee Report. Note of Dissent. Karachi, 1948, с. 7.
- ¹⁴³ Sayeed Kh. B. The Political System of Pakistan. Boston, 1967, с. 39.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 176.
- ¹⁴⁵ Подробнее см.: Тансыкбаева С. И. Ислам в повседневной жизни современной пакистанской деревни.
- ¹⁴⁶ Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Т. 27, с. 226.
- ¹⁴⁷ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 24.
- ¹⁴⁸ Khan M. H. Underdevelopment and Agrarian Structure in Pakistan, с. 175.
- ¹⁴⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 110.
- ¹⁵⁰ The Muslim. 28.12.1982.
- ¹⁵¹ Mubasher M. Y. Impact of Tractors on Farming.— Viewpoint. 01.10.1978, с. 22.
- ¹⁵² Pakistan. The Political Economy of Rural Development. Lahore, 1982, с. 345.
- ¹⁵³ Pakistan Census of Agriculture 1972. Т. 1, с. 92.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 126.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 58.
- ¹⁵⁶ Там же, с. 160; т. 2, с. 1.
- ¹⁵⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 330.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 331.
- ¹⁵⁹ Hirashima S. Zamindars and Kammees in the Punjab. An Economic Analysis of Non-Farm Households in the Pakistan Punjab.— Hired Labor in Rural Asia. Tokyo, 1977, с. 67—68.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 54.
- ¹⁶¹ Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока, с. 88.
- ¹⁶² Там же.

Глава IV

¹ Формально-правовой статус города имеют населенные пункты с органами городского самоуправления в виде муниципальной корпорации, муниципального комитета, городского комитета, а также кантонменты (военно-городские поселения), управляемые кантонмент борд (бюро кантонмента). Многие кантонменты располагаются в черте крупных городов (сити) и не рассматриваются как отдельные населенные пункты (в Карачи, например, даже не один, а пять кантонментов) (см.: Housing and Population Censuses of Pakistan 1980—1981. Provisional Tables. Sind. Census Bulletin 4. Islamabad, 1981. с. 10).

² Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 23; Pakistan Economic Survey 1977—78. Islamabad, 1968. Statistical Annexure, с. 4; Housing and Population Censuses of Pakistan 1980—1981. Census Bulletin 1. Islamabad, 1981, с. 1.

³ Urban, Rural and City Population 1950—2000. As assessed in 1978. N. Y., 1980, с. 15, 27, 30, 33.

⁴ Пакистан. Справочник, с. 23; Pakistan Economic Survey 1977—78, с. 2; Housing and Population. Bulletin № 1, с. 1.

⁵ Там же.

⁶ Белокреницкий В. Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982, с. 78.

⁷ Детерминанты и последствия демографических тенденций. Нью-Йорк, 1973, т. 3, с. 555.

⁸ Dawn. 25.04.1978; Pakistan Economist, vol. 19, № 41, 13.10.1979, с. 14—15.

⁹ Сравнение данных переписей 1951, 1961 и 1972 гг. показывает неуклонный рост доли крупнейших городов в городском населении с 36 до 38%.

Предварительные итоги переписи 1981 г. свидетельствуют, однако, о некотором ее снижении — до 37% (*Burki S. J. Rapid Population Growth and Urbanisation. The Case of Pakistan.*— *Pakistan Economic and Social Review*. 1973, vol. 1, № 1, с. 268; *Housing and Population Censuses. Bulletin* № 1, с. 1, 6).

¹⁰ *Burki S. J. Development of Towns: The Pakistan Experience.*— *Asian Survey*. Berkeley, 1974, vol. 14, № 8.

¹¹ Характерно в этой связи, что в официальных бюллетенях, содержащих предварительные результаты переписи по провинциям, отмечается некоторая недооценка численности городских жителей из-за отсутствия формально-правового статуса города у ряда населенных пунктов, имеющих основания быть отнесенными к городским в соответствии с принятыми в стране критериями. Наибольшее число таких несоответствий приходится на Панджаб, где в число городов не попал довольно крупный по пакистанским масштабам (с населением свыше 30 тыс.) промышленный город Даудхель, а также четыре города с числом жителей более 10 тыс. и более пяти с числом жителей от 5 тыс. до 10 тыс. человек. В Синде и Белуджистане к городам не были причислены по три населенных пункта, причем в последней провинции «обделенным» оказался поселок Суи, возникший близ крупнейшего газозового месторождения страны с его комплексом современных промышленных предприятий. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие среди городских населенных пунктов типа Дера-Бугти, торгового и культурного центра белуджей из племенного объединения бугти, и других подобных поселений. В СЗПП статус города, согласно официальному бюллетеню, заслужили еще шесть населенных пунктов, в том числе столица бывшего княжества Читрал. В управляемой федеральным правительством «полосе племен» с населением свыше 2 млн. человек нет ни одного городского центра, хотя некоторые населенные пункты этой полосы достигают значительных размеров (например, Парачинар).

¹² *Housing Census of Pakistan 1980. Summary Results. Census Bulletin* № 7. Islamabad, 1982, с. 15.

¹³ Там же, с. 14.

¹⁴ Там же, с. 1; *Zaki M. J. A. Housing Conditions in Pakistan 1963—80.*— *Pakistan Development Review*. Islamabad, 1981, № 2, с. 221.

¹⁵ *Viewpoint*. 12.10.1980, с. 15; *Muslim*. Islamabad, 06.04.1982.

¹⁶ *Housing Census of Pakistan 1980*, с. 16.

¹⁷ Там же, с. 15.

¹⁸ *Population Census of Pakistan 1972. Provisional Tables. Census Bulletin* 1. Islamabad 1973, с. 4; *Housing and Population Censuses of Pakistan 1980—1981. Census Bulletin* № 1, с. 6.

¹⁹ *Pakistan Economic Survey 1979—80. Islamabad, 1980. Statistical Annexure*, с. 4.

²⁰ *Population Growth Survey 1968. Karachi, 1973*, с. 10, 15.

²¹ *Sathar Z. A. Rural-Urban Fertility Differentials.*— *Pakistan Development Review*. Islamabad, 1979, vol. 3, с. 235.

²² Там же, с. 248.

²³ См. данные о личной собственности политически активных представителей имущих городских слоев (членов национального и провинциального собраний по итогам выборов 1970 и 1977 гг.), опубликованные осенью 1977 г. военной администрацией с целью выявления случаев укрытия незаконно приобретенной собственности (*The Pakistan Times. Lahore, 01, 05.10.1977*).

²⁴ Подробнее см.: *Левин С. Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970*, с. 36—39, 47 и др.

²⁵ Первое из таких упоминаний см.: *Растянико В. Г., Кузьмин С. А. Проблемы экономики Пакистана. М., 1958*, с. 87.

²⁶ Там же, с. 98—100; *Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967*, с. 54—56.

²⁷ *Papanek G. F. Pakistan's Development. Social Goals and Private Incentives. Karachi, 1967*, с. 224, 239.

²⁸ *Левин С. Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана*, с. 35.

²⁹ *Papanek G. F. Pakistan's Industrial Entrepreneurs: Education Occupa-*

tional Background and Finance Development Policy II. The Pak. Experience. Cambridge (Mass.), 1971.

³⁰ Подробнее о реорганизации и ее последствиях см.: *Левин С. Ф.* Роль союзов предпринимателей в формировании и проведении государственной экономической политики.— *Экономическое развитие Пакистана (60-е годы)*. М., 1974, с. 12—64.

³¹ *Allaf Z. Pakistani Entrepreneurs. Their Development, Characteristics and Attitudes*. L., 1983, с. 79.

³² *Левин С. Ф.* Государство и монополистическая буржуазия Пакистана. М., 1983, с. 255—257.

³³ Там же, с. 60.

³⁴ Различие в этом отношении между панджабской и гуджаратской буржуазией отчетливо видно, если взять панджабских промышленников, которые по происхождению, так же как и большинство гуджаратских, торговцы. Эта часть панджабской промышленной буржуазии принадлежит в основном к общине чиниотских шейхов, представители которой еще в конце прошлого века, ведя торговлю по всей Британской Индии, владели землей в Чиниоте и в окрестностях этого небольшого панджабского города (см.: *Report on the Revised Settlement of the Jhang District of the Punjab 1974—1980*. Lahore, 1982, с. 51). Таким образом, их нынешние потомки сильнее, чем представители гуджаратских торговых общин, должны чувствовать связь с «землей Пакистана».

³⁵ Разную реакцию ряда ведущих панджабских и гуджаратских торговых домов на возникшие в Пакистане после 1971 г. новые условия для предпринимательской деятельности можно проследить по собранным и проанализированным С. Ф. Левиным материалам об изменениях в деловой активности шести крупнейших групп (см.: *Левин С. Ф.* Государство и монополистическая буржуазия Пакистана, с. 105—125).

³⁶ Отражением усилившихся позиций панджабского капитала в Карачи служит, например, тот факт, что один из лучших экономических еженедельников города, «Экономик Ревью», принадлежит панджабской группе Насир Шейха.

³⁷ Интересные данные о современной деятельности ряда крупнейших групп буржуазии (Ага-хана, Гокала) см.: *Левин С. Ф.* Государство и монополистическая буржуазия Пакистана, с. 98—101; *он же.* Буржуазия развивающихся стран. Традиционные и нетрадиционные связи.— *Азия и Африка сегодня*. 1982, № 10, с. 33—37.

³⁸ *Papanek G. F. Pakistan's Development*, с. 219.

³⁹ *Allaf Z. Pakistani Entrepreneurs*, с. 173.

⁴⁰ Определенный упадок, который пережило в начале 70-х годов богатейшее монополистическое семейство Сайголов, З. Алтаф объясняет помимо прочего невосполнимостью потери главы и старейшины (карта-дхарта) Саида Сайгола (умер в 1965 г.). См. там же, с. 173—175.

⁴¹ *Pakistan Economic Survey 1981—82*. Islamabad, 1982, с. 200—201.

⁴² *Левин С. Ф.* Роль союзов предпринимателей в формировании и проведении государственной экономической политики, с. 42—44.

⁴³ *Kochanek S. Interest Groups and Development. Business and Politics in Pakistan*. Delhi, 1983.

⁴⁴ *Allaf Z. Pakistani Entrepreneurs*, с. 78, 160—162.

⁴⁵ Наиболее ярким примером такого «восхождения» служит карьера главы одной из ведущих текстильных фирм Пакистана, «Гультекс», начавшего путь с кустика-вышивальщика (*Левин С. Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана, с. 50).

⁴⁶ *Allaf Z. Pakistani Entrepreneurs*, с. 79.

⁴⁷ Там же, с. 78.

⁴⁸ *Дергачева Е. И.* Формирование высшей бюрократии в Пакистане в 1947—1957 гг. (на примере Гражданской службы Пакистана).— *Страны Южной и Юго-Восточной Азии. История и современность*. М., 1976, с. 128.

⁴⁹ Так, из пяти губернаторов провинций в 1947—1949 гг. трое были англичанами (*Callard K. Pakistan. A Political Study*. L., 1957, с. 344—345).

⁵⁰ *Дергачева Е. И.* Высшая бюрократия Пакистана в период 1958—1971 гг.

(на примере Гражданской службы Пакистана).— Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977, с. 43.

⁵¹ *Дергачева Е. И.* Административная реформа (1972—1976).— Пакистан. Проблемы политики и экономики. М., 1978, с. 88.

⁵² Офицерскую службу, особенно на средних и верхних ступенях, отличает тот же характер привилегированности, корпоративности, иерархичности. С этой точки зрения офицерский корпус представляет собой «службу-корпорацию».

⁵³ *Ahamed E.* Exclusive Bureaucratic Elites in Pakistan: Their Socio-economic and Regional Background.— Indian Political Science Review. Delhi, 1981, vol. 15, № 1, с. 54—55.

⁵⁴ *Дергачева Е. И.* Административная реформа (1972—1976), с. 103; *Altal Z.* Pakistani Entrepreneurs, с. 79.

⁵⁵ Приблизительный этнический состав офицерского корпуса, согласно субъективным оценкам ряда офицеров, давших интервью А. Хусейну в середине 70-х годов, был следующим: панджабцы — 70%, пуштуны — 15, мухаджирры — 10, белуджи и синдхи — 5% (*Hussain A.* Elite Politics in an Ideological State. The Case of Pakistan. Folkestone, 1979, с. 129).

⁵⁶ Viewpoint. 29.01.1978, с. 7, 21. О позициях влияния городских лендлордов см.: *Burki S. J.* Migration, Urbanization and Politics in Pakistan.— Population, Politics and the Future of Southern Asia. N. Y.—L., 1973, с. 155—159.

⁵⁷ *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 39).

⁵⁸ *Колонтаев А. П.* Мелкое производство. Некоторые вопросы теории.— Экономика современной Индии (проблемы роста). М., 1972, с. 25—34.

⁵⁹ Об этапах машинного переворота в мире см., в частности: *Широков Г. К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981, с. 10 и др.

⁶⁰ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 468, 512.

⁶¹ *Гордон Л. А., Егорова М. Н.* Рабочий класс независимой Индии. М., 1968, с. 66.

⁶² В ценовые входят механизированные предприятия, где хотя бы один день в году занято более 20 человек.

⁶³ Эта оценка основывается на данных обследования мелких городских заведений Пакистана, проведенного в 1966/67 г.: из более чем 28 тыс. заведений фабричными оказались 1,5 тыс., или несколько более 5%.

⁶⁴ Government of Pakistan. Census of Manufacturing Industries 1969—70. Islamabad, 1973.

⁶⁵ Government of Pakistan. Census of Manufacturing Industries 1959—1960. Karachi, 1962, с. V, VI.

⁶⁶ Census of Manufacturing Industries, 1969—70.

⁶⁷ ILO. Yearbook of Labour Statistics 1981. Geneva, 1981, с. 252.

⁶⁸ В промышленности Индии в 1956 г. непроизводительные работники равнялись 10% всех занятых (см.: *Гордон Л. А., Егорова М. Н.* Рабочий класс независимой Индии, с. 68).

⁶⁹ *Рузиев Т.* Пакистан. Рабочее движение 70-х годов.— Рабочий класс и современный мир. 1982, № 1, с. 128.

⁷⁰ *Рузиев Т.* История рабочего класса Пакистана. М., 1980, с. 149.

⁷¹ *Sayeed K. B.* Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change. N. Y., 1980, с. 99.

⁷² Интересно отметить, что концентрация фабрично-заводских рабочих в Пакистане в третьей четверти XX в. оказывается выше, чем, например, в России в начале века, где на предприятиях с числом работающих свыше 500 человек было занято в 1903 г. 49%, а в 1908 г.— 52% рабочих (см.: *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 511—512).

⁷³ *Илларионов С. И.* Роль государственного сектора в развивающихся странах (на примере Пакистана). Канд. дис. М., 1979, с. 115—116.

⁷⁴ Pakistan Economic Survey 1980—81. Islamabad, 1981, с. 54.

⁷⁵ Pakistan Economic Survey 1979—80. Islamabad, 1980, с. 52.

⁷⁶ *Корнев Л. Н.* Квалификация фабричного пролетариата Пакистана и профессионально-техническая подготовка.— Современные социально-экономические проблемы стран Южной Азии. М., 1974, с. 57.

⁷⁷ Rahman M. A. The Analysis of Relative Wage and Salary Structure in Pakistan. Karachi, 1971, с. 96.

⁷⁸ Некоторое представление о типичных размерах и видах строительных организаций дают относящиеся к концу 70-х годов сведения о 20 фирмах Равалпинди. Эти фирмы распадаются на такие категории: 1) крупные, оснащенные современным оборудованием, с числом работающих на площадках от 4 тыс. до 9 тыс. и вне стройплощадки — 100—600 человек; 2) крупные, использующие оборудование и технику в значительном объеме, но не последних образцов: на площадке занято от 400 до 4 тыс. рабочих, вне площадки — 20—200 человек; 3) семь фирм с числом рабочих от 50 до 200, служащих — 10—4) человек; фирмами владеют и управляют подрядчики, имеющие ограниченные финансовые и технические ресурсы; 4) «традиционные» строительные фирмы — от 12 до 30 занятых, 2—10 служащих; владелец сам следит за работой, осуществляемой в основном вручную (см.: Pakistan Development Review. Islamabad, 1981, № 4, с. 418—419).

⁷⁹ Pakistan Statistical Yearbook 1963. Karachi, 1964, с. 47, 49.

⁸⁰ Нужно иметь в виду, что данные переписей дают возможность оценить занятость именно в организованной сфере, в том числе, следовательно, в ценовой промышленности, ибо в них отражаются прежде всего представления населения о, так сказать, официальной занятости. Особенно велик недоучет деятельности женщин и детей в качестве помощников.

⁸¹ Рысуев Т. Рабочий класс Пакистана. М., 1980, с. 16—18.

⁸² Khan A. R. What has been happening to Real Wages in Pakistan. Studies on National Income and its Distribution. Karachi, 1970; Hamid J. The Burden of Capitalist Growth. A Study of Real Wages and Consumption in Pakistan.— Pakistan Economic and Social Review. Lahore, 1974, vol. 12, № 1.

⁸³ ILO. Yearbook of Labour Statistics 1981, с. 449, 521.

⁸⁴ Интересны в этой связи данные об издержках производства в строительстве, где в 70-е годы наблюдался бум. Оплата труда квалифицированного рабочего в день в 1974—1978 гг. поднялась с 21 до 80 рупий, т. е. на 144%, в то время как индекс цен вырос на 152%.

⁸⁵ Viewpoint. 05.05.1983.

⁸⁶ Там же. 19.05.1983.

⁸⁷ Там же. 05.05.1983.

⁸⁸ Там же. 23.09.1982.

⁸⁹ Там же. 07.10.1982.

⁹⁰ Там же. 30.09.1982.

⁹¹ Там же. 26.02.1981.

⁹² Там же. 07.10.1982.

⁹³ Там же. 30.09.1982.

⁹⁴ См., например: Sayeed K. B. Politics in Pakistan, с. 176.

⁹⁵ Dawn Overseas. 14.05.1982, с. 8.

⁹⁶ Белокреницкий В. Я. Налоговая политика Пакистана.— Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). М., 1974, с. 99.

⁹⁷ Viewpoint. 10.06.1982.

⁹⁸ Khan A. Small-scale Arms and Ammunitions Manufacturing in Peshawar Region. Peshawar, 1967.

⁹⁹ Viewpoint. 31.03.1983.

¹⁰⁰ Там же. 07.04.1983.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. 14.04.1983.

¹⁰³ В среднем по величине панджабском городе Окара, например, в 1968 г. в торговле и услугах было сосредоточено около 25% экономически активного населения; основную часть заведений этих секторов составляли мельчайшие — с 1—2 занятыми. Если считать в составе мелкой буржуазии владельцев подавляющего большинства торговых и обслуживающих заведений, а также ненаемных работников, являющихся членами семей владельцев, то мелкобуржуазные или близкие к ним прослойки, действующие только в торговле и услугах, концентрировали 18% экономически активного (самодельного) населения этого города. В другом центре примерно такой же людности — г. Ларкане в Синде, по данным на тот же год, число торговцев и владельцев заве-

дений сферы услуг было равно 17%, а с работающими членами семей — 23% самодельного населения (Report on Pilot Survey of Distributive Trades by Kind of Activity and Business-Okara 1968. Karachi, 1972, с. 8—11; Report on Pilot Survey of Distributive Trades by Kind of Activity and Business in Larkana 1968. Karachi, 1972, с. 8—11).

¹⁰⁴ Socio-economic Survey Rawalpindi 1959. Report by N. Ahmed. Karachi, 1960.

¹⁰⁵ Farooq G. M. The People of Karachi-economic Characteristics. Karachi, 1966.

¹⁰⁶ По результатам крупного выборочного обследования, проведенного по программе переписи населения 1972 г., удельный вес занятых в торговле составлял 22,7% экономически активных жителей, а в сфере финансовых услуг — 2,3%; согласно выборочному обследованию 1974/75 г. — соответственно 25,9 и 2,3%; по предварительным данным обследования в рамках переписи 1981 г. — 21,8 и 2,1% (надо учесть, что в последних данных заметно выше доля лиц, не классифицированных по отраслям) (Pakistan Economic Survey, 1978—79, с. 9; Pakistan Statistical Yearbook 1977. Karachi, 1979, с. 17; Pakistan and Gulf Economist. Karachi, 10.12.1983, с. 15).

¹⁰⁷ Например, в г. Лаялпуре (ныне — Фейсалабад) в 1964 г. насчитывалось примерно 17 тыс. мелких заведений (с числом занятых менее 20 человек), из них около 4 тыс. промышленных и 13 тыс. торговых и сферы услуг; в Кветте перевес числа непромышленных заведений (и, следовательно, их владельцев) был еще больше: из общего числа 5,3 тыс. к ним принадлежало 4,9 тыс. (Census of Establishments Lyallpur 1964. Karachi, 1966, с. 5—6; Report on Census of Business and Industrial Establishments Quetta 1964. Karachi, 1964, с. 8, 15).

¹⁰⁸ Наш расчет сделан на основании данных переписей населения и выборочных обследований рабочей силы.

¹⁰⁹ Population Census of Pakistan 1961. Cottage Industry 1960. Census Bulletin № 6. Karachi, 1963, с. 8.

¹¹⁰ Report of the Fact Finding Committee on Handlooms. Karachi, 1956, с. 35.

¹¹¹ Andrus J. R., Mohammad A. F. Trade, Finance and Development. Karachi, 1969, с. 190—191.

¹¹² Pakistan 1958—1959. Karachi, 1960, с. 74; Pakistan Quarterly, 1958, vol. 8, № 3, с. 47.

¹¹³ Изменение характера кустарных промыслов отмечено рядом пакистанских авторов, в том числе А. Х. Сиддики. Он пишет, что мелкая промышленность Пакистана стала с течением времени все больше зависеть от крупной в том, что касается потребляемого ею сырья. Надомными заведениями, по его сведениям, владеют либо опытные ремесленники, либо торговцы (Siddiqi A. H. Pakistan. Its Resources and Development. Hong Kong, 1979, с. 206).

¹¹⁴ Имроз. Лахор, 08.09.1972.

¹¹⁵ Как отмечает З. Алтаф, в совсем небольшом городке Мианчанну за один год появились 32 предприятия по изготовлению сельхозинвентаря. Это были различные по оснащенности предприятия, в том числе и весьма капиталоинтенсивные. Осваивали ввозимую технику чаще всего сыновья предпринимателей, нередко обучавшиеся за границей и получившие там высшее техническое образование. В г. Даска, по обследованию 1969 г., насчитывалось почти 200 механических мастерских, из которых половина занималась производством дизельных моторов для артезианских колодцев (их мощность — 1600 моторов в год); кроме того, в 20 мастерских специализировались на насосах для колодцев, а еще в 10 — на изготовлении сельхозинвентаря (Altaf Z. Pakistani Entrepreneurs, с. 182).

¹¹⁶ Имроз. 09.07.1970, 22.04, 25.08, 22.05, 01.09, 02.10.1972.

¹¹⁷ Значительный материал об этом в отношении «полосы пуштунских племен» содержат работы известного пакистанского исследователя и ответственного правительственного чиновника А. С. Ахмеда (Social and Economic Change in the Tribal Areas, 1972—1976. Karachi, 1977; Pakistan Economy and Society: Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society. L., 1980.

¹¹⁸ Annual Plan for 1972—1973. Government of Pakistan. Islamabad, 1972.

¹¹⁹ *Altaf Z. Pakistani Entrepreneurs*, с. 160.

¹²⁰ Там же, с. 163—164.

¹²¹ *Pakistan and Gulf Economist*. Karachi, 19.07.1982, с. 20.

¹²² См.: *Жмуйда И. В.* Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981., с. 62—63.

¹²³ В 1974/75 г. вывоз продукции мелкой промышленности составил по стоимости 1,3 млрд. рупий, а через год, в 1976/77 г., вырос до 2 млрд. Доля неорганизованной сферы в экспорте готовых изделий увеличилась за это время с 58 до 71% (*Altaf Z. Pakistani Entrepreneurs*, с. 17).

¹²⁴ *Current*. Karachi, 28.09.1976; *Dawn*. 16.02.1976; *Pakistan Times*. 17.08.02.10, 03.11.1975, 11.02, 15.04. 1976; *Sun*. Karachi, 29.08.1976.

¹²⁵ Указывая на конкретный механизм эксплуатации ткачей, К. Б. Сайнд, пишет, что в таком крупнейшем ткацком центре, как Фейсалабад, торговцы пряжей объединены в восемь или десять основных групп. Покупая пряжу у текстильных фабрикантов и получая комиссионные как их агенты, они нередко задерживают ее продажу местным хозяевам-ткачам в надежде на повышение цен. Владельцы фабрик, зная об этих манипуляциях, забирают часть спекулятивной прибыли (*Sayeed K. B. Politics in Pakistan*, с. 161).

¹²⁶ См.: *Ленин В. И.* Les beaux esprits se rancontent (по-русски примерно: Свой своему поневоле брат).— Т. 7, с. 213—214.

¹²⁷ Мы здесь подходим к интеллигенции лишь как к классовой первичной общности и не анализируем ее свойства как общности вторичной, связанной с выполнением ею функций в сфере духовного производства; о подходе к изучению интеллигенции см., в частности: *Чешков М. А.* [Рец. на:] Интеллигенция и социальный прогресс в развивающихся странах Азии и Африки.— *Народы Азии и Африки*. 1983, № 6, с. 175—180.

¹²⁸ *Семенов В. С.* Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества. М., 1969, с. 111.

¹²⁹ *Census of Pakistan 1951*. West Pakistan. Tables. Karachi, [6. г.], с. 3—2.

¹³⁰ *Pakistan Economic Survey, 1979—80*. Statistical Annexure, с. 224.

¹³¹ *Census of Pakistan 1951*. Т. 7, с. 51—1.

¹³² *Population Census of Pakistan 1961*. Karachi, 1963, vol. 4, с. 242—243; *Statistical Handbook of West Pakistan*. Lahore, 1964, с. 138—151.

¹³³ Там же, с. 216, 217.

¹³⁴ Пакистан унаследовал от колониальных времен значительную по численному составу сухопутную армию. По некоторым оценкам, она составляла примерно треть личного состава армейских подразделений Британской Индии накануне ухода колонизаторов (около 150 тыс.). В 50-е годы численность армии росла довольно медленно. В дальнейшем темпы ее роста увеличились, и к 1965 г. она насчитывала 250 тыс. человек (*Area Handbook for Pakistan*. Wash., 1965, с. 541—542).

¹³⁵ *Pakistan Economic Survey 1979—80*. Statistical Annexure, с. 224.

¹³⁶ Рассчитано по: *Population Census of Pakistan 1961*. Vol. 4; *Farooq G. M.* The People of Karachi. Economic Characteristics. Socio-economic Survey. Rawalpindi, 1959.

¹³⁷ *Pakistan Economic Survey 1979—80*. Statistical Annexure, с. 223—224.

¹³⁸ Эти и некоторые другие оценки и прикидки сделаны главным образом по данным, приведенным и обработанным Е. И. Дергачевой в статье «Структурная организация государственных служащих Пакистана» (*Страны Среднего Востока. История, экономика, культура*. М., 1980, с. 18—36).

¹³⁹ Этот момент специально отмечает американский ученый С. Кочанек, указывая, что, в частности, инонациональная крупная буржуазия из числа гуджаратцев стремилась набирать служащих своих контор и предприятий из лиц, принадлежащих к их общине. Особенно отличались этим выходцы из торговой касты мемов (Адамджи, Дауды, Бавани) (*Kochanek S.* Interest Groups and Development. Business and Politics in Pakistan).

¹⁴⁰ Об этом в нашей литературе см.: *Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982, с. 186—188. На фактор осознания студентами неблагоприятных для них перспектив получения работы

после окончания учебных заведений особое внимание обратил Ш. Д. Бурки, анализируя конкретные причины внутривосточного кризиса 1968—1969 гг. (*Burki S. J. Social and Economic Determinants of Political Violence. A Case Study of the Punjab.*— *The Middle East Journal.* 1971, vol. 25, с. 468—480).

¹⁴¹ К началу 70-х годов численность вооруженных сил превышала 3 0 тыс. человек. Несмотря на то что значительная часть военнослужащих (до 75 тыс.) была взята Индией в качестве пленных в итоге военного конфликта 1971 г., численность личного состава армии и других родов войск продолжала расти, и на 1974 г. (после возвращения военнопленных и частичного восстановления их на службе) под ружьем находилось 402 тыс. (90% — в сухопутной армии) (*Area Handbook for Pakistan.* Wash., 1975, с. 369).

¹⁴² Весьма показательны в этой связи изменение численности занятых государственных промышленных корпораций. После национализации свыше трех десятков крупнейших предприятий в 1972 г. численность рабочих и служащих этих корпораций возросла почти вдвое (с 25 тыс. до 45 тыс.) и продолжала быстро расти вплоть до 1977 г. Затем темпы роста занятости начинают снижаться, остановившись на 65—68 тыс. (*Pakistan Economic Survey 1977—78*, с. 40, 1979—80, с. 52, 1980—81, с. 54).

¹⁴³ *Weiner M. International Migration and Development-Indians in the Persian Gulf.— Population and Development Review.* 1982, vol. 8, № 1, с. 9—11; *Arab Times.* 02.02.1982; *Pakistan and Gulf Economist.* 13.08.1983, с. 23.

¹⁴⁴ Так, в провинции Пенджаб в 1982 г. были образованы новые области (*дивижны*) Фейсалабад, Гуджранвала и Дерагазхан и несколько новых округов (*дистриктов*) (*The Muslim.* Islamabad. 01.07.1982).

¹⁴⁵ *Arabia.* *The Islamic World Review.* East Buruham. 1983, № 26, с. 14.

¹⁴⁶ *Pakistan Economic Survey 1979—80*, с. 223—224.

¹⁴⁷ *Pakistan and Gulf Economist.* Karachi, 02.03.1984, с. 25.

¹⁴⁸ Рассчитано по: *Pakistan Statistical Yearbook 1977.* Karachi, 1978, с. 123; *Statistical Pocket Book of Pakistan 1981.* Karachi, 1981, с. 185.

¹⁴⁹ *Pakistan and Gulf Economist.* (2.03.1984, с. 25).

¹⁵⁰ Рассчитано на базе данных переписей населения 1951, 1972, 1981 гг., выборочных обследований рабочей силы и различных оценок численности отдельных групп и прослоек интеллигенции и служащих.

¹⁵¹ *Guisinger S., Hicks N. Long-term Trends in Income Distribution in Pakistan.— World Development.* L., 1978, vol. 6, с. 127.

¹⁵² *Qureshi M. L., Bilgus F. A Note on Changes in Real Wages of Government Servants.— Pakistan Development Review.* Islamabad, 1977, vol. 16, № 3, с. 327—328.

¹⁵³ *Farooq G. M. The People of Karachi*, с. 161—162; *Rahman A. A. The Analysis of Relative Wage and Salary Structure in Pakistan.* Karachi, 1971, с. 96—97.

¹⁵⁴ *Growth and Inequality in Pakistan.* L., 1972, с. 229.

¹⁵⁵ Рассчитано по: *Census of Manufactory Industries 1976—97.* Karachi, 1982.

¹⁵⁶ *Farooq G. M. The People of Karachi*, с. 61.

¹⁵⁷ Там же, с. 55.

¹⁵⁸ *Pakistan Economic Survey 1977—78. Statistical Annexure*, с. 5.

¹⁵⁹ Эта тенденция отмечена С. А. Ухтиной (см.: *Формирование и положение пакистанской интеллигенции (1947—1970).* Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 10.

¹⁶⁰ *Ahmed A. S. Pukhtun Economy and Society*, с. 99.

¹⁶¹ См. изложение такого рода задач, поставленных правительством М. Айюб-хана: *Area Handbook for Pakistan.* Wash. 1971, с. 370.

¹⁶² О макро- и микроструктуре хозяйства см.: *Традиционные структуры и экономический рост в Индии.* М., 1984, с. 210—211, 244—245.

¹⁶³ *Asian Survey.* Berkeley, 1974, vol. 14, № 8.

¹⁶⁴ *Белокреницкий В. Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации*, с. 58, 64.

¹⁶⁵ *Ahmed F. Pasni: Social Condition in a Fishing Village. Focus on Baluchistan and Piktun Question.* Lahore, 1975, с. 68—76.

¹⁶⁶ *Population Census of Pakistan 1961.* Vol. 4, с. 227—228.

¹⁶⁷ Там же, с. 220, 227.

¹⁶⁸ Народонаселение стран мира. М., 1978, с. 316.

¹⁶⁹ Population Census of Pakistan 1981. Т. 4, с. 206.

¹⁷⁰ Обследование Карачи 1959 г. выявило, что около 30% лавочников имели доход ниже 100 рупий в месяц, т. е. относились к низшей трети населения по величине дохода. В Равалпинди средний доход лавочников и абсолютно и относительно был на том же уровне (*Farooq G. M. The People of Karachi*, с. 159; Socio-economic Survey. Rawalpindi, 1959).

¹⁷¹ В первом случае речь идет о доле в несельскохозяйственной рабочей силе, во втором — в несельскохозяйственной городской, в третьем — во всей городской (Census of Pakistan 1951. Vol. 7; Population Census 1981. Vol. 4, с. 188; Pakistan Development Review. 1975, Islamabad, vol. 14, № 3, с. 424).

¹⁷² Labour Force Survey 1968—69, 1969—70, 1974—75. Govt of Pakistan. Karachi, 1973, 1976.

¹⁷³ *Shah N. M., Shah M. A. Trends and Structure of Labour Force Participation in Rural and Urban Pakistan.— Women in Contemporary India and South Asia.* New Delhi, 1980, с. 109.

¹⁷⁴ Там же, с. 98—99.

¹⁷⁵ Последний показатель приведен в статье руководителя государственного ведомства по организации переписи населения, опубликованной в: Muslim. Islamabad, 02.03.1984.

¹⁷⁶ Dawn. 06.03.1977.

¹⁷⁷ Viewpoint. 17.08.1980.

¹⁷⁸ Viewpoint. 23.07.1981.

¹⁷⁹ Rural-Urban Migration and Pattern of Employment in Pakistan. Осака, 1978.

¹⁸⁰ *Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки.* М., 1982, с. 253.

¹⁸¹ *Streafland P. The Sweepers of Slaughter House. Conflict and Survival in a Karachi Neighbourhood.* Assen, 1979.

¹⁸² Впрочем, отдельные группы городских низов состояли в основном из немусульман. Так, свиперами (подметальщиками улиц) были индусы из «неприкасаемых» каст. Их уход из города в 1947—1948 гг. был одной из причин расстройтва коммунального хозяйства и дал толчок переселению туда (в частности, в Карачи) семей деревенских свиперов-христиан (в большинстве это были принявшие христианство «неприкасаемые» индусы).

¹⁸³ См., например, анализ данных переписей, проведенный американцем Р. Хелбоком: *Helbock R. Urban Population Growth in Pakistan. 1971—1972.— Pakistan Development Review. Islamabad, 1975, vol. 14, № 3.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Экономическое развитие Пакистана за годы независимости	14
Общие тенденции развития экономики	17
Отраслевая структура экономики	25
Сельское хозяйство	28
Промышленность	33
Внешняя торговля	44
Сдвиги в экономике и занятость	58
Накопление и потребление. Пропорции и структура	60
Внутренние накопления	65
Внешние накопления	72
Особенности процесса потребления	79
Глава II. Основные черты эволюции социальной структуры	88
Этапы и особенности буржуазной трансформации общества	88
Современный социально-классовый состав	103
Сдвиги в структуре самодеятельного населения	118
Глава III. Пакистанская деревня	140
Общая характеристика	140
Верхушка деревни	158
Средние и низшие слои	182
Глава IV. Пакистанский город	205
Общая характеристика	205
Буржуазия и имущие прослойки города	217
Городской фабричный и нефабричный пролетариат	235
Средние городские слои	253
Низшие слои	275
Примечания	288